Л. ТРОЦКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

Т. II

НАША ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ЧАСТЬ 2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Л. ТРОЦКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

СЕРИЯ I

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОДГОТОВЛЕНИЕ ОКТЯБРЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Л. ТРОЦКИЙ

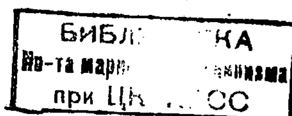
СОЧИНЕНИЯ

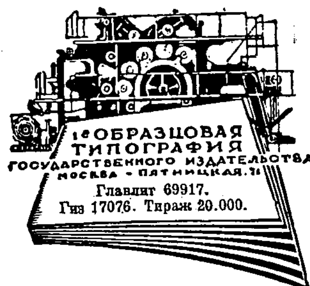
ТОМ II

НАША ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

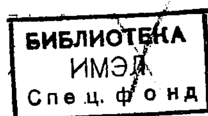
ЧАСТЬ 2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1927 ★ ЛЕНИНГРАД

Главлит 69917.
Гиз 17076. Тираж 20.000.

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемая 2-я часть II тома не является хронологическим продолжением 1-й части: так же, как и эта последняя, она посвящена изложению и анализу крупнейших событий 1905 г. Однако, в отличие от материалов и статей первой части, написанных в самый разгар революции 1905 г. и поэтому естественно носящих отрывочный и несистематический характер, в настоящую книгу вошли статьи, появившиеся в печати после революции, в 1908—1909 гг., и потому более последовательно и полно рисующие и анализирующие ход и исход первой русской революции. В основу настоящей книги положены, главным образом, статьи, вошедшие в изданную тов. Троцким в 1909 г. в Германии книгу «Russland in der Revolution» и включенные впоследствии в книгу «1905». Исключение составляет небольшой отрывок из статьи Л. Д. Троцкого, взятый нами из сборника «История Совета Рабочих Депутатов» и помещенный в настоящей книге под названием «Уроки первого Совета». Кроме этих статей, уже знакомых русскому читателю по многочисленным изданиям, во 2-ю часть II тома включены три речи Л. Д. Троцкого, посвященные революции 1905 г., из которых одна была произнесена в Софии, в 1910 г., на XVII съезде болгарской социал-демократической рабочей партии (тесняков), а последние две в Москве, в декабре 1925 г., в двадцатилетнюю годовщину первой русской революции. Весь материал в целях систематизации и последовательности изложения разбит нами на отделы и главы. Так как все важнейшие исторические документы уже были даны в приложении к 1-й части II тома, то во 2-й части мы в этом отношении ограничились лишь наиболее существенными материалами, облегчающими понимание текста, а, в некоторых случаях, и дополняющими его. То же самое относится и к примечаниям, где мы очень часто ссылаемся на примечания, данные к 1-й части.

Относительно содержания II тома необходимо отметить лишь следующее. Наша литература о революции 1905 года еще весьма небогата. Если оставить в стороне гениальный анализ сущности революции 1905 г., данный Лениным в его статьях по этому вопросу, то вряд ли мы найдем в последующей литературе серьезную попытку исторического анализа или обобщения опыта первой революции. Очевидно, это еще дело будущего. Настоящая книга не представляет собою чего-либо законченного, цельного. Тем не менее, для всякого, кто хочет действительно изучить этот великий год, понять движущие силы, определившие его историческое значение, знакомство со II томом сочинений Л. Д. Троцкого является совершенно необходимым. Особенно это относится к анализу сущности и исторического значения Петербургского Совета в истории первой революции. Помимо этого II том сочинений Л. Д. Троцкого несомненно поможет читателю восстановить в памяти целый ряд эпизодов и фактов из истории пятого года, оставленных в стороне новейшей литературой о первой революции.

СОДЕРЖАНИЕ

I

Царизм и революция

1. ПЕРВЫЙ ЭТАП РЕВОЛЮЦИИ

ВЕСНА

I

Покойный генерал Драгомиров [1]) писал в частном письме о министре внутренних дел Сипягине [2]): «Какая у него внутренняя политика? Он просто егермейстер и дурак». Эта характеристика так верна, что ей можно простить ее манерную солдатскую грубоватость. После Сипягина мы видели на том же месте Плеве [3]), потом князя Святополк-Мирского [4]), потом Булыгина [5]), потом Витте [6]) — Дурново [7])... Одни из них отличались от Сипягина только тем, что не были егермейстерами, другие были на свой лад умными людьми. Но все они, один за другим, сходили со сцены, оставляя после себя тревожное недоумение вверху, ненависть и презрение внизу. Скорбный главою егермейстер или профессиональный сыщик, благожелательно-тупой барин или лишенный совести и чести биржевой маклер, — все они поочередно появлялись с твердым намерением остановить смуту, восстановить утраченный престиж власти, охранить основы, и все они, каждый по-своему, открывали шлюзы революции и сами сносились ее течением. Смута развивалась с могучей планомерностью, неизменно расширяла свою территорию, укрепляя свои позиции и срывая препятствия за препятствиями; а на фоне этой великой работы, с ее внутренним ритмом, с ее бессознательной гениальностью, выступают властные игрушечного дела людишки, издают законы, делают новые долги, стреляют в рабочих, разоряют крестьян, — и в результате только глубже погружают охраняемую ими правительственную власть в состояние остервенелого бессилия.

Воспитанные в атмосфере канцелярских заговоров и ведомственных интриг, где наглое невежество соперничает с бессовестным коварством, без малейшего представления о ходе и смысле современной истории, о движении масс, о законах революции, вооруженные двумя-тремя жалкими программными идейками для све́дения парижских маклеров, эти люди — чем дальше, тем больше — силятся соединить свои приемы временщиков восемнадцатого века с манерами «государственных людей» парламентарного Запада. С униженным заискиванием они беседуют с корреспондентами биржевой Европы, излагают перед ними свои «планы», свои «предначертания», свои «программы», и каждый из них выражает надежду, что ему, наконец, удастся разрешить задачу, о которую разбились усилия его предшественников. Только бы прежде всего успокоить смуту! Они начинают разно, но все приходят к тому, что приказывают стрелять ей в грудь. К их ужасу, она бессмертна!.. А они кончают постыдным крахом, — и если услужливый удар террориста не освобождает их от их жалкого существования, они бывают осуждены пережить свое падение и видеть, как смута в своей стихийной гениальности воспользовалась их планами и предначертаниями для своих побед.

Сипягин был убит револьверной пулей. Плеве был разорван бомбой. Святополк-Мирский был политически превращен в труп в день 9-го января. Булыгина вышвырнула, как старую ветошь, октябрьская забастовка. Граф Витте, совершенно изнуренный рабочими и военными восстаниями, бесславно пал, споткнувшись о порог им же созданной Государственной думы...

В известных кругах оппозиции, преимущественно в среде либеральных земцев [8]) и демократической интеллигенции, со сменой министерских фигур искони неизбежно связывались неопределенные надежды, ожидания и планы. И действительно, для агитации либеральных газет, для политики конституционных помещиков совершенно не безразлично было, стоит ли у власти старый полицейский волк Плеве или министр доверия Святополк-Мирский. Конечно, Плеве был так же бессилен против народной смуты, как и его преемник, но зато он был грозен для царства либеральных газетчиков и земских конспираторов. Он ненавидел революцию бешеной ненавистью состарившегося сыщика, которому грозит бомба из-за каждого угла, он преследовал смуту с налитыми кровью глазами, — тщетно!.. И он пере-

носил свою неудовлетворенную ненависть на профессоров, на земцев, на журналистов, в которых он хотел видеть легальных «внушителей» революции. Он довел либеральную печать до крайней степени унижения. Он третировал журналистов en canaille; не только высылал их и запирал, но и грозил им, как мальчишкам, в беседе пальцем. Он расправлялся с умеренными членами сельскохозяйственных комитетов, организованных по инициативе Витте, как будто это были буйные студенты, а не «почтенные» земцы. И он добился своего: либеральное общество трепетало перед ним и ненавидело его клокочущей ненавистью бессилия. Многие из тех либеральных фарисеев, которые неустанно порицают «насилие слева», как и «насилие справа», приветствовали бомбу 15 июля [9]), как посланницу Мессии.

Плеве был страшен и ненавистен для либералов, но для смуты он был не хуже и не лучше, чем всякий другой. Движение масс по необходимости игнорировало рамки дозволенного и запрещенного, — не все ли равно, в таком случае, были ли эти рамки немного уже или шире?

II

Официальные реакционные панегиристы пытались регентство Плеве изобразить временем если не всеобщего счастья, то всеобщего спокойствия. Но на самом деле временщик был бессилен создать хотя бы полицейскую тишину. Едва став у власти и вознамерившись с православной ревностью двойного перекрещенца посетить святыни Лавры, Плеве вынужден был мчаться на юг, где вспыхнуло крупное аграрное движение в Харьковской и Полтавской губерниях [10]). Частичные крестьянские беспорядки затем не прекращались. Знаменитая ростовская стачка в ноябре 1902 г. и июльские дни 1903 г. [11]) на всем промышленном юге были предзнаменованием всех позднейших выступлений пролетариата. Уличные демонстрации не прекращались. Прения и постановления комитетов о нуждах сельского хозяйства были прологом дальнейшей земской кампании. Университеты еще до Плеве стали очагами бурного политического кипения, — эту свою роль они сохранили и при нем. Два петербургских съезда в январе 1904 г. — технический и пироговский [12]) — сыграли роль аванпостной стычки для демократической интеллигенции. Таким образом, пролог общественной «весны» был сыгран еще при Плеве. Бешеные репрессалии, заточения, допросы, обыски и

высылки, провоцировавшие террор, не могли, в конце концов, совершенно парализовать даже и мобилизацию либерального общества.

Последнее полугодие властвования Плеве совпало с началом войны. Смута затихла, вернее сказать — ушла в себя. О настроении в бюрократических сферах и высших кругах петербургского либерального общества за первые месяцы войны дает представление книга венского журналиста Гуго Ганца «Vor der Katastrophe» («Перед катастрофой»). Господствующее настроение — растерянность, близкая к отчаянию. «Дальше так продолжаться не может!». Где же выход? Никто не знает: ни отставные сановники, ни знаменитые либеральные адвокаты, ни знаменитые либеральные журналисты. «Общество совершенно бессильно. О революционном движении народа не приходится и думать; да если б он и сдвинулся с места, то направился бы не против власти, а против господ вообще». Где же надежда на спасение? Финансовое банкротство и военный разгром. Гуго Ганц, проведший в Петербурге три первых месяца войны, удостоверяет, что общая молитва не только умеренных либералов, но и многих консерваторов такова: «Gott, hilf uns, damit wir geschlagen werden» («боже, помоги нам быть разбитыми»). Это, конечно, не мешало либеральному обществу подделываться под тон официального патриотизма. В целом ряде адресов земства и думы друг за другом все, без изъятия, клялись в своей преданности престолу и обязывались пожертвовать жизнью и имуществом — они знали, что им не придется этого делать! — за честь и могущество царя и России. За земствами и думами шли позорной вереницей профессорские корпорации. Одна за другой они откликались на объявление войны адресами, в которых семинарская витиеватость формы гармонировала с византийским идиотизмом содержания. Это не оплошность и не недоразумение. Это тактика, в основе которой лежит один принцип: сближение во что бы то ни стало! Отсюда — стремление облегчить абсолютизму душевную драму примирения. Сорганизоваться не на деле борьбы с самодержавием, а на деле услужения ему. Не победить правительство, а завлечь его. Заслужить его признательность и доверие, стать для него необходимым. Тактика, которой столько же лет, сколько русскому либерализму, и которая не сделалась ни умнее, ни достойнее с годами! Таким образом с самого начала войны либеральная оппозиция сделала все, чтобы погубить положение.

Но революционная логика событий не знала остановки. Порт-Артурский флот разбит [13]), адмирал Макаров погиб [14]), война перебросилась на сушу: Ялу, Кин-Чжоу, Дашичао, Вафангоу, Ляоян, Шахе [15]) — все это разные имена одного и того же самодержавного позора. Положение правительства становилось трудным, как никогда. Деморализация в правительственных рядах делала невозможными последовательность и твердость во внутренней политике. Колебания, попытки соглашения и умиротворения становились неизбежны. Смерть Плеве создавала благоприятный повод для перемены курса.

III

Правительственную «весну» *) призван был делать бывший шеф корпуса жандармов князь Святополк-Мирский. Почему? Он сам был последним из тех, кто мог бы объяснить это назначение.

Политический образ этого государственного мужа лучше всего вырисовывается из его программных бесед с иностранными корреспондентами.

— Каково мнение князя, — спрашивает сотрудник «Echo de Paris», — относительно существующего в обществе мнения, будто России нужны ответственные министры?

Князь улыбается:

— Всякая ответственность явилась бы искусственной и номинальной.

— Каковы ваши взгляды, князь, на вероисповедные вопросы?

— Я враг религиозных преследований, но с некоторыми оговорками...

— Верно ли, что вы склонны предоставить больше свободы евреям?

— Добротой можно достигнуть счастливых результатов.

— В общем, г. министр, вы заявляете себя сторонником прогресса?

Ответ: министр намерен «согласовать свои действия с духом истинного и широкого прогресса, по крайней мере *поскольку он не будет в противоречии с существующим строем*». Буквально!

Князь, впрочем, и сам не брал всерьез своей программы. Правда, «ближайшею» задачею управления является благо насе-

*) Этим именем, приобретшим большую популярность, назвал издатель «Нового Времени» Суворин «эпоху сближения власти с народом».

ления, вверенного нашему попечению; но он признался американскому корреспонденту Томсону, что, в сущности, еще не знает, какое употребление сделает из своей власти.

— Я был бы неправ, — сказал министр, — если б сказал, что у меня уже теперь есть определенная программа. Аграрный вопрос? Да, да, по этому вопросу есть огромный материал; но я знаком с ним пока только из газет.

Князь успокаивал Петергоф [16], утешал либералов и давал иностранным корреспондентам заверения, делавшие честь его доброму сердцу, но безнадежно ронявшие его государственный гений.

И эта беспомощная барская фигура в жандармских аксельбантах оказалась — не только в голове Николая, но и в воображении либералов — призванной разрешить вековые узы, врезавшиеся в тело великой страны!

IV

Казалось, все встретили Святополк-Мирского с восторгом. Князь Мещерский, редактор реакционного «Гражданина» [17], писал, что наступил праздник для «огромной семьи порядочных людей в России», ибо на пост министра назначен, наконец, «идеально порядочный человек». «Независимость — родня благородству, — писал старец Суворин [18], — а благородство нам очень нужно». Князь Ухтомский в «Петербургских Ведомостях» [19] обращал внимание на то, что новый министр «происходит из древнего княжеского рода, восходящего к Рюрику через Мономаха». Венская «Neue Freie Presse» с удовлетворением отмечает в князе главные качества: «гуманность, справедливость, объективность, сочувствие просвещению». «Биржевые Ведомости» [20] напоминают, что князю всего только 47 лет, следовательно, он не успел еще пропитаться бюрократической рутиной.

Открылись повествования в стихах и в прозе о том, как «мы спали», и как бывший командир отдельного корпуса жандармов либеральным жестом пробудил нас от сна и предуказал пути «сближения власти с народом». Когда читаешь все эти излияния, кажется, будто дышишь глупостью в двадцать атмосфер!

Только крайняя правая не теряла головы среди этой «вакханалии либеральных восторгов». «Московские Ведомости» [21] беспощадно напоминали князю, что вместе с портфелем Плеве

Л. Д. Троцкий в 1904 г.

он перенял и его задачи. «Если наши внутренние враги в подпольных типографиях, в разных общественных организациях, в школе, в печати и на улице, с бомбами в руках, так высоко подняли голову, идя на приступ нашего внутреннего Порт-Артура, то это возможно лишь потому, что они сбивают с толку и общество и известную часть правящих сфер совершенно ложными теориями о необходимости устранить самые надежные устои Русского государства — самодержавие его царей, православие его церкви и национальное самосознание его народа».

Князь Святополк попытался взять среднюю линию: самодержавие, но смягченное законностью; бюрократия, но опирающаяся на общественные силы. «Новое Время» [22]), которое поддерживало князя, потому что князь был у власти, официозно взяло на себя задачу политического сводничества. К этому представлялась, повидимому, благоприятная возможность.

Министр, благожелательность которого не находила надлежащего отклика у камарильи, руководящей Николаем, сделал робкую попытку опереться на земцев: с этой целью имелось в виду использовать предполагавшееся совещание представителей земских управ. «Новое Время» приглашало земцев произвести осторожное давление слева. Поднимавшееся в обществе возбуждение и повышенный тон прессы внушали, однако, все бóльшие опасения за исход земского совещания. 30 октября «Новое Время» уже решительно ударило отбой. «Как бы ни были интересны и поучительны решения, к которым придут члены совещания, не следует забывать, что вследствие его состава и способа приглашения оно совершенно правильно рассматривается официально как частное, и решения его имеют значение академическое и обязательность только нравственную».

В конце концов, земское совещание, которое должно было создать для «прогрессивного» министра пункт опоры, было им запрещено и собралось полулегально на частной квартире.

V

Сотня именитых земских деятелей — большинством семидесяти голосов против тридцати — формулировала 6—8 ноября 1904 г. [23]) требования публичных свобод, неприкосновенности личности и народного представительства с участием в законода-

тельной власти, — не произнося, однако, сакраментального слова *конституция*.

Европейская либеральная пресса с почтением остановилась перед этим, полным такта, умолчанием земской декларации: либералы сумели выразить, чего они хотят, избегнув в то же время слов, которые могли бы создать для князя Святополка невозможность принятия земских решений.

В этом—совершенно верное объяснение земской фигуры умолчания. Формулируя свои требования, земцы имели в виду исключительно правительство, с которым они должны вступить в соглашение, а не народную массу, к которой они могли бы апеллировать.

Они выработали пункты торгово-политического компромисса, а не лозунги политической агитации. Они оставались при этом только верны самим себе.

«Общество сделало свое дело, теперь очередь за правительством!» — вызывающе и вместе подобострастно восклицала пресса. Правительство князя Святополк-Мирского приняло «вызов» и именно за этот подобострастный призыв объявило либеральному журналу «Право» [24]) предостережение. Газетам запрещено было печатать и обсуждать резолюции земского совещания. Скромная челобитная черниговского земства была объявлена «дерзкой и бестактной». Правительственная весна была на исходе. Весна либерализма только открывалась.

Земское совещание открыло отдушины оппозиционному настроению «образованного общества». Съезд, правда, не состоял из официальных представителей всех земств, но в него входили председатели управ и много «авторитетных» деятелей, одна косность которых должна была придавать им вес и значение; правда, съезд не был узаконен бюрократией, но он происходил с ее ведома; таким образом, ничего нет удивительного, если интеллигенция, доведенная заушениями до крайней робости, теперь сочла, что ее сокровенные конституционные желания, тайные помыслы ее бессонных ночей получили, благодаря резолюциям этого полуофициального съезда, полузаконную санкцию. А ничто не могло придать такой бодрости ущемленному либеральному обществу, как сознание, хотя бы и призрачное, что в своих ходатайствах оно стоит на почве права. Началась полоса банкетов, резолюций, заявлений, протестов, записок и петиций. Всевозможные корпорации и собрания исходили из профессиональных нужд, местных событий, юбилейных торжеств и приходили

к той формулировке конституционных требований, какая дана была в знаменитых отныне «11 пунктах» резолюции земского совещания. Демократия торопилась образовать вокруг земских корифеев хор, чтобы подчеркнуть важность земских постановлений и усугубить воздействие их на бюрократию! Вся политическая задача момента сводилась для либерального общества к давлению на правительство из-за спины земцев. В первое время представлялось, что резолюции сами по себе могут взорвать бюрократию, как мина Уайтхеда [25]). Но этого не случилось. К резолюциям стали привыкать и те, кто их писал, и те, против кого они писались. Голос печати, которую меж тем министерство внутреннего доверия все больше сдавливало за горло, становился беспредметно раздраженным... Вместе с тем начинается расчленение оппозиции. На банкетах все чаще и чаще выступают беспокойные, угловатые, нетерпимые радикальные фигуры то интеллигента, то рабочего, резко обличают земцев и требуют от интеллигенции ясности в лозунгах и определенности в тактике. На них машут руками, их умиротворяют, им льстят, их бранят, им затыкают рот, их ублажают, охаживают, наконец — их выгоняют, но они делают свое дело, толкая левые элементы интеллигенции на революционный путь.

В то время как правое крыло «общества», материально или идейно связанное с цензовым либерализмом, занималось тем, что доказывало умеренность и лойяльность резолюций земского съезда и взывало к государственному разуму князя Святополка, радикальная интеллигенция, преимущественно учащаяся молодежь, примкнула к ноябрьской кампании с целью вывести ее из ее жалкого русла, придать ей более боевой характер, связать ее с революционным движением городских рабочих. Таким образом возникли две уличные демонстрации: петербургская — 28 ноября, и московская—5 и 6 декабря. Эти демонстрации для радикальных «детей» были прямым и неизбежным выводом из лозунгов, выдвинутых либеральными «отцами»; раз решились требовать конституционного строя, нужно решиться приступить к борьбе. Но «отцы» вовсе не обнаруживали склонности к такой последовательности политического мышления. Наоборот, они первым долгом испугались, как бы излишняя торопливость и порывистость не порвала нежную паутину доверия. «Отцы» не поддержали «детей» и с головой выдали их казакам и конным жандармам либерального князя.

Студенчество не встретило, однако, поддержки и со стороны рабочих. Здесь ясно обнаружилось, какой, в сущности, ограниченный характер имела ноябрьско-декабрьская банкетная кампания 1904 года [26]); пролетариат приобщился к ней лишь в лице самого тонкого слоя своей аристократии, и «настоящие рабочие», появление которых рождало смешанные чувства враждебного опасения и любопытства, исчислялись в этот период на банкетах единицами или десятками. А тот внутренний глубокий процесс, который совершался в сознании самих масс, разумеется, не приурочивался к наскоро объявленному выступлению революционного студенчества. Таким образом учащаяся молодежь была, в конце концов, предоставлена почти исключительно самой себе.

Тем не менее эти демонстрации после долгого политического затишья, вызванного войной, при обостренности внутреннего положения, создавшейся военными разгромами, — демонстрации резко политические, в столицах, отдавшиеся через клавиши телеграфа во всем мире, произвели как симптом гораздо большее впечатление на правительство, чем все мудрые увещания либеральной прессы... Оно встряхнулось и поторопилось самоопределиться.

VI

На конституционную кампанию, начавшуюся собранием нескольких десятков земцев в барской квартире Корсакова [27]) и закончившуюся водворением нескольких десятков студентов в полицейские участки Петербурга и Москвы, правительство ответило двояко: реформаторским «указом» и полицейским «сообщением». Именной указ 12 декабря 1904 года, оставшийся высшим плодом весенней политики «доверия», ставит непременным условием дальнейшей реформаторской деятельности сохранение незыблемости основных законов империи. В общем, указ формулировал исполненные благожелательности и недомолвок беседы князя Святополка с иностранными корреспондентами. Этим достаточно определяется его цена. Несравненно большей политической определенностью отличается вышедшее через два дня после указа правительственное сообщение. Оно характеризует ноябрьский земский съезд как первоисточник дальнейшего движения, чуждого русскому народу, и ставит на вид думским и земским собраниям, что, обсуждая постановления ноябрьского

совещания, они поступают вопреки требованиям закона. Правительство напоминает далее, что его законный долг — ограждать государственный порядок и общественное спокойствие; поэтому всякие сборища противоправительственного характера будут прекращаемы всеми имеющимися в распоряжении властей законными средствами. Если князь мало успевал в деле мирного обновления страны, зато он с значительным успехом выполнял более общую задачу, ради которой история и поставила его на время во главе правительства, — задачу разрушения политических иллюзий и предрассудков среднего обывательского слоя.

Период Святополк-Мирского, который был открыт при примирительных звуках труб и закрыт при свисте нагаек, в своем конечном результате поднял ненависть к абсолютизму во всех сколько-нибудь сознательных элементах населения до небывалой высоты. Политические интересы стали более оформленными, недовольство глубже и принципиальнее. Вчера еще первобытная, мысль сегодня уже жадно набрасывается на работу политического анализа. Все явления зла и произвола быстро сводятся к первооснове. Революционные лозунги никого не отпугивают,— наоборот, находят тысячекратное эхо, превращаются в народные поговорки. Общественное сознание впитывает в себя, как губка— влагу, каждое слово отрицания, осуждения или проклятия по адресу абсолютизма. Ничто не проходит для него безнаказанно. Каждый неловкий шаг ставится ему в счет. Его заигрывания встречают насмешку. Его угрозы рождают ненависть. Правда, министерство князя Святополка оказало значительные послабления прессе; но объем ее интересов вырос гораздо больше, чем снисходительность Главного Управления по делам печати. То же самое во всех других областях: полусвобода из милости раздражала не меньше, чем полное рабство. Такова общая судьба уступок в революционную эпоху: они не удовлетворяют, но лишь возбуждают требовательность. Эта повышенная требовательность сказывалась в печати, в собраниях, на съездах и в свою очередь раздражала власть, которая быстро теряла свое «доверие» и искала помощи в репрессиях. Собрания и съезды распускались, на печать сыпался град ударов, демонстрации разгонялись с зверской беспощадностью. Наконец, как бы для того чтобы помочь обывателю окончательно определить удельный вес указа 12 декабря, князь Святополк издал 31 декабря циркуляр, в котором выяснял, что возвещенный либеральным указом пересмотр

положения о крестьянах должен производиться на основе проекта Плеве. Это был последний правительственный акт 1904 года. 1905 год открылся событиями, которые положили роковую грань между прошлым и настоящим. Они подвели кровавую черту под эпохой весны, периодом детства политического сознания. Князь Святополк, его доброта, его планы, его доверие, его циркуляры — все было отброшено и забыто.

«1905».

9 ЯНВАРЯ

Стрелецкий голова.

Великий государь,
Народа мы не можем удержать, —
Врываются насильно, голосят:
«Хотим царю Борису поклониться,
Царя Бориса видеть».

Борис.

Настежь двери:
Между народом русским и царем
Преграды нет.

(*А. Толстой.* «Царь Борис».)

I

«Государь, мы, рабочие, дети наши, жены и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, Государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильными трудами, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою участь и молчать. Мы и терпели, но нас толкают все дальше в омут нищеты, бесправия и невежества. Нас душит деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, Государь! Настал предел терпению; для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук».

Такими торжественными нотами, в которых угроза пролетариев заглушает просьбу подданных, начиналась знаменитая петиция петербургских рабочих [28]). Она рисовала все притеснения и оскорбления, которым подвергается народ. Она пере-

9 января

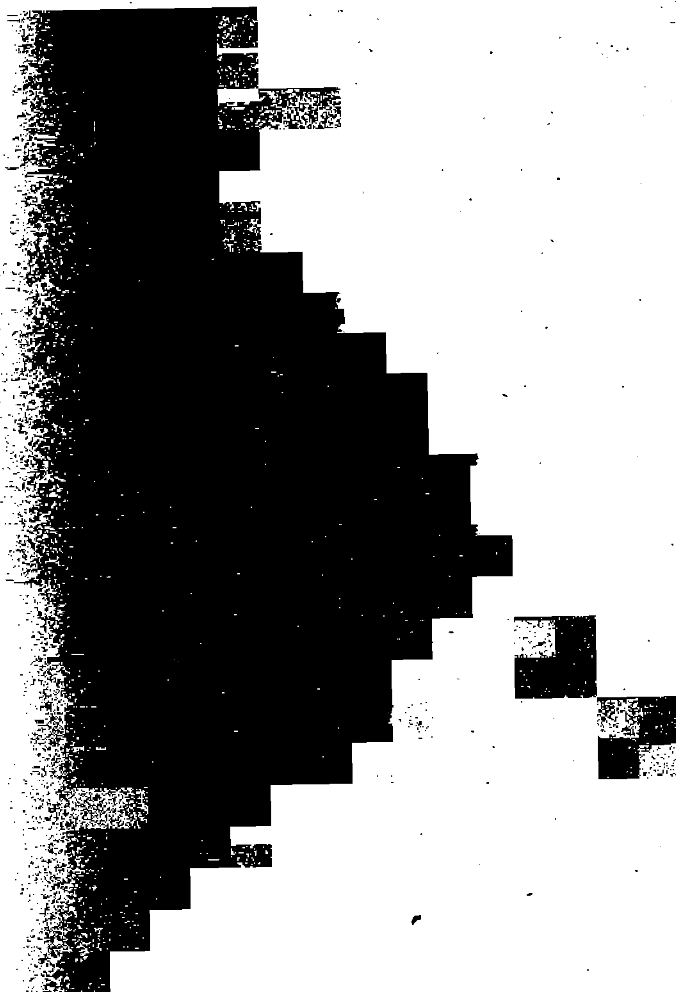
I

«Государь! Мы, рабочие, дети наши, жены и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильными трудами, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою участь и молчать. Мы и терпели, но нас толкают все дальше в омут нищеты, бесправия и невежества. Нас душит деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь! Настал предел терпению; для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук.»

(в которых угроза пролетариев заглушает просьбу подданных,

Такими торжественными нотами начиналась знаменитая петиция петербургских рабочих. Она рисовала все притеснения и оскорбления, которым подвергается народ. Она перечисляла все: от сквозняков на фабрике и до политического бесправия в стране. Она требовала амнистии, публичных свобод, отделения церкви от государства, восьмичасового рабочего дня, нормальной заработной платы и постепенной передачи земли народу. Но в первую голову она ставила созыв Учредительного собрания путем

Снимок с рукописи «9 января»

числяла все: от сквозняков на фабриках и до политического бесправия в стране. Она требовала амнистии, публичных свобод, отделения церкви от государства, восьмичасового рабочего дня, нормальной заработной платы и постепенной передачи земли народу. Но в первую голову она ставила созыв Учредительного Собрания путем всеобщего и равного голосования.

> «Вот, Государь, — так заканчивала петиция, — главные наши нужды, с которыми мы пришли к тебе. Повели и поклянись исполнить их, — и ты сделаешь Россию сильной и славной, запечатлеешь имя твое в сердцах наших и наших потомков на вечные времена. А не позволишь, не отзовешься на нашу мольбу, — мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше итти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу. Укажи, Государь, любой из них,— мы пойдем по нему беспрекословно, хотя бы и был путь к смерти. Пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России. Нам не жалко этой жертвы, — мы охотно принесем ее».

И они принесли ее.

Рабочая петиция не только противопоставляла расплывчатой фразеологии либеральных резолюций отточенные лозунги политической демократии, но и вливала в них классовое содержание своими требованиями свободы стачек и восьмичасового рабочего дня. Ее историческое значение, однако, не в тексте, а в факте. Петиция была только введением к действию, которое объединило рабочие массы призраком идеальной монархии — объединило для того, чтобы тотчас же противопоставить пролетариат и реальную монархию как двух смертельных врагов.

Ход событий в памяти у всех. Они развернулись в несколько дней с замечательной планомерностью. 3 января вспыхнула забастовка на Путиловском заводе. 7 января число забастовщиков достигло 140 тысяч. Кульминационным пунктом стачки было 10-е января. 13-го уже начали приступать к работам. Итак: сперва экономическая стачка по случайному поводу. Она расширяется, захватывает десятки тысяч рабочих и тем самым превращается в политическое событие. Ею руководит «Общество фабричных и заводских рабочих» — организация полицейского происхождения [29]). Радикалы, банкетная политика которых уперлась в тупик,

сгорают от нетерпения. Они недовольны чисто экономическим характером стачки и толкают ее вождя, Гапона [30]), вперед. Он вступает на путь политики и находит в рабочих массах такую бездну недовольства, озлобления и революционной энергии, в которой совершенно утопают маленькие планы его либеральных вдохновителей. Выдвигается социал-демократия. Враждебно встреченная, она вскоре приспособляется к аудитории и овладевает ею. Ее лозунги подхватываются массой и закрепляются в петиции.

Правительство исчезает. Где причина этого? Коварная провокация? Или жалкая растерянность? И то и другое. Бюрократы в стиле князя Святополка тупоумно растерялись. Шайка Трепова, торопившаяся положить конец «весне» и потому сознательно шедшая навстречу бойне, дала событиям развиться до их логического конца. Телеграф с полной свободой оповещал весь мир о каждом этапе январской стачки. Парижский консьерж знал за три дня, что в Петербурге, в воскресенье 9 января, в два часа дня будет революция. А русское правительство не ударило пальцем о палец, чтобы предотвратить бойню.

При одиннадцати отделах рабочего «Общества» шли непрерывные митинги. Вырабатывалась петиция и обсуждался план шествия ко дворцу. Гапон разъезжал из отдела в отдел, социал-демократические агитаторы потеряли голоса и падали от усталости. Полиция ни во что не вмешивалась. Ее не существовало.

Согласно уговору, шли ко дворцу мирно, без песен, без знамен, без речей. Нарядились в праздничные платья. В некоторых частях города несли иконы и хоругви. Всюду натыкались на войска. Умоляли пропустить, плакали, пробовали обойти, пытались прорваться. Солдаты стреляли целый день. Убитые исчисляются сотнями, раненые — тысячами. Точный учет невозможен, ибо полиция ночью увозила и тайно зарывала трупы убитых.

В 12 часов ночи 9 января Георгий Гапон писал:

«Солдатам и офицерам, убивающим невинных братьев, их жен и детей, всем угнетателям народа — мое пастырское проклятие. Солдатам, которые будут помогать народу добиваться свободы, — мое благословение. Их солдатскую клятву изменнику-царю, приказавшему пролить невинную кровь, разрешаю»...

История использовала фантастический план Гапона для своих целей, — и Гапону оставалось только своим авторитетом священника санкционировать ее революционный вывод.

9 января. Ждут

11 января в заседании комитета министров безвластный тогда гр. Витте предложил обсудить происшедшие 9 января события и меры «для предупреждения на будущее время таких печальных явлений». Предложение гр. Витте было отклонено как «не входящее в компетенцию комитета и не означенное в повестке настоящего заседания». Комитет министров прошел мимо начала русской революции, так как русская революция не была записана в повестке его заседания.

II

Те формы, какие приняло историческое выступление 9 января, разумеется, никем не могли быть предвидены. Священник, которого история такими неожиданными путями поставила на несколько дней во главе рабочей массы, наложил на события печать своей личности, своих воззрений, своего сана. И эта форма скрывала от многих глаз действительное содержание событий. Но внутренний смысл 9 января не исчерпывается символикой хождения к Зимнему дворцу. Гапоновская ряса — только аксессуар. Действующее лицо — пролетариат. Он начинает со стачки, объединяется, выдвигает политические требования, выходит на улицы, сосредоточивает на себе восторженные симпатии всего населения, приходит в столкновение с войсками и открывает русскую революцию. Гапон не создал революционной энергии петербургских рабочих, он только неожиданно для самого себя вскрыл ее. Сын священника, затем семинарист, духовный академик, тюремный священник, агитатор среди рабочих с явного благоволения полиции — внезапно оказался во главе стотысячной толпы. Официальное положение, священническая ряса, стихийное возбуждение малосознательных масс и сказочно быстрое развитие событий сделали Гапона «вождем».

Фантазер на психологической подпочве авантюризма, южанин-сангвиник с оттенком плутоватости, круглый невежда в общественных вопросах, Гапон так же мало способен был руководить событиями, как и предвидеть их. События волокли его.

Либеральное общество долго верило, что в личности Гапона скрывалась вся тайна 9 января. Его противопоставляли социал-демократии как политического вождя, который знает секрет обладания массой, — секте доктринеров. При этом забывали, что 9 января не было бы, если бы Гапон не застал нескольких тысяч сознательных рабочих, прошедших социалистическую

школу. Они сразу окружили его железным кольцом, из которого он не мог бы вырваться, если б и хотел. Но он не пытался. Гипнотизируемый собственным успехом, он отдался волне.

Но если мы отводили уже на другой день после Кровавого Воскресенья политической роли Гапона совершенно подчиненное место, то мы все, несомненно, переоценивали его личность. В ореоле пастырского гнева, с пастырскими проклятиями на устах, он представлялся издали фигурой почти библейского стиля. Казалось, могучие революционные страсти проснулись в груди молодого священника петербургской пересыльной тюрьмы. И что же? Когда догорели огни, Гапон предстал пред всеми полным политическим и нравственным ничтожеством. Его позирование пред социалистической Европой, его беспомощно «революционные» писания из-за границы, наивные и грубые, его приезд в Россиию, конспиративные сношения с правительством, серебреники гр. Витте, претенциозные и нелепые беседы с сотрудниками консервативных газет, шумливость и хвастливость и, наконец, жалкое предательство, ставшее причиной его гибели, — все это окончательно убило представление о Гапоне 9 января. Нам невольно вспоминаются проницательные слова Виктора Адлера, вождя австрийской социал-демократии, который после получения первой телеграммы о прибытии Гапона за границу, сказал: «Жаль... для его исторической памяти было бы лучше, если б он так же таинственно исчез, как появился. Осталось бы красивое романтическое предание о священнике, который открыл шлюзы русской революции... Есть люди, — прибавил он, с той тонкой иронией, которая так характерна для этого человека, — есть люди, которых лучше иметь мучениками, чем товарищами по партии»...

III

«Революционного народа в России еще нет», — так писал Петр Струве [31]) в своем заграничном органе «Освобождение» 7 января 1905 года — ровно за два дня до раздавленного гвардейскими полками выступления петербургских рабочих.

«Революционного народа в России нет», — сказал устами социалистического ренегата русский либерализм, успевший убедить себя в течение трехмесячного периода банкетов, что он — главная фигура политической сцены. И не успело еще это заявление дойти до России, как телеграфная проволока

разнесла во все концы мира великую весть о начале русской революции...

Мы ждали ее, мы не сомневались в ней. Она была для нас в течение долгого ряда лет только выводом из нашей «доктрины», над которой издевались ничтожества всех политических оттенков. В революционную роль пролетариата они не верили, зато верили в силу земских петиций, в Витте, в Святополк-Мирского, в банку динамита... Не было политического предрассудка, в который бы они не верили. Только веру в пролетариат они считали предрассудком.

Не только Струве, но и все то «образованное общество», на службу к которому он перешел, оказалось застигнуто врасплох. Широко раскрытыми глазами ужаса и бессилия оно наблюдало из своих окон развертывающуюся историческую драму. Вмешательство интеллигенции в события носило поистине жалкий и ничтожный характер. Депутация из нескольких литераторов и профессоров отправилась к князю Святополк-Мирскому и к гр. Витте «с надеждой, — как объясняла либеральная пресса, — осветить вопрос так, чтобы можно было избежать употребления военной силы». Гора надвигалась на гору, а демократическая горсточка думала, что достаточно потоптаться в двух министерских передних, чтобы предотвратить непредотвратимое. Святополк не принял депутации, Витте беспомощно развел руками. А затем, как бы для того чтобы с шекспировской свободой ввести элементы фарса в величайшую трагедию, полиция объявила несчастную депутацию «временным правительством» и отправила ее в Петропавловскую крепость. Но в политическом сознании интеллигенции, в этом бесформенном туманном пятне, январские дни провели резкую межевую борозду. На неопределенный срок они сдали в архив наш традиционный либерализм с его единственным достоянием — верой в счастливую смену правительственных фигур. Глупое царствование Святополк-Мирского было для этого либерализма эпохой наивысшего расцвета; реформаторский указ 12 декабря — его наиболее зрелым плодом. Но 9 января смело «весну», поставив на ее место военную диктатуру, и доставило всемогущество незабвенному генералу Трепову, которого либеральная оппозиция только что перед тем спихнула с места московского полицеймейстера. Вместе с тем более явственно наметилась в либеральном обществе линия раскола между демократией и цензовой оппозицией. Выступление рабочих дало перевес ради-

кальным элементам интеллигенции, как ранее выступление земцев дало козырь в руки элементам оппортунистическим. Перед сознанием левого крыла оппозиции вопрос политической свободы впервые выступил в реальных формах как вопрос борьбы, перевеса сил, натиска тяжелых народных масс. И вместе с тем революционный пролетариат, вчерашняя «политическая фикция» марксистов, оказался сегодня могучей реальностью.

«Теперь ли, — писал влиятельный либеральный еженедельник «Право», — после кровавых январских дней, подвергать сомнению мысль об исторической миссии городского пролетариата России? Очевидно, этот вопрос, по крайней мере для настоящего исторического момента, решен—решен не нами, а теми рабочими, которые в знаменательные январские дни страшными кровавыми событиями вписали свои имена в священную книгу русского общественного движения». Между статьей Струве и этими строками прошла неделя, — и, однако, их разделяет целая историческая эпоха.

IV

9 января явилось поворотным моментом в политическом сознании капиталистической буржуазии.

Если в последние предреволюционные годы к великому неудовольствию капитала создалась целая школа правительственной демагогии («зубатовщина»)[32], провоцировавшая рабочих на экономические столкновения с фабрикантами с целью отвлечь их от столкновения с государственной властью, то теперь, после Кровавого Воскресенья, нормальный ход промышленной жизни совершенно прекратился. Производство совершалось как бы урывками, в промежутке между двумя волнениями. Бешеные барыши от военных поставок падали не на промышленность, переживавшую кризис, а на небольшую группу привилегированных хищников-монополистов, и неспособны были примирить капитал с прогрессивно растущей внутренней анархией. Одна отрасль промышленности за другой переходит в оппозицию. Биржевые общества, промышленные съезды, так называемые «совещательные конторы», т.-е. замаскированные синдикаты и прочие организации капитала, вчера еще политически девственные, вотировали сегодня недоверие самодержавно-полицейской государственности и заговорили языком либерализма. Городской купец показал, что в деле оппозиции он не уступит «просвещен-

ному» помещику. Думы не только присоединялись к земствам, но подчас становились впереди них; подлинно купеческая московская дума выдвинулась в это время в передний ряд.

Борьба разных отраслей капитала между собой за милости и даяния министерства финансов временно отодвигается перед общей потребностью в обновлении гражданского и государственного порядка. На место простых идей — концессия и субсидия, или бок-о-бок с ними становятся более сложные идеи: развитие производительных сил и расширение внутреннего рынка. Наряду с этими руководящими мыслями через все петиции, записки и резолюции организованных предпринимателей проходит острая забота об успокоении рабочих и крестьянских масс. Капитал разочаровался во всеисцеляющем действии полицейской репрессии, которая одним концом бьет рабочего по живому телу, а другим — промышленника по карману, и пришел к торжественному выводу, что мирный ход капиталистической эксплоатации требует либерального режима. «И ты, Брут!» [33]) — вопит реакционная пресса, видя как московские купцы-старообрядцы, хранители древлего благочестия, прикладывают свои руки к конституционным «платформам». Но этот вопль пока еще не останавливает текстильного Брута. Он должен описать свою политическую кривую, чтобы в конце года, в момент когда пролетарское движение достигнет зенита, снова вернуться под защиту веками освященной, единой и нераздельной нагайки.

V

Но знаменательнее и глубже всего было влияние январской бойни на пролетариат всей России. Из конца в конец прошла грандиозная стачечная волна, сотрясая тело страны. По приблизительному подсчету стачка охватила 122 города и местечка, несколько рудников Донецкого бассейна и 10 железных дорог. Пролетарские массы всколыхнулись до дна. Стачка вовлекла около миллиона душ. Без плана, нередко без требований, прерываясь и возобновляясь, повинуясь лишь инстинкту солидарности, она около двух месяцев царила в стране.

В разгар стачечной бури, в феврале 1905 г., мы писали: «После 9 января революция уже не знает остановки. Она уже не ограничивается подземной, скрытой для глаз работой возбуждения все новых и новых слоев, она перешла к открытой и спешной

перекличке своих боевых рот, полков, батальонов и корпусов. Главную силу ее армии составляет пролетариат; поэтому средством своей переклички революция делает стачку.

«Профессия за профессией, фабрика за фабрикой, город за городом бросают работу. Железнодорожный персонал выступает застрельщиком стачки, железнодорожные линии являются путями стачечной эпидемии. Предъявляются экономические требования, которые почти сейчас же удовлетворяются — вполне или отчасти. Но ни начало стачки, ни конец ее не обусловливаются в полной мере характером предъявленных требований и формой их удовлетворения. Стачка возникает не потому, что экономическая борьба уперлась в определенные требования, — наоборот: требования подбираются и формулируются потому, что нужна стачка. Нужно предъявить самим себе, пролетариату других мест, наконец всему народу свои накопленные силы, свою классовую отзывчивость, свою боевую готовность; нужна всеобщая революционная ревизия. И сами стачечники, и те, которые их поддерживают, и те, которые им сочувствуют, и те, которые их боятся, и те, которые их ненавидят, — все понимают или смутно чувствуют, что эта бешеная стачка, которая мечется с места на место, потом снова срывается и вихрем мчится вперед, — все понимают или чувствуют, что она не от себя, что она творит лишь волю пославшей ее революции. Над операционным полем стачки, — а это — вся страна, — нависает что-то грозное, зловещее, напоенное дерзостью.

«После 9 января революция уже не знает остановки. Не заботясь о военной тайне, открыто и шумно издеваясь над рутиной жизни, разгоняя ее гипноз, она ведет нас к своему кульминиацонному пункту»[34]).

«1905».

18-е ОКТЯБРЯ

18-ое октября было днем великого недоумения. Огромные толпы двигались растерянно по улицам Петербурга. Дана конституция. Что же дальше? Что можно и чего нельзя?

В тревожные дни я ночевал у одного из моих друзей, состоявшего на государственной службе *). Утром 18-го он встретил меня с листом «Правительственного Вестника» в руке. Улыбка

*) А. А. Литкенса, старшего врача Константиновского артиллерийского училища.

радостного возбуждения, с которым боролся привычный скептицизм, играла на его умном лице.

— Выпустили конституционный манифест!

— Не может быть!

— Читайте.

Мы стали читать вслух. Сперва скорбь отеческого сердца по поводу смуты, затем заверение, что «печаль народная — наша печаль», наконец категорическое обещание всех свобод, законодательных прав Думы и расширения избирательного закона.

Мы молча переглянулись. Трудно было выразить противоречивые мысли и чувства, вызванные манифестом. Свобода собраний, неприкосновенность личности, контроль над администрацией... Конечно, это только слова. Но ведь это не слова либеральной резолюции, это слова царского манифеста. Николай Романов, августейший патрон погромщиков, Телемак [35]) Трепова, — вот автор этих слов! И это чудо совершила всеобщая стачка. Когда либералы одиннадцать лет тому назад предъявили скромное ходатайство об общении самодержавного монарха с народом, тогда коронованный юнкер надрал им уши, как мальчишкам, за их «бессмысленные мечтания». Это было его собственное слово! А теперь он взял руки по швам пред бастующим пролетариатом.

— Каково? — спросил я своего друга.

— Испугались дураки! — услышал я в ответ.

Это была в своем роде классическая фраза. Мы прочитали затем всеподданнейший доклад Витте с царской ремаркой: «принять к руководству».

— Вы правы, — сказал я, — дураки действительно испугались.

Через пять минут я был на улице. Первая фигура, попавшаяся мне навстречу, — запыхавшийся студент с шапкой в руке. Это был партийный товарищ *). Он узнал меня.

— Ночью войска обстреливали Технологический институт... Говорят, будто оттуда в них бросили бомбу... очевидная провокация... Только что патруль шашками разогнал небольшое собрание на Забалканском проспекте. Профессор Тарле, выступавший оратором, тяжело ранен шашкой. Говорят, убит...

*) А. А. Литкенс — младший сын врача, юноша-большевик, вскоре умерший затем после тяжелых потрясений.

— Так-с... Для начала недурно.

— Всюду бродят толпы народа. Ждут ораторов. Я бегу сейчас на собрание партийных агитаторов. Как вы думаете, о чем говорить? Ведь главная тема теперь — амнистия.

— Об амнистии все будут говорить и помимо нас. Требуйте удаления войск из Петербурга. Ни одного солдата на двадцать пять верст в окрестности.

Студент побежал дальше, размахивая шапкой. Мимо меня проехал по улице конный патруль. Трепов еще сидит в седле. Расстрел института — его комментарий к манифесту. Эти молодцы сразу взялись за разрушение конституционных иллюзий.

Я прошел мимо Технологического института. Он был попрежнему заперт и охранялся солдатами. На стене висело старое обещание Трепова «не жалеть патронов». Рядом с ним кто-то наклеил царский манифест. На тротуарах толпились кучки народа.

— Идите к университету! — раздался чей-то голос, — там будут говорить.

Я отправился с другими. Шли молча, быстро. Толпа росла каждую минуту. Радости не было — скорее неуверенность и беспокойство... Патрулей больше не видно было. Одинокие городовые робко сторонились от толпы. Улицы были украшены трехцветными флагами.

— Ага, Ирод, — сказал громко какой-то рабочий, — теперь, небось, хвост поджал...

Ему ответили смехом сочувствия. Настроение заметно поднималось. Какой-то подросток снял с ворот трехцветное знамя вместе с древком, оборвал синюю и белую полосы и высоко поднял красный остаток «национального» флага над толпой. Он нашел десятки подражателей. Через несколько минут множество красных знамен поднималось над массой. Белые и синие лоскуты валялись везде и всюду, толпа попирала их ногами... Мы прошли через мост и вступили на Васильевский Остров. На набережной образовалась огромная воронка, через которую нетерпеливо вливалась необозримая масса. Все старались протесниться к балкону, с которого должны были говорить ораторы. Балкон, окна и шпиц университета были украшены красными знаменами. С трудом проник я внутрь здания. Мне пришлось говорить третьим или четвертым. Удивительная картина открывалась с балкона. Улица была сплошь запружена народом. Синие студенческие фуражки и красные знамена яркими пятнами оживляли

Октябрь 1905 г.

вид стотысячной толпы. Стояла полная тишина, все хотели слышать ораторов.

— Граждане! После того как мы наступили правящей шайке на грудь, нам обещают свободу. Избирательные права, законодательную власть обещают нам. Кто обещает? Николай Второй. По доброй ли воле? С чистым ли сердцем? Этого никто не скажет про него. Он начал свое царствование с того, что благодарил молодцов-фанагорийцев *) за убийство ярославских рабочих, — и через трупы к трупам он пришел к Кровавому Воскресенью 9 января. И этого неутомимого палача на троне мы вынудили к обещанию свободы. Какое великое торжество! Но не торопитесь праздновать победу: она неполна. Разве обещание уплаты весит столько же, как и чистое золото? Разве обещание свободы то же самое, что сама свобода? Кто среди вас верит царским обещаниям, пусть скажет это вслух; мы все будем рады видеть такого чудака. Оглянитесь вокруг, граждане: разве что-нибудь изменилось со вчерашнего дня? Разве раскрылись ворота наших тюрем? Разве Петропавловская крепость не господствует над столицей? Разве вы не слышите попрежнему стона и зубовного скрежета из-за ее проклятых стен? Разве вернулись к своим очагам наши братья из пустынь Сибири?..

— Амнистия! Амнистия! Амнистия! — закричали снизу.

— ...Если бы правительство честно решило примириться с народом, оно бы первым делом дало амнистию. Но, граждане, разве амнистия — все? Сегодня выпустят сотни политических борцов, завтра захватят тысячи других. Разве рядом с манифестом о свободах не висит приказ о патронах? Разве не расстреливали этой ночью Технологический институт? Разве не рубили сегодня народ, мирно слушавший оратора? Разве палач Трепов не хозяин Петербурга?

— Долой Трепова! — закричали внизу.

— ...Долой Трепова! — но разве он один? Разве в резервах бюрократии мало негодяев ему на смену? Трепов господствует над нами при помощи войска. Гвардейцы, покрытые кровью 9 января, — вот его опора и сила. Это им он велит не щадить патронов для ваших грудей и для ваших голов. Мы не можем, не хотим и не должны жить под ружейными дулами. Граждане! Нашим требованием да будет удаление войск из Петербурга!

*) Название гренадерского полка.

Пусть на 25 верст вокруг столицы не останется ни одного солдата. Свободные граждане сами будут охранять порядок. Никто не потерпит от произвола и насилия. Народ всех возьмет под свою защиту...

— Долой войска из Петербурга!

— ...Граждане! Наша сила в нас самих. С мечом в руке мы должны стать на страже свободы. А царский манифест,— смотрите,—это простой лист бумаги. Вот он перед вами, а вот он, скомканный, у меня в кулаке. Сегодня его дали, а завтра отнимут и порвут на клочки, как я теперь рву эту бумажную свободу на ваших глазах!..

Говорили еще два-три оратора и все заканчивали призывом собраться в 4 часа на Невском, у Казанского собора, и оттуда двинуться к тюрьмам с требованием амнистии.

«1905».

ОППОЗИЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

Итак, манифест не только не водворил порядка,—наоборот, он помог до конца вскрыться противоречию между социальными полюсами: дворянско-бюрократической погромной реакцией и рабочей революцией. В первые дни, вернее часы, казалось даже, что манифест не внес никаких перемен в настроение самых умеренных элементов оппозиции. Однако, это только казалось. 18 октября одна из самых сильных организаций капитала, так называемая «совещательная контора железозаводчиков» [36]), писала гр. Витте: «Мы должны прямо заявить: Россия верит только фактам: ее кровь и ее нищета не позволяют уже верить словам». Выдвигая требование полной амнистии, совещательная контора «с особым удовольствием констатирует», что со стороны революционных масс проявление насилий было крайне ограничено, и что они действовали с соблюдением неслыханной дисциплины. Не будучи, по собственному заявлению, «в теории» поклонницей всеобщего избирательного права, контора убедилась, что «рабочий класс, проявивший с такой силой свое политическое сознание и свою партийную дисциплину, должен принять участие в народном самоуправлении». Все это было широко и великодушно, но—увы!—крайне недолговечно. Было бы слишком грубо утверждать, что мы имеем тут дело с исключительно декоративной политикой. Несомненно, что значительную роль играл при этом элемент иллюзии: капитал отчасти еще

надеялся, что широкая политическая реформа немедленно позволит беспрепятственно вращаться маховому колесу индустрии. Этим объясняется тот факт, что значительная часть предпринимателей — если не большинство — заняла по отношению к самой октябрьской стачке положение дружественного нейтралитета. К закрытию заводов почти не прибегали. Владельцы металлических фабрик Московского района постановили отказаться от услуг казаков. Но наиболее общей формой выражения сочувствия политическим целям борьбы была выдача рабочим заработной платы за все время октябрьской забастовки; в ожидании расцвета индустрии при «правовом режиме» либеральные предприниматели беспрекословно вписывали этот расход в рубрику экстренных издержек производства. Но уплачивая рабочим за прогульные дни, капитал четко и сухо сказал: в последний раз! Сила натиска, проявленная рабочими, внушила ему необходимость быть настороже. Его лучшие надежды не сбылись: движение масс после издания манифеста не затихло, — наоборот, оно с каждым днем ярче обнаруживало свою силу, свою самостоятельность, свой социально-революционный характер. В то время как плантаторам сахарного производства грозила конфискация земель, всей капиталистической буржуазии в целом приходилось шаг за шагом отступать пред рабочими, повышая заработную плату и сокращая рабочий день.

Но помимо страха пред революционным пролетариатом, лихорадочно возраставшего в течение двух последних месяцев 1905 года, были более узкие, но не менее острые интересы, которые гнали капитал к немедленному союзу с правительством. На первом месте стояла прозаическая, но неотразимая нужда в деньгах, и объектом предпринимательских вожделений и атак был Государственный банк. Это учреждение служило гидравлическим прессом той «экономической полиции» самодержавия, великим мастером которой в течение десятилетий своего финансового хозяйничанья был Витте. От операций банка, а вместе с тем от взглядов и симпатий министра, зависело *быть или не быть* крупнейших предприятий. В числе других причин — противоуставные ссуды, учеты фантастических векселей, вообще фаворитизм в сфере экономической политики немало способствовал оппозиционному перерождению капитала. Когда же под тройным влиянием — войны, революции и кризиса, — банк свел операции к минимуму, многие капиталисты попали в тиски. Им стало

не до общих политических перспектив, — нужны были деньги во что бы то ни стало. «Мы не верим словам, — сказали они графу Витте в 2 часа ночи с 18-го на 19-е октября, — дайте нам факты». Граф Витте запустил руку в кассу Государственного банка и дал им «факты»... Много фактов. Учет резко поднялся — 138,5 миллионов рублей в ноябре и декабре 1905 г. против 83,1 миллионов за тот же период 1904 г. Кредитование частных банков увеличилось еще значительнее: 148,2 милл. рублей на 1 декабря 1905 г. против 39 милл. на 1904 г. Возросли и все другие операции. «Кровь и нищета России», предъявленные, как мы видели выше, капиталистическим синдикатом, были учтены правительством Витте, — и в итоге образовался «Союз 17 октября» [37]). Таким образом непосредственно у изголовья этой партии лежит не столько политическая подачка, сколько денежная взятка. В лице предпринимателей, организованных в свои «профессиональные» или политические союзы, Совет Рабочих Депутатов с первых своих шагов встретил решительного и сознательного врага.

Но если октябристы, по крайней мере, сразу заняли резкую антиреволюционную позицию, то в самом жалком виде выступает в те дни политическая роль партии интеллигентско-мещанского радикализма, которая полгода спустя щеголяла ложно-классическим пафосом на подмостках Таврического дворца. Мы имеем в виду кадетов [38]).

В самый разгар октябрьской забастовки заседал учредительный съезд конституционно-демократической партии. Съехалось менее половины делегатов. Остальным железнодорожная стачка перерезала путь. 14 октября новая партия определила свое отношение к событиям: «Ввиду полного согласия в требованиях» она «считает долгом заявить свою полную солидарность с забастовочным движением». Она решительно (решительно!) отказывается от мысли добиться своих целей «путем переговоров с представителями власти». Она сделает все, чтобы предотвратить столкновение, но если не удастся, она заранее объявляет, что ее сочувствие и ее поддержка на стороне народа. Через три дня был подписан конституционный манифест. Революционные партии вырвались из проклятого подполья и, не успев отереть кровавый пот с чела, погрузились с головой в народные массы, призывая и объединяя их для борьбы. Это было великое время, когда сердце народа перековывалось молотом революции.

Но что тут было делать кадетам, политикам во фраках, судебным ораторам, трибунам земских собраний? Они пассивно ждали движения конституционных вод. Манифест был, но парламента не было. И они не знали, когда и как он придет и придет ли вообще. Правительству они не верили и еще меньше верили революции. Их затаенной мечтой было — спасти революцию от нее самой, но они не видели средств. На народные собрания они выходить не смели. Их пресса была органом их дряблости и трусости. Ее мало читали. Таким образом в этот наиболее ответственный период русской революции кадеты оказались за штатом. Год спустя, признавая этот факт целиком, Милюков старался оправдать свою партию — не в том, что она не бросила своих сил на чашу весов революции, а в том, что она не пыталась преградить ей путь. «Выступление даже такой партии, как конституционно-демократическая, — пишет он во время выборов во Вторую Думу, — было абсолютно невозможно в последние месяцы 1905 года. Те, кто упрекает теперь партию, что она не протестовала тогда же, путем устройства митингов, против революционных иллюзий троцкизма... просто не понимают или не помнят тогдашнего настроения собиравшейся на митинги демократической публики». Таково оправдание «народной» партии: она не решалась выйти к народу, чтобы не испугать его своей физиономией!

Более достойную роль в этот период сыграл Союз Союзов [39]). Всеобщий характер октябрьской стачки был достигнут при активном содействии радикальной интеллигенции. Организуя стачечные комитеты, посылая от имени их депутации, она прекращала деятельность таких учреждений, которые стоят вне непосредственного воздействия рабочих. Таким образом были приостановлены работы в земских и городских управах, банках, конторах, правлениях, судах, школах, даже в сенате. Немаловажное значение имела также денежная помощь, какую организация левого крыла интеллигенции оказывала Совету Рабочих Депутатов. Тем не менее, то представление о титанической роли Союза Союзов, какое создала буржуазная пресса России и Запада, наблюдая его деятельность на открытой для всех арене, совершенно фантастично. Союз Союзов ведал интендантскую часть революции и, в лучшем случае, выступал как ее вспомогательный боевой отряд. На руководящую роль он сам никогда не претендовал.

Да и мог ли? Его первоначальной единицей был все тот же образованный филистер, которому история обкарнала крылья. Революция всполошила его и приподняла над самим собою. Она оставила его без газеты, потушила в его квартире электрическую лампу и на темной стене начертала огненные письмена каких-то новых смутных, но великих целей. Он хотел верить — и не смел. Хотел подняться ввысь — и не мог. Может быть, мы лучше поймем драму его души, если возьмем его не в тот момент, когда он пишет радикальную резолюцию, а посмотрим его на дому за чайным столом.

* * *

На другой день после прекращения стачки я посетил одну знакомую семью, жившую в нормальной городской атмосфере мещанского радикализма. В столовой на стене висела программа нашей партии, только что отпечатанная на больших листах бумаги: это было приложение к первому после стачки номеру социал-демократической газеты. Вся семья была в возбуждении.

— Ну, ну... недурно.

— Что такое?

— Еще спрашивает. Ваша программа. Прочитайте-ка, что тут написано.

— Мне уже приходилось читать ее не раз.

— Нет, не угодно ли!.. Ведь тут буквально сказано: «партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия — вы понимаете: *низвержение!* — и замену его демократической республикой... рес-пу-бли-кой! Вы понимаете это?

— Кажется, понимаю.

— Ведь это же легально напечатано, ведь это же открыто продается на глазах полиции, ведь это же у Зимнего дворца за пятак купить можно! Уничтожение царского самодержавия — «в розничной продаже пять копеек»! Нет, каково?!

— Что же, нравится вам это?

— Ах, что там: «нравится»... Разве обо мне речь? Нет, вот те, в Петергофе, должны теперь все это нюхать. Я спрашиваю вас: нравится ли это им?

— Сомневаюсь!

Больше всего был возбужден pater familias. Еще две-три недели тому назад он ненавидел социал-демократию тупой ненавистью радикального мещанина, зараженного в молодости народ-

ническими предрассудками; сегодня он питал к ней совершенно новое чувство — смесь обоготворения с трепетом.

— Утром мы эту самую программу читали в дирекции Императорской Публичной библиотеки, — туда тоже прислали этот номер... Вот бы вы поглядели на этих господ! Директор пригласил обоих помощников и меня, запер дверь и прочитал нам программу от а до ижицы. Клянусь вам честью, у всех дыханье сперло. «Что вы на это скажете, Николай Николаевич?» спрашивает меня директор. Нет-с, что *вы* скажете, Семен Петрович?» — отвечаю я ему. Знаете, — говорит, — у меня язык отнялся. Давно ли пристава нельзя было в газете затронуть? А сегодня открыто говорят его величеству государю императору: пошел вон! Эти люди не заботятся об этикете, — нет, нет... Что на уме, то и на языке...» Один из помощников говорит: «Немножко только тяжеловато написана эта штучка, слог бы надо полегче...». А Семен Петрович посмотрел на него поверх очков: «Ведь это вам не воскресный фельетон, почтеннейший, а программа партии...». И знаете, на чем они закончили, эти господа из Публичной библиотеки? «А как, — спрашивают они, — принимаются члены в социал-демократическую партию?» Как вам это нравится?

— Чрезвычайно.

— Гм... а как в действительности принимаются члены в вашу партию? — спрашивает, слегка колеблясь, мой собеседник.

— Нет ничего проще. Главное условие — признание программы. Затем нужно вступить в местную организацию и правильно платить взносы. Ведь программа вам нравится?

— Чорт возьми, недурная вещь, этого нельзя отрицать... Но как вы смотрите на настоящее положение? Только говорите со мной не как редактор социал-демократической газеты, а совершенно откровенно... До демократической республики, конечно, еще далеко, но ведь конституция все-таки — налицо?

— Нет, на мой взгляд республика гораздо ближе, а конституция гораздо дальше, чем вам кажется.

— А что ж у нас теперь, чорт возьми? Разве это не конституция?

— Нет, это лишь пролог к военному положению.

— Что? Вздор. Это ваш газетный жаргон. Вы сами этому не верите. Фантасмагория!

— Нет, чистейший реализм. Революция растет в силе и в дерзости. Посмотрите, что делается на фабриках и на заводах,

на улицах... Поглядите, наконец, на этот лист бумаги, который висит на вашей стене. Две недели тому назад вы бы его не повесили. А как они, в Петергофе, на это смотрят? — спрошу я вас вашими же словами. Ведь они еще живут и хотят жить. И в их распоряжении еще армия. Не надеетесь ли вы, что они без боя сдадут свои позиции? Нет-с, прежде чем очистить место, они пустят в ход всю свою силу — до последнего штыка.

— А манифест? А амнистия? Ведь это же факты.

— Манифест только объявление мимолетного перемирия, только передышка. А амнистия?.. Из ваших окон вы видите днем шпиц Петропавловской крепости: она стоит еще твердо. И «Кресты» тоже. И охранное отделение тоже... Вы сомневаетесь в моей искренности, Николай Николаевич, а я вам вот что скажу: я лично вполне подхожу под амнистию, однако, я не спешу легализоваться. Я живу и буду жить до развязки по своему фальшивому паспорту. Манифест не изменил ни моего правового положения, ни моей тактики.

— Может быть, в таком случае, господа, вам следовало бы держаться более осторожной политики?..

— Например?

— ...не говорить о низвержении самодержавия.

— Значит, вы думаете, что если мы будем вежливее выражаться, в Петергофе согласятся на республику и конфискацию земель?

— Гм... я думаю, что вы все-таки преувеличиваете...

— Поглядим... Прощайте: мне пора на заседание Совета. А как же со вступлением в партию? Только прикажите, — и мы вас в две минуты запишем.

— Спасибо, спасибо... время еще терпит с этим... положение так неопределенно... мы еще поговорим... Всего хорошего.

«1905».

---

2. ЦАРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В ДНИ «СВОБОД»

МИНИСТЕРСТВО ВИТТЕ

17-го октября покрытое кровью и проклятиями столетий царское правительство капитулировало перед стачечным восстанием рабочих масс. Никакие усилия реставрации не вычеркнут этого факта из истории. На священной короне царского абсолютизма неизгладимо запечатлен след пролетарского сапога.

Вестником царской капитуляции во внутренней войне, как и во внешней, явился граф Витте. Плебей — parvenu (выскочка) среди родовитых рядов высшей бюрократии, недоступный, как и вся она, влиянию общих идей, политических и моральных принципов, Витте имел перед своими соперниками преимущества выскочки, не связанного никакими придворно-дворянско-конюшенными традициями. Это позволило ему развиться в идеальный тип бюрократа, свободного не только от национальности, религии, совести и чести, но и от сословных предрассудков. Это же делало его более отзывчивым на элементарные запросы капиталистического развития. Среди наследственно тупых егермейстеров он казался государственным гением.

Конституционная карьера гр. Витте целиком построена на резолюции. В течение десяти лет бесконтрольный бухгалтер и кассир самодержавия, он был в 1902 году отставлен своим антагонистом Плеве на безвластный пост председателя дореволюционного Комитета Министров. После того как сам Плеве был «отставлен» бомбой террориста, Витте не без успеха начал выдвигать себя через услужающих журналистов на роль спасителя России. Передавали со значительной миной, что он поддерживает все либеральные шаги Святополк-Мирского. По поводу поражений

на Востоке он проницательно покачивал головой. Накануне 9-го января он ответил перепуганным либералам: «Вы знаете, что власть не у меня». Таким образом террористические удары, японские победы и революционные события расчищали перед ним дорогу. Из Портсмута, где он расчеркнулся под трактатом, предписанным мировой биржей и ее политическими агентами, он возвращался, как триумфатор. Можно было подумать, что не маршал Ойяма, а он, Витте, одержал все победы на азиатском Востоке. На провиденциальном человеке концентрировалось внимание всего буржуазного мира. Парижская газета «Matin» выставила в витрине кусок промокательной бумаги, которую Витте приложил к своей портсмутской подписи. У зевак общественного мнения отныне все вызывало интерес: его огромный рост, даже его бесформенные брюки, даже полупровалившийся нос. Его аудиенция у императора Вильгельма еще более закрепила за ним ореол государственного человека высшего ранга. С другой стороны, его конспиративная беседа с эмигрантом Струве свидетельствовала о том, что ему удастся приручить крамольный либерализм. Банкиры были в восторге: этот человек сумеет обеспечить им правильную уплату процентов. По возвращении в Россию Витте с уверенным видом занял своей безвластный пост, произносил либеральные речи в Комитете и, явно спекулируя на смуту, назвал депутацию бастующих железнодорожников «лучшими силами страны». В своих расчетах он не ошибся: октябрьская стачка возвела его на пост самодержавного министра конституционной России.

Самую высокую либеральную ноту Витте взял в своем программном «всеподданнейшем докладе». Здесь есть попытка подняться от придворно-лакейской и фискально-канцелярской точки зрения на высоту политических обобщений. Доклад признает, что волнение, охватившее страну, не есть результат простого подстрекательства, что его причина — в нарушенном равновесии между идейными стремлениями русского мыслящего «общества» и внешними формами его жизни. Если, однако, отвлечься от умственного уровня той среды, в которой и для которой доклад написан, если взять его как программу «государственного человека», он поражает ничтожеством мысли, трусливой уклончивостью формы и канцелярской неприспособленностью языка. Заявления о публичных свободах сделаны в форме, неопределенность которой подчеркивается энергией ограничительных

разъяснений. Отваживаясь взять на себя инициативу конституционного преобразования, Витте не произносит слова «конституция». Он надеется незаметно осуществить ее на практике, опираясь на тех, кто не выносит ее имени. Но для этого ему необходимо спокойствие. Он заявляет, что отныне аресты, конфискации и расстрелы будут производиться хотя и на основании старых законов, но «в духе» манифеста 17-го октября. В своей плутоватой наивности он надеялся, что революция немедленно капитулирует пред его либерализмом, как день тому назад самодержавие капитулировало пред революцией. Он грубо ошибался.

Если Витте получил власть благодаря победе или, точнее, благодаря половинчатому характеру победы октябрьской стачки, то те же условия создали для него заранее совершенно безвыходное положение. Революция оказалась недостаточно сильной, чтобы разрушить старую государственную машину и из элементов своей собственной организации строить новую. Армия осталась в прежних руках. Все старые администраторы — от губернатора до урядника, — подобранные для нужд самодержавия, сохранили свои посты. Остались также неприкосновенными все старые законы — впредь до издания новых. Таким образом абсолютизм, как материальный факт, сохранился целиком. Он сохранился даже как имя, ибо слово «самодержец» не было устранено из царского титула. Правда, властям было приказано применять законы абсолютизма «в духе» манифеста 17-го октября. Но это было то же самое, что предложить Фальстафу [40]) распутничать «в духе» целомудрия. В результате местные самодержцы шестидесяти русских сатрапий совершенно растерялись. Они то шли в хвосте революционных демонстраций и брали под козырек пред красными знаменами, то пародировали Гесслера [41]), требуя, чтоб население снимало перед ними шляпы, как перед представителями священной особы его величества; то позволяли социал-демократам приводить войска к присяге, то открыто организовывали контр-революционные избиения. Воцарилась полная анархия. Законодательной власти не существовало. Неизвестно было даже, когда и как она будет созвана.

Все более росло сомнение в том, будет ли она созвана вообще. Над этим хаосом висел граф Витте, старавшийся обмануть и Петергоф и революцию и, может быть, более всего обманывавший самого себя. Он принимал бесчисленные депутации, радикальные и ре-

акционные, был одинаково предупредителен и с теми и с другими, бессвязно развивал свои планы пред европейскими корреспондентами, писал ежедневно правительственные сообщения, в которых слезливо усовещивал гимназистов не принимать участия в антиправительственных демонстрациях и рекомендовал всем классам гимназии и всем классам общества овладеть собою и приняться за правильный труд,—словом, совершенно потерял голову.

Зато контр-революционные элементы бюрократии работали во-всю. Они научились ценить поддержку «общественных сил», вызывали повсюду к жизни погромные организации и, игнорируя официальную бюрократическую иерархию, объединялись между собою, имея в самом министерстве своего человека в лице Дурново. Подлейший представитель подлых нравов русской бюрократии, проворовавшийся чиновник, которого даже незабвенный Александр III вынужден был вышвырнуть энергичными словами: «убрать эту свинью», Дурново был теперь извлечен из мусорного ящика, чтобы в качестве министра внутренних дел образовать противовес «либеральному» премьеру. Витте принял это позорное даже для него сотрудничество, которое скоро свело его собственную роль к такой же фикции, к какой реальная практика бюрократии свела манифест 17-го октября. Опубликовав утомительную серию либерально-бюрократических прописей, Витте пришел к выводу, что русское общество лишено элементарного политического смысла, нравственной силы и социальных инстинктов. Он убедился в своем банкротстве и предвидел неизбежность кровавой политики репрессий как «подготовительной меры» для водворения нового строя. Но сам он не считал себя к этому призванным за недостатком «требуемых способностей» и обещал уступить свое место другому лицу. Он солгал и в этом случае. В качестве безвластного, всеми презираемого премьера, он сохранял свой пост в течение всего декабрьско-январского периода, когда хозяин положения, Дурново, засучив рукава, совершал кровавую работу мясника контр-революции.

«1905».

ПЕРВЫЕ ДНИ «СВОБОД»

Свое отношение к манифесту Совет выразил резко и точно в день его опубликования. Представители пролетариата потребовали: амнистии, устранения всей полиции сверху донизу, уда-

ления из города войск, создания народной милиции. Комментируя это постановление в передовой статье «Известий», мы писали: «Итак, конституция дана. Дана свобода собраний — но собрания оцепляются войсками. Дана свобода слова — но цензура осталась неприкосновенной. Дана свобода науки—но университеты заняты войсками. Дана неприкосновенность личности — но тюрьмы переполнены заключенными. Дан Витте — но оставлен Трепов. Дана конституция, но оставлено самодержавие. Все дано — и не дано ничего». Они ждут успокоения? Его не будет. «Пролетариат знает, чего он хочет, и знает, чего не хочет. Он не хочет ни полицейского хулигана Трепова, ни либерального маклера Витте — ни волчьей пасти, ни лисьего хвоста. Он не желает нагайки, завернутой в пергамент конституции». Совет постановляет: *всеобщая стачка продолжается.*

Рабочие массы с удивительным единодушием выполняют это постановление. Фабричные трубы без дыму стоят, как немые свидетели того, что в рабочие кварталы не проникла конституционная иллюзия. Однако все равно: с 18-го стачка теряет свой непосредственно боевой характер. Она превращается в колоссальную *демонстрацию недоверия.* Но вот провинция, ранее столицы вступившая в борьбу, начинает приступать к работам. 19-го заканчивается стачка в Москве. Петербургский Совет постановляет прекратить забастовку 21 ноября в 12 часов дня. Последним покидая поле, он устраивает удивительную манифестацию пролетарской дисциплины, призывая сотни тысяч рабочих к станкам в один и тот же час.

Еще до прекращения октябрьской стачки Совету удалось проверить свое огромное влияние, создавшееся в течение одной недели — это когда он по требованию неисчислимых масс стал во главе их и прошел с ними по улицам Петербурга.

18-го к 4 часам дня стотысячные массы собрались у Казанского собора. Их лозунгом была амнистия. Они хотели итти к тюрьмам, требовали руководства и двинулись к месту заседания рабочих депутатов. В шесть часов вечера Совет выбирает трех уполномоченных для руководства демонстрацией. С белыми повязками на головах и руках они показываются в окне второго этажа. Внизу дышит и волнуется человеческий океан. Красные знамена развеваются на нем, как паруса революции. Могучие клики приветствуют избранников. Совет в полном составе спускается вниз и погружается в толпу. «Оратора!»

Десятки рук протягиваются к оратору; миг — и его ноги упираются в чьи-то плечи. «Амнистия! К тюрьмам!» Революционные гимны, клики... На Казанской площади и у Александровского сквера обнажают головы: здесь к демонстрантам присоединяются тени жертв 9-го января. Им поют «Вечную память» и «Вы жертвою пали». Красные знамена у дома Победоносцева [42]). Свист и проклятья. Слышит ли их старый коршун?.. Пусть безбоязненно выглянет в окно — в этот час его не тронут. Пусть взглянет старыми преступными глазами на революционный народ, господствующий на улицах Петербурга. — Вперед!

Еще два-три квартала — и толпа у Дома Предварительного Заключения. Получается известие, что там сильная военная засада. Руководители демонстрации решают отправиться на разведки. В это время появляется депутация от союза инженеров — как впоследствии оказалось, наполовину самозванная — и извещает, что указ об амнистии уже подписан. Все места заключения заняты войсками, и, как достоверно известно союзу, на случай приближения масс к тюрьмам, Трепову развязаны руки, следовательно, кровопролитие совершенно неминуемо. После краткого совещания руководители распускают толпу. Демонстранты клянутся, в случае если указ не будет обнародован, снова собраться по зову Совета и двинуться на тюрьмы...

Борьба за амнистию была повсеместной. В Москве 18 октября многотысячная толпа добилась у генерал-губернатора немедленного освобождения политических заключенных. Список их был вручен депутации стачечного комитета *), и освобождение из тюрем происходило под ее контролем. В тот же день толпа разбила в Симферополе ворота тюрем и увезла политических узников в экипажах. В Одессе и Ревеле заключенные выпущены по настоянию демонстрантов. В Баку попытка освобождения привела к столкновению с войсками: трое убитых, восемнадцать раненых. В Саратове, Виндаве, Ташкенте, Полтаве, Ковне... — везде и всюду демонстративные шествия к тюрьмам. «Амнистия!» — не только уличные камни, но даже петербургская городская дума повторила этот крик.

— Ну, слава богу! Поздравляю вас, господа! — сказал Витте, отходя от телефона и обращаясь к трем рабочим, представителям Совета. — Царь подписал амнистию.

---

*) Он вскоре развился в Московский Совет Рабочих Депутатов.

— Полная или частичная дана амнистия, граф?

— Амнистия дана с соблюдением благоразумия, но все же достаточно широкая.

22 октября правительство наконец опубликовало царский указ «об облегчении участи лиц, впавших до воспоследования манифеста в преступные деяния государственные»,—жалкий, торгашески-скаредный акт с градациями «милосердия», истинное детище той власти, в которой Трепов олицетворял государственность, а Витте — либерализм.

Но была категория «государственных преступников», которых этот указ не коснулся вовсе и коснуться не мог. Это замученные, зарезанные, задушенные, проколотые и простреленные, это все убиенные за дело народа. В те часы октябрьской демонстрации, когда революционные массы благоговейно чтили на кровавых площадях Петербурга память убитых 9 января, в полицейских мертвецких уже лежали дымящиеся трупы первых жертв конституционной эры. Революция не могла вернуть жизнь своим новым мученикам, — она решила облечься в траур и торжественно предать их тела земле. Совет назначает на 23-е октября общенародную похоронную демонстрацию. Предлагают заранее оповестить правительство, ссылаясь на прецеденты. По требованию депутации Совета граф Витте в одном случае распорядился освободить двух арестованных руководителей уличного митинга, а в другом — предписал открыть закрытый за октябрьскую забастовку казенный Балтийский завод. При предостерегающих возражениях со стороны официальных представителей социал-демократии, собрание постановляет довести до сведения графа Витте через особую депутацию, что Совет берет на себя ответственность за порядок во время демонстрации и требует удаления полиции и войск.

Граф Витте очень занят и только что отказал в приеме двум генералам, но он беспрекословно принимает депутацию Совета. Процессия? Он лично ничего не имеет против: «такие процессии допускаются на Западе». Но — это не в его ведении. Нужно обратиться к Дмитрию Федоровичу Трепову, так как город находится под его охраной.

— Мы не можем обращаться к Трепову: на это у нас нет полномочий.

— Жаль. А то вы сами убедились бы, что это совсем не такой зверь, как о нем говорят.

— А знаменитый приказ: «патронов не жалеть», граф?

— Ну, это просто вырвалась сердитая фраза...

Витте звонит к Трепову, почтительно докладывает свое желание, «чтоб обошлось без крови», и ждет решения. Трепов надменно отсылает его к градоначальнику. Граф спешно пишет этому последнему несколько слов и вручает письмо депутации.

— Мы возьмем ваше письмо, граф, но мы оставляем за собой свободу действий. Мы не уверены в том, что нам придется им воспользоваться.

— Ну, конечно, конечно. Я ничего не имею против этого *).

Тут перед нами живой клок октябрьской жизни. Граф Витте поздравляет революционных рабочих с амнистией. Граф Витте хочет, чтобы было без крови, «как в Европе». Неуверенный, удастся ли спихнуть Трепова, он пытается мимоходом примирить с ним пролетариат. Высший представитель власти, он чрез посредство рабочей депутации просит градоначальника взять конституцию под свою защиту. Трусость, плутоватость, глупость — таков девиз конституционного министерства.

Зато Трепов идет напрямик. Он объявляет, что «в настоящее тревожное время, когда одна часть населения готова с оружием в руках восстать против действий другой части, никакие демонстрации на политической почве, в интересах самих же демонстрантов, допущены быть не могут», и приглашает устроителей манифестации «отказаться от своего замысла... ввиду могущих произойти весьма тяжелых последствий от тех решительных мер, к которым может быть вынуждена прибегнуть полицейская власть». Это было ясно и четко, как удар шашки или выстрел из винтовки. Вооружить городскую сволочь через полицейские участки, натравить ее на демонстрацию, вызвать замешательство, воспользоваться свалкой для вмешательства полиции и войск, пронестись по городу смерчем, оставляя за собой кровь, опустошение, дым пожарищ и скрежет зубовный,— вот неизменная программа полицейского негодяя, которому коронованное слабоумие вручило судьбы страны. Чаши правительственных весов в этот момент неуверенно колебались: Витте или Трепов?

---

*) «У графа С. Ю. Витте», очерк П. А. Злыднева, члена депутации, в коллективном труде «История Совета Рабочих Депутатов Петербурга», 1906. Исполнительный Комитет, выслушав доклад депутации, постановил: «поручить председателю Совета Рабочих Депутатов возвратить письмо председателю Совета Министров».

Расширить ли конституционный эксперимент или утопить его в погроме? Десятки городов стали в медовые дни нового курса ареной кровь леденящих событий, нити которых были в руках Трепова. Но Мендельсон и Ротшильд [43]) стояли за конституцию: законы Моисея, как и законы биржи, одинаково воспрещают им употребление свежей крови. В этом была сила Витте. Официальное положение Трепова покачнулось, — и Петербург был его последней ставкой.

Момент был крайне ответственный и важный. У Совета Депутатов не было ни интереса, ни желания поддерживать Витте — несколько дней спустя он это ясно показал. Но еще меньше у него было намерения поддерживать Трепова. Между тем выходить на улицу — значило итти навстречу его планам. Разумеется, политическое положение не исчерпывалось конфликтом биржи и полицейского застенка. Можно было стать выше планов как Витте, так и Трепова, и сознательно итти навстречу столкновению, чтобы смести обоих. По общему своему направлению политика Совета была именно такова: с открытыми глазами шел он навстречу неизбежному конфликту. Тем не менее, он не считал себя призванным ускорять его; чем позже, тем лучше. Приурочивать решительное сражение к траурной манифестации в такой момент, когда титаническое напряжение октябрьской стачки уже спадало, уступая место временной психологической реакции усталости и удовлетворения, — значило бы совершить чудовищную ошибку.

Автор этой книги — он считает нужным указать на это, ибо впоследствии он нередко подвергался суровым нареканиям,— внес предложение об отмене похоронной демонстрации. 22-го октября на экстренном заседании Совета в первом часу ночи, после страстных дебатов, была подавляющим числом голосов принята предложенная нами резолюция. Вот ее текст:

«Совет Рабочих Депутатов имел намерение устроить жертвам правительственных злодейств торжественные похороны в воскресенье 23-го октября. Но мирное намерение петербургских рабочих поставило на ноги всех кровавых представителей издыхающего строя. Поднявшийся на трупах 9-го января генерал Трепов, которому уже нечего терять пред лицом революции, бросил сегодня петербургскому пролетариату последний вызов. Трепов нагло дает понять в своем объявлении, что он хочет натравить на мирное шествие вооруженные полицией банды черной сотни,

а затем, под видом умиротворения, снова залить кровью улицы Петербурга. Ввиду этого дьявольского плана, Совет Депутатов заявляет: петербургский пролетариат даст царскому правительству последнее сражение не в тот день, который изберет Трепов, а тогда, когда это будет выгодно организованному и вооруженному пролетариату. Посему Совет Депутатов постановляет: заменить всеобщее траурное шествие внушительными повсеместными митингами чествования жертв, памятуя при этом, что павшие борцы своей смертью завещали нам удесятерить наши усилия для дела самовооружения и приближения того дня, когда Трепов вместе со своей полицейской шайкой будет сброшен в общую грязную кучу обломков монархии».

«1905».

ЦАРСКАЯ РАТЬ ЗА РАБОТОЙ

Совет ликвидировал октябрьскую стачку в те страшные черные дни, когда плач избиваемых младенцев, исступленные проклятья матерей, предсмертное хрипенье стариков и дикие вопли отчаяния неслись к небесам со всех концов страны. Сто городов и местечек России превратились в ад. Дымом пожарищ заволакивало солнце, огонь пожирал целые улицы — с домами и людьми. Это старый порядок мстил за свое унижение.

Свои боевые фаланги он набрал всюду — во всех углах, норах и трущобах. Здесь — мелкий лавочник и оборванец, кабатчик и его постоянный клиент, дворник и шпион, профессиональный вор и грабитель-дилетант, мелкий ремесленник и привратник дома терпимости, голодный темный мужик и вчерашний выходец деревни, оглушенный грохотом фабричной машины. Озлобленная нищета, беспросветная тьма и развращенная продажность становятся под команду привилегированного своекорыстия и сановной анархии.

Первые навыки массовых уличных действий были приобретены громилами в «патриотических» демонстрациях начала русско-японской войны. Тогда уже определились основные аксессуары: портрет императора, бутылка водки, трехцветное знамя. С того времени планомерная организация социальных отбросов получила колоссальное развитие: если масса участников погрома — поскольку тут может итти речь о «массе» — остается более или менее случайной, то ядро всегда дисциплинировано и организовано на военный лад. Оно получает сверху и передает

V Царская рать за работой.

Совет ликвидировал октябрьскую стачку. В эти страшные черные дни, когда плач избиваемых младенцев, исступленных проклятья матерей, предсмертное хрипение стариков и дикие вопли отчаяния неслись к небесам со всех концов страны. Сто городов и местечек России превратились в ад. Дымом пожарищ заволакивало солнце, огонь пожирал целые улицы — с домами и с людьми. Это старый порядок мстил за свое унижение.

Свои боевые фаланги он ~~набирает~~ набрал всюду — во всех углах, норах и трущобах. (Здесь — мелкий лавочник и оборванец, кабатчик и его постоянный клиент, дворник и шпион, профессиональный вор и ~~вор~~ грабитель-дилетант, мелкий ремесленник и привратник дома терпимости, голодный темный мужик и вчерашний выходец деревни, оглушенный грохотом фабричной машины.) Озлобленная нищета, беспросветная тьма и развращенная продажность становятся под команду привилегированного своекорыстия и сановной анархии.

Снимок с рукописи «Царская рать за работой»

вниз лозунг и пароль, определяет время и размер кровавых действий. «Погром устроить можно какой угодно, — заявил чиновник департамента полиции Комиссаров, — хотите на 10 человек, а хотите и на 10 тысяч» *).

О надвигающемся погроме знают все заранее: распространяются погромные воззвания, появляются кровожадные статьи в официальных «Губернских Ведомостях», иногда начинает выходить специальная газета. Одесский градоначальник выпускает от своего имени провокационную прокламацию. Когда почва подготовлена, являются гастролеры, специалисты своего дела. С ними вместе проникают в темную массу зловещие слухи: евреи собираются напасть на православных; социалисты осквернили святую икону; студенты порвали царский портрет. Где нет университета, там слух приурочивается к либеральной земской управе, даже к гимназии. Дикие вести бегут с места на место по телеграфной проволоке, иногда со штемпелем официальности. А в это время совершается подготовительная техническая работа: составляются проскрипционные списки лиц и квартир, подлежащих разгрому в первую очередь, вырабатывается общий стратегический план, из пригородов вызывается на определенное число голодное воронье. В назначенный день молебствие в соборе. Торжественная речь преосвященного. Патриотическое шествие — с духовенством во главе, с царским портретом, взятым в полицейском управлении, со множеством национальных знамен. Непрерывно играет оркестр военной музыки. По бокам и в хвосте — полиция. Губернаторы делают шествию под козырек, полицеймейстеры всенародно целуются с именитыми черносотенцами. В церквах по пути звонят колокола. «Шапки долой!» В толпе рассеяны приезжие инструкторы и местные полицейские в штатском платье, но нередко в форменных брюках, которых не успели сменить. Они зорко смотрят вокруг, дразнят толпу, науськивают ее, внушают ей сознание, что ей все позволено, и ищут повода для открытых действий. Для начала бьют стекла, избивают отдельных встречных, врываются в трактиры и пьют без конца. Военный оркестр неутомимо повторяет: «боже, царя храни», эту боевую песнь погромов. Если повода нет, его создают: забираются на чердак и оттуда стреляют в толпу, чаще

*) Факт сообщен в Первой Думе бывшим товарищем министра внутренних дел кн. Урусовым.

всего холостыми зарядами. Вооруженные полицейскими револьверами дружины следят за тем, чтоб ярость толпы не парализовалась страхом. Они отвечают на провокаторский выстрел залпом по окнам намеченных заранее квартир. Разбивают лавки и расстилают перед патриотическим шествием награбленные сукна и шелка. Если встречаются с отпором самообороны, на помощь являются регулярные войска. В два-три залпа они расстреливают самооборону или обрекают на бессилие, не подпуская ее на выстрел винтовки... Охраняемая спереди и с тылу солдатскими патрулями, с казачьей сотней для рекогносцировки, с полицейскими и провокаторами в качестве руководителей, с наемниками для второстепенных ролей, с добровольцами, вынюхивающими поживу, банда носится по городу в кроваво-пьяном угаре *)... Босяк царит. Трепещущий раб, час тому назад затравленный полицией и голодом, он чувствует себя сейчас неограниченным деспотом. Ему все позволено, он все может, он господствует над имуществом и честью, над жизнью и смертью. Он хочет — и выбрасывает старуху с роялем из окна третьего этажа, разбивает стул о голову грудного младенца, насилует девочку на глазах толпы, вбивает гвоздь в живое человеческое тело... Истребляет поголовно целые семейства; обливает дом керосином, превращает его в пылающий костер, и всякого, кто выбрасывается из окна, добивает на мостовой палкой. Стаей врывается в армянскую богадельню, режет стариков, больных, женщин, детей... Нет таких истязаний, рожденных горячечным мозгом, безумным от вина и ярости, пред которыми он должен был бы остановиться. Он все может, все смеет... «Боже, царя храни!» Вот юноша, который взглянул в лицо смерти, — и в минуту поседел. Вот десятилетний мальчик, сошедший с ума над растерзанными трупами своих родителей. Вот военный врач, пере-

*) «Во многих случаях сами полицейские чины направляли толпы хулиганов на разгром и разграбление еврейских домов, квартир и лавок, снабжали хулиганов дубинами из срубленных деревьев, сами совместно с ними принимали участие в этих разгромах, грабежах и убийствах и руководили действиями толпы». (Всеподданнейший отчет сенатора Кузьминского об одесском погроме.) «Толпы хулиганов, занимавшиеся разгромом и грабежами, — как признает и градоначальник Нейдгардт, — восторженно его встречали криками *«ура»*. Командующий войсками барон Каульбарс... обратился к полицейским чинам с *речью*, которая начиналась словами: «Будем называть вещи их именами. Нужно признаться, что все мы в душе сочувствуем этому погрому».

несший все ужасы порт-артурской осады, но не выдержавший нескольких часов одесского погрома и погрузившийся в вечную ночь безумия. «Боже, царя храни!..» Окровавленные, обгорелые, обезумевшие жертвы мечутся в кошмарной панике, ища спасения. Одни снимают окровавленные платья с убитых и, облачившись в них, ложатся в груду трупов — лежат сутки, двое, трое... Другие падают на колени перед офицерами, громилами, полицейскими, простирают руки, ползают в пыли, целуют солдатские сапоги, умоляют о помощи. Им отвечают пьяным хохотом. «Вы хотели свободы — пожинайте ее плоды». В этих словах — вся адская мораль политики погромов... Захлебываясь в крови, мчится босяк вперед. Он все может, он все смеет, — он царит. «Белый царь» ему все позволил, — да здравствует белый царь!*). И он не ошибается. Не кто другой, как самодержец всероссийский, является верховным покровителем той полуправительственной погромно-разбойничьей каморры, которая переплетается с официальной бюрократией, объединяя на местах более ста крупных администраторов и имея своим генеральным штабом придворную камарилью. Тупой и запуганный, ничтожный и всесильный, весь во власти предрассудков, достойных эскимоса, с кровью, отравленной всеми пороками ряда царственных поколений, Николай Романов соединяет в себе, как многие лица его профессии, грязное сладострастие с апатичной жестокостью. Революция, начиная с 9 января, сорвала с него все священные покровы и тем развратила его самого вконец. Прошло время, когда, оставаясь сам в тени, он довольствовался агентурой Трепова по погромным делам **). Теперь он бравирует своей связью с разнузданной сволочью кабаков и арестантских рот. Топча ногами глупую фикцию «монарха вне партий», он обменивается дружественными телеграммами с отъявленными громилами, дает аудиенции «патриотам», покрытым плевками общего презрения, и по требованию Союза Русского Народа

---

*) «В одной из таких процессий впереди несли трехцветное знамя, за ним портрет Государя, а непосредственно за портретом — серебряное блюдо и мешок с награбленным». (Отчет сенатора Турау.)

**) «По распространенному мнению Трепов докладывает Е. И. В. Государю Императору сведения о положении вещей... и влияет на направление политики... Будучи назначен дворцовым комендантом, генерал Трепов настоял на назначении в его распоряжение особых сумм на агентурные расходы...». (Письмо сенатора Лопухина.)

дарит свое помилование всем без изъятия убийцам и грабителям, осужденным его же собственными судами. Трудно представить себе более разнузданное издевательство над торжественной мистикой монархизма, как поведение этого реального монарха, которого любой суд любой страны должен был бы приговорить к пожизненным каторжным работам, если бы только признал его вменяемым!..

В черной октябрьской вакханалии, перед которой ужасы Варфоломеевской ночи кажутся невинным театральным эффектом, сто городов потеряли от трех с половиною до четырех тысяч убитыми и до десяти тысяч изувеченными. Материальный ущерб, исчисляемый десятками, если не сотнями миллионов рублей, в несколько раз превышает убытки помещиков от аграрных волнений... Так старый порядок мстил за свое унижение!

Какова была роль рабочих в этих потрясающих событиях?

В конце октября президент федерации северо-американских профессиональных союзов прислал на имя графа Витте телеграмму, в которой энергично призывал русских рабочих выступить против погромов, угрожающих недавно завоеванной свободе. «От имени не только трех миллионов организованных рабочих, — так заканчивалась телеграмма, — но и от всех рабочих Соединенных Штатов, я прошу вас, граф, передать эту депешу вашим согражданам — нашим братьям-рабочим». Но гр. Витте, который недавно только корчил из себя в Америке истого демократа, провозглашая, что «перо сильнее меча», нашел в себе теперь достаточно бесстыдства, чтобы втихомолку спрятать рабочую телеграмму в потайной ящик своего письменного стола. Только в ноябре Совет узнал о ней окольными путями. Но русским рабочим — к их чести — не нужно было дожидаться предостерегающего напоминания своих заокеанских друзей, чтоб активно вмешаться в кровавые события. В целом ряде городов они организовали вооруженные дружины, оказывавшие активный, местами героический отпор громилам, — и если войска держали себя хоть сколько-нибудь нейтрально, рабочая милиция без труда подавляла хулиганский разгул.

«На-ряду с этим кошмаром, — писал в те дни Немирович-Данченко, старый писатель, бесконечно далекий от социализма и пролетариата, — с этой вальпургиевой ночью умирающего чудовища, — посмотрите, с какою удивительной стойкостью, порядком и дисциплиною развивалось величавое движение рабо

чих. Они не запятнали себя ни убийствами, ни грабежами, — напротив, всюду они являлись на помощь обществу и, разумеется, куда лучше полиции, казаков и жандармов охраняли его от истребительного делириума захлебнувшихся кровью Каинов. Боевые дружины рабочих бросались туда, где начинали неистовствовать хулиганы. Новая выступающая на историческую арену сила показала себя спокойной в сознании своего права, умеренной в торжестве идеалов свободы и добра, организованной и повинующейся, как настоящее войско, знающее, что его победа — победа всего, ради чего живет, мыслит и радуется, бьется и мучится человечество».

* * *

В Петербурге погрома не произошло. Но открытая подготовка шла во-всю. Еврейское население столицы находилось в состоянии постоянного трепета. Начиная с 18-го, в разных частях города избивают студентов, агитаторов-рабочих, евреев. Не только на окраинах, но на Невском нападают отдельными бандами, с гиканьем и свистом, пуская в ход кистени, финские ножи и нагайки. Было произведено несколько покушений на депутатов Совета, которые деятельно обзаводятся револьверами. Полицейские агенты подговаривают торговцев и приказчиков атаковать предполагавшееся траурное шествие 23 октября... Если черной сотне пришлось, тем не менее, удовлетвориться партизанскими действиями, то в этом не ее вина.

Рабочие деятельно готовились отстоять город. Некоторые заводы обязались выступить на улицу целиком, как только телефон призовет их туда, где грозит опасность. Оружейные магазины ведут лихорадочную торговлю браунингами, минуя все полицейские ограничения. Но револьверы стоят дорого и мало доступны широким массам — революционные партии и Совет едва успевают вооружать свои боевые дружины. Между тем слухи о погроме становятся все грознее. 29 октября могучий порыв охватывает пролетарские массы Петербурга: они вооружаются, чем могут. Все заводы и мастерские, имеющие отношение к железу или стали, выделывают, по собственной инициативе, холодное оружие. Кинжалы, пики, проволочные плети и кастеты выковываются в несколько тысяч молотков. Вечером на заседании Совета депутаты друг за другом всходят на трибуну, демонстрируют клинки, поднимая их высоко над головой, и передают клятвен-

ное обещание своих избирателей подавить погром при первой его вспышке. Уж одна эта демонстрация должна была парализовать у рядовых погромщиков всякую инициативу. Но рабочие этим не ограничились. За Невской заставой, в фабричных кварталах они организовали настоящую милицию с правильными ночными дежурствами. Они несли, кроме того, специальную охрану помещений революционной прессы. А это было необходимо в то напряженное время, когда журналист писал, а наборщик набирал с револьвером в кармане...

Вооружаясь в целях самообороны от черных сотен, пролетариат тем самым вооружался против царской власти. Правительство не могло этого не понимать, — и оно забило тревогу. 8 ноября «Правительственный Вестник» доводил до общего сведения то, что́ всем и без того было известно, — именно, что рабочие «начали за последнее время вооружаться револьверами, охотничьими ружьями, кинжалами, ножами и пиками. Из вооруженных таким образом рабочих, — продолжает правительственное сообщение, — число которых, по имеющимся сведениям, достигает 6 тыс. человек, выделилась так называемая самооборона или милиция, числом около 300 человек, которые ходят ночью по улицам группами по 10 человек под предлогом охраны; действительная же их цель заключается в охране революционеров от ареста полицией или войсками».

В Петербурге открылась правильная атака на милиционеров. Дружины разгонялись, оружие конфисковывалось. Но к этому времени опасность погрома уже прошла, чтоб уступить место другой, несравненно большей опасности. Правительство увольняло во временный отпуск свои иррегулярные отряды, — оно вводило в дело своих регулярных башибузуков, свои казачьи и гвардейские полки, оно готовилось к войне развернутым фронтом.

«1905».

II
Пролетариат и крестьянство в революции

1. НАСТУПЛЕНИЕ ПРОЛЕТАРИАТА И ТАКТИКА СОВЕТА

ШТУРМ ЦЕНЗУРНЫХ БАСТИЛИЙ

Прекрасную кампанию — стройную, политически-законченную и победоносную — провел Петербургский Совет в защиту свободы печати. Верным его товарищем в этой борьбе явилась молодая, но сплоченная профессионально-политическая организация — Союз рабочих печатного дела.

«Свобода печати, — так говорил оратор-рабочий на многолюдном собрании Союза, предшествовавшем октябрьской стачке, — нужна нам не только как политическое благо. Она — наше экономическое требование. Литература, вытащенная из цензурных тисков, создаст расцвет типографскому делу и другим, связанным с ним отраслям промышленности».

С этого времени рабочие печатного дела открывают систематический поход против цензурных уставов. Уже и раньше, в течение всего 1905 года, в легальных типографиях печаталась нелегальная литература. Но это делалось тайно, в небольшом размере и с величайшими предосторожностями. С октября к фабрикации нелегальной литературы привлекается массовый наборщик. Внутри типографии конспирация почти исчезает. Вместе с тем усиливается давление рабочих на издателей. Наборщики настаивают на выпуске газет с игнорированием цензурных условий, в противном случае угрожают отказом от работ. 13 октября происходит совещание представителей периодических изданий. Рептилии из «Нового Времени» заседают бок-о-бок с крайними радикалами. И этот Ноев ковчег петербургской прессы решает — «не обращаться к правительству с требованием свободы печати,

а осуществлять ее явочным порядком». Постановление дышит гражданской отвагой! К счастью, всеобщая стачка покровительствует издателям, охраняя их мужество от испытаний. А затем им на помощь приходит «конституция». Голгофа политического мученичества благополучно отодвигается в сторону более заманчивой перспективы соглашения с новым министерством.

Манифест 17-го октября молчал о свободе печати. Граф Витте, однако, объяснял либеральным депутациям что это молчание является знаком согласия, что возвещенная свобода слова простирается и на печать. Но, прибавлял премьер, впредь до издания нового закона о печати, цензура остается в силе. Увы! — он ошибся: его конституционная цензура оказалась столь же бессильной, как и он сам. Не издатели, а рабочие решили ее судьбу.

«В России царским манифестом провозглашена «свобода» слова, — заявил Совет 19 октября, — но Главное Управление по делам печати сохранено, цензурный карандаш остался в силе... Свобода печатного слова еще только должна быть завоевана рабочими. Совет Депутатов постановляет, что только те газеты могут выходить в свет, редакторы которых игнорируют цензурный комитет, не посылают своих номеров в цензуру, вообще поступают так, как Совет Депутатов при издании своей газеты. Поэтому наборщики и другие товарищи рабочие печатного дела, участвующие в выпуске газет, приступают к своей работе лишь при заявлении редакторами об их готовности проводить свободу печати. До этого момента газетные рабочие продолжают бастовать, и Совет Депутатов примет все меры для выдачи бастующим товарищам их заработка. Газеты, не подчиняющиеся настоящему постановлению, будут конфискованы у газетчиков и уничтожены, типографские машины будут попорчены, а рабочие, не подчинившиеся постановлению Совета Депутатов, будут бойкотированы».

Это постановление, распространенное через несколько дней на все журналы, брошюрные и книжные издания, стало новым законом о печати. Типографская стачка вместе с всеобщей продолжалась до 21 октября. Союз рабочих печатного дела постановил: не нарушать забастовки даже для печатания конституционного манифеста, — и это постановление строго выполнялось. Манифест появился только в «Правительственном Вестнике», который набирался солдатами. Да еще реакционная газета

«Свет» [44]) тайком от собственных наборщиков выпустила подпольную царскую прокламацию 17 октября. «Свет» жестоко поплатился: его типография подверглась разгрому со стороны заводских рабочих.

Неужели только девять месяцев прошло после январского паломничества к Зимнему дворцу? Неужели только прошлой зимою эти самые люди умоляли царя даровать им свободу печати? Нет, лжет наш старый календарь! Революция имеет свое собственное летоисчисление, месяцы ей служат за десятилетия, годы — за века.

Царский манифест не нашел для себя среди двадцати тысяч рабочих печатного дела пары верноподданных рук. Зато социал-демократические прокламации, сообщавшие о манифесте и комментировавшие его, распространялись в громадном количестве уже 18 октября. Зато второй номер «Известий» Совета, вышедший в этот день, распространяется на всех перекрестках.

Все газеты после забастовки заявили, что отныне будут выходить вне всякой зависимости от цензуры. Большинство, однако, ни словом не упомянуло об истинном инициаторе этой меры. Только «Новое Время» пером своего Столыпина, брата будущего премьера [45]), робко возмущалось: мы сами готовы были принести эту жертву на алтарь свободной прессы; но к нам пришли, от нас потребовали, нас заставили — и отравили нам радость нашего самоотвержения. Да еще некий Башмаков, издатель реакционного «Народного Голоса» и дипломатической газеты на французском языке «Journal de St.-Pétersbourg» не проявил либеральной готовности делать bonne mine au mauvais jeu, т.-е. весело улыбаться с панихидой в душе. Он исходатайствовал в министерстве разрешение не представлять цензору ни корректур, ни готовых экземпляров своих газет и напечатал негодующее заявление в «Народном Голосе».

«Совершая нарушение закона по принуждению, — писал этот рыцарь полицейской законности, — несмотря на мое твердое убеждение, что закон, будь он и плохой закон, должен быть соблюден, пока его законная власть не отменит, *я поневоле* выпускаю настоящий номер без сношения с цензурой, хотя это право мне не принадлежит. Всею душою протестую против чинимого надо мною нравственного насилия и заявляю, что намерен соблюдать закон, как только будет к тому малейшая физическая возможность, ибо причисление моего имени к числу

забастовщиков в настоящее бурное время я счел бы для себя позором. Александр Башмаков».

Это заявление как нельзя лучше характеризует действительное соотношение сил, какое установилось в этот период между официальной законностью и революционным правом. И в интересах справедливости мы считаем нужным прибавить, что образ действий г. Башмакова весьма выигрывает при сравнении с поведением полуоктябристского «Слова», которое официально исходатайствовало у Совета Рабочих Депутатов письменное предписание не посылать своих номеров в цензуру. Для своих продерзостей по адресу старой власти эти люди нуждались в разрешении нового начальства.

Союз рабочих печатного дела был все время настороже. Сегодня он пресекает попытку издателя обойти постановление Совета и вступить в сношения с тоскующей без дела цензурой. Завтра он налагает свою руку на попытку воспользоваться освобожденным типографским станком для призыва к погромам. Случаи такого рода становятся все чаще. Борьба с погромной литературой началась с конфискации заказа на 100 тысяч экземпляров прокламации, подписанной «группой рабочих» и призывающей восстать против «новых царей» — социал-демократов. На оригинале этого погромного воззвания значились подписи графа Орлова-Давыдова [46]) и графини Мусиной-Пушкиной [47]). На запрос наборщиков Исполнительный Комитет постановил: остановить печатные машины, стереотипы уничтожить, готовые оттиски конфисковать. Самое воззвание высокопоставленных хулиганов Исполнительный Комитет со своими комментариями напечатал в социал-демократической газете.

«Если нет прямого призыва к насилию и погромам — не препятствовать печатанию», — таков был общий принцип, установленный и Исполнительным Комитетом, и Союзом рабочих печатного дела. Благодаря дружным усилиям наборщиков, вся чисто погромная литература была изгнана из частных типографий; только в департаменте полиции да в жандармском управлении, при закрытых ставнях и запертых дверях, на ручных станках, отнятых некогда у революционеров, печатались теперь кровожадные призывы.

Реакционная пресса выходила в общем совершенно беспрепятственно. В первые дни было, правда, несколько мелких исключений. В Петербурге мы знаем одну попытку примечания

наборщиков к реакционной статье и несколько протестов против грубых антиреволюционных выходок. В Москве наборщики отказались печатать программу возникшей тогда группы октябристов.

«Вот вам и свобода печати! — жаловался по этому поводу будущий глава Союза 17 октября Гучков [48]) на земском съезде.— Да ведь это — старый режим, только с другого конца. Остается воспользоваться рецептами этого режима: посылать печатать за границу или завести подпольную типографию».

Разумеется, негодованию фарисеев капиталистической свободы не было конца... Они считали себя правыми в том смысле, что наборщик не ответственен за текст, который он набирает. Но в то исключительное время политические страсти достигли такого напряжения, что рабочий и в сфере своей профессии ни на минуту не освобождался от сознания своей революционной ответственности. Наборщики некоторых реакционных изданий шли даже так далеко, что бросали свои места, обрекая себя на добровольную нужду. И они, конечно, нимало не нарушали «свободы печати», отказываясь набирать реакционные или либеральные клеветы на свой собственный класс. В худшем случае они нарушали свой договор.

Но капитал так глубоко пропитан насильнической метафизикой «свободного найма», вынуждающего рабочих выполнять самую отвратительную работу (строить тюрьмы и броненосцы, ковать кандалы, печатать органы буржуазной лжи), что он не устает клеймить морально мотивированный отказ от таких работ, как физическое насилие — в одном случае над «свободой труда», в другом — над «свободой печати».

* * *

22 октября появились освобожденные из векового плена русские газеты. Среди роя старых и новых буржуазных газет, для которых возможность все сказать была не благословением, а проклятием, ибо им в это великое время *нечего* было сказать, ибо в их словаре не было слов, которыми нужно и можно было разговаривать с новым читателем, ибо крушение цензурного жандарма оставило неприкосновенным их внутреннего жандарма, их озирающуюся на начальство осторожность, — среди этой братии, которая свое политическое косноязычие то наряжала в тогу высшего государственного разума, то украшала бубенцами базар-

ного радикализма, сразу выделился ясный и мужественный голос социалистической прессы.

«Наша газета — орган революционного пролетариата, — так заявляло о себе социал-демократическое «Начало» [49]).— Пролетариат России своей самоотверженной борьбой открыл нам поле свободного слова, — мы свое свободное слово несем на службу пролетариату России». Мы, русские публицисты социализма, в течение долгого времени жившие жизнью подпольных кротов революции, узнали цену открытого неба, вольного воздуха и свободного слова. Мы, которые вышли в глухую ночь реакции, когда завывали ветры и летали совы; мы, малочисленные, слабые, разрозненные, без опыта, почти мальчики — против страшного апокалиптического зверя; мы, вооруженные одной лишь беззаветной верой в евангелие интернационального социализма — против могущественного врага, с ног до головы вооруженного в доспехи интернационального милитаризма, — ютясь и скрываясь в щелях «легального» общества, мы объявили самодержавию войну на жизнь и на смерть. Что было нашим оружием? Слово. Если б высчитать, каким числом часов тюрьмы и далекой ссылки оплатила наша партия каждое революционное слово, получились бы страшные цифры... Потрясающая статистика сока нервов и крови сердца!

На длинном пути, усеянном капканами и волчьими ямами, между нелегальным писателем и нелегальным читателем стоит ряд нелегальных посредников: наборщик, транспортер, распространитель... Какая цепь усилий и опасностей! Один неверный шаг — и погибла работа всех... Сколько типографий было конфисковано, прежде чем они успевали приступить к работе! Сколько литературы, не дошедшей до читателя, было сожжено во дворах жандармских управлений! Сколько погибшего труда, парализованных сил, разбитых существований!

Наши жалкие тайные гектографы, наши тайные самодельные ручные станки мы противопоставили ротационным машинам официальной правительственной лжи и дозволенного либерализма. Но разве это не значило с топором каменного века выступать против пушки Круппа? Над нами издевались. И вот в октябрьские дни победил каменный топор. Революционное слово вырвалось на простор, само пораженное своей силой и упоенное ею.

Успех революционной прессы был колоссален. В Петербурге выходили две большие социал-демократические газеты, из которых каждая уже в первые дни насчитывала свыше пятидесяти тысяч подписчиков, и одна дешевая, тираж которой в две-три недели поднялся до ста тысяч. Широкое распространение имела также большая газета социалистов-революционеров. И в то же время провинция, в короткое время создавшая свою собственную социалистическую прессу, предъявляла огромный и все растущий спрос на революционные издания столицы.

Условия печати, как и все вообще политические условия, были неодинаковы в разных частях страны. Все зависело от того, кто чувствовал себя крепче в данном месте: реакция или революция. В столице цензура фактически перестала существовать. В провинции она устояла, но, под влиянием тона столичных газет, широко распустила вожжи. Борьба полиции с революционной прессой лишена была какой бы то ни было объединяющей идеи. Издавались постановления о конфискации отдельных изданий, но никто не приводил их серьезно в исполнение. Якобы конфискованные номера социал-демократических газет открыто продавались не только в рабочих кварталах, но и на Невском проспекте. Провинция поглощала столичную прессу, как манну. К приходу почтовых поездов на вокзалах стояли длинными шеренгами покупатели газет. Газетчиков рвали на части. Кто-нибудь вскрывал свежий номер «Русской Газеты» и читал вслух главные статьи. Вокзальное помещение набивалось битком и превращалось в бурную аудиторию. Это повторялось на другой и на третий день и затем входило в систему. Но иногда — и нередко — полная пассивность полиции сменялась необузданным произволом. Жандармские унтер-офицеры конфисковывали подчас «крамольную» столичную прессу еще в вагонах и уничтожали целыми кипами. С особенным неистовством полиция преследовала сатирические журналы. Во главе этой травли стоял Дурново, предложивший впоследствии восстановление предварительной цензуры рисунков. У него для этого были достаточные основания: опираясь на авторитетную характеристику, данную некогда Александром III, карикатура неизменно укрепляла тупую голову министра внутренних дел на туловище свиньи... Дурново был, однако, не одинок: все флигель-адъютанты, камергеры, гофмейстеры, егермейстеры, шталмейстеры были объединены с ним чувством мстительной злобы.

Этой шайке удалось наложить свою руку на закон о печати, которым министерство решило «теперь же, впредь до законодательной санкции через Государственную Думу, осуществить свободу печати», т.-е. в действительности обуздать ту свободу печати, которая, благодаря петербургскому пролетариату, уже осуществлялась фактически. Временные правила 24 ноября, оставляющие печать попрежнему в руках администрации, знают кары не только за призыв к стачке или манифестации, но и за оскорбление войска, за распространение ложных сведений о деятельности правительства, наконец, за распространение ложных слухов вообще. В России «временные правила» всякого рода являются по общему правилу самой долговечной формой закона. Так случилось и с временными правилами о печати. Изданные впредь до созыва Государственной Думы, они подверглись общему бойкоту и повисли в воздухе, как и все министерство Витте. Но победа контр-революции в декабре расчистила почву для виттевского закона о печати. Он вошел в жизнь, и дополненный новеллой, карающей за восхваление преступлений, с одной стороны, и дискреционной властью губернаторов и градоначальников — с другой, пережил Первую Думу, пережил Вторую и благополучно переживет Третью...

В связи с историей борьбы за свободу печати нам остается еще рассказать о том, как издавались «Известия Совета Рабочих Депутатов». Ибо история издания этих бюллетеней революции образует интересную страничку в главе о борьбе русского пролетариата за освобождение слова.

Первый номер был напечатан еще до «конституции» в небольшом объеме и незначительном количестве в частной типографии, тайно, за деньги. Второй номер печатался 18 октября *). Группа добровольцев отправилась в типографию радикального «Сына Отечества», который несколько позже перешел в руки социалистов-революционеров. Администрация колеблется. Положение еще совершенно смутно, и неизвестно, какими последствиями грозит печатание революционного издания.

— Вот если бы вы нас арестовали, — замечает кто-то из администрации.

---

*) Все дальнейшие эпизоды изложены нами по заметке главного организатора «летучих типографий» Совета, тов. Симановского: «Как печатались «Известия Совета Рабочих Депутатов».

— Вы арестованы, — отвечают ему.

— Силою оружия, — добавляет другой, вытаскивая из кармана револьвер.

— Вы арестованы! Все арестованы! — раздается в типографии и редакции.

— Впускать всех, но никого не выпускать!

— Где ваш телефон?.. Станьте к телефону! — отдаются приказания.

Работы начались, а в типографию прибывают все новые и новые лица. Являются сотрудники, собираются за расчетом наборщики. Наборщиков приглашают в мастерские и привлекают к набору, сотрудникам поручают писать заметки. Работа кипит.

Занята типография «Общественная Польза». Входы заперты. Приставлена стража.

В стереотипную входит местный стереотипер. Матрицы выколачиваются, разжигается печь. Вокруг — все незнакомые лица.

— Кто тут распоряжается? Кто позволил? — горячится при бывший и начинает тушить печь. Его осаживают и грозят запереть в чулан.

— Да в чем же тут дело?

Ему объясняют, что печатается № 3 «Известий Совета Рабочих Депутатов».

— Так вы бы так и сказали... Разве что?.. Я всегда готов...— и работа закипела под опытной рукой хозяина дела.

— Как же вы будете печатать? У нас нет электричества — спрашивает арестованный раньше управляющий.

— С какой станции вы его получаете? Оно будет через полчаса.

Управляющий называет станцию, но скептически относится к сделанному заявлению. Он сам уже несколько дней тщетно добивается электричества хотя бы только для освещения квартир, так как станция, на которой матросы замещали бастующих рабочих, работала только для казенных учреждений.

Ровно через полчаса электричество пробегает по лампочкам, и моторы могут работать. На лицах администрации почтительное изумление. Через несколько минут возвращается посланный рабочий с запиской офицера, заведующего электрической станцией. «По требованию Совета Рабочих Депутатов электричество отпущено в дом № 39 по Большой Подъяческой улице для типографии «Общественная Польза». Следует подпись.

Дружно и весело печатают напавшие и «арестованные» совместно третий номер в огромном количестве экземпляров.

В конце концов, место печатания «Известий» становится известным и полиции. Она является в типографию, но уже поздно: «Известия» увезены, гранки разобраны. Только в ночь на 4-е ноября, уже во время второй забастовки, полиции удалось настигнуть летучую дружину «Известий» за печатанием. Это произошло в типографии «Нашей Жизни», где работа шла уже вторые сутки. Получив отказ открыть двери, полиция взломала их. «Под охраной роты стрелков, с ружьями на-перевес, с револьверами наготове, — рассказывает Симановский, — ворвались городовые и пристава в типографию, но сами сконфузились пред мирной картиной труда наборщиков, спокойно продолжавших свое дело при появлении штыков.

— Мы все здесь находимся по распоряжению Совета Рабочих Депутатов, — заявили работающие, — и требуем удаления полиции, так как в противном случае мы лишены будем возможности отвечать за целость типографского имущества.

Пока шли переговоры с полицией, пока она собирала оригиналы и корректуры и припечатывала их к столам и реалам, арестованные не теряли времени и вели агитацию среди солдат и городовых: читали им вполголоса обращение Совета к солдатам и раздавали «Известия» по рукам. Затем наборщики были переписаны и отпущены, двери типографии опечатаны, и к выходам приставлена полицейская стража. Но — увы! — прибывшие на другой день следственные власти ничего не нашли. Двери были заперты, печати — целы, но ни набора, ни корректур, ни оригиналов не оказалось. Все было перенесено в типографию «Биржевых Ведомостей», где в это время беспрепятственно совершалось печатание № 6 «Известий».

6 ноября вечером было совершено наиболее крупное предприятие этого рода — захват колоссальной типографии «Нового Времени». Влиятельная рептилия посвятила на другой день этому событию две статьи, из которых одна была озаглавлена: «Как печатается официальная пролетарская газета».

Вот в каком виде представляется это дело по изображению «потерпевшей»:

Около 6 часов вечера в типографию газеты явились трое молодых людей... Случайно в это же время туда зашел управляю-

щий типографией. Ему доложили о пришедших, и он пригласил их в контору типографии.

— Удалите всех, — обратился один из них к управляющему, — нам необходимо с вами переговорить наедине.

— Вас трое, я один, — ответил управляющий, — и я предпочитаю говорить при свидетелях.

— Мы просим удалить посторонних в соседнюю комнату, нам всего два слова вам сказать надо.

Управляющий согласился. Тогда пришельцы объявили ему, что они явились по приказанию Исполнительного Комитета и что им предписано захватить типографию «Нового Времени» и напечатать в ней № 7 «Известий».

— Я не могу вам ничего сказать по этому поводу, — заявил депутатам управляющий. — Типография не моя: я должен переговорить с хозяином.

— Вы не можете выйти из типографии. Вызовите хозяина сюда, раз он вам нужен, — ответили депутаты.

— Я могу передать ему о вашем предложении по телефону.

— Нет, вы можете лишь вызвать его по телефону в типографию.

— Хорошо...

Управляющий направился к телефону в сопровождении двух депутатов и вызвал Суворина (сына). Тот отказался, ссылаясь на нездоровье, и прислал вместо себя члена редакции Гольдштейна. Этот последний описывает дальнейший ход событий довольно правдиво, лишь с легкими подчеркиваниями, которые должны в выгодном свете представить его собственное гражданское мужество.

«Когда я подошел к типографии, — рассказывает он, — газовые фонари не горели, вся улица была почти совсем погружена в темноту. У дома типографии и рядом я заметил несколько кучек народу, а у самых ворот на панели человек восемь-десять. Во дворе у самой калитки было человека три-четыре. Меня встретил десятник и проводил в контору. Там сидел управляющий типографией и три неизвестных молодых человека, — повидимому, рабочие. Когда я вошел, они поднялись мне навстречу.

— Что скажете, господа? — спросил я.

Вместо ответа один из молодых людей предъявил мне бумагу с предписанием от Совета Рабочих Депутатов печатать сле-

дующий номер «Известий» в типографии «Нового Времени». Предписание было написано на клочке бумаги, и к нему была приложена какая-то печать.

— Дошла очередь и до вашей типографии, — заявил мне один из посланцев.

— То-есть, что это значит: «дошла очередь»? — спросил я.

— Мы печатали в «Руси», [50]), в «Нашей Жизни» [51]), в «Сыне Отечества» [52]), в «Биржевых Ведомостях», а теперь вот у вас... Вы должны дать честное слово за Суворина и за вас, что не донесете на нас, пока мы не кончим работу.

— Я не могу отвечать за Суворина и не желаю давать честное слово за себя.

— В таком случае мы вас отсюда не выпустим.

— Я выйду силою. Предупреждаю вас, что я вооружен...

— Мы вооружены не хуже вас, — ответили депутаты, вынимая револьверы.

— Позовите сторожа и десятника, — обратились к управляющему депутаты.

Он взглянул на меня вопросительно. Я развел руками. Позвали сторожа. Потребовали, чтоб он снял полушубок. Десятника пригласили в контору. Мы все были арестованы. Через минуту по лестнице послышались шаги подымающейся толпы: в дверях конторы, в передней стояли люди.

Захват состоялся.

Трое депутатов куда-то выходили, входили, проявляли весьма энергичную деятельность...

— Позвольте спросить, — обратился я к одному из депутатов, — вы на какой машине соблаговолите работать?

— На ротационной.

— А если испортите?

— У нас прекрасный мастер.

— А бумага?

— У вас возьмем.

— Да ведь это — квалифицированный грабеж!

— Что делать»...

В конце концов, г. Гольдштейн смирился, дал обет молчания и был отпущен.

«Я спустился вниз, — рассказывает он. — Под воротами стояла непроглядная тьма. У самых ворот в полушубке, снятом со сторожа, дежурил «пролетарий» с револьвером. Другой

зажег спичку, третий вставил ключ в скважину. Щелкнул замок, калитка открылась, и я вышел...

«Ночь прошла спокойно. Управляющий типографией, которому предложили отпустить его на честное слово, отказался уйти. «Пролетарии» его оставили... Набор шел сравнительно медленно, да и рукописи поступали чрезвычайно медленно. Ждали текущего материала, который еще не поступал в типографию. Когда управляющий давал советы торопиться с работой, ему отвечали: «Успеем, нам спешить некуда». Уже к утру, к пяти часам, появились метранпаж и корректор, повидимому народ очень опытный...

«Наборная работа окончилась в 6 часов утра. Начали выколачивать матрицы и отливать стереотип. Газа, которым согревали печи для стереотипа, не было (из-за забастовки). Послали куда-то двух рабочих, и газ появился. Все лавки были заперты, но в течение ночи провизия добывалась беспрерывно. Для пролетариев лавки открывались. В 7 часов утра приступили к печатанию официальной пролетарской газеты. Работали на ротационной машине, и работали удачно. Печатание длилось до 11 часов утра. К этому времени типографию очистили, унося с собой пачки отпечатанной газеты. Увозили ее на извозчиках, которых собрали в достаточном количестве из разных концов... Полиция обо всем узнала на другой день и сделала большие глаза»...

Уже через час после окончания работ большой полицейский наряд в сопровождении роты пехоты, казаков и дворников ворвался в помещение Союза рабочих печатного дела для конфискации № 7 «Известий». Полиция встретила самый энергичный отпор. Ей заявили, что имеющиеся в наличности номера (всего 153 из отпечатанных 35 тыс.) добровольно выданы не будут. Во многих типографиях наборщики, узнав о вторжении полиции в помещение их Союза, немедленно приостановили только что возобновленные после ноябрьской стачки работы, выжидая дальнейшего развития событий. Полиция предложила компромисс: присутствующие отвернутся, полиция выкрадет «Известия», а в протокол запишет, что конфискация произведена силой. Но компромисс был решительно отвергнут. Применять силу полиция не решилась — и отступила в полном боевом порядке, не захватив ни одного экземпляра «Известий».

После захвата типографии «Нового Времени» градоначальник объявил по полиции, что полицейские чины, в участке кото-

рых будет произведен новый захват подобного рода, подвергнутся самому строгому взысканию. Исполнительный Комитет ответил, что «Известия», выходящие только во время общих забастовок, будут в случае надобности и впредь издаваться в прежнем порядке. И действительно, во время декабрьской стачки второй Совет Рабочих Депутатов (после ареста первого состава) выпустил еще четыре номера «Известий».

Подробное сообщение «Нового Времени», о произведенном на его типографию набеге имело совершенно неожиданный результат. Революционеры провинции воспользовались готовым образцом, — и с этого времени захват типографий для печатания революционной литературы широко распространяется по всей России... Впрочем, о захвате в данном случае можно говорить лишь с большими оговорками. Мы уже не говорим о типографиях левых газет, где администрация хотела только одного — избежать ответственности, и потому сама выражала полную готовность быть арестованной. Но и в наиболее громком эпизоде с «Новым Временем» захват был бы невозможен без пассивного или активного сочувствия всего штата служащих. После того как руководивший захватом провозглашал «осадное положение» и тем снимал ответственность с персонала типографии, грань между осаждающими и осажденными стиралась, «арестованный» наборщик брался за революционный оригинал, мастер становился у своей машины, а управляющий подбадривал и своих и чужих к более быстрой работе. Не строго рассчитанная техника захватов и уж, разумеется, не физическое насилие обеспечивали успех, а та революционная атмосфера общего сочувствия, вне которой немыслима была бы вся деятельность Совета.

На первый взгляд может, однако, показаться непонятным, почему собственно для печатания своей собственной газеты Совет выбрал рискованный путь ночных набегов. Социал-демократическая пресса выходила в это время совершенно открыто. По тону она мало отличалась от «Известий». Постановления Совета, отчеты об его заседаниях она печатала целиком. Правда, «Известия» выходили почти исключительно во время общих забастовок, когда вся остальная пресса молчала. Но ведь от самого Совета зависело сделать изъятие для легальных социал-демократических газет и тем освободить себя от необходимости набегов на типографии буржуазной прессы. Он, однако, этого не сделал. Почему?

Если поставить этот вопрос изолированно, на него нельзя ответить. Но все становится понятным, если взять Совет целиком,— в его возникновении, во всей его тактике, как организованное воплощение верховного права революции в момент ее высшего напряжения, когда она не может и не хочет приспособляться к своему врагу, когда она идет напролом, героически расширяя свою территорию и снося прочь препятствия. Во время всеобщих стачек, когда замирала вся жизнь, старая власть считала для себя вопросом чести непрерывно печатать свой «Правительственный Вестник», и она делала это под охраной солдат. Совет противопоставлял ей свои рабочие дружины и выпускал в свет орган революции.

«1905».

НОЯБРЬСКАЯ СТАЧКА

От опасности к опасности, среди тысячи подводных рифов, пробиралось октябрьское министерство. Куда? Оно этого не знало само.

26 и 27 октября вспыхнуло в Кронштадте, на расстоянии трех пушечных выстрелов от Петербурга, военное восстание. Политически сознательная часть солдат удерживала массу от вспышки, но стихийная ярость прорвалась наружу. Не остановив движения, лучшие элементы армии стали впереди его. Им, однако, не удалось предупредить провоцированных властями хулиганских погромов, в которых главную роль играли банды известного чудотворца Иоанна Кронштадтского [53]), увлекшие за собой наиболее темную часть матросов. 28-го Кронштадт был объявлен на военном положении, и несчастное восстание было подавлено. Лучшим солдатам и матросам грозила казнь.

В день взятия Кронштадтской крепости правительство сделало решительное предостережение стране, объявив всю Польшу на военном положении: это была первая крупная кость, которую министерство манифеста выбросило петергофской камарилье на одиннадцатый день своего существования. Граф Витте взял на себя целиком ответственность за этот шаг: в правительственном сообщении он лгал о дерзновенной попытке (!) поляков к отложению и предостерегал их от вступления на опасный путь, «не в первый раз ими испытываемый». На второй день уже ему, чтоб не оказаться в плену у Трепова, пришлось ударить отбой:

он признал, что правительство считалось не столько с действительными событиями, сколько с возможными последствиями их развития -- ввиду «чрезмерной впечатлительности поляков». Таким образом военное положение было своего рода конституционной данью политическому темпераменту польского народа.

29 октября был объявлен на военном положении целый ряд уездов Черниговской, Саратовской и Тамбовской губерний, охваченных аграрными волнениями. «Чрезмерная впечатлительность» оказывалась и у тамбовских мужиков.

Либеральное общество защелкало зубами от страха. Оно могло сколько угодно строить презрительные рожи в ответ на заигрывания Витте, — в душе оно крепко надеялось на него. Теперь же из-за спины Витте уверенно выступил Дурново, у которого оказалось достаточно ума, чтоб из афоризма Кавура [54]): «осадное положение есть способ управления дураков» сделать обратную теорию для собственного руководства.

Революционный инстинкт подсказал рабочим, что оставить безнаказанной открытую атаку контр-революции — значит поощрять ее наглость. 29-го, 30 октября и 1 ноября происходят на большинстве петербургских заводов массовые митинги, которые требуют от Совета решительных мер протеста.

1 ноября после горячих дебатов Совет на многочисленном и бурном заседании принял подавляющим большинством следующее решение:

«Правительство продолжает шагать по трупам. Оно предает полевому суду смелых кронштадтских солдат армии и флота, восставших на защиту своих прав и народной свободы. Оно закинуло на шею угнетенной Польши петлю военного положения.

«Совет Рабочих Депутатов призывает революционный пролетариат Петербурга посредством общей политической забастовки, уже доказавшей свою грозную силу, и посредством общих митингов протеста проявить свою братскую солидарность с революционными солдатами Кронштадта и революционными пролетариями Польши.

«Завтра, 2 ноября, в 12 часов дня рабочие Петербурга прекращают работы с лозунгами: Долой полевые суды! Долой смертную казнь! Долой военное положение в Польше и во всей России!».

Успех призыва превзошел все ожидания. Несмотря на то, что после прекращения октябрьской стачки, поглотившей столько

сил, не прошло и двух недель, петербургские рабочие с поразительным единодушием бросали работу. До 12 час. 2 ноября бастовали уже все крупные фабрики и заводы, имевшие своих представителей в Совете. Многие средние и мелкие промышленные заведения, еще не принимавшие участия в политической борьбе, примыкали теперь к стачке, выбирали депутатов и посылали их в Совет. Областной комитет петербургского железнодорожного узла присоединился к решению Совета, и все железные дороги, кроме Финляндской, прекратили свою деятельность. По общему числу участников рабочих ноябрьская стачка превзошла не только январскую, но и октябрьскую. Не бастовали почта и телеграф, извозчики, конный трамвай и большинство приказчиков. Из газет выходили только: «Правительственный Вестник», «Ведомости Петербургского Градоначальства» и «Известия Совета Рабочих Депутатов» — первые две под охраной солдат, третья под охраной боевых рабочих дружин.

Граф Витте был застигнут совершенно врасплох. Две недели тому назад он думал, что, раз власть в его руках, ему остается лишь поощрять, вести, останавливать, угрожать, руководить... Ноябрьская стачка, этот возмущенный протест пролетариата против правительственного лицемерия, совершенно сбила великого государственного человека с позиции. Ничто так не характеризует его непонимания смысла революционных событий, его ребяческой растерянности пред ними и, вместе с тем, его надутого самомнения, как та телеграмма, которою он думал утихомирить пролетариат. Вот ее текст во всей неприкосновенности:

«Братцы-рабочие, станьте на работу, бросьте смуту, пожалейте ваших жен и детей. Не слушайте дурных советов. Государь приказал нам обратить особое внимание на рабочий вопрос. Для этого Его Императорское Величество образовал министерство торговли и промышленности, которое должно установить справедливые отношения между рабочими и предпринимателями. Дайте время, — все возможное будет для вас сделано. Послушайте совета человека, к вам расположенного и желающего вам добра. Граф Витте».

Эта бесстыдная телеграмма, в которой трусливая злоба с ножом за пазухой корчит гримасы высокомерного дружелюбия, была получена и оглашена в заседании Совета 3 ноября и вызвала вихрь негодования. Тут же был с бурным единодушием

принят предложенный нами ответ, опубликованный через день в «Известиях».

«Совет Рабочих Депутатов, выслушав телеграмму графа Витте к «братцам-рабочим», выражает прежде всего свое крайнее изумление по поводу бесцеремонности царского временщика, позволяющего себе называть петербургских рабочих «братцами». Пролетарии ни в каком родстве с графом Витте не состоят.

По существу Совет заявляет:

«1. Граф Витте призывает нас пожалеть наших жен и детей. Совет Рабочих Депутатов призывает в ответ всех рабочих подсчитать, сколько вдов и сирот прибавилось в рабочих рядах с того дня, как Витте взял в свои руки государственную власть.

«2. Граф Витте указывает на милостивое внимание государя к рабочему народу. Совет Рабочих Депутатов напоминает петербургскому пролетариату о Кровавом Воскресеньи 9 января.

«3. Граф Витте просит дать ему «*время*» и обещает сделать для рабочих «*все возможное*». Совет Рабочих Депутатов знает, что Витте уже нашел *время*, для того чтобы отдать Польшу в руки военных палачей, и Совет Рабочих Депутатов не сомневается, что гр. Витте сделает *все возможное*, чтобы задушить революционный пролетариат.

«4. Граф Витте называет себя человеком, расположенным к нам и желающим нам добра. Совет Рабочих Депутатов заявляет, что он не нуждается в расположении царских временщиков. Он требует народного правительства на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права».

Осведомленные люди передавали, что с графом приключился припадок удушья, когда он получил ответ от бастующих «братцев».

5 ноября Петербургское телеграфное агентство сообщало:

«Ввиду распространившихся в провинции (!) слухов о применении военно-полевого суда и смертной казни к нижним чинам, участвовавшим в беспорядках в Кронштадте, мы уполномочены заявить, что все подобные слухи преждевременны (?) и лишены основания... Полевым судом участники кронштадтских событий судимы не были и не будут».

Это категорическое заявление означало не что иное как капитуляцию правительства перед забастовкой, и этого факта не могла, конечно, скрыть ребяческая ссылка на «слухи в провинции», в то время как протестующий пролетариат Петербурга приостановил торгово-промышленную жизнь столицы. По во-

просу о Польше правительство пошло на уступки еще раньше, объявив о своем намерении снять военное положение в губерниях Царства Польского, как только там «уляжется возбуждение» *).

Вечером 5 ноября Исполнительный Комитет, считая, что высший психологический момент достигнут, внес на заседание Совета резолюцию о прекращении стачки. Для характеристики политического положения в тот момент мы приведем речь докладчика Исполнительного Комитета:

«Только что была оглашена правительственная телеграмма, в которой говорится, что кронштадтские матросы предаются не военно-полевому суду, а военно-окружному суду.

«Опубликованная телеграмма представляет не что иное как демонстрацию слабости царского правительства, не что иное как демонстрацию нашей силы. Мы снова можем поздравить пролетариат Петербурга с огромной моральной победой. Но скажем прямо: если бы это правительственное заявление и не появлялось, мы все равно должны были бы призвать петербургских рабочих к прекращению стачки. По сегодняшним телеграммам видно, что везде в России политическая манифестация идет на убыль. Наша настоящая забастовка имеет характер *демонстративный*. Только под этим углом зрения мы можем оценивать ее успех или неуспех. Нашей прямой и непосредственной целью было показать пробуждающейся армии, что рабочий класс — за нее, что молчаливо он не даст ее в обиду. Разве мы не достигли этой цели? Разве мы не привлекли к себе сердце каждого честного солдата? Кто станет это отрицать? А если так, можно ли утверждать, что мы ничего не добились, можно ли смотреть на окончание забастовки, как на наше поражение? Разве мы не показали всей России, что через несколько дней после окончания великой октябрьской борьбы, когда рабочие еще не успели омыть кровь и залечить раны, дисциплинированность масс оказалась настолько высокой, что по одному слову Совета все снова забастовали, как один человек. Смотрите! — к забастовке примкнули на этот раз самые отсталые заводы, никогда раньше не бастовавшие, и здесь, в Совете, заседают теперь вместе с нами их депутаты. Передовые элементы армии устроили митинги протеста и таким образом приняли

*) Военное положение было снято указом 12 ноября.

участие в нашей манифестации. Это ли не победа? Это ли не блестящий результат? Товарищи, мы сделали то, что должны были сделать. Европейская биржа снова салютовала нашей силе. Одно сообщение о постановлении Совета Рабочих Депутатов отразилось крупным падением нашего курса за границей. Таким образом каждое наше постановление — было ли оно ответом гр. Витте или правительству в целом — наносило абсолютизму решительный удар.

«Некоторые товарищи требуют, чтобы забастовка продолжалась до передачи кронштадтских матросов суду присяжных и до отмены военного положения в Польше. Другими словами — до падения существующего правительства, ибо против нашей забастовки — в этом нужно отдать себе ясный отчет, товарищи,— царизм выдвинет *все* свои силы. Если смотреть на дело так, что целью нашего выступления должно быть свержение самодержавия, то, разумеется, мы не достигли цели. С этой точки зрения нам нужно было затаить негодование в груди и отказаться от демонстрации протеста. Но наша тактика, товарищи, вовсе не построена по этому образцу. Наши выступления — это ряд последовательных битв. Цель их — дезорганизация врага и завоевание симпатии новых друзей. А чья симпатия для нас важнее сочувствия армии? Поймите: обсуждая вопрос — продолжать забастовку или нет, мы, в сущности, обсуждаем вопрос: оставить ли за забастовкой демонстративный характер или обратить ее в решительный бой, т.-е. довести до полной победы или поражения. Мы не боимся ни сражений, ни поражений. Наши поражения — это только ступени нашей победы. Мы это уже не раз доказывали нашим врагам. Но для каждого боя мы ищем наиболее благоприятных условий. События работают на нас, и нам не к чему форсировать их ход. Я спрашиваю вас, для кого выгодно оттянуть решительное столкновение — для нас или для правительства? Для нас, товарищи! Ибо завтра мы будем сильнее, чем сегодня, а послезавтра — сильнее, чем завтра. Не забывайте, товарищи, что только недавно для нас создались те условия, при которых мы можем устраивать тысячные митинги, организовывать широкие массы пролетариата и с революционным печатным словом обращаться ко всему населению страны. Необходимо возможно более использовать эти условия для самой широкой агитации и организации в рядах пролетариата. Период подготовки масс к решительным

действиям мы должны затянуть сколько можем, сколько успеем — быть может, на месяц-два, чтобы затем выступить возможно более сплоченной и организованной армией. Правительству, конечно, было бы удобнее расстрелять нас сейчас, когда мы менее готовы к окончательному сражению. У некоторых товарищей возникает сегодня, как и в день отмены похоронной манифестации, следующее сомнение: ударив сейчас отбой, сможем ли мы в другой момент снова поднять массу? Не успокоится ли она? Я отвечаю: неужели же нынешний государственный строй может создать условия для ее успокоения? Неужели у нас есть основания беспокоиться, что впереди не будет событий, которые заставят ее подняться? Поверьте, их будет слишком много, — об этом позаботится царизм. Не забывайте далее, что нам еще предстоит избирательная кампания, которая должна будет поднять на ноги весь революционный пролетариат. И кто знает, не окончится ли избирательная кампания тем, что пролетариат взорвет на воздух существующую власть? Не будем же нервничать и обгонять события. Мы должны больше доверять революционному пролетариату. Разве он успокоился после 9 января? После комиссии Шидловского? После черноморских событий? Нет, революционная волна неизменно нарастает; и недалек тот момент, когда она захлестнет собою весь самодержавный строй.

«Впереди — решительная и беспощадная борьба. Прекратим сейчас забастовку, удовлетворившись ее огромной моральной победой, и приложим все наши силы для создания и укрепления того, что нам нужнее всего — организация, организация и организация. Стоит оглянуться вокруг, чтобы увидеть, что и в этой области каждый день приносит нам новые завоевания.

«Организуются сейчас железнодорожные служащие и почтово-телеграфные чиновники. Сталью рельс и проволокою телеграфа они свяжут в единое целое все революционные очаги страны. Они дадут нам возможность поднять в нужный момент всю Россию в двадцать четыре часа. Необходимо подготовиться к этому моменту и довести дисциплину и организованность до высших пределов. За работу, товарищи!

«Сейчас же необходимо перейти к боевой организации рабочих и их вооружению. Составляйте на каждом заводе боевые десятки с выборным десятским, сотни — с сотским и над этими сотнями ставьте командира. Доводите дисциплину в этих ячейках

до такой высокой степени, чтобы в каждую данную минуту весь завод мог выступить по первому призыву. Помните, что при решительном выступлении мы должны рассчитывать только на себя. Либеральная буржуазия уже начинает с недоверием и враждою относиться к нам. Демократическая интеллигенция колеблется. Союз Союзов, так охотно примкнувший к нам в первую забастовку, значительно менее сочувствует второй. Один член его на-днях сказал мне: «Своими забастовками вы восстанавливаете против себя общество. Неужели вы рассчитываете справиться с врагами только собственными силами?». Я напомнил ему один момент из французской революции, когда Конвент сделал постановление: «Французский народ не вступит в договор с врагом на своей территории». Кто-то из членов Конвента крикнул: «Неужели вы заключили договор с победой?». Ему ответили: «Нет, мы заключили договор со смертью».

«Товарищи, когда либеральная буржуазия, как бы кичась своей изменой, спрашивает нас: вы одни, без нас, думаете бороться? Разве вы заключили договор с победой? — мы ей в лицо бросаем наш ответ: нет, мы заключили договор со смертью».

Подавляющим большинством голосов Совет принял решение: прекратить стачечную манифестацию в понедельник 7 ноября в 12 часов дня. Печатные плакаты с постановлением Совета были распространены по фабрикам и заводам и расклеены по городу. В назначенный день и час стачка была прекращена с таким же единодушием, с каким началась. Она длилась 120 часов — в три раза меньше, чем военное положение в Польше.

Значение ноябрьской стачки, разумеется, не в том, что она отвела петлю от шеи нескольких десятков матросов, — что̀ значит это в революции, пожирающей десятки тысяч жизней? — и не в том, что она заставила правительство поспешно ликвидировать военное положение в Польше, — что̀ значит лишний месяц исключительных законов для этой многострадальной страны? Стачка в ноябре была криком об опасности, обращенным ко всей стране. Кто знает, не воцарилась ли бы дикая вакханалия реакции во всей стране немедленно после удачного эксперимента в Польше, если бы пролетариат не показал, что он «существует, бодрствует и готов отвечать ударом на удар» *). В революции, которая по со-

*) Слова резолюции Совета.

лидарности разноплеменного населения страны представляет прекрасную противоположность австрийским событиям 1848 года [55]), пролетариат Петербурга, во имя самой революции, не мог и не смел молча выдать в руки нетерпеливой реакции своих польских собратьев. И если он заботился о своем завтрашнем дне, он не мог и не смел молча пройти мимо кронштадтского восстания. Стачка в ноябре была кличем солидарности, брошенным пролетариатом через голову правительства и буржуазной оппозиции пленникам казармы. И клич был услышан.

Корреспондент «Times»'а в своем отчете о ноябрьской стачке писал со слов гвардейского полковника: «К сожалению, нельзя отрицать, что вмешательство рабочих, заступившихся за кронштадтских бунтовщиков, имело печальное моральное влияние на наших солдат. В этом «печальном моральном влиянии» — главное значение ноябрьской стачки. Она одним ударом встряхнула широкие круги армии и уже в ближайшие дни вызвала ряд митингов в казармах петербургского гарнизона. В Исполнительный Комитет, даже на заседания самого Совета, стали являться не только отдельные солдаты, но и солдатские делегаты, произносили речи, требовали поддержки; революционные связи среди солдат упрочились, прокламации находили широкий сбыт.

Возбуждение в рядах армии поднялось в эти дни до ее аристократических верхов. Автору пришлось во время ноябрьской стачки участвовать в качестве «оратора от рабочих» на военном собрании, единственном в своем роде. О нем стоит здесь рассказать.

С пригласительной карточкой баронессы Х*) я явился в 9 час. вечера в один из самых богатых особняков Петербурга. Швейцар, с видом человека, который в эти дни решил ничему не удивляться, снял с меня пальто и повесил в длинном ряду офицерских шинелей. Лакей ждал визитной карточки. Увы! — какая может быть визитная карточка у нелегального? Чтобы вывести его из затруднения, я вручил ему пригласительную карточку хозяйки дома. В приемную вышли сперва студент, затем радикальный приват-доцент, редактор «солидного» журнала и, наконец, сама баронесса. Повидимому, ожидали, что «от рабочих» явится более грозная фигура. Я назвал себя. Меня

*) Теперь можно ее назвать — Икскуль фон-Гильдебранд.

любезно пригласили войти. Приподняв портьеру, я увидел общество из 60—70 душ. На рядами расставленных стульях сидели с одной стороны прохода 30—40 офицеров, в том числе блестящие гвардейцы; с другой стороны — дамы. В переднем углу видна была группа черных сюртуков публицистики и адвокатского радикализма. У столика, заменявшего кафедру, председательствовал какой-то старичок. Рядом с ним я увидел Родичева [56]), будущего кадетского «трибуна». Он говорил о введении военного положения в Польше, об обязанностях либерального общества и мыслящей части армии в польском вопросе, говорил скучно и вяло, мысли были коротенькие и вялые, и по окончании его речи раздались вялые аплодисменты. После него говорил вчерашний «штуттгартский изгнанник», Петр Струве, который по милости октябрьской забастовки получил доступ в Россию и воспользовался им для того, чтобы сейчас же занять место на крайнем правом фланге земского либерализма и открыть оттуда разнузданную травлю против социал-демократии. Безнадежно плохой оратор, он, заикаясь и захлебываясь, доказывал, что армия должна стоять на почве манифеста 17 октября и защищать его от атак как справа, так и слева. Эта консервативная змеиная мудрость казалась очень пикантной в устах бывшего социал-демократа. Я слушал его речь и вспомнил, что семь лет тому назад этот человек писал: «чем дальше на Восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия», а затем сам перебрался на костылях немецкого ревизионизма в лагерь либеральной буржуазии, чтобы на собственном политическом опыте показать правильность своего исторического обобщения... После Струве говорил о кронштадтском восстании радикальный публицист Прокопович [57]); далее — опальный профессор, колебавшийся в выборе между либерализмом и социал-демократией, говорил обо всем и ни о чем; затем видный адвокат (Соколов) приглашал офицеров не препятствовать агитации в казармах. Речи становились все решительнее, атмосфера — горячее, аплодисменты публики — энергичнее. Я, в свою очередь, указал на то, что рабочие безоружны, что вместе с ними безоружна свобода, что в руках офицеров ключи к арсеналам нации, что в решительную минуту эти ключи должны быть переданы тому, кому они принадлежат по праву — народу. В первый и, вероятно, в последний раз в жизни мне пришлось выступать перед такого рода аудиторией...

«Печальное моральное влияние» пролетариата на солдат побудило правительство к ряду репрессий. В одном из гвардейских полков произведены были аресты, часть матросов под конвоем перевели из Петербурга в Кронштадт. Солдаты со всех сторон обращались к Совету, спрашивали: что делать? На эти запросы мы ответили воззванием, ставшим известным под именем «Манифеста к солдатам». Вот его текст:

«Совет Рабочих Депутатов отвечает солдатам:

«Братья-солдаты армии и флота!

«Вы часто обращаетесь к нам, Совету Рабочих Депутатов, за советом и поддержкой. Когда арестовали солдат Преображенского полка, вы обратились к нам за помощью. Когда арестовали учеников военно-электротехнической школы, вы обратились к нам за поддержкой. Когда флотские экипажи высылались под конвоем из Петербурга в Кронштадт, они искали у нас защиты.

«Целый ряд полков посылает к нам своих депутатов.

«Братья-солдаты, вы правы. У вас нет другой защиты, кроме рабочего народа. Если за вас не вступятся рабочие — вам нет спасения. Проклятая казарма задушит вас.

«Рабочие всегда за честных солдат. В Кронштадте и Севастополе рабочие боролись и умирали вместе с матросами. Правительство назначило военно-полевой суд над матросами и солдатами в Кронштадте. Тотчас же петербургские рабочие повсеместно прекратили работу.

«Они согласны голодать, но не согласны молча глядеть, как истязают солдата.

«Мы, Совет Рабочих Депутатов, говорим вам, солдаты, от имени всех петербургских рабочих:

«Ваше горе — наше горе; ваши нужды — наши нужды; ваша борьба — наша борьба. Наша победа будет вашей победой. Одни и те же цепи сковывают нас. Только дружные усилия народа и армии разорвут эти цепи.

«Как освободить преображенцев? Как спасти кронштадтцев и севастопольцев?

«Для этого нужно очистить страну от царских тюрем и военных судов. Отдельным ударом нам не освободить преображенцев и не спасти севастопольцев и кронштадтцев. Нужно общим могучим натиском смести с лица нашей родины произвол и самовластие.

«Кто может сделать это великое дело?

«Только рабочий народ вместе с братскими войсками.

«Братья-солдаты! Пробуждайтесь! Подымайтесь! Идите к нам! Честные и смелые солдаты, соединяйтесь в союзы!

«Будите спящих! Тащите отставших! Сговаривайтесь с рабочими! Связывайтесь с Советом Рабочих Депутатов!

«Вперед, за правду, за народ, за свободу, за жен и детей наших!

«Братскую руку протягивает вам

Совет Рабочих Депутатов».

Этот манифест относится уже к последним дням Совета.

«1905».

«ВОСЕМЬ ЧАСОВ И РУЖЬЕ!»

Один стоял пролетариат в этой борьбе. Его никто не хотел и не мог поддержать. Дело шло на этот раз не о свободе печати и не о борьбе с произволом мундирных башибузуков, даже не о всеобщем избирательном праве. Рабочий требовал гарантии для своих мускулов, для своих нервов, для своего мозга. Он решил отвоевать для себя часть своей собственной жизни. Он не мог больше ждать — и не хотел. В событиях революции он впервые ощутил свою силу и в них же впервые познал новую высшую жизнь. Он как бы вновь родился для жизни духа. Все его чувства напряглись, как струны. Новые необъятные лучезарные миры открылись перед ним... Скоро ли придет тот великий поэт, который воспроизведет картину революционного воскресения рабочих масс?

После октябрьской стачки, превратившей закопченные фабрики в храмы революционного слова, после победы, наполнившей гордостью самое усталое сердце, рабочий оказался в проклятых тисках машины. В полусне утренних сумерек он нырял в жерло фабричного ада, а поздним вечером, после гудка пресыщенной машины, он в полусне тащил свое вялое тело в угрюмую постылую нору. А кругом ярко горели огни — близкие и недоступные, которые он сам зажег: социалистическая пресса, политические собрания, партийная борьба — огромный и прекрасный мир интересов и страстей. Где же выход? В восьмичасовом рабочем дне. Это — программа программ и завет заветов. Только восьмичасовой рабочий день мог немедленно освободить

классовую силу пролетариата для революционной политики дня. К оружию, пролетарии Петербурга! Открывается новая глава в суровой книге борьбы.

Ещё во время великой стачки делегаты не раз говорили, что при возобновлении работ массы ни за что не согласятся работать на старых условиях. 26 октября делегаты одного из районов Петербурга решают помимо Совета ввести на своих заводах восьмичасовой рабочий день революционным путем. 27-го на некоторых рабочих собраниях единодушно принимается предложение делегатов. На Александровском механическом заводе вопрос решается закрытой баллотировкой, чтоб избежать давления. Результаты: 1.668 — за, 14 — против. Крупные металлические заводы начинают с 28-го работать восемь часов. Одновременно такое же движение возникает на другом конце Петербурга. 29 октября инициатор кампании докладывает в Совете о введении на трех больших заводах восьмичасовой работы «захватным путем». Гром аплодисментов. Сомнениям нет места. Разве не путь захвата дал нам свободу собраний и печати? Разве не революционным натиском мы вырвали конституционный манифест? Разве привилегии капитала для нас более священны, чем привилегии монархии? Робкие голоса скептиков тонут в волнах общего энтузиазма. Совет делает огромной важности постановление: он призывает все фабрики и заводы вводить самочинно восьмичасовой рабочий день. Он декретирует это почти без прений, как бы совершая само собою разумеющийся шаг. Он дает рабочим Петербурга 24 часа на подготовительные меры. И рабочим этого достаточно.

«Предложение Совета было встречено нашими рабочими восторженно, — пишет мой друг Немцов, делегат металлического завода. — В октябре мы боролись за требования всей страны; теперь же мы выставляем специально наше, пролетарское требование, которое ясно покажет нашим хозяевам-буржуа, что мы ни на минуту не забываем нашего классового требования. После прений заводский комитет (собрание представителей от мастерских; руководящую роль в заводских комитетах играли делегаты Совета) единогласно решил проводить с 1 ноября 8-часовой рабочий день. В тот же день депутаты сообщили по всем мастерским о решении заводского комитета... Они предложили рабочим приносить с собой пищу на завод, чтобы не делать обычного обеденного перерыва. 1 ноября рабочие вышли на работу в $6^3/_4$ часа утра, как и всегда. В 13 часов раздался

свисток, призывающий на обед: он вызвал много шуток со стороны рабочих, давших себе только получасовой перерыв вместо положенных $1^3/_4$ часа. В $3^1/_2$ часа дня весь завод прекратил работу, отработав ровно 8 часов».

«В понедельник, 31 октября, — читаем мы в № 5 «Известий Совета Рабочих Депутатов», — все заводские рабочие нашего района, согласно постановлению Совета, отработав 8 часов, оставили мастерские и с красными знаменами и пением марсельезы вышли на улицы. Манифестанты по пути «снимали» продолжавшие работать мелкие заведения».

С такой же революционной решимостью постановление Совета проводилось и в других районах. Первого ноября движение захватывает почти все металлические заводы и крупнейшие текстильные фабрики. Рабочие шлиссельбургских фабрик запрашивали Совет по телеграфу: «Сколько рабочих часов нужно работать с сегодняшнего дня?». Кампания развивалась с непреодолимым единодушием. Но пятидневная ноябрьская стачка клином врезалась в эту кампанию в самом ее начале. Положение становилось все труднее. Правительственная реакция делала отчаянные и небезуспешные усилия стать на ноги. Капиталисты энергично объединялись для отпора под протекторатом Витте. Буржуазная демократия «утомилась» от стачек. Она жаждала покоя и отдохновения.

До ноябрьской стачки капиталисты реагировали на самовольное сокращение рабочего дня различно: одни грозили немедленно закрыть заводы, другие ограничились соответственным вычетом из заработной платы. На целом ряде заводов и фабрик администрация шла на уступки, соглашалась на сокращение рабочего дня до $9^1/_2$ и даже до 9 часов. Так поступил, например, союз типографов. Настроение предпринимателей было в общем неуверенное. К концу ноябрьской стачки объединенный капитал успел оправиться и занял самую непримиримую позицию: восьмичасового рабочего дня не будет; в случае упорства рабочих—поголовный локаут. Расчищая предпринимателям дорогу, правительство первыми закрыло казенные заводы. Собрания рабочих все чаще разгонялись военной силой с явным расчетом вызвать упадок настроения. Положение обострялось с каждым днем. Вслед за казенными заводами был закрыт ряд частных. Несколько десятков тысяч душ было выброшено на мостовую. Пролетариат уперся в отвесную стену. Отступление стало неизбежным. Но рабочая масса стоит на своем. Она не хочет и слышать о возвра-

щении к работе на старых условиях. 6 ноября Совет прибегает к компромиссному решению, отменяя общеобязательный характер требования и призывая к продолжению борьбы лишь в тех предприятиях, где есть надежда на успех. Решение явно неудовлетворительно: не давая ясного призыва, оно грозило разбить движение на ряд схваток. Между тем положение все ухудшалось. В то время как казенные заводы были по настоянию делегатов открыты для работы на старых условиях, частными предпринимателями были закрыты ворота 13 новых фабрик и заводов. На улице еще прибавилось 19 тысяч душ. Забота об открытии заводов, хотя бы и на старых условиях, все более оттесняла вопрос о захватном проведении 8-часового рабочего дня. Необходимо было принять решительные меры, и 12 ноября Совет постановил ударить отбой. Это было самое драматическое из всех заседаний рабочего парламента. Голоса разделились. Два передовых металлических завода настаивают на продолжении борьбы. Их поддерживают представители некоторых текстильных, стеклянных и табачных фабрик. Путиловский завод решительно против. Поднимается средних лет ткачиха с фабрики Максвеля. Прекрасное открытое лицо. Полинялое ситцевое платье, несмотря на позднюю осень. Рука дрожит от волнения и нервно ищет ворота. Звенящий, проникновенный, незабываемый голос. «Вы приучили, — бросает она путиловским делегатам, — своих жен сладко есть и мягко спать, и потому вам страшно остаться без заработка. Но мы этого не боимся. Мы готовы умереть, но добиться 8 часов работы. Мы будем бороться до конца. Победа или смерть! Да здравствует 8-часовой рабочий день!»

И теперь еще, через 30 месяцев после того дня, этот голос надежды, отчаяния и страсти звучит в моих ушах, как неотразимый укор и непобедимый призыв. Где ты теперь, героический товарищ в полинялых ситцах? О, тебя никто не приучал сладко есть и мягко спать...

Звенящий голос обрывается... Минута болезненной тишины. Затем вихрь страстных аплодисментов. Делегаты, собравшиеся под тяжким ощущением насилия капиталистического рока, в этот момент поднялись высоко над текущим днем. Они аплодировали своей будущей победе над кровожадным роком.

После четырехчасовых прений Совет подавляющим большинством принял резолюцию отступления. Указав на то, что коалиция объединенного капитала с правительством сразу превратила

вопрос о 8-часовом рабочем дне в Петербурге в вопрос общегосударственный, что петербургские рабочие отдельно от рабочих всей страны не могут поэтому добиться успеха, резолюция гласит: «Посему Совет Рабочих Депутатов считает необходимым временно приостановить немедленное и повсеместное захватное введение 8-часового рабочего дня». Провести отступление организованными рядами стоило больших усилий. Много было рабочих, которые предпочитали вступить на путь, указанный максвельской ткачихой. «Товарищи-рабочие других фабрик и заводов, — писали Совету рабочие одной крупной фабрики, решившие продолжать борьбу за $9^1/_2$-часовой рабочий день, — простите нам, что мы так делаем, но больше нет силы продолжать это постепенное изнурение человека как в физическом, так и в нравственном отношении. Мы будем бороться до последней капли крови...»

* * *

При открытии кампании в пользу 9-часового рабочего дня капиталистическая пресса кричала, разумеется, что Совет хочет погубить отечественную промышленность. Либерально-демократическая печать, трепетавшая в этот период перед господином слева, молчала, точно воды в рот набрала. И только когда декабрьское поражение революции развязало ее узы, она принялась переводить на либеральный жаргон все обвинения реакции по адресу Совета. Его борьба за восьмичасовой рабочий день вызвала задним числом наиболее суровое осуждение с ее стороны. Нужно, однако, иметь в виду, что мысль о захватном сокращении рабочего дня — т.-е. путем фактического прекращения работ, без соглашения с предпринимателями — родилась не в октябре и не в среде Совета. В течение стачечной эпопеи 1905 года попытки такого рода делались не раз. Они приводили не только к поражениям. На казенных заводах, для которых политические мотивы сильнее экономических, рабочие добились таким путем введения девятичасового рабочего дня. Тем не менее, мысль о революционном установлении нормального рабочего дня — в одном Петербурге в двадцать четыре часа — может представиться совершенно фантастической. Какому-нибудь почтенному кассиру солидного профессионального союза она покажется прямо-таки безумной. И она, действительно, такова — под углом зрения «разумного» времени. Но в условиях революционного «безумия» она имела свою «разумность». Разумеется, нормальный рабочий

день в одном Петербурге — бессмыслица. Но петербургская попытка, по мысли Совета, должна была поднять на ноги пролетариат всей страны. Разумеется, восьмичасовой рабочий день может быть установлен только при содействии государственной власти. Но ведь пролетариат и находился тогда в борьбе за государственную власть. Если б он одержал политическую победу, введение восьмичасового рабочего дня явилось бы только естественным развитием «фантастического эксперимента». Но он не победил, — и в этом, конечно, его тягчайшая «вина».

И тем не менее, мы думаем, что Совет поступил, как мог и как должен был поступить. Выбора перед ним, в сущности, не было. Если б он из соображений «реалистической» политики стал кричать массам: *назад*! — они просто не подчинились бы ему. Борьба вспыхнула бы, но без руководства. Стачки шли бы, но разрозненно. При таких условиях поражение породило бы полную деморализацию. Совет понял свои задачи иначе. Его руководящие элементы вовсе не рассчитывали на непосредственный и полный практический успех кампании, но они считались с могучим стихийным движением как с фактом и решились претворить его в величественную, еще невиданную в социалистическом мире демонстрацию в пользу восьмичасового рабочего дня. Практические плоды ее, в виде значительного сокращения рабочего времени в ряде производств, были уже в ближайший период обратно исторгнуты предпринимателями. Но политические результаты неизгладимо врезались в сознание масс. Идея восьмичасового рабочего дня получила отныне такую популярность в самых отсталых рабочих слоях, какой не дали бы годы трудолюбивой пропаганды. И в то же время это требование органически срослось с основными лозунгами политической демократии. Упершись в организованное сопротивление капитала, за спиною которого стояла государственная власть, рабочая масса снова вернулась к вопросу о революционном перевороте, о неизбежности восстания, о необходимости оружия.

Защищая в Совете резолюцию отступления, докладчик Исполнительного Комитета следующими словами подводил итог кампании: «Если мы не завоевали восьмичасового рабочего дня для масс, то мы завоевали массы для восьмичасового рабочего дня. Отныне в сердце каждого петербургского рабочего живет его боевой клич: «восемь часов и — ружье!».

«1905».

2. АРМИЯ И КРЕСТЬЯНСТВО

МУЖИК БУНТУЕТ

Решающие события революции разыгрывались в городах. Но и деревня не молчала. Она начала шумно шевелиться, — неуклюже, спотыкаясь, как бы спросонок; но уже от первых ее движений волосы встали дыбом на голове у господствующих классов.

В течение последних двух-трех лет перед революцией отношения между крестьянами и помещиками обострились до крайности. «Недоразумения» непрерывно вспыхивали то здесь, то там. С весны 1905 года брожение в деревне угрожающе растет, принимая различные формы в различных областях страны. Грубыми чертами можно разграничить три бассейна крестьянской «революции»: 1) север, отличающийся значительным развитием обрабатывающей промышленности; 2) юго-восток, относительно богатый землей, и 3) центр, где нужда в земле отягчается жалким состоянием промышленности. В свою очередь, крестьянское движение выработало четыре главных типа борьбы: захват помещичьих земель с изгнанием помещиков и разгромом барских усадеб в целях расширения крестьянского землепользования; захват хлеба, скота, сена и порубка леса для непосредственного удовлетворения нужд голодающей деревни; стачечно-бойкотное движение, преследовавшее либо понижение арендных цен, либо повышение заработной платы, и, наконец, отказ от поставки рекрут, взноса податей и уплаты долгов. В различных сочетаниях эти формы борьбы распространились по всей стране, приспособляясь к хозяйственным условиям каждого района. Наиболее бурный характер крестьянское движение приняло в обездоленном центре. Здесь разгромы пронеслись опустошительным смерчем. На юге

прибегали главным образом к стачкам и бойкоту помещичьих экономий. Наконец, на севере, где движение было слабее всего, первое место занимали лесные порубки. Отказ крестьян признавать административные власти и платить подати имел место везде, где экономическое возмущение приобретало радикальную политическую окраску. Во всяком случае, широкий массовый характер аграрное движение приняло лишь после октябрьской стачки.

Посмотрим ближе, как мужик делает свою революцию.

В Самарской губернии беспорядки охватили четыре уезда. Сначала дело шло так. Крестьяне являлись в частновладельческие экономии и увозили оттуда только корм для скота; при этом точно подсчитывали, сколько в имении имеется собственного скота и для прокормления его отделяли помещику надлежащее количество корма, остальное увозили на своих подводах. Действовали спокойно, без насилий, «по совести», стараясь столковаться, чтоб не было «никакого скандала». Хозяину поясняли, что теперь настали новые времена и жить нужно по-новому, по-божески: у кого много, тот должен давать тем, у кого ничего нет... Затем отдельные группы «уполномоченных» появляются на железнодорожных станциях, где сложено много помещичьего зерна. Справляются, чей хлеб, и объявляют, что по постановлению «мира» увезут зерно с собой. «Как же, братцы, вы возьмете? — возражает начальник станции. — Ведь мне отвечать придется... вы пожалейте меня...» — «Что и говорить, — соглашаются грозные «экспроприаторы», — нам тебя обижать не приходится... Главная вещь — нам-то с руки; станция близко... Не хотелось на хутор ехать: далеко очень... А делать нечего: приходится ехать к «самому», из амбара прямо забирать...» Хлеб, сложенный на станциях, остается нетронутым; в экономиях же идет справедливая дележка. Но вот доводы насчет «новых времен» начинают терять свое влияние на помещика: он собирается с духом и оказывает отпор. Тогда добродушный мужик становится на дыбы — и не оставляет в усадьбе камня на камне...

В Херсонской губернии крестьяне передвигаются из имения в имение огромными толпами, с массою подвод для вывоза «поделенного» имущества. Насилий и убийств не было, так как растерянные помещики и управляющие бегут, отпирая все замки и затворы по первому требованию крестьян. В этой же губернии ведется энергичная борьба за понижение арендной платы. Цены назна-

чаются самими крестьянскими обществами, с соблюдением «справедливости». Только у Безюкова монастыря отняли 15 тысяч десятин без всякой платы, ссылаясь на то, что монахи должны богу молиться, а не землей барышничать.

Но самые бурные события разыгрались в конце 1905 года в Саратовской губернии. В селениях, вовлеченных в движение, не оставалось ни одного пассивного крестьянина. Все поднялись. Помещики с семьями удаляются из усадеб, все движимое имущество подвергается дележке, скот уводится, батраки и домашняя прислуга рассчитываются и в заключение пускается красный петух. Во главе крестьянских «колонн», совершающих нападение, стоят вооруженные дружины. Урядники и стражники скрываются, а в некоторых местах арестовываются дружинами. Поджог владельческих построек совершается для того, чтоб лишить помещика возможности вернуться через некоторое время в свои владения. Но насилий никаких не допускается. Разрушив до-тла экономию, крестьяне составляют приговор о том, что с весны помещичья земля переходит к «миру». Денежные суммы, захваченные в экономических конторах, в казенных винных лавках или у сборщиков питейных доходов, немедленно обращаются в общественную собственность. Распределением экспроприированного имущества заведуют местные крестьянские комитеты или братства. Разгром имений совершается почти вне всякой зависимости от индивидуальных отношений крестьян к помещикам: громят реакционеров, громят и либералов. Политические оттенки смываются волной сословной ненависти... Разрушены до-тла усадьбы местных либеральных земцев, сожжены бесследно старинные помещичьи дворцы с ценными библиотеками и картинными галлереями. В некоторых уездах уцелевшие усадьбы считаются единицами... Картина этого мужицкого крестового похода во всех местах одинакова. «Начинается, — пишет один из корреспондентов, — освещение небосклона всю ночь заревами. Картина ужасная. С утра вы видите несущиеся вереницы экипажей тройками и парами, наполненных людьми, бегущими из усадеб; а как только смеркнется, весь горизонт одевает как бы огненное ожерелье из зарев. Были ночи, когда насчитывали до 16 зарев сразу... Помещики бегут в панике, заражая ею все на пути своем».

За короткое время было сожжено и разрушено в стране свыше 2 тысяч помещичьих усадеб, из них в одной Саратовской губернии — 272. Убыток помещиков только по десяти наиболее

пострадавшим губерниям определяется, по официальным данным, в 29 миллионов рублей, из которых на одну Саратовскую губернию приходится около 10 миллионов.

Если верно вообще, что не политическая идеология определяет ход классовой борьбы, то это трижды верно по отношению к крестьянству. У саратовского мужика должны были быть веские причины в пределах его двора, гумна и околицы, раз они заставили его бросить зажженный пук соломы под дворянскую крышу. Но было бы, тем не менее, ошибкой совершенно игнорировать влияние политической агитации. Как ни смутно, как ни хаотично было восстание крестьян, но в нем уже имелись несомненные попытки политического обобщения. И это внесла работа партий. В течение 1905 года даже либеральные земцы делали опыты оппозиционного просвещения крестьян. При различных земских учреждениях вводилось полуофициальное крестьянское представительство, на обсуждение которого ставились вопросы общего характера. Несравненно деятельнее цензовых либералов были земские служащие: статистики, учителя, агрономы, фельдшерицы и пр. Значительная часть этой публики принадлежала к социал-демократам и социалистам-революционерам; большинство состояло из неоформленных радикалов, которым частное землевладение во всяком случае не казалось священным институтом. В течение нескольких лет социалистические партии через земских служащих организовывали среди крестьян революционные кружки и распространяли нелегальную литературу. В 1905 г. агитация стала массовой и вышла из подполья. Большую службу сослужил в этом отношении нелепый указ 18 февраля, который установил нечто вроде права петиций. Опираясь на это право или, вернее, на вызванную указом растерянность местных властей, агитаторы созывали сельские сходы и побуждали их принимать резолюции об отмене частной собственности на землю и о созыве народного представительства. Подписавшиеся под резолюцией крестьяне во многих местах считали себя членами «крестьянского союза» и выбирали из своей среды комитеты, которые нередко совершенно оттирали в сторону законную сельскую власть. Так шло дело, например, среди казачьего населения Донской области. В станицах собиралось по 600—700 человек. «Странная аудитория, — пишет один из агитаторов. — За столом атаман при оружии. Перед вами стоят и сидят люди с шашками и без шашек. Этих людей мы привыкли видеть, как не совсем

приятный апофеоз всяких собраний и митингов. Странно смотреть в эти глаза, постепенно зажигающиеся гневом против панов и чиновников. Какая невероятная разница между казаком в строю и казаком у пашни!». Агитаторов встречали и провожали с восторгом, ездили за ними за десятки верст и зорко охраняли от полиции. Но представление об их роли было во многих глухих углах смутным. «Спасибо добрым людям, — говорил иногда мужичок, расписавшись под резолюцией, — выхлопочут нам земельки».

В августе месяце собрался под Москвою первый съезд крестьян. Свыше ста представителей от 22 губерний заседали двое суток в большом старом сарае, укромно расположенном в стороне от дороги. На этом съезде была впервые оформлена идея Всероссийского Крестьянского Союза [58]), объединившая многих партийных и беспартийных крестьян и интеллигентов.

Манифест 17 октября дал еще больший простор агитации в деревне. Даже умереннейший псковский земец, граф Гейден [59]), ныне уже умерший, начал устраивать по волостям митинги для разъяснения начал «нового строя». Крестьяне сперва относились к его агитации безучастно, затем раскачались и почувствовали потребность перейти от слов к делу. Для начала решили «бастовать» лес *). То-то либеральный граф сделал большие глаза! Но если при своих попытках установить гармонию сословий на основе царского манифеста цензовые либералы обжигали себе пальцы, зато революционная интеллигенция имела огромный успех. По губерниям происходили крестьянские съезды; шла лихорадочная агитация; города выбрасывали в деревни горы революционной литературы; креп и расширялся крестьянский союз. В далекой и глухой Вятской губернии состоялся съезд крестьян, на котором присутствовало 200 человек. Три роты местного батальона прислали своих делегатов с выражением сочувствия и обещанием поддержки. Такое же заявление через своих представителей сделали рабочие. Съезд добился у растерянных властей разрешения беспрепятственно устраивать митинги в городах и деревнях. Недели две шли по всей губернии непре-

*) Слово «забастовщик» приобрело у крестьян и вообще у широких народных масс то же значение, что *революционер*. Бастовать—значит совершить какое-нибудь революционное дело. «Забастовали исправника» значит арестовали или убили исправника. Это своеобразное словоупотребление свидетельствует, однако, об огромном революционном влиянии рабочих и их методов борьбы.

рывные собрания. Постановление съезда о прекращении уплаты податей энергично проводилось в жизнь... При всем различии форм крестьянское движение во всей стране привело к массовым проявлениям. На окраинах оно сразу приобрело резко революционный характер. В Литве крестьянство, по постановлению виленского съезда, насчитывавшего более 2 тысяч уполномоченных, сменило революционным путем волостных писарей, старшин, учителей народных училищ, прогнало жандармов, земских начальников и ввело выборные суды и волостные исполнительные комитеты... Еще более решительным был образ действий грузинского крестьянства на Кавказе...

6 ноября открыто и гласно открылся в Москве второй съезд Крестьянского Союза. Присутствовало 187 делегатов от 27 губерний. Из них 105 привезли с собой полномочия от волостных и сельских сходов, остальные — от губернских и уездных комитетов и местных групп Союза. В составе делегатов было 145 крестьян, остальные — из интеллигенции, близкой к крестьянству: народные учителя и учительницы, земские служащие, врачи и пр. В бытовом смысле это был один из самых интересных съездов революции. Тут можно было видеть немало живописных фигур: провинциальных самородков, внезапных революционеров, до всего дошедших «своим умом», политиков с большим темпераментом, с еще бо́льшими надеждами, но без достаточной ясности в голове. Вот несколько силуэтов, набросанных одним из участников съезда: «Сумский батька Антон Щербак, высокий, седой, с короткими усами и пронзительным взглядом, как будто одна из казацких фигур, выхваченная из «Запорожцев» Репина, прямо с полотна. Щербак называл себя, однако, фермером обоих полушарий, ибо он провел в Америке 20 лет и имел в Калифорнии хорошо обстроенную ферму и русскую семью... Священник Мирецкий, делегат из Воронежской губернии, представил пять волостных приговоров. В одной из своих речей отец Мирецкий назвал Христа первым социалистом. «Если бы Христос был здесь, он был бы вместе с нами»... Две крестьянки в ситцевых кофтах, шерстяных платках и козловых башмаках явились в качестве делегаток от женского схода одного из сел той же Воронежской губернии... Капитан Перелешин был делегатом от кустарей той же Воронежской губернии. Он явился на съезд в мундире, при сабле и вызвал немалый переполох. Кто-то из публики крикнул даже: «Долой полицию!». Тогда офицер поднялся и при общих руко-

плесканиях сказал: «Я капитан Перелешин, делегат из Воронежской губернии; никогда не скрывал своих убеждений и действовал совершенно открыто, поэтому и сюда пришел в мундире»...

В центре обсуждения стояли вопросы тактики. Одни делегаты защищали мирную борьбу: митинги, приговоры, «мирный» бойкот властей, создание революционного самоуправления, «мирную» запашку помещичьих земель и «мирный» отказ платить подати и давать рекрут. Другие, особенно из Саратовской губернии, призывали к вооруженной борьбе, к немедленной поддержке начавшегося восстания на местах. В конце концов, принято было среднее решение. «Прекратить бедствия народа, проистекающие из недостатка земли, — гласила резолюция, — может только переход всей земли в общую собственность всего народа, с тем чтоб ею пользовались только те, кто трудится на земле сам со своей семьей или в товариществе». Установление справедливого земельного устройства поручалось далее Учредительному Собранию, которое должно быть созвано на самых демократических началах — «не позднее (!) февраля будущего года». Чтобы достигнуть этого, «Крестьянский Союз войдет в соглашение с братьями-рабочими, городскими, фабричными, заводскими, железнодорожными и другими союзами, а также организациями, защищающими интересы трудящегося народа... В случае если требования народа не будут исполнены, Крестьянский Союз прибегнет ко всеобщей земельной (!) забастовке, именно—откажет владельцам хозяйств всех наименований в рабочей силе и тем закроет их, для организации же всеобщей забастовки войдет в соглашение с рабочим классом». Постановив далее прекратить употребление вина, съезд под конец резолюции заявляет «на основании всех сведений, полученных со всех концов России, что неудовлетворение народных требований приведет страну нашу к великим волнениям и неизбежно вызовет всеобщее народное восстание, потому что чаша крестьянского терпения переполнилась». Как ни наивна эта резолюция в некоторых своих частях, она во всяком случае показывает, что передовое крестьянство становилось на революционный путь. Призрак экспроприации помещичьих земель выступил пред глазами правительства и дворянства во всей своей жестокой реальности из заседаний этого мужицкого парламента. Реакция усиленно и с полным основанием забила тревогу.

Красный флотъ.

«Революція — писалъ въ концѣ ноября старикъ Суворинъ, заслуженная рептилія русской бюрократіи, — революція даетъ необыкновенный подъемъ человѣку и пріобрѣтаетъ множество самыхъ преданныхъ фанатиковъ, готовыхъ жертвовать своей жизнью. Борьба съ нею потому и трудна, что на ея сторонѣ много пыла, отваги, искренняго простодушія и горячихъ увлеченій. Чѣмъ сильнѣе врагъ, тѣмъ она рѣшительнѣе и мужественнѣе, и всякая побѣда ея привлекаетъ къ ней множество поклонниковъ. Кто этого не знаетъ, кто не знаетъ, что она привлекательна, какъ красивая и страстная женщина, широко раскрывающая свои объятья и жадно цѣлующая воспаленными устами, тотъ не былъ молодъ.»

Духъ мятежа носился надъ царства русского землею. Какой-то огромный и таинственный процессъ совершался въ безчисленныхъ сердцахъ, — разрывались узы страха, личность, едва успѣвъ сознать себя, растворялась въ массѣ, масса растворялась въ порывѣ. Освободившись отъ унаслѣдованныхъ страховъ и воображаемыхъ препятствій, масса не хотѣла и не могла видѣть препятствій дѣйствительныхъ. Въ этомъ была ея слабость — и въ этомъ была ея сила. Она неслась впередъ, какъ морской валъ, гонимый бурей.

Снимок с рукописи «Красный Флот»

3 ноября, т.-е. за несколько дней до съезда, правительство опубликовало манифест о постепенной отмене выкупных платежей за надельные земли и о расширении средств Крестьянского банка. Манифест выражал надежду, что правительству удастся в союзе с Думою удовлетворить насущные нужды крестьянства — «без всякой обиды для прочих землевладельцев». Резолюция крестьянского съезда худо согласовалась с этими надеждами. Еще хуже, однако, обстояло дело с практикой «любезного сердцу нашему крестьянского населения» на местах. Не только разгромы и поджоги, но и «мирная» запашка латифундий вместе с самовольным установлением заработной платы и арендных цен породили ожесточенный натиск помещиков на правительство. Отовсюду летели требования о присылке войск. Правительство встряхнулось, поняв, что время сентиментальных излияний прошло, что пора браться за «дело».

12 ноября закрылся крестьянский съезд, а 14-го было уже арестовано московское бюро Союза. Это было началом. Через две-три недели в ответ на запросы по поводу крестьянских волнений министр внутренних дел дал буквально следующую инструкцию: «Немедленно истреблять силою оружия бунтовщиков, а в случае сопротивления — сжигать их жилища. В настоящую минуту необходимо раз навсегда искоренить самоуправство. Аресты теперь не достигают цели, судить сотни и тысячи людей невозможно. Ныне единственно необходимо, чтобы войска прониклись вышеизложенными указаниями. П. Дурново». Но этот каннибальский приказ открывает уже новую эру адских сатурналий контр-революции. Она разворачивается сперва в городах и лишь отсюда передвигается в деревню.

«1905».

КРАСНЫЙ ФЛОТ

«Революция, — писал в конце ноября старик Суворин, заслуженная рептилия русской бюрократии, — дает необыкновенный подъем человеку и приобретает множество самых преданных фанатиков, готовых жертвовать своей жизнью. Борьба с нею потому и трудна, что на ее стороне много пыла, отваги, искреннего красноречия и горячих увлечений. Чем сильнее враг, тем она решительнее и мужественнее, и всякая победа ее привлекает к ней множество поклонников. Кто этого не знает,

кто не знает, что она привлекательна, как красивая и страстная женщина, широко расставляющая свои объятия и жадно целующая воспаленными устами, тот не бывал молод».

Дух мятежа носился над русской землею. Какой-то огромный и таинственный процесс совершался в бесчисленных сердцах: разрывались узы страха; личность, едва успев сознать себя, растворялась в массе, масса растворялась в порыве. Освободившись от унаследованных страхов и воображаемых препятствий, масса не хотела и не могла видеть препятствий *действительных*. В этом была ее слабость и в этом была ее сила. Она неслась вперед, как морской вал, гонимый бурей. Каждый день поднимал на ноги новые слои и рождал новые возможности. Точно кто-то гигантским пестом размешивал социальную квашню до самого дна. В то время как либеральные чиновники кроили и перекраивали еще не ношенный халат Булыгинской Думы, страна не знала ни минуты покоя. Стачки рабочих, непрерывные митинги, уличные шествия, разгромы имений, забастовки полицейских и дворников и, наконец, волнения и восстания матросов и солдат. Все разложилось и превратилось в хаос. И в то же время в этом хаосе пробуждалась потребность в новом порядке, и кристаллизовались его элементы. Правильно повторяющиеся митинги уже сами по себе вносили организующее начало. Из митингов выделялись депутации, депутации разрастались в представительства. Но как стихийное возмущение обгоняло работу политического сознания, так потребность в действии далеко оставляла позади себя лихорадочное организационное творчество.

В этом слабость революции — *всякой* революции, но в этом и ее сила. Кто хочет иметь в революции влияние — должен брать ее целиком. Те глубокие тактики, которые думают поступать с революцией, как со спаржей, по произволу отделяя питательную часть от негодной, обречены на бесплодную роль резонеров. Так как *ни одно* революционное событие не создает «рациональных» условий для применения их «рациональной» тактики, то они фатально оказываются вне и позади всех событий. И, в конце концов, им не остается ничего другого, как повторить слова Фигаро: «Увы, — у нас не будет другого представления, которым мы могли бы загладить неудачи первого»...

Мы не ставим себе целью ни описать, ни даже перечислить все события 1905 года Мы даем самый общий очерк хода револю

ции и притом — если позволено будет так выразиться — в петербургском масштабе, хотя и под общегосударственным углом зрения. Но и в тех рамках, в каких мы ведем наш рассказ, мы не можем оставить в стороне одно из крупнейших — между октябрьской стачкой и декабрьскими баррикадами — событий великого года: военное восстание в Севастополе. Оно началось 11 ноября, а 17-го адмирал Чухнин уже доносил царю: «Военная буря затихла, революционная — нет».

В Севастополе традиции «Потемкина» не умирали. Чухнин жестоко расправился с матросами красного броненосца: четырех расстрелял, двух повесил, несколько десятков отправил на каторжные работы и, наконец, самого «Потемкина» переименовал в «Пантелеймона». Но, никого не терроризовав, он только поднял мятежное настроение флота. Октябрьская стачка открыла эпопею колоссальных уличных митингов, на которых матросы и пехотные солдаты были не только постоянными участниками, но и ораторами. Матросский оркестр играл марсельезу во главе революционной демонстрации. Словом, господствовала полная «деморализация». Запрещение военным присутствовать на народных собраниях создало специально-военные митинги во дворах флотских экипажей и в казармах. Офицеры не осмеливались протестовать, и двери казарм были днем и ночью открыты для представителей севастопольского комитета нашей партии. Ему приходилось непрерывно бороться с нетерпением матросов, требовавших «дела». Невдалеке плававший «Прут», превращенный в каторжную тюрьму, постоянно напоминал, что тут же, в нескольких шагах, томятся за участие в потемкинском деле жертвы июньского восстания. Новый экипаж «Потемкина» заявлял о своей готовности вести броненосец к Батуму для поддержки кавказского восстания. Рядом с ним по боевой готовности стоял недавно отстроенный крейсер «Очаков». Но социал-демократическая организация настаивала на выжидательной тактике: создать совет матросских и солдатских депутатов, связать его с организацией рабочих и поддержать надвигающуюся политическую забастовку пролетариата восстанием флота. Революционная организация матросов приняла этот план. Но события обогнали его.

Сходки учащались и расширялись. Они были перенесены на площадь, отделяющую матросские экипажи от казарм пехотного Брестского полка. Так как военных не пускали на митинги

рабочих, то рабочие стали массами приходить на митинги солдат. Собирались десятки тысяч. Идея совместных действий принималась восторженно. Передовые роты выбирали депутатов. Военное начальство решило принять меры. Попытки офицеров выступать на митингах с «патриотическими» речами дали весьма печальные результаты. Изощренные в дискуссиях матросы обращали свое начальство в позорное бегство. Тогда постановлено было запретить митинги вообще. 11 ноября у ворот экипажей была поставлена с утра боевая рота. Контр-адмирал Писаревский во всеуслышание обратился к ней: «Никого не пропускать из казарм. В случае неповиновения — стрелять». Из роты, которой был отдан этот приказ, выделился матрос Петров, на глазах у всех зарядил винтовку и одним выстрелом убил подполковника Брестского полка Штейна, другим — ранил Писаревского. Раздалось приказание офицера: «Арестовать его». Никто ни с места. Петров бросил винтовку. «Чего же вы стоите? Берите меня». Петрова арестовали. Сбежавшиеся со всех сторон матросы требовали его освобождения, заявляя, что берут его на поруки. Возбуждение достигло высшего предела.

— Петров, ты нечаянно выстрелил? — допрашивал его офицер, ища выхода.

— Какое нечаянно? Отделился, зарядил, прицелился. Разве это нечаянно?

— Команда требует твоего освобождения...

И Петров был освобожден. Матросы порывались немедленно открыть действия. Все дежурные офицеры были арестованы, обезоружены и отправлены в канцелярию. В конце концов, решили под влиянием социал-демократического оратора ждать утреннего совещания депутатов. Матросские представители, около 40 человек, заседали всю ночь. Решили выпустить из-под ареста офицеров, но не пускать их более в казармы. Службы, которые матросы считали необходимыми, они постановили нести и впредь. Решено было отправиться парадным шествием, с музыкой, к казармам пехотных полков, чтоб привлечь солдат к движению. Утром явилась депутация рабочих для совещания. Через несколько часов стал уже весь порт; железные дороги также прекратили движение. События надвигались. «Внутри экипажей, — гласят официозные телеграммы, относящиеся к этому моменту, — порядок образцовый. Поведение матросов весьма корректное. Пьяных нет». Все матросы распределены по ротам, без оружия. Вооружение

жена только рота, оставшаяся для охраны экипажей от внезапного нападения. Командиром ее был выбран Петров.

Часть матросов, под руководством двух социал-демократических ораторов, отправилась в соседние казармы Брестского полка. Настроение среди солдат было гораздо менее решительное. Только под сильным давлением матросов решено было обезоружить офицеров и удалить из казарм. Офицеры Мукдена без всякого сопротивления отдавали свои шашки и револьверы и со словами: «мы без оружия, вы нас не тронете» — покорно проходили сквозь строй нижних чинов. Но уже в самом начале солдаты начали колебаться. По их требованию в казармах оставили нескольких дежурных офицеров. Это обстоятельство имело на дальнейший ход событий огромное влияние.

Солдаты начали строиться в ряды, чтобы вместе с матросами отправиться через весь город к казармам Белостокского полка. При этом солдаты ревниво следили за тем, чтоб «вольные» не смешивались с ними, а шли отдельно. В разгар этих приготовлений к казармам подъезжает в своем экипаже комендант крепости Неплюев с начальником дивизии генералом Седельниковым. К коменданту обращаются с требованием убрать с Исторического бульвара пулеметы, выставленные там с утра. Неплюев отвечает, что это зависит не от него, а от Чухнина. Тогда от него требуют честного слова, что он, как комендант крепости, прибегать к действию пулеметов не станет. У генерала хватило мужества отказаться. Решено разоружить его и арестовать. Он отказывается выдать оружие, а солдаты не решаются употребить насилие. Пришлось нескольким матросам вскочить в карету и отвезти генералов к себе, в экипаж. Там их немедленно разоружили sans phrases (без лишних разговоров) и отвели в канцелярию под арест. Позже их, впрочем, освободили.

Солдаты с музыкой выступили из казарм. Матросы в строгом порядке вышли из экипажей. На площади уже ждали массы рабочих. Какой момент! Восторженная встреча. Жмут друг другу руки, обнимаются. В воздухе стоит гул братских приветствий. Клянутся поддерживать друг друга до конца. Выстроились и в полном порядке отправились на другой конец города — к казармам Белостокского полка. Солдаты и матросы несли георгиевские знамена, рабочие — социал-демократические. «Демонстранты, — доносит официозное агентство, — устроили шествие по городу в образцовом порядке, с оркестром музыки

впереди и красными флагами». Итти приходилось мимо Исторического бульвара, где стояли пулеметы. Матросы обращаются к пулеметной роте с призывом — убрать пулеметы. И предложение исполнено. Впоследствии, однако, пулеметы снова появились. «Вооруженные роты Белостокского полка, — сообщает агентство, — бывшие при офицерах, взяли на-караул и пропустили мимо себя демонстрантов». У казарм Белостокского полка устроили грандиозный митинг. Полного успеха, однако, не имели; солдаты колебались: часть объявляла себя солидарной с матросами, другая часть обещала только не стрелять. В конце концов, офицерам удалось даже увести Белостокский полк из казарм. Процессия только к вечеру вернулась к экипажам.

В это время на «Потемкине» было выброшено социал-демократическое знамя. На «Ростиславе» ответили сигналом: «вижу ясно». Другие суда промолчали. Реакционная часть матросов протестовала против того, что революционное знамя висит выше андреевского. Красное знамя пришлось снять. Положение все еще не определилось. Но назад уже не было возврата.

В канцелярии экипажей постоянно заседала комиссия, состоявшая из матросов и солдат, делегированных от разных родов оружия, в том числе от семи судов, и из нескольких представителей социал-демократической организации, приглашенных делегатами. Постоянным председателем был выбран социал-демократ. Сюда стекались все сведения и отсюда исходили все решения. Здесь же были выработаны специальные требования матросов и солдат и присоединены к требованиям общеполитического характера. Для широкой массы эти чисто казарменные требования стояли на первом месте. Комиссию больше всего беспокоил недостаток в боевых снарядах. Винтовок было достаточно, но патронов к ним — очень мало. Со времени потемкинской истории боевые припасы хранились втайне. «Сильно чувствовалось также, — пишет активный участник событий, — отсутствие какого-нибудь руководителя, хорошо знающего военное дело».

Депутатская комиссия энергично настаивала на том, чтобы команды обезоруживали своих офицеров и удаляли с судов и из казарм. Это была необходимая мера. Офицеры Брестского полка, оставшиеся в казармах, внесли полное разложенпе в среду солдат. Они повели деятельную агитацию против матросов, против «вольных» и «жидов», и дополнили ее воздействием алкоголя. Ночью под их руководством солдаты постыдно бежали в лагери —

не через ворота, у которых дежурила революционная боевая рота, а чрез проломленную стену. К утру они снова вернулись в казармы, но активного участия в борьбе больше не принимали. Нерешительность Брестского полка не могла не отразиться на настроении матросских экипажей. Но на следующий день опять засветило солнце успеха: к восстанию присоединились саперы. Они явились в экипажи в стройном порядке и с оружием в руках. Их приняли восторженно и поместили в казармах. Настроение поднялось и окрепло. Отовсюду являлись депутации: крепостная артиллерия, Белостокский полк и пограничная стража обещали «не стрелять». Не полагаясь больше на местные полки, начальство начало стягивать войска из соседних городов: Симферополя, Одессы, Феодосии. Среди прибывших велась активная и успешная революционная агитация. Сношения комиссии с судами были очень затруднены. Сильно мешало незнание матросами сигнальных знаков. Но и тут было получено заявление полной солидарности со стороны крейсера «Очаков», броненосца «Потемкин», контр-миноносцев «Вольный» и «Заветный»; впоследствии присоединились еще несколько миноносок. Остальные суда колебались и давали все то же обещание «не стрелять». 13-го в экипажи явился флотский офицер с телеграммой: царь требует сложить оружие в 24 часа. Офицера осмеяли и вывели за ворота. Чтобы обезопасить город от возможности погрома, наряжались патрули из матросов. Эта мера сразу успокоила население и завоевала его симпатии. Сами матросы охраняли винные лавки во избежание пьянства. Во все время восстания в городе царил образцовый порядок.

Вечер 13 ноября был решительным моментом в развитии событий: депутатская комиссия пригласила для военного руководства отставного флотского лейтенанта Шмидта [60]), завоевавшего большую популярность во время октябрьских митингов. Он мужественно принял приглашение и с этого дня стал во главе движения. К вечеру следующего дня Шмидт перебрался на крейсер «Очаков», где и оставался до последнего момента. Выбросив на «Очакове» адмиральский флаг и дав сигнал: «командую флотом, Шмидт», с расчетом сразу привлечь этим к восстанию всю эскадру, он направил свой крейсер к «Пруту», чтобы освободить потемкинцев. Сопротивления никакого не было оказано. «Очаков» принял матросов-каторжан на свой борт и объехал с ними всю эскадру. Со всех судов раздавалось приветственное «ура». Не-

сколько из судов, в том числе броненосцы «Потемкин» и «Ростислав», подняли красное знамя; на последнем оно, впрочем, развевалось лишь несколько минут.

Взяв на себя руководство восстанием, Шмидт оповестил о своем образе действий следующим заявлением:

«Г-ну Городскому Голове.

Мною послана сегодня Государю Императору телеграмма следующего содержания:

«Славный Черноморский флот, свято храня верность своему народу, требует от вас, Государь, немедленного созыва Учредительного Собрания и перестает повиноваться вашим министрам.

Командующий флотом гражданин Шмидт».

Из Петербурга прислан телеграфный приказ: подавить восстание. Чухнин заменен прославившимся впоследствии палачом Меллер-Закомельским [61]). Город и крепость объявлены на осадном положении; все улицы заняты войсками. Решительный час настал. Восставшие рассчитывали на отказ войск стрелять по своим и на присоединение остальных судов эскадры. На нескольких судах офицеры были действительно арестованы и свезены на «Очаков» в распоряжение Шмидта. Этой мерой надеялись, между прочим, охранить адмиральский крейсер от неприятельского огня. Масса народа толпилась на берегу, ожидая салюта, который должен был возвестить о присоединении эскадры. Но ожидания не сбылись. Усмирители не дали «Очакову» совершить второй объезд судов и открыли огонь. Народ принял первый залп за салют, но вскоре понял, что происходит, и в ужасе бежал с пристани. Открылась пальба со всех сторон. Стреляли с судов, стреляли из орудий крепостной и полевой артиллерии, стреляли пулеметы с Исторического бульвара. Одним из первых залпов на «Очакове» была разрушена электрическая машина. Едва дав шесть выстрелов, «Очаков» вынужден был замолчать и поднять белый флаг. Несмотря на это, обстрел крейсера продолжался, пока на нем не поднялся пожар. Еще хуже вышло с «Потемкиным». Здесь не успели приладить к орудиям ударники и замки и оказались совершенно беспомощны, когда открылась стрельба. Не дав ни одного выстрела, «Потемкин» поднял белый флаг. Береговые матросские экипажи держались дольше всех. Они

сдались только тогда, когда не осталось ни одного патрона. Красное знамя развевалось над мятежными казармами до конца. Они были окончательно заняты правительственными войсками около шести часов утра.

Когда прошел первый ужас, возбужденный стрельбой, часть толпы вернулась на берег. «Картина была ужасная, — говорит уже цитированный нами участник восстания.— Под перекрестным орудийным огнем сразу погибло несколько миноносок и шлюпок. Вскоре запылал «Очаков». Спасавшиеся вплавь матросы взывали о помощи. Их продолжали расстреливать в воде. Лодки, направлявшиеся спасать их, подвергались расстрелу. Матросы, подплывавшие к берегу, где стояли войска, тут же приканчивались. Спасались только те, которые попадали к сочувствующей толпе». Шмидт пытался бежать, переодевшись матросом, но был захвачен.

К трем часам ночи была закончена кровавая работа палачей «усмирения». После этого им пришлось преобразиться в палачей «суда».

Победители доносили: «Взятых в плен и арестованных более 2 тысяч человек... Освобождены: 19 офицеров и гражданских лиц, арестованных революционерами; отобрано 4 знамени, денежные ящики и много казенного имущества, патронов, вооружения и снаряжения и 12 пулеметов». Адмирал Чухнин телеграфировал, с своей стороны, в Царское Село: «Военная буря затихла, революционная — нет».

Какой огромный шаг вперед по сравнению с мятежом в Кронштадте! Там — стихийная вспышка, закончившаяся диким разгромом; здесь — планомерно разрастающееся восстание, сознательно ищущее порядка и единства действий.

«В восставшем городе, — писал социал-демократический орган «Начало» в разгар севастопольских событий, — не слышно о подвигах хулиганов и грабителей, а случаи простых краж должны были уменьшиться уже просто потому, что армейские и флотские казнокрады удалились из счастливого города. Вы хотите знать, граждане, что такое демократия, опирающаяся на вооруженное население? Смотрите на Севастополь. Смотрите на республиканский Севастополь, не знающий других, кроме выборных и ответственных властей»...

И все же этот революционный Севастополь продержался лишь четыре-пять дней и сдался, далеко не израсходовав всех

ресурсов своей военной силы. Стратегические ошибки? Нерешительность вождей? Нельзя отрицать ни того, ни другого. Но общий исход борьбы определился более глубокими причинами.

Во главе восстания идут матросы. Уже самый род их военной деятельности требует от них большей самостоятельности и находчивости, воспитывает бо́льшую независимость, чем сухопутная служба. Антагонизм между рядовыми матросами и замкнутой дворянской кастой морского офицерства еще глубже, чем в пехоте, с ее наполовину плебейским офицерским персоналом. Наконец, позор последней войны, легший главной своей тяжестью на флот, убил в матросе всякое уважение к алчным и трусливым капитанам и адмиралам.

К матросам, как мы видели, наиболее решительно присоединяются *саперы*. Они являются с оружием и поселяются во флотских казармах. Во всех революционных движениях нашей сухопутной армии мы наблюдаем тот же факт: в первых рядах идут саперы, минеры, артиллеристы, — словом, не серые неграмотные парни, а квалифицированные солдаты, хорошо грамотные и с технической подготовкой. Этому различию умственного уровня соответствует разница социального типа: пехотный солдат — это в подавляющем большинстве своем молодой крестьянин, тогда как инженерные и артиллерийские войска набираются, главным образом, из среды промышленных рабочих.

Мы видим, какую нерешительность проявляют Брестский и Белостокский пехотные полки в течение всех дней восстания. Они решаются удалить всех офицеров. Сперва примыкают к матросам, затем отпадают. Обещают не стрелять, но, в конце концов, совершенно подчиняются влиянию начальства и позорно расстреливают флотские казармы. Такую революционную неустойчивость крестьянской пехоты мы наблюдали впоследствии не раз на Сибирской железной дороге, как и в Свеаборгской крепости.

Но не только в сухопутной армии главную революционную роль играли технически обученные, т.-е. пролетарские ее элементы. То же явление мы наблюдаем и в самом флоте. Кто руководит «мятежами» матросов? Кто поднимает красное знамя на броненосце? Матрос-техник, машинная команда. Промышленные рабочие в матросских блузах, составляющие меньшинство экипажа, владеют им, владея машиной, сердцем броненосца.

Трения между пролетарским меньшинством и крестьянским большинством армии проходят через все наши военные восстания,

обессиливая и парализуя их. Рабочие приносят с собой в казарму свои классовые преимущества: интеллигентность, техническую выучку, решительность, способность к сплоченным действиям. Крестьянство приносит свою подавляющую численность. Армия механически преодолевает производственную разрозненность мужика посредством всеобщей воинской повинности, а его главный политический порок — пассивность — превращает в свое незаменимое преимущество. Если крестьянские полки и вовлекаются в революционное движение на почве своих непосредственных казарменных нужд, то они всегда склонны к выжидательной тактике и при первом же решительном натиске врага покидают «мятежников» и позволяют снова впрячь себя в ярмо дисциплины. Отсюда вытекает, что методом военного восстания должно быть решительное наступление — без остановок, порождающих колебание и разброд; но отсюда же видно, что тактика революционного натиска встречает главное препятствие в отсталости и недоверчивой пассивности солдата-мужика.

Это противоречие со всей силой обнаружилось вскоре в разгроме декабрьского восстания, закончившем первую главу русской революции.

«1905».

III

Натиск реакции и восстание пролетариата

У ПОРОГА КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ

«Для дурного правительства, — говорит проницательный консерватор Токвиль [62]),—наиболее опасным является обыкновенно тот момент, когда оно начинает преобразовываться». События все решительнее убеждали в этом графа Витте с каждым днем. Против него была революция — решительно и беспощадно. С ним не решалась итти открыто либеральная оппозиция. Против него была придворная камарилья. Правительственный аппарат дробился в его руках. И, наконец, он сам был против себя — без понимания событий, без плана, вооруженный интригой, вместо программы действий. А в то время как он беспомощно суетился, реакция и революция надвигались друг на друга.

«...Факты, даже взятые из дел департамента полиции, — говорит тайная записка, составленная в ноябре 1905 года по поручению гр. Витте для борьбы с «треповцами», — с полной очевидностью показывают, что значительная часть тяжелых обвинений, возведенных на правительство обществом и народом в ближайшие после манифеста дни, имела под собою вполне серьезные основания: существовали созданные высшими чинами правительства партии для «организованного отпора крайним элементам»; организовывались правительством патриотические манифестации и в то же время разгонялись другие; стреляли в мирных демонстрантов и позволяли на глазах у полиции и войск избивать людей и жечь губернскую земскую управу; не трогали погромщиков и залпами стреляли в тех, кто позволял себе защищаться от них; сознательно или бессознательно (?) подстрекали толпу к насилиям официальными объявлениями за подписью высшего представителя правительственной власти в большом городе, и когда затем беспорядки возникали, не принимали мер к их подавлению. Все эти факты произошли на про-

тяжении 3—4 дней в разных концах России и вызвали такую бурю негодования в среде населения, которая совершенно смыла первое радостное впечатление от чтения манифеста 17 октября.

«У населения при этом создалось вполне твердое убеждение, что все эти погромы, так неожиданно и вместе с тем одновременно прокатившиеся по всей России, провоцировались и направлялись одной и той же рукой, и притом рукой властной. К сожалению, население имело весьма серьезные основания так думать».

Когда курляндский генерал-губернатор телеграммой поддерживал ходатайство двадцатитысячного митинга о снятии военного положения, выражая при этом предположение, что «военное положение не соответствует новой обстановке», Трепов уверенной рукою давал ему такой ответ: «На телеграмму 20 октября. С вашим заключением о несоответствии военного положения новой обстановке не согласен». Витте молча проглатывал это превосходное разъяснение своего подчиненного, что военное положение нимало не противоречит манифесту 17 октября, и старался даже убедить депутацию рабочих, что «Трепов совсем не такой зверь, как о нем говорят». Правда, под давлением всеобщего возмущения Трепову пришлось покинуть свой пост. Но заменивший его, в роли министра внутренних дел, Дурново был ничуть не лучше. Да и сам Трепов, назначенный дворцовым комендантом, сохранил все свое влияние на ход дел. Поведение провинциальной бюрократии зависело от него гораздо более, чем от Витте.

«Крайние партии, — говорит уже цитированная нами ноябрьская записка Витте, — приобрели силу потому, что, резко критикуя каждое действие правительства, они слишком часто оказывались правыми. Эти партии потеряли бы значительную часть своего престижа, если бы массы тотчас по распубликовании манифеста увидели, что правительство действительно решило пойти по новому, начертанному в манифесте пути, и что оно идет по нему. К сожалению, случилось совершенно обратное, и крайние партии имели еще раз случай — важность которого почти невозможно оценить — гордиться тем, что они, и только они, правильно оценили значение обещаний правительства».

В ноябре, как показывает записка, Витте это начал понимать. Но он не имел возможности применить к делу свое понима-

ние. Написанная по его поручению для царя записка осталась неиспользованной *).

Беспомощно барахтаясь, Витте отныне лишь тащился на буксире контр-революции.

Еще 6 ноября собрался в Москве земский съезд, чтоб определить отношение либеральной оппозиции к правительству. Настроение было колеблющимся, с несомненным, однако, уклоном вправо. Правда, раздавались радикальные голоса. Говорилось, что «бюрократия способна не к творчеству, а лишь к разрушению»; что созидательную силу нужно искать в «могучем рабочем движении, давшем манифест 17 октября»; что «мы не хотим пожалованной конституции и примем ее лишь из рук русского народа». Родичев, питающий непреодолимое пристрастие к ложноклассическому стилю, восклицал: «Или всеобщее прямое избирательное право — или Думы не будет!». Но, с другой стороны, на самом же съезде было заявлено: «Аграрные беспорядки, забастовки, — все это порождает испуг; испугался капитал, испугались состоятельные люди, берут деньги в банках и уезжают за границу». «Глумятся над учреждением сатрапий как средством борьбы с аграрными беспорядками, — возвышались отрезвляющие помещичьи голоса, — но пусть укажут конституционное средство против такого явления». «Лучше итти на какие угодно компромиссы, чем обострять борьбу»... «Пора остановиться, — восклицал впервые выступивший здесь на политическую арену Гучков, — мы своими руками подкладываем хворост в костер, который сожжет нас всех».

Первые сведения о восстании севастопольского флота подвергли оппозиционное мужество земцев непосильному испытанию. «Мы имеем дело не с революцией, — заявил Нестор земского либерализма г. Петрункевич [63]),—а с анархией». Под непосредственным влиянием севастопольских событий стремление к немедленному соглашению с министерством Витте берет верх. Милюков делает попытку удержать съезд от каких-либо явных компрометирующих шагов. Он успокаивает земцев тем, что «возмущение в Севастополе идет к концу, главные бунтовщики арестованы, и опасения, повидимому, преждевременны». Тщетно! Съезд поста-

---

*) Эта интересная записка напечатана в сборнике (разумеется, конфискованном): «Материалы к истории русской контр-революции», С.-Петербург 1908.

новляет отправить депутацию к Витте, вручив ей для передачи графу резолюцию условного доверия, вставленного в оправу оппозиционно-демократических фраз. В это время Совет Министров при участии нескольких «общественных деятелей» из правого, либерального крыла обсуждал вопрос о системе выборов в Государственную Думу. Так называемые «общественные деятели» стояли за всеобщее избирательное право, как за печальную необходимость. Граф доказывал преимущества постепенного усовершенствования гениальной системы Булыгина. Ни к каким результатам не пришли, и с 21 ноября Совет Министров обходился уже без помощи господ «общественных деятелей». 22 ноября земская депутация в составе г.г. Петрункевича, Муромцева [64]) и Кокошкина [65]) вручила графу Витте земскую ноту и, не дождавшись в течение семи дней никакого ответа, с позором вернулась в Москву. Вдогонку ей прибыл ответ графа, написанный в тоне сановно-бюрократической надменности. Задача Совета Министров заключается-де прежде всего в исполнении высочайшей воли; все, что идет за пределы манифеста 17 октября, должно быть отметено; от исключительных положений не позволяет отказаться смута; по отношению к общественным группам, не желающим поддерживать правительство, последнее заинтересовано лишь в том, чтоб эти последние сознавали последствия своего поведения...

В противовес земскому съезду, который при всей своей трусости и дряблости, несомненно, все еще отклонялся далеко влево от действительного настроения земств и дум, 24 ноября была доставлена в Царское Село депутация Тульского губернскго земства. Глава депутации, граф Бобринский [66]) в своей византийско-холопской речи между прочим сказал: «Больших прав нам не нужно, так как власть царская для нашего же блага должна быть сильна и действительна... Государь, о нуждах народа вы узнаете не из случайных криков и возгласов, а эту правду вы услышите от законно созванной вами Государственной Думы. Мы умоляем вас не медлить ее созывом. Народ сроднился уже с положением о выборах 6 августа»...

События как бы сговорились, чтобы форсировать передвижение имущих классов в лагерь порядка. Еще в середине ноября самопроизвольно и неожиданно вспыхнула почтово-телеграфная забастовка. Она была ответом пробудившихся илотов почтового ведомства на циркуляр Дурново, воспрещавший чиновникам

образование союзов. Графу Витте был со стороны почтово-телеграфного союза предъявлен ультиматум: отменить циркуляр Дурново и принять обратно чиновников, уволенных за принадлежность к организации. 15 ноября почтово-телеграфный съезд, собравшийся в числе 73 делегатов в Москве, единодушно постановляет разослать по всем линиям телеграмму: «Ответа от Витте не получено. Бастуйте». Напряжение было так велико, что в Сибири забастовка началась еще до истечения указанного в ультиматуме срока. На другой день стачка при аплодисментах широких групп прогрессивного чиновничества охватила всю Россию. Витте глубокомысленно разъяснял различным депутациям, что правительство «не ожидало» такого оборота событий. Либералы встревожились по поводу того вреда, который наносит «культуре» прекращение почтовых сношений, и, нахмурив лбы, занялись изысканиями относительно «пределов свободы коалиций в Германии и Франции»... Петербургский Совет Рабочих Депутатов не колебался ни минуты. И если почтово-телеграфная забастовка возникла отнюдь не по его инициативе, то в Петербурге она была проведена при его деятельной поддержке. Из кассы Совета было выдано забастовщикам 2.000 рублей. Исполнительный Комитет посылал на их собрания своих ораторов, печатал их воззвания и организовывал патрули против штрейкбрехеров. Трудно учесть, как отразилась эта тактика на «культуре»; но несомненно, что она привлекла горячие симпатии обездоленного чиновничества к пролетариату. Уже в начале забастовки почтово-телеграфный съезд отрядил в Совет пять делегатов...

Приостановка почтовых сношений во всяком случае наносила жестокий урон если не культуре, то торговле. Купечество и биржа метались между стачечным комитетом и министерством, то упрашивая чиновников прекратить стачку, то требуя репрессивных мер против забастовщиков. Под влиянием все новых и новых ударов по карману, реакция в капиталистических классах крепла с каждым днем. Вместе с тем возрастала с каждым часом реакционная наглость заговорщиков Царского Села. Если что еще сдерживало до поры до времени натиск реакции, так это лишь страх пред неизбежным ответом революции. Это с превосходной наглядностью показал инцидент, разыгравшийся в связи с приговором, вынесенным нескольким железнодорожным служащим военным судом в средне-азиатской крепости Кушка.

Факт настолько замечателен сам по себе, что мы здесь о нем расскажем в нескольких словах.

23 ноября, в самый разгар почтово-телеграфной забастовки, комитет петербургского железнодорожного узла получил из Кушки телеграфное сообщение о том, что комендант крепости инженер Соколов и несколько других служащих преданы за революционную агитацию военно-полевому суду, который приговорил их к смертной казни, при чем приговор должен быть приведен в исполнение 23 ноября в 12 часов ночи. Бастующая телеграфная проволока в несколько часов связала между собою все железнодорожные узлы. Железнодорожная армия требовала предъявления правительству срочного ультиматума. И ультиматум был предъявлен. По соглашению с Исполнительным Комитетом Совета Депутатов железнодорожный съезд заявил министерству: если к 8 часам вечера не будет отменен смертный приговор, все железные дороги прекратят движение.

В памяти автора ярко стоит то знаменательное заседание Исполнительного Комитета, на котором, в ожидании правительственного ответа, вырабатывался план действий. Все напряженно следили за стрелкой часов. Один за другим приходили представители разных железнодорожных линий, сообщая о телеграфном присоединении к ультиматуму новых и новых дорог. Было ясно, что, если правительство не уступит, развернется отчаянная борьба... И что же? В пять минут девятого — только триста секунд отважилось оттянуть для спасения своего престижа царское правительство — министр путей сообщения экстренной телеграммой уведомил железнодорожный комитет, что исполнение приговора приостановлено. На другой день министерство само распубликовало о своей капитуляции в правительственном сообщении. К нему-де поступила «просьба (!) отменить приговор с выражением намерения (!) в противном случае объявить забастовку». От местных военных властей правительство никаких сообщений не получало, что, «вероятно, объясняется забастовкой правительственного телеграфа». Во всяком случае, «тотчас по получении телеграфных заявлений» военный министр послал распоряжение «приостановить исполнение приговора, если таковой действительно состоялся, до выяснения обстоятельств дела». Официальное сообщение умалчивает лишь о том, что свое распоряжение военному министру пришлось пересылать через посред-

ство Железнодорожного Союза, ибо самому правительству бастующий телеграф был недоступен.

Эта красивая победа была, однако, последней победой революции. Дальше она видела только поражения. Ее организации подверглись сперва аванпостному обстрелу. Стало очевидно, что на них готовится беспощадная атака. Еще 14 ноября арестовали в Москве, на основании положения об усиленной охране, бюро Крестьянского Союза. И около того же времени в Царском Селе был решен арест председателя Петербургского Совета Рабочих Депутатов. Однако администрация медлила с выполнением своего постановления. Она еще не чувствовала полной уверенности, нащупывала почву и колебалась. Противником царскосельского заговора оказался министр юстиции. Он доказывал, что Совет Депутатов не может быть отнесен к числу тайных сообществ, так как он действовал вполне открыто, анонсировал свои заседания, печатал в газетах свои отчеты и даже вступал в сношения с административными лицами. «То обстоятельство, — так передавала точку зрения министра юстиции осведомленная пресса, — что ни правительство, ни администрация не предпринимали никаких мер к пресечению деятельности, направленной к ниспровержению существующего строя, что последняя даже часто командировала к месту заседаний Совета патрули для охранения порядка, что даже петербургский градоначальник принимал председателя Совета Хрусталева, зная, кто он и в качестве кого он является, — все это дает полное основание всем участникам Совета Рабочих Депутатов считать свою деятельность отнюдь не противоречащей тому курсу, который господствует в правительственных сферах, и, стало быть, не преступной».

Но, в конце концов, министр юстиции нашел средство преодолеть свои юридические сомнения, — и 26 ноября Хрусталев был арестован в помещении Исполнительного Комитета.

Два слова о значении этого ареста. На втором заседании Совета, 14 октября, председателем был избран, по предложению представителя социал-демократической организации, молодой адвокат Георгий Носарь [67]), приобревший вскоре большую популярность под именем Хрусталева. Он оставался председателем до дня своего ареста, 26 ноября, и в его руках сосредоточивались все организационные нити практической деятельности Совета. Радикально-уличная пресса, с одной стороны, и реакционно-полицейская, с другой, в течение нескольких недель создали

вокруг этой фигуры историческую легенду. Как в свое время 9 января казалось им плодом проникновенного замысла и демагогического гения Георгия Гапона, так Совет Рабочих Депутатов представлялся им гибким орудием в титанических руках Георгия Носаря. Ошибка во втором случае была еще грубее и абсурднее, чем в первом. Хотя работа, развитая Хрусталевым в качестве председателя, неизмеримо богаче и содержательнее, чем авантюристская деятельность Гапона, личное влияние председателя Совета на ход и исход событий несравненно меньше того влияния, которое получил взбунтовавшийся поп из департамента полиции. В этом не вина Хрусталева, а заслуга революции. С января по октябрь она заставила пролетариат пройти большую политическую школу. Формула *герой и толпа* уже не имела применения в революционной практике рабочих масс. Личность вождя растворилась в организации; с другой стороны, объединенная масса сама стала политической личностью.

Практически-находчивый и деловитый человек, энергичный и умелый председатель, хотя и посредственный оратор, импульсивная натура без политического прошлого и без политической физиономии, Хрусталев оказался как нельзя лучше приспособленным к той роли, которую он сыграл в конце 1905 года. Рабочие массы, революционно настроенные и с резким классовым чувством, были, однако, в большинстве лишены партийной определенности. То, что мы сказали выше о самом Совете, здесь можно отнести к Хрусталеву. Все социалисты с прошлым были партийными людьми, а кандидатура партийного человека внесла бы трения в среду Совета в самый момент его возникновения. С другой стороны, политическая неопределенность Хрусталева облегчала Совету его сношения с непролетарским миром, особенно с интеллигентскими организациями, оказавшими Совету значительную материальную помощь. Доверяя председательство беспартийному лицу, социал-демократия рассчитывала на свой политический контроль. Она не ошиблась. Уже через 3—4 недели колоссальный рост ее влияния и силы сказался, между прочим, и в том, что Хрусталев публично заявил о своем присоединении к социал-демократии (к меньшевикам).

Чего думало правительство достигнуть арестом Хрусталева? Надеялось ли оно путем устранения председателя разрушить организацию? Это было бы, пожалуй, слишком тупоумно — даже для Дурново. Трудно, однако, на вопрос о мотивах ответить

вполне определенно уже потому, что мотивы были, вероятно, неясны самим реакционным заговорщикам, которые собрались в Царском Селе для обсуждения судеб революции, а разрешились отдельной жандармской мерой. Во всяком случае арест председателя при тех условиях, при каких он был произведен, получал для Совета огромное симптоматическое значение. Для всякого, кто накануне мог еще сомневаться в этом, стало ясно, как день, что для обеих сторон отступления нет, что решительное столкновение неизбежно и что нас отделяют от него не месяцы и не недели, а дни.

«1905».

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ СОВЕТА

Покинуть после ареста Хрусталева открытую арену Совет не мог: свободно избранный парламент рабочего класса, он был силен именно открытым характером своей деятельности. Распустить свою организацию — значило добровольно открыть крепостные ворота врагу. Оставалось итти прежней дорогой — навстречу конфликту. На заседании Исполнительного Комитета 26 ноября представитель партии социалистов-революционеров («сам» Чернов)[68]) предложил издать заявление, что на каждую меру правительственной репрессии Совет будет отвечать террористическим ударом. Мы выступили против этого: в тот небольшой срок, который оставался до открытия военных действий, Совет должен был как можно теснее натянуть связи с другими городами, с Крестьянским, Железнодорожным, Почтово-Телеграфным Союзами [69]), с армией; для этой цели еще в середине ноября были отправлены два делегата — один на юг, другой на Волгу; между тем террористическая погоня за отдельными министрами, несомненно, поглотила бы все внимание и всю энергию Исполнительного Комитета. Мы предложили внести на заседание Совета следующую резолюцию: «26 ноября царским правительством взят в плен председатель Совета Рабочих Депутатов тов. Хрусталев-Носарь. Совет Р. Д. выбирает временный президиум и продолжает готовиться к вооруженному восстанию». Как кандидаты в президиум были намечены три лица: докладчик Исполнительного Комитета Яновский (под именем Яновского фигурировал в Совете автор этой книги), кассир Введенский (Сверчков) [70]) и депутат от Обуховского завода рабочий Злыднев [71]).

Общее собрание Совета происходило на следующий день открыто, как всегда. Присутствовало 302 депутата. Настроение царило нервное. Многие члены Совета хотели немедленного и прямого ответа на партизанский набег министерства. Но после кратких прений собрание единодушно принимает резолюцию Исполнительного Комитета и закрытой баллотировкой выбирает предложенных им кандидатов в президиум.

Присутствующий на заседании представитель Главного Комитета Крестьянского Союза докладывает собранию о постановлении ноябрьского съезда Союза: не давать правительству рекрут и податей и брать назад вклады из государственных банков и сберегательных касс. Ввиду того что Исполнительный Комитет еще 23 ноября принял резолюцию, приглашающую рабочих, «ввиду наступающего государственного банкротства», принимать уплату жалованья только золотом и извлекать свои вклады из сберегательных касс, делается постановление о том, чтобы обобщить эти меры финансового бойкота и изложить их в манифесте к народу — от имени Совета, Крестьянского Союза и социалистических партий.

Возможны ли будут дальнейшие общие собрания пролетарского парламента? Уверенности в этом нет. Собрание постановляет, в случае невозможности созвать Совет, передать его функции Исполнительному Комитету в расширенном составе. После ареста Совета 3 декабря его полномочия на основании этого решения перешли к Исполнительному Комитету второго Совета.

Затем собрание выслушивает горячие приветствия от имени сознательных солдат финляндских батальонов, от польской социалистической партии, от Всероссийского Крестьянского Союза. Делегат его обещает в решительный час братскую поддержку революционного крестьянства. При неописуемом энтузиазме депутатов и гостей, под непрерывный гром аплодисментов и возгласов представитель Крестьянского Союза и председатель Совета обмениваются рукопожатиями. Собрание расходится глубокой ночью. Последним покидает свое место дежуривший, как всегда, у входа по распоряжению градоначальника наряд полиции. Для характеристики положения интересно отметить, что в этот самый вечер маленький полицейский чиновник по распоряжению того же градоначальника не допустил легального и мирного собрания буржуазных избирателей с Милюковым [72]) во главе...

Богдан Кнунианц-Радин
Представитель партии большевиков в Исполнительном Комитете Петербургского Совета

Большинство петербургских заводов присоединилось к резолюции Совета, которая нашла также сочувственный отклик в резолюциях Московского и Самарского Советов [73]), Железнодорожного и Почтово-Телеграфного Союзов, а также ряда местных организаций. Даже центральное бюро Союза Союзов присоединилось к постановлению Совета и выпустило призыв «ко всем живым элементам страны» — деятельно готовиться к близкой политической стачке и к «последней вооруженной схватке с врагами народной свободы».

Однако, среди либеральной и радикальной буржуазии октябрьские симпатии к пролетариату успели остыть. Положение становилось все более острым, и либерализм, ожесточаемый собственной бездеятельностью, угрюмо ворчал по адресу Совета. Рядовой обыватель, мало причастный к политике, относился к Совету полу-доброжелательно, полу-подобострастно. Когда он боялся, что в пути его застигнет железнодорожная стачка, он заходил за справкой в бюро Совета. Сюда же он приходил сдавать свою телеграмму во время почтово-телеграфной забастовки, и, если бюро признавало телеграмму достаточно важной, она отправлялась. Так, вдова сенатора Б., тщетно обегав канцелярии министров, в конце концов обратилась по поводу важной семейной телеграммы к содействию Совета. Его письменный ордер освобождал обывателя от выполнения законов. Граверная мастерская согласилась сделать печать для нелегального Почтово-Телеграфного Союза, только получив письменное «разрешение» Совета. Северный Банк учел Совету просроченный чек. Типография морского министерства запрашивала Совет, бастовать ли ей. К нему же обращались в опасные минуты, ища защиты от частных лиц, чиновников и даже от правительства. Когда Лифляндская губерния была объявлена на военном положении, латышская часть петербургского населения просила Совет «сказать свое слово» по поводу нового насилия царизма. 30 ноября обратился к Совету союз санитаров, которых Красный Крест завлек на войну путем заманчивых обещаний, а затем отпустил ни с чем: арест Совета прервал его энергичную переписку по этому поводу с главным правлением Красного Креста. В помещении Совета всегда толпились всевозможные просители, ходатаи, жалобщики, обиженные, чаще всего рабочие, прислуга, приказчики, крестьяне, солдаты, матросы... У иных было совершенно фантастическое представление о могуществе Совета и о его методах. Так, один

слепой инвалид, участвовавший в русско-турецкой войне, весь в крестах и медалях, жаловался на горькую нужду и просил, чтобы Совет «нажал на *самого*» (т.-е. на царя)... Были заявления и ходатайства из отдаленных мест. Уездные жители одной из польских губерний прислали Совету после ноябрьской стачки благодарственную телеграмму. Какой-то старый казак жаловался Совету из Полтавской губернии на несправедливость князей Репниных, которые 28 лет эксплоатировали его в качестве конторщика, а затем уволили без объяснения причин. Старик просил Совет оказать давление на князей Репниных. На адресе этого любопытного ходатайства значилось только: Петербург, Рабочее правление, — тем не менее революционная почта безошибочно доставила пакет по назначению. Из Минской губернии прибыл в Совет за справкой нарочный депутат от артели по земляным работам, которой помещик хотел уплатить 3.000 руб. какими-то акциями по пониженной цене. «Как быть? — спрашивал присланный. — И взять-то охота, и боязно: слышали мы, что ваше правительство хочет, чтоб рабочие заработок свой получали чистоганом: золотом или серебром». Оказалось, что акции помещика не имеют почти никакой цены... Вести о Совете только под конец его деятельности начали доходить до деревни. Обращения от крестьян становились все чаще. Черниговцы просили связать их с местной социалистической организацией, могилевцы прислали ходоков с приговорами нескольких сходов о том, что они будут действовать заодно с городскими рабочими и Советом.

Великое поле деятельности открывалось перед Советом, — вокруг были необъятные пространства политической целины, которую нужно было еще только распахать глубоким революционным плугом. Но время не ждало. Реакция лихорадочно ковала свои ковы, и удара можно было ждать с часу на час. Исполнительный Комитет среди массы будничной работы выполнял лихорадочно постановление Совета от 27 ноября. Он выпустил воззвание к солдатам (см. «Ноябрьская стачка») и на совещании с представителями революционных партий одобрил предложенный Парвусом [74]) текст «финансового» манифеста. 2 декабря манифест был опубликован в восьми петербургских газетах: четырех социалистических и четырех либеральных. Вот текст этого исторического документа:

МАНИФЕСТ

Правительство на краю банкротства. Оно превратило страну в развалины и усеяло их трупами. Измученные и изголодавшиеся крестьяне не в состоянии платить подати. Правительство на народные деньги открыло кредит помещикам. Теперь ему некуда деваться с заложенными помещичьими усадьбами. Фабрики и заводы стоят без дела. Нет работы. Общий торговый застой. Правительство на капитал иностранных займов строило железные дороги, флот, крепости, запасалось оружием. Иссякли иностранные источники, — исчезли казенные заказы. Купец, поставщик, подрядчик, заводчик, привыкшие обогащаться на казенный счет, остаются без наживы и закрывают свои конторы и заводы. Одно банкротство следует за другим. Банки рушатся. Все торговые обороты сократились до последней крайности.

Борьба правительства с революцией создает беспрерывные волнения. Никто не уверен больше в завтрашнем дне.

Иностранный капитал уходит обратно за границу. Уплывает в заграничные банки и капитал «чисто русский». Богачи продают свое имущество и спасаются за границу. Хищники бегут вон из страны и уносят с собой народное добро.

Правительство издавна все доходы государства тратило на армию и флот. Школ нет. Дороги запущены. Несмотря на это, нехватает даже на продовольственное содержание солдат. Проиграли войну отчасти потому, что не было достаточно военных запасов. По всей стране подымаются восстания обнищавшей и голодной армии.

Железнодорожное хозяйство расстроено, массы железных дорог опустошены правительством. Чтобы восстановить железнодорожное хозяйство, необходимы многие сотни миллионов.

Правительство расхитило сберегательные кассы и роздало вклады на поддержку частных банков и промышленных предприятий, нередко совершенно дутых. Капиталом мелких вкладчиков оно ведет игру на бирже, подвергая его ежедневному риску.

Золотой запас Государственного Банка ничтожен в сравнении с требованиями по государственным займам и запросам торговых оборотов. Он разлетится в пыль, если при всех сделках будут требовать размена на золотую монету.

Пользуясь безотчетностью государственных финансов, правительство давно уже делает займы, далеко превосходящие платежные средства страны. Оно новыми займами покрывает проценты по старым.

Правительство год за годом составляет фальшивую смету доходов и расходов, при чем и те и другие показывает меньше действительных; грабя по произволу, высчитывает избыток, вместо ежегодного недочета. Бесконтрольные чиновники расхищают и без того истощенную казну.

Приостановить это финансовое разорение может только после свержения самодержавия Учредительное Собрание. Оно займется строгим расследованием государственных финансов и установит подробную, ясную, точную и проверенную смету государственных доходов и расходов (бюджет).

Страх перед народным контролем, который раскроет перед всем миром финансовую несостоятельность правительства, заставляет его затягивать созыв народного представительства.

Финансовое банкротство государства создано самодержавием так же, как и его военное банкротство. Народному представительству предстоит только задача по возможности скорей провести расчет по долгам.

Защищая свое хищничество, правительство заставляет народ вести с ним смертную борьбу. В этой борьбе гибнут и разоряются сотни тысяч граждан и разрушаются в своих основах производство, торговля и средства сообщения.

Исход один — свергнуть правительство, отнять у него последние силы. Надо отрезать у него последний источник существования: финансовые доходы. Необходимо это не только для политического и экономического освобождения страны, но и, в частности, для упорядочения финансового хозяйства государства.

Мы поэтому решаем:

Отказываться от взноса выкупных и всех других казенных платежей. Требовать при всех сделках, при выдаче заработной платы и жалованья—уплаты золотом, а при суммах меньше пяти рублей—полновесной звонкой монетой.

Брать вклады из сберегательных касс и из Государственного Банка, требуя уплаты всей суммы золотом.

Самодержавие никогда не пользовалось доверием народа и не имело от него полномочий.

В настоящее время правительство распоряжается в границах собственного государства, как в завоеванной стране.

Посему мы решаем не допускать уплаты долгов по всем тем займам, которые царское правительство заключило, когда явно и открыто вело войну со всем народом.

Совет Рабочих Депутатов.

Главный Комитет Всероссийского Крестьянского Союза.

Центральный Комитет и Организационная Комиссия Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Центральный Комитет Партии Социалистов-Революционеров.

Центральный Комитет Польской Социалистической Партии.

Разумеется, этот манифест сам по себе не мог повалить ни царизм, ни его финансы. Такого чуда ждала от своего выборгского воззвания полгода спустя Первая Государственная Дума, призывавшая население к мирному отказу от уплаты податей — «по английскому образцу». Финансовый манифест Совета был не чем иным, как вступлением к декабрьскому восстанию. Подкрепленный стачкой и баррикадными боями, он нашел могучий отклик во всей стране. В то время как за предшествовавшие три года вклады в сберегательные кассы в течение декабря превышали выдачи на 4 миллиона рублей, в декабре 1905 года перевес выдач над вкладами равнялся 90 миллионам: манифест извлек из правительственных резервуаров в течение месяца 94 миллиона рублей! Когда восстание было раздавлено царскими ордами, равновесие в сберегательных кассах снова восстановилось...

* * *

В двадцатых числах ноября объявлены на военном положении Киев и Киевский уезд, губернии Лифляндская, Черниговская, Саратовская, Пензенская и Симбирская, — главная арена аграрных волнений.

24-го, в день введения «временных» правил о печати, чрезвычайно расширены права губернаторов и градоначальников.

28-го учреждена должность «временного» прибалтийского генерал-губернатора, 29-го предоставлено местным сатрапам, в случае железнодорожных или почтово-телеграфных стачек, собственной властью объявлять свои губернии на исключительном положении.

1 декабря представлялась в Царском Селе Николаю спешно набранная пестрая депутация из перепуганных помещиков, монахов и городских погромщиков. Она требовала беспощадной кары революционным злоумышленникам и заодно сановным попустителям всякого ранга; не ограничиваясь этим намеком на Витте, депутация поясняла: «самодержавным повелением призови иных исполнителей твоей монаршей воли». «Принимаю вас в уверенности, — ответил Николай этой грязной шайке крепостников и наемных громил, — что вижу пред собою истинных сынов России, искони преданных мне и отечеству». По сигналу из центра провинциальная администрация доставляет в Петербург множество благодарственных адресов на высочайшее имя от имени крестьян и мещан. «Союз русского народа» [75]), получивший, очевидно, в это время первую крупную субсидию, устраивает ряд митингов и распространяет погромно-патриотическую литературу.

2 декабря конфискованы и приостановлены восемь газет, напечатавших финансовый манифест Совета. В этот же день изданы каторжные правила о стачках и союзах служащих железной дороги, почты, телеграфа и телефона, карающие тюрьмой до 4 лет. Революционные газеты опубликовали 2 декабря перехваченное распоряжение воронежского губернатора, на основании тайного циркуляра Дурново: «Совершенно секретно... Выяснить немедленно всех главарей противоправительственного и аграрного движения и заключить в местную тюрьму для поступления с ними согласно указания г. министра внутренних дел». Правительство впервые публикует грозное сообщение: крайние партии поставили своей целью разрушение экономического,

общественного и политического уклада страны; социал-демократы и социалисты-революционеры по существу являются анархистами — они объявляют войну правительству, порочат своих противников, препятствуют обществу наслаждаться благами нового строя; они вызывают стачки, чтобы превращать рабочих в материал революции. «Пролитие крови рабочих (правительством!) неспособно вызвать у них (революционеров!) угрызений совести». Если против этих явлений не помогут обычные средства, то, «несомненно, явится необходимость принятия совершенно исключительных мер».

Сословные интересы привилегированных, испуг имущих, мстительная злоба бюрократии, готовность подкупленных, темная ненависть одураченных, — все смешалось в один отвратительный кроваво-грязный ком реакции. Из Царского Села отпускали золото, министерство Дурново плело петли подпольного заговора, наемные убийцы точили ножи...

А революция неудержимо росла. К ее основной армии, промышленному пролетариату, присоединялись все новые и новые отряды. В городах происходили митинги дворников, швейцаров, поваров, домашней прислуги, полотеров, официантов, банщиков, прачек. На собраниях и в прессе появляются удивительные фигуры: «сознательные» строевые казаки, станционные жандармы, городовые, околоточные и даже кающиеся сыщики. Социальное землетрясение выбрасывает из каких-то таинственных глубин все новые и новые слои, о существовании которых никто не помнит в мирное время. Мелкие чиновники, тюремные надзиратели, военные писаря сменяют друг друга в помещениях революционных газет.

Ноябрьская стачка оказала огромное влияние на армию. Волна военных митингов прокатилась по всей стране. По казармам носился дух мятежа. Здесь недовольство возникает обычно на почве солдатских нужд, быстро нарастает и принимает политическую окраску. Начиная с двадцатых чисел ноября, происходят серьезнейшие солдатские волнения в Петербурге (среди матросов), Киеве, Екатеринодаре, Елисаветполе, Проскурове, Курске, Ломже... В Варшаве гвардейцы требуют освобождения арестованных офицеров. Со всех сторон идут сведения о том, что вся маньчжурская армия охвачена пламенем восстания. 28 ноября в Иркутске происходит митинг, в котором принимают участие все войска гарнизона — около 4 тыс. солдат. Под председательством унтер-офицера постановлено присоединиться к тре-

бованию Учредительного Собрания. Во многих городах солдаты на митингах братаются с рабочими. 2 и 3 декабря открываются волнения в войсках московского гарнизона. Митинги, в которых принимают участие даже казаки, шествия по улицам под звуки марсельезы, удаление офицеров из некоторых полков... И, наконец, как революционный фон для котлом кипящего города — пылающие в огне крестьянского восстания губернии. В конце ноября и начале декабря аграрные беспорядки охватывают длинный ряд уездов: в центре под Москвою, на Волге, на Дону, в Царстве Польском непрерывно идут крестьянские стачки, разгромы казенных винных лавок, поджоги имений, захват имущества и земли. Вся Ковенская губерния охвачена литовским крестьянским восстанием. Из Лифляндии идут вести, одна тревожнее другой. Помещики бегут из своих имений, провинциальные администраторы покидают свои посты...

Достаточно лишь ясно представить себе ту картину, которую представляла собою Россия в это время, чтобы понять, как неотвратимо было декабрьское столкновение. «Нужно было уклониться от борьбы», говорят задним числом некоторые мудрецы (Плеханов). Точно дело идет о шахматной партии, а не об элементарном движении миллионов!..

* * *

«Совет рабочих депутатов, — писало «Новое Время», — не унывает, продолжает действовать энергично и печатает свои распоряжения чисто спартанским языком, — кратко, ясно и понятно, — чего отнюдь нельзя сказать о правительстве гр. Витте, которое предпочитает длинный и скучный язык меланхолической девы». 3 декабря правительство Витте, в свою очередь, заговорило «кратко, ясно и понятно»: оно окружило здание Вольно-Экономического Общества войсками всех родов оружия и арестовало Совет.

В 4 ч. дня собрался Исполнительный Комитет. Порядок дня был заранее дан конфискацией газет, каторжными правилами о стачках и заговорщической телеграммой Дурново. Представитель Центрального Комитета социал-демократической партии (большевиков) вносит от имени партии предложение: принять вызов абсолютизма, снестись немедленно со всеми революционными организациями страны, назначить день открытия всеобщей политической стачки, призвать к действию все силы, все резервы

Саул Зборовский
Представитель меньшевиков в Исполнительном Комитете Петербургского Совета

и, опираясь на аграрные движения и волнения солдат, итти навстречу решительной развязке...

Делегат Железнодорожного Союза выражает уверенность, что созванный на 6 декабря железнодорожный съезд несомненно выскажется за забастовку.

Представитель Почтово-Телеграфного Союза высказывается за предложение партии и надеется, что общее выступление вдохнет новую жизнь в потухающую почтово-телеграфную стачку... Прения прерываются известием, что сегодня предстоит арест Совета. Через полчаса приходит подтверждение. К этому времени большой зал в два света уже успел наполниться делегатами, представителями партий, корреспондентами и гостями. Исполнительный Комитет, заседающий во втором этаже, решает удалить нескольких своих членов, чтоб сохранить преемственность на случай ареста. Но поздно! Здание окружено солдатами Измайловского гвардейского полка, верховыми казаками, городовыми, жандармами... Топот ног, звон шпор, лязг оружия наполняют здание. Бурные протесты делегатов доносятся снизу. Председатель открывает окно второго этажа, перегибается вниз и кричит: «Товарищи, сопротивления не оказывать! Мы заранее объявляем, что здесь может раздаться только полицейский или провокаторский выстрел»... Через несколько минут солдаты поднимаются во второй этаж и становятся у входа в помещение Исполнительного Комитета.

Председатель (обращаясь к офицеру). Предлагаю закрыть двери и не мешать нашим занятиям.

Солдаты остаются в коридоре, но дверей не закрывают.

Председатель. Заседание продолжается. Кто хочет слова?

Представитель Союза Конторщиков. Своим сегодняшним актом грубого насилия правительство подкрепило доводы в пользу всеобщей забастовки. Оно предрешило ее... Исход нового решительного выступления пролетариата зависит от войск. Пусть же они встанут на защиту родины! (Офицер поспешно закрывает дверь. Оратор повышает голос.) И сквозь закрытые двери донесется до солдат братский призыв рабочих, голос измученной страны!..

Дверь раскрывается, в комнату вползает бледный, как смерть, жандармский ротмистр (он боялся пули), за ним дюжины две городовых, которые размещаются за стульями делегатов.

Председатель. Объявляю заседание Исполнительного Комитета закрытым.

Снизу доносится громкий и дружный металлический стук; кажется, будто там работает десяток кузнецов над наковальнями: это делегаты портят и разбивают свои браунинги, чтобы не достались в руки полиции.

Начинается обыск. Все отказываются называть себя. Обысканные, описанные и занумерованные поступают под конвой полупьяных гвардейцев.

Петербургский Совет Рабочих Депутатов — в руках заговорщиков Царского Села.

«1905».

ДЕКАБРЬ

4 декабря Московский Совет Депутатов присоединяется к «финансовому манифесту», а 6 декабря — под непосредственным давлением крупных волнений в московском гарнизоне — Совет, охватывавший к этому времени 100 тыс. рабочих, постановляет вместе с революционными партиями объявить в Москве на завтра, 7 декабря, всеобщую политическую стачку и стремиться перевести ее в вооруженное восстание. Конференция депутатов 29 железных дорог, собравшаяся в Москве 5—6 декабря, постановила присоединиться к постановлению Совета. Такое же решение принял и почтово-телеграфный съезд.

В Петербурге забастовка открылась 8-го, на следующий день достигла апогея, а 12-го уже пошла на убыль. Она протекала гораздо менее дружно, чем ноябрьская, и охватила не более двух третей рабочих. Нерешительность Петербурга объясняется тем, что именно здесь рабочие яснее, чем где бы то ни было, понимали, что дело идет на этот раз не о стачечной манифестации, а о борьбе на жизнь и смерть. 9 января неизгладимо врезалось в сознание масс. Лицом к лицу с чудовищным гарнизоном, ядро которого образуют гвардейские полки, петербургские рабочие не могут брать на себя инициативу революционного восстания; их миссия — как это показала октябрьская стачка — нанести последний удар абсолютизму, уже потрясенному восстанием в остальной стране. Только крупная победа в провинции могла создать в Петербурге психологическую возможность решительных действий. Но этой победы не было — и колебания сменились отступлением.

Рядом с пассивностью Петербурга роковую роль в дальнейшем развитии событий сыграло продолжение работы Николаевской железной дороги (Петербург — Москва). На петербургском комитете ж.-д. союза отразилось общее выжидательное настроение, господствовавшее в столице. Между тем правительство, внимание которого было целиком устремлено на Николаевскую артерию, воспользовалось промедлением и заняло войсками путь. Часть мастерских стала, но на телеграфе работало начальство, на линии — железнодорожный батальон. Попытки прекратить движение делались не раз, но безуспешно. 16 декабря рабочими из Твери была разрушена часть пути, чтобы помешать отправке войск из Петербурга в Москву. Но было поздно: Семеновский гвардейский полк уже прошел. В общем же железнодорожная забастовка открылась очень дружно. До 10-го забастовало большинство линий; отсталые примыкали в ближайшие дни. Открывая забастовку, конференция Железнодорожного Союза заявила: «Мы берем на себя возвратить войска из Маньчжурии в Россию гораздо скорее, чем это сделало бы правительство... Мы примем все меры для перевозки продовольственного хлеба голодающим крестьянам и провизии для товарищей на линии». Не в первый раз мы тут встречаемся с одним из тех явлений, в смысл которых следовало бы вдуматься анархистам, сохранившим способность размышления: парализуя государственную власть, всеобщая стачка возлагает на свою организацию крайне важные государственные функции. И нужно признать, что Железнодорожный Союз действовал, в общем, превосходно. Поезда с запасными войсками, с дружинниками и членами революционных организаций передвигались с замечательной правильностью и быстротой, несмотря на близость правительственных войск во многих местах. Многими станциями управляли выборные коменданты. Над железнодорожными зданиями развевались красные знамена. Из городов в первую очередь забастовала Москва (7-го). На следующий день примкнули: Петербург, Минск и Таганрог, затем из крупнейших центров: 10-го — Тифлис, 11-го — Вильна, 12-го — Харьков, Киев, Нижний-Новгород, 13-го—Одесса, Рига, 14-го—Лодзь, 15-го—Варшава. Всего бастовало 33 города, против 39—в октябре.

В центре декабрьского движения стоит Москва.

Уже в начале декабря в некоторых полках московского гарнизона происходило сильное брожение. Несмотря на все усилия социал-демократии предупредить изолированные вспышки,

брожение бурно прорывалось наружу. Среди рабочих раздавались голоса: «Нужно поддержать солдат, нельзя упускать момент». Солдаты, стоявшие на карауле у фабрик, всецело подпадали под влияние рабочих. «Как вы восстанете, так и мы восстанем и откроем вам арсенал!» говорили многие из них. На митингах нередко выступали солдаты и офицеры. 4 декабря в войсках образовался Совет Солдатских Депутатов, и в рабочий Совет вошли их представители. Из других городов шли неопределенные, но настойчивые слухи о присоединении армии к рабочим. Такова была атмосфера, в которой началась московская стачка.

В первый день прекратили работы около 100.000 человек. На одном из вокзалов убиты два машиниста, самовольно поведшие поезда. В разных частях города — незначительные стычки. Группа дружинников разбирает оружейный магазин. Начиная с этого дня, с московских улиц исчезают обычные полицейские посты. Городовые появляются почти только группами. На второй день число бастующих возрастает до 150 тысяч человек, забастовка принимает в Москве всеобщий характер и распространяется на подмосковные фабрики. Всюду огромные митинги. На станции, где останавливались дальневосточные поезда, толпа обезоруживала возвращающихся из Маньчжурии офицеров. Из одного вагона рабочие извлекли несколько десятков пудов патронов. Позже разобрали другой вагон с оружием.

8 декабря, на второй день стачки, Исполнительный Комитет постановляет: «При появлении войск стараться вступать с солдатами в разговоры и действовать на них товарищеским словом... Открытого столкновения пока избегать и давать вооруженный отпор только при особенно вызывающем поведении войск». Что решающее слово скажет армия, это понимали все. Малейший благоприятный слух о настроении гарнизона передается из уст в уста. Вместе с тем революционная толпа ведет с московскими властями непрерывную борьбу из-за армии.

Узнав об уличном шествии пехотинцев под звуки марсельезы, типографские рабочие отправляют им навстречу депутацию. Но уже поздно. Военное начальство окружило возбужденных солдат казаками и драгунами, увело в казармы и затем пошло навстречу их требованиям... В тот же день 500 казаков, руководимых полицейским чином, получили приказание стрелять в демонстрантов. Казаки не подчинились, вступили в разговор

с толпой, затем, по команде унтера, повернули коней и медленно уехали. Толпа проводила их приветственными криками.

Вот десятитысячная рабочая демонстрация наталкивается на казаков. Общее замешательство. От толпы отделяются две работницы с красными знаменами и бросаются навстречу казакам. «Стреляйте в нас, — кричат они, — живыми мы знамя не отдадим». Казаки удивлены и смущены. Момент решительный. Толпа, почувствовав колебание, сразу напирает: «Казаки, мы идем к вам с пустыми руками, неужели вы будете в нас стрелять?» «Не стреляйте в нас, тогда и мы не будем», — отвечают казаки. Взбешенный и испуганный офицер разражается бешеной бранью. Но поздно. Его голос заглушается негодующими криками толпы. Кто-то произносит краткую речь. Толпа подхватывает ее приветственными возгласами. Еще минута, — и казаки поворачивают коней и мчатся прочь, закинув винтовки на плечи.

После военной осады народного митинга, закончившейся избиением безоружной толпы, настроение в городе становится более нервным. Публика толкается на улицах все бо́льшими массами. Всевозможные слухи рождаются и умирают каждый час. На всех лицах — печать веселого возбуждения, смешанного с тревогой. «Многие думают, — пишет Горький, находившийся тогда в Москве, — что баррикады начали строить революционеры; это, конечно, очень лестно, но не вполне справедливо: баррикады начал строить именно обыватель, человек внепартийный, и в этом соль события. Первые баррикады на Тверской строились весело, шутя, со смехом; в этой веселой работе принимали участие самые разнообразные люди — от солидного барина в дорогом пальто до кухарки и дворника, недавнего оплота «твердой власти». Драгуны дали залп по баррикаде, несколько человек ранено, двое или трое убито, — вопль возмущения, единодушный крик мести, и сразу все изменилось. После залпа обыватель начал возводить баррикады не играючи, а серьезно, желая оградить свою жизнь от г. Дубасова и его драгун».

Дружинники, т.-е. организованные на военную ногу стрелки революционных организаций, становятся активнее. Они систематически разоружают встречных полицейских. Здесь впервые начинает практиковаться требование «руки вверх», которое имеет целью обезопасить нападающих. Кто не подчиняется, того убивают. Солдат не трогают, чтобы не раздражать. На одном из митингов делают даже такое постановление: кто начнет стрелять без

разрешения начальника дружины, должен быть казнен. У фабрик и заводов рабочие ведут агитацию среди солдат. Но уже на третий день стачки начинаются кровавые столкновения с армией. Вот драгуны разгоняют вечерний митинг на площади, которую стачка погрузила во мрак: «Братья, не трогайте нас: мы — ваши!». Солдаты проезжают мимо. Но через четверть часа возвращаются в большем количестве и атакуют толпу. Тьма, паника, крики, проклятья. Часть толпы ищет спасения в павильоне трамвая. Драгуны требуют сдачи. Отказ. Раздается несколько залпов. В результате убит школьник, несколько человек ранено. Гонимые совестью или страхом мести, драгуны уносятся прочь. «Убийцы!» Окружив первые жертвы, толпа яростно сжимает кулаки. «Убийцы!» Еще миг — и обрызганный кровью павильон охвачен пламенем. «Убийцы!» Толпа ищет выхода своим чувствам. Среди тьмы и опасностей она двигается вперед, наталкивается на препятствия, напирает. Снова выстрелы. «Убийцы!» Толпа строит баррикады. Это ремесло ей внове, и потому она действует неуклюже и без системы... Тут же в темноте группа в 30—40 человек поет хором: «Вы жертвою пали»... Снова залпы, раненые и убитые. Соседние дворы превращаются в перевязочные пункты; у ворот дежурят жильцы и несут санитарную службу.

Открывая военные действия, социал-демократическая боевая организация расклеила по Москве воззвание, в котором давала технические указания повстанцам:

«1. Главное правило — не действуйте толпой. Действуйте небольшими отрядами, человека в 3—4, не больше. Пусть только этих отрядов будет возможно больше, и пусть каждый из них научится быстро нападать и быстро исчезать. Полиция старается одной сотней казаков расстреливать тысячные толпы. Вы же против сотни казаков ставьте одного-двух стрелков. Попасть в сотню легче, чем в одного, особенно если этот один неожиданно стреляет и неизвестно куда исчезает.

«2. Кроме того, товарищи, не занимайте укрепленных мест. Войско их всегда сумеет взять или просто разрушить артиллерией. Пусть нашими крепостями будут проходные дворы и все места, из которых легко стрелять и легко уйти. Если такое место и возьмут, то никого там не найдут, а потеряют много».

Тактика революционеров определилась сразу — из самого положения вещей. Наоборот, правительственные войска в течение целых пяти дней проявляли полную неспособность приспосо-

биться к тактике противника и кровожадное варварство соединяли с растерянностью и бестолковостью.

Вот примерная картина боя. Идет грузинская дружина — одна из самых отчаянных, в составе 24 стрелков, идет открыто, парами. Толпа предупреждает, что навстречу едут 16 драгун с офицером. Дружина строится и берет маузеры на изготовку. Едва показывается разъезд, дружина дает залп. Офицер ранен; передние лошади, раненые, взвиваются на-дыбы; в рядах замешательство, которое лишает солдат возможности стрелять. Таким образом дружина дала до 100 выстрелов и обратила драгун, оставивших несколько убитыми и ранеными, в беспорядочное бегство. «Теперь уходите, — говорит толпа, — сейчас привезут орудие». И действительно, скоро появляется на сцену артиллерия. После первого же залпа падают десятки убитых и раненых из безоружной толпы, которая никак не ожидала, что войска будут стрелять по ней. А в это время грузины уже в другом месте вступили в перестрелку с войсками... Дружина почти неуязвима, ибо окутана панцырем всеобщего сочувствия.

Вот еще пример, один из множества. Засевшая в здании группа дружинников из 13 человек в течение четырех часов выдерживала обстрел 500—600 солдат, в распоряжении которых было 3 пушки и 2 пулемета. Расстреляв все патроны и причинив войскам большой ущерб, дружинники удалились, не получив ни одной раны. А солдаты разгромили артиллерийским огнем несколько кварталов, подожгли несколько деревянных домов, истребили немало обезумевших от ужаса жителей, — все для того, чтобы вынудить к отступлению дюжину революционеров...

Баррикады не защищались. Они служили лишь препятствием для передвижения войск, особенно драгун. В районе баррикад дома были вне пределов досягаемости для артиллерии. Лишь обстреляв всю улицу, войска «брали» баррикады, чтоб убедиться, что за ними никого нет. Тотчас после удаления солдат баррикады снова восстановлялись. Систематический расстрел города дубасовской артиллерией начинается 10 декабря. Пушки и пулеметы действуют неутомимо, обстреливая улицы. Жертвы падают уже не единицами, а десятками. Растерянные и разъяренные толпы перебегают с места на место, не веря реальности совершающегося: итак, солдаты стреляют, — и притом не по отдельным революционерам, а по темному врагу, который называется Москвою — по ее домам, где живут и старики и дети, по без-

оружным уличным толпам... «Убийцы и трусы! Вот как они восстанавливают свою маньчжурскую славу!».

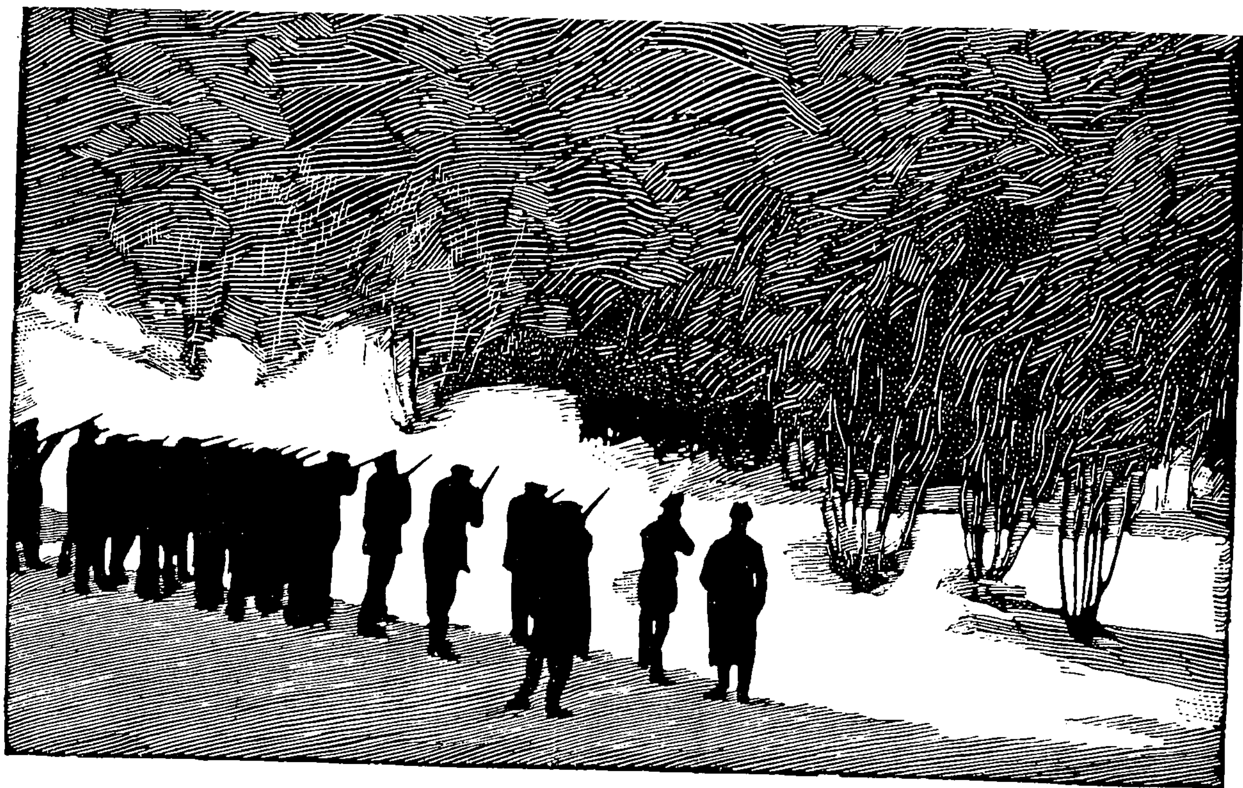
После первых пушечных выстрелов постройка баррикад принимает лихорадочный характер. Теперь размах работы шире, приемы смелее. Обрушивают большой фруктовый павильон, киоск газетчика, срывают вывески, ломают чугунные ограды, рвут верхние провода электрического трамвая.

«Вопреки распоряжению полиции — держать ворота на запоре, — сообщают реакционные газеты, — ворота вовсе сняты с петель и употреблены на постройку баррикад!». 11 декабря весь город в главных пунктах своих покрыт сетью баррикад. Целые улицы опутаны паутиной проволочных заграждений.

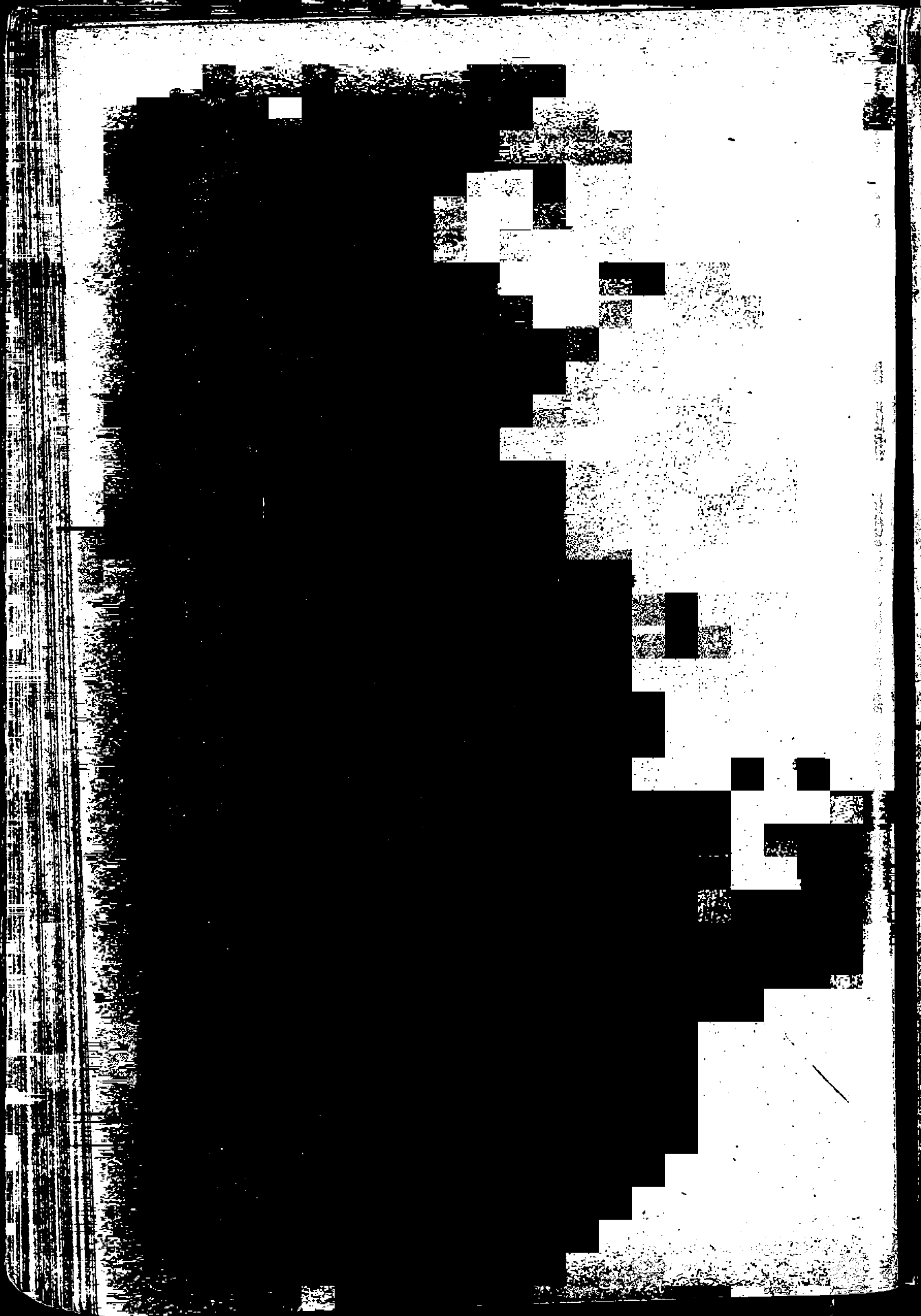
Дубасов объявляет, что всякая толпа «более чем в три человека» будет расстреляна. Но драгуны стреляют и по одиноким. Сперва обыскивают: не найдут оружия, — отпустят и пошлют вдогонку пулю. Стреляют в зевак, читающих объявления Дубасова. Достаточно, чтоб из окна раздался одинокий выстрел, нередко открыто провокаторский, — и дом немедленно подвергается обстрелу артиллерии. Лужи крови и мозги с волосами, прилипшие к вывескам, обозначают путь, по которому прошла шрапнель. В разных местах — дома с зияющими пробоинами. У одного из разрушенных зданий — страшная реклама восстания, — тарелка с куском человеческого мяса и надписью: «Жертвуйте пострадавшим!».

В течение двух-трех дней настроение московского гарнизона определилось неблагоприятно для восстания. С самого начала волнений в казармах военные власти приняли целый ряд мер: уволили запасных, вольноопределяющихся, неблагонадежных и стали лучше кормить остальных. Для подавления восстания были сперва пущены в дело только наиболее надежные части. Сомнительные полки, лишенные наиболее сознательных элементов, сидели в казармах. Их Дубасов пустил в ход уже во вторую очередь. Сначала они шли неохотно и неуверенно. Но под влиянием случайной пули, агитации офицера, на почве голода и усталости, они доходили до страшной жестокости. Дубасов дополнял влияние этих условий действием казенной водки. Драгуны все время были полупьяны.

Партизанские нападения, однако, не только озлобляют, но и утомляют, всеобщая враждебность населения ввергает солдат в уныние; 13-е—14-е декабря были критическими днями. Смер-

В Прибалтийском крае. Расстрел

тельно усталые войска роптали и отказывались итти в бой с врагом, которого они не видели и силы которого страшно преувеличивали. В эти дни было несколько случаев самоубийства среди офицеров...

Дубасов доносил в Петербург, что из 15 тыс. душ московского гарнизона в «дело» можно употребить только 5 тысяч, так как остальные ненадежны, и просил присылки подкреплений. Ему ответили, что часть петербургского гарнизона отправлена в Прибалтийский край, часть ненадежна, а остальные самим нужны. Благодаря похищенным в военном штабе документам эти переговоры стали известны в городе уже на другой день и влили бодрость и надежду в сердца. Но Дубасов добился своего. Он потребовал, чтоб его соединили по телефону непосредственно с Царским Селом, и заявил, что не ручается за «целость самодержавия». Тогда был дан приказ отправить в Москву Семеновский гвардейский полк.

15 декабря положение резко изменилось. В надежде на Семеновский полк реакционные группы Москвы воспрянули духом. На улицах появляется вооруженная милиция, набранная из трущобного сброда Союзом Русского Народа. Активные силы правительства возросли благодаря стянутым из ближайших городов войскам. Дружинники изнемогали. Обыватель устал от страха и неизвестности. Настроение рабочих масс падало, надежда на победу исчезала. Открылись магазины, конторы, банки, биржа. Движение на улицах оживилось. Вышла одна из газет. Все почувствовали, что баррикадная жизнь кончилась. В большей части города пальба затихла. 16 декабря, с прибытием войск из Петербурга и Варшавы, Дубасов становится полным хозяином положения. Он переходит в решительное наступление и совершенно очищает центр города от баррикад. Сознавая безнадежность положения, Совет и партия постановляют в этот день прекратить забастовку 19 декабря.

Во все время восстания Пресня, этот Монмартр Москвы [76]), жила своей особой жизнью. 10 декабря, когда в центре уже раздавалась пушечная стрельба, на Пресне царило еще спокойствие. Митинги шли своим чередом, но они уже не удовлетворяли массу. Она жаждала действий и осаждала депутатов. Наконец, в 4 часа дня был получен приказ из центра: строить баррикады. Все ожило на Пресне. Здесь не было той беспорядочности, которая царила в центре. Рабочие разбились на десятки, выбрали начальников,

вооружились лопатами, ломами, топорами — и в порядке выступили на улицы, точно на муниципальные работы. Никто не стоял без дела. Бабы выносили на улицу сани, дрова, ворота. Рабочие пилили и рубили телеграфные и фонарные столбы. Стук топоров стоял во всей Пресне, — казалось, будто рубят лес.

Отрезанная от города войсками, сплошь покрытая баррикадами, Пресня превратилась в пролетарский лагерь. Всюду были установлены дежурства дружинников; по ночам вооруженные часовые расхаживали между баррикадами и спрашивали у прохожих пароль. Наибольшим воодушевлением выделялись девушки-работницы. Они любили ходить на разведки, заводили разговоры с полицейскими и добывали таким путем полезные сведения. Сколько вооруженных дружинников действовало на Пресне? Человек 200, не более. В их распоряжении было до 80 винтовок и маузеров. Несмотря на такую малочисленность активных сил, стычки с войсками шли непрерывно. Солдат обезоруживали, сопротивляющихся убивали. Разрушенные баррикады восстанавливались рабочими. Дружинники строго придерживались партизанской тактики: разбивались на группы в 2—3 человека, стреляли по казакам и артиллеристам из домов, дровяных складов, пустых вагонов, быстро меняли место и снова осыпали солдат выстрелами... 12 декабря дружинники отбили у драгун и артиллеристов пушку. Четверть часа они возились вокруг нее, не зная, что с ней делать. Из затруднения их вывел большой отряд драгун и казаков, который завладел орудием.

13 декабря вечером пресненская дружина привела на фабрику 6 взятых ею в плен артиллеристов. Их накормили за общим столом. Во время обеда говорили речи политического характера. Солдаты слушали внимательно и с сочувствием. После ужина их отпустили без обыска и с оружием: не хотели озлоблять.

Вечером 15 декабря дружинники арестовали на улице начальника охранного отделения Войлошникова, произвели обыск на его квартире, конфисковали карточки поднадзорных и 600 рублей казенных денег. Войлошников был тут же приговорен к смертной казни и расстрелян во дворе Прохоровской фабрики. Он выслушал приговор спокойно и встретил смерть мужественно, — благороднее, чем жил.

16-го начался пробный артиллерийский обстрел Пресни. Дружинники ответили энергичным огнем и заставили артиллерию отступить. Но в этот же день стало известно, что Дубасов полу-

чил из Петербурга и Варшавы большие подкрепления, и настроение стало падать. Началось повальное бегство ткачей в дерезню. По дорогам потянулись толпы пешеходов с белыми котомками за плечами.

В ночь на 17-е Пресня была окружена железным кольцом правительственных войск. В седьмом часу утра открылась жестокая канонада. Артиллерия делала до 7 пушечных выстрелов в минуту. Это продолжалось с часовым перерывом до 4-х часов дня. Разгромили и подожгли ряд фабрик и жилых домов. Палили с двух сторон. Пресня — вся в дыму и огне — походила на ад. Дома и баррикады объяты пламенем, женщины и дети мечутся по улицам в клубах черного дыма, под гул и треск выстрелов. Зарево стояло такое, что можно было далеко в окружности поздним вечером читать, как днем. Дружина до 12 часов дня успешно выступала против пехоты, но под ее непрерывным огнем вынуждена была прекратить боевые действия. С этого времени под ружьем оставалась лишь небольшая группа дружинников, за свой страх и риск.

К утру 18-го Пресня была очищена от баррикад. «Мирному» населению был открыт выход из Пресни; по неряшливости выпускали даже без обысков. Первыми вышли дружинники, некоторые даже с оружием. Дальнейшие расстрелы и насилия разнузданной солдатчины производились уже тогда, когда ни одного дружинника на Пресне не было.

Семеновцы-усмирители, действовавшие на железной дороге, получили приказ: «Арестованных не иметь, действовать беспощадно». Сопротивления они нигде не встречали. В них не сделано было ни одного выстрела, тем не менее они убили по линии около 150 душ. Расстреливали без следствия и суда. Извлекали раненых из санитарных вагонов и добивали их. Трупы валялись неподобранными. Среди расстрелянных петербургскими гвардейцами был машинист Ухтомский, который умчал на паровозе от преследований боевую дружину, развив под выстрелами пулеметов бешеную скорость. Перед расстрелом он рассказал палачам про свой подвиг: «Все спаслись, — спокойно и гордо закончил он, — вам не достать их».

Восстание в Москве длилось 9 дней — с 9-го по 17-е. Как велики были собственно боевые кадры московского восстания? В сущности ничтожны. 700—800 душ входили в партийные дружины: 500 социал-демократов, 250—300 социалистов-револю-

ционеров, около 500 вооруженных огнестрельным оружием железнодорожников действовали на вокзалах и по линиям, около 400 вольных стрелков из типографских рабочих и приказчиков составляли вспомогательные отряды. Были небольшие группы вольных стрелков. Говоря о них, нельзя не упомянуть четырех добровольцев, черногорцев. Отличные стрелки, бесстрашные и неутомимые, они действовали группой, убивая исключительно полицейских и офицеров. Двое из них были убиты, третий ранен, у четвертого погиб винчестер. Ему дали новую винтовку, и он стал один ходить на свою страшную охоту. Каждое утро ему выдавали 50 патронов, — он жаловался, что мало. Он был точно в чаду. Плакал по погибшим товарищам и мстил за них страшной местью.

Каким же образом небольшой отряд дружинников мог полторы недели бороться с многотысячным гарнизоном? Разрешение этой революционной загадки — в настроении народных масс. Весь город с его улицами, домами, заборами, проходными воротами вступает в заговор против правительственных солдат. Миллионное население становится живой стеной между партизанами и регулярными войсками. Дружинников сотни; но в постройке и восстановлении баррикад уже участвуют массы. Еще бóльшие массы окружают активных революционеров атмосферой деятельного сочувствия и, чем могут, вредят правительственным планам. Из кого они состоят, эти сочувствующие сотни тысяч? Из мещанства, интеллигенции и прежде всего из рабочих. На стороне правительства оказывается, помимо продажной уличной черни, только верхний капиталистический слой. Московская городская дума, еще за два месяца до восстания блиставшая радикализмом, теперь решительно становится в свите Дубасова. Не только октябрист Гучков, но и г. Головин [77]), будущий кадетский председатель Второй Думы, входит в совет при генерал-губернаторе.

Каково число жертв московского восстания? В точности оно неизвестно и никогда не будет установлено. По данным 47 лечебниц и больниц зарегистрировано 885 раненых, 174 убитых и умерших от ран. Но убитых принимали в больницы только в редких случаях; по общему правилу они лежали в полицейских участках и оттуда увозились тайком. На кладбище похоронено за эти дни 454 человека убитых и умерших от ран. Но много трупов вагонами вывозили за город. Вряд ли ошибка будет велика, если мы предположим, что восстание вырвало из среды московского насе-

ления около тысячи душ убитыми и столько же ранеными. Среди них 86 детей, в их числе грудные младенцы. Эти числа станут ярче, если вспомнить, что на мостовых Берлина в результате мартовского восстания 1848 г., когда прусский абсолютизм получил неизлечимую рану, осталось лишь 183 трупа... Число жертв, понесенных войсками, правительство утаило, как и число жертв революции. Официальный отчет говорит лишь о нескольких десятках убитых и раненых солдат. На самом деле их было несколько сот. Цена не слишком крупная, ибо ставкой была Москва, «сердце России».

Если оставить в стороне окраины (Кавказ и Прибалтийский край), декабрьская волна нигде не поднималась до такой высоты, как в Москве. Баррикады, перестрелка с войсками, артиллерийская стрельба имели, однако, место еще в целом ряде городов: в Харькове, Александровске, Нижнем-Новгороде, Ростове, Твери...

После того как восстание было всюду сломлено, открылась эра карательных экспедиций. Как показывает это официальное название, цель их — не борьба с врагами, а месть побежденным. В Прибалтийском крае, где восстание вспыхнуло за две недели до московского, карательные экспедиции разбились на мелкие отряды, которые исполняли кровавые поручения подлой касты остзейских баронов, поставляющих самых зверских представителей русской бюрократии. Латышей, — рабочих и крестьян — расстреливали, вешали, засекали розгами, забивали палками, гоняли сквозь строй, казнили под звуки царского гимна. В течение двух месяцев в Прибалтийских губерниях — по крайне неполным сведениям — казнено 749 человек, сожжено до-тла более 100 усадеб, засечено плетьми множество людей.

Так абсолютизм божьей милостью боролся за свое существование. С 9 января 1905 г. до созыва Первой Государственной Думы, 27 апреля 1906 г., — по приблизительным, но во всяком случае не преувеличенным расчетам — царским правительством убито более 14 тыс. человек, казнено более тысячи, ранено около 20 тыс. (из них многие умерли), арестовано, сослано, заточено — 70 тыс. человек. Цена не слишком крупная, ибо ставкой было существование царизма.

«1905».

IV
Совет и революция

1. СОВЕТ ПЕРЕД СУДОМ РЕАКЦИИ

ПРОЦЕСС СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

3-е декабря открывает эру контр-революционного заговора арестом Совета Рабочих Депутатов. Декабрьская стачка в Петербурге и ряд декабрьских восстаний в разных частях страны были героическим усилием революции удержать за собою все те позиции, которые она завоевала в октябре. Руководство рабочими массами Петербурга перешло в это время ко второму Совету, который составился из остатков первого и из вновь избранных депутатов. Около трехсот членов первого Совета сидели в трех тюрьмах Петербурга. Их дальнейшая судьба была долгое время загадкой не только для них, но и для правящей бюрократии. Министр юстиции, как утверждала осведомленная пресса, решительно отвергал возможность предания рабочих депутатов суду. Если их совершенно открытая деятельность была преступной, то сплошным преступлением была, по его мнению, роль высшей администрации, которая не только попустительствовала Совету, но и входила с ним в прямые сношения. Министры препирались, жандармы вели дознание, депутаты сидели по своим одиночным камерам. В эпоху декабрьских и январских карательных экспедиций были все основания думать, что Совет попадет в петлю военного суда. В конце апреля, в первые дни Первой Думы, рабочие депутаты, как и вся страна, ждали амнистии. Так качалась судьба членов Совета между смертной казнью и полной безнаказанностью.

Наконец, она нашла свою равнодействующую. Думское или, вернее, антидумское министерство Горемыкина [78]) передало дело Совета на рассмотрение Судебной Палаты с участием сослов-

ных представителей *). Обвинительный акт по делу Совета, этот жалкий продукт жандармско-прокурорской юридической стряпни, интересен как документ великой эпохи. Революция отразилась в нем, как солнце в грязной луже полицейского двора. Члены Совета обвинялись за подготовку к вооруженному восстанию по двум статьям, из которых одна грозила каторгой до 8, а другая — до 12 лет. Юридическую постановку обвинения, или, вернее, ее абсолютную невозможность, автор этих строк разобрал в небольшом докладе **), переданном им из дома предварительного заключения в распоряжение социал-демократической фракции Первой Думы для запроса по поводу суда над Советом. Запрос не состоялся, так как Первая Дума была разогнана, и социал-демократическая фракция сама оказалась под судом.

Процесс был назначен на двадцатое июня, при открытых дверях. Волна митингов протеста прокатилась по всем заводам и фабрикам Петербурга. Если прокуратура пыталась представить Исполнительный Комитет Совета как группу конспираторов, навязывавших массе чуждые ей решения; если либеральная печать после декабрьских событий изо дня в день твердила, что «наивно революционные» методы Совета давно потеряли обаяние в глазах массы, которую обуревает стремление ввести свою жизнь в русло нового, «конституционного» права, — то каким прекрасным опровержением полицейских и либеральных клевет и глупостей были июньские митинги и резолюции петербургских рабочих, посылавших со своих фабрик клич солидарности своим представителям в тюрьму, требовавших суда над собою, как над активными участниками революционных событий, заявлявших, что Совет был только исполнителем их воли, и клявшихся довести работу Совета до конца!

Двор суда и прилегающие улицы были превращены в военный лагерь. Все полицейские силы Петербурга были поставлены на-ноги. Несмотря на эти колоссальные приготовления, процесс не состоялся. Придравшись к нескольким формальным поводам, председатель Судебной Палаты, против желания обвинения и

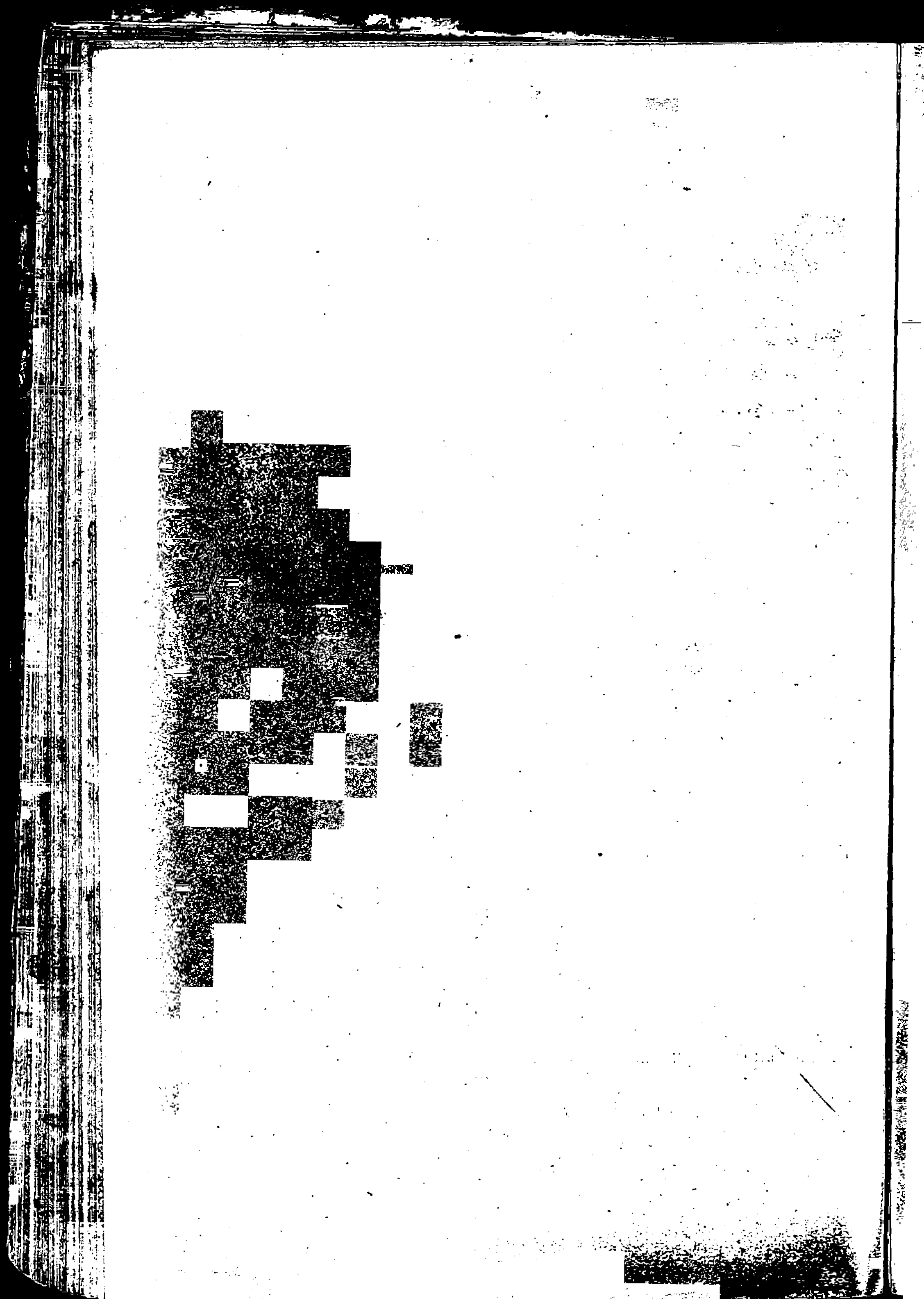
*) Семь лиц: четверо коронных судей, представитель дворянства Петербургского уезда граф Гудович, правый октябрист, представитель петербургской думы Тройницкий, проворовавшийся губернатор, изгнанный со службы, черносотенник, и, наконец, старшина одной из петербургских волостей, кажется, «прогрессист».

**) См. ниже «Совет и прокуратура». стр. 149.

Процессъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ

3-е декабря открываетъ эру контр-революціоннаго разгула арестомъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Декабрьская стачка в Петербургѣ и рядъ декабрьскихъ восстаній в разныхъ частяхъ страны были героическимъ усиліемъ революціи удержать за собою всѣ тѣ позиціи, которыя она завоевала в ~~предъявили к ней в~~ октябрѣ. Руководство рабочими массами Петербурга перешло в это время ко Второму Совѣту, который составился из остатковъ перваго и изъ вновь избранныхъ депутатовъ. Около трехсотъ членовъ перваго Совѣта сидѣли в трехъ тюрьмахъ Петербурга. Ихъ дальнѣйшая судьба была долгое время загадкой не только для нихъ, но и для правящей бюрократіи. Министръ юстиціи, какъ ~~передавала~~ утверждала освѣдомленная пресса, рѣшительно отвергалъ возможность преданія рабочихъ депутатовъ суду. Если ихъ совершенно открытая дѣятельность была преступной, то сообщникомъ преступленія была, ~~какже~~ по его мнѣнію, высшая администрація, которая не только попустительствовала ~~ей~~ Совѣту, но и входила с нимъ в прямыя сношенія. Министры препирались, жандармы вели дознаніе, депутаты сидѣли по своимъ одиночнымъ камерамъ. В этотъ

Снимок с рукописи «Процесс Совета Рабочих Депутатов»

защиты и даже против воли министерства, как оказалось впоследствии, отложил слушание дела на три месяца — до 19 сентября. Это был тонкий политический ход. В конце июня положение было полно «неограниченных возможностей»: кадетское министерство казалось такой же вероятностью, как и реставрация абсолютизма. Между тем процесс Совета требовал от председателя вполне уверенной политики. Этому последнему ничего не оставалось, как дать истории еще три месяца на размышление. Увы! — дипломатическому кунктатору пришлось уже через несколько дней покинуть свой пост! В пещерах Петергофа направление вполне определилось: там требовали решительности и беспощадности.

Процесс, открывшийся 19 сентября при новом председателе, длился целый месяц, в самый острый период первого междудумья, в медовые недели военно-полевых судов. И тем не менее, судебное разбирательство, в отношении целого ряда, если не всех вопросов, велось с такой свободой, которая была бы совершенно непонятна, если бы за ней нельзя было нащупать пружину бюрократической интриги: министерство Столыпина, повидимому, таким путем отбивалось от атак графа Витте. Тут был непогрешимый расчет: чем больше развертывался процесс, тем выпуклее он воспроизводил картину правительственного унижения в конце 1905 года. Попустительство Витте, его интриги на две стороны, его фальшивые заверения в Петергофе, его грубые заискивания перед революцией, — вот что высшие бюрократические сферы извлекли из суда над Советом. Подсудимым оставалось только в политических целях использовать благоприятное положение и как можно шире раздвинуть рамки процесса.

Было вызвано около 400 свидетелей, из которых свыше 200 явились и дали показания *). Рабочие, фабриканты, жандармы, инженеры, прислуга, обыватели, журналисты, почтово-телеграфные чиновники, полицеймейстеры, гимназисты, гласные думы, дворники, сенаторы, хулиганы, депутаты, профессора и солдаты дефилировали в течение месяца перед судом, и под перекрестным огнем вопросов со скамей суда, прокуратуры, защиты и подсудимых — особенно подсудимых — они линия за линией, штрих за штрихом, восстановили столь богатую событиями эпоху деятельности рабочего Совета.

*) Многие свидетели пребывали ко времени суда «в неизвестности» или находились в Сибири.

Пред судом прошла всероссийская октябрьская стачка, похоронившая Булыгинскую Думу, ноябрьская стачечная манифестация в Петербурге—этот благородный и величественный протест пролетариата против военно-полевого суда над кронштадтскими матросами и насилия над Польшей; затем героическая борьба петербургских рабочих за восьмичасовой рабочий день; наконец, руководимое Советом восстание все выносящих рабов почты и телеграфа. Протоколы заседаний Совета и Исполнительного Комитета, впервые оглашенные на суде, раскрыли пред страной ту колоссальную будничную работу, которую совершало пролетарское представительство, организуя помощь безработным, регулируя конфликты между рабочими и предпринимателями, руководя непрерывными экономическими стачками.

Стенографический отчет о процессе, который должен составить несколько объемистых томов, до сих пор еще не издан. Только изменение политических условий в России может освободить из-под спуда этот неоценимый исторический материал. Немецкий судья, как и немецкий социал-демократ,—были бы одинаково поражены, если бы попали во время процесса в зал суда. Утрированная строгость причудливо переплелась с полной распущенностью, и обе они с разных сторон характеризовали ту поразительную растерянность, которая все еще царила в правительственных сферах, как наследие октябрьской стачки. Здание суда было объявлено на военном положении и фактически превращено в военный лагерь. Несколько рот солдат и сотен казаков во дворе, у ворот, на прилегающих улицах. Жандармы с шашками наголо везде и всюду: вдоль всего подземного коридора, соединяющего тюрьму с судом, во всех помещениях суда, за спинами подсудимых, во всех оборотах, вероятно, даже в дымовой трубе. Они должны были образовать живую стену между подсудимыми и внешним миром, в том числе и той публикой, в количестве 100—120 душ, которая была допущена в зал заседаний. Но 30—40 черных адвокатских фраков поминутно разрывают синюю стену. На скамье подсудимых появляются непрерывно газеты, письма, конфеты и цветы. Цветы без конца! в петлицах, в руках, на коленях, наконец, просто на скамьях. И председатель не решается устранить этот благоуханный беспорядок. В конце концов, даже жандармские офицеры и судебные пристава, совершенно «деморализованные» общей атмосферой, начали передавать подсудимым цветы.

А затем свидетели-рабочие! Они скоплялись в свидетельской комнате десятками, и когда судебный пристав открывал дверь зала заседаний, волна революционной песни докатывалась иной раз до председательского кресла. Удивительное впечатление производили эти рабочие-свидетели! Они приносили с собой революционную атмосферу фабричных предместий и с таким божественным презрением нарушали мистическую торжественность судебного ритуала, что желтый, как пергамент, председатель только беспомощно разводил руками, а свидетели из общества и либеральные журналисты смотрели на рабочих тем взглядом уважения и зависти, каким слабые смотрят на сильных.

Уже первый день процесса ознаменовался замечательной демонстрацией. Из пятидесяти двух подсудимых председатель вызвал только пятьдесят одного. Он пропустил Тэр-Мкртчянца [79].

— Где подсудимый Тэр-Мкртчянц? — спросил присяжный поверенный Соколов.

— Он выключен из списка обвиняемых.

— Почему?

— Он... он... казнен.

Да, в промежутке между 20 июня и 19 сентября Тэр-Мкртчянц, выпущенный судом на поруки, был казнен на валу кронштадтской крепости как участник военного восстания.

Подсудимые, свидетели, защитники, публика, — все молчаливо поднимаются со своих мест, чтобы почтить память павшего. Вместе со всеми встают растерянные полицейские и жандармские офицеры.

Свидетелей вводили группами человек по 20—30 для присяги. Многие являлись в рабочих костюмах, не успев омыть рук, с картузами в руках. Они мельком взглядывали на судей, затем отыскивали глазами подсудимых, энергично кланялись на две стороны, где стояли наши скамьи, и громко говорили: «Здравствуйте, товарищи!». Казалось, будто они пришли за справкой на заседание Исполнительного Комитета. Председатель спешно делал перекличку и призывал к присяге. Старик-священник становился у налоя и разворачивал инструменты своего ремесла. Свидетели, однако, не трогались с места. Председатель повторял приглашение.

— Нет, мы присягать не будем!.. — отзывалось сразу несколько голосов. — Мы этого не признаем.

— Да ведь вы православные.

— Числимся православными в полицейских списках, а только мы этого всего не признаем...

— В таком случае, батюшка, вы свободны, ваших услуг сегодня не потребуется.

Кроме полицейских чинов, у православного священника присягали только рабочие лютеране и католики. «Православные» рабочие поголовно отказывались от присяги, заменяя ее обещанием говорить правду.

Эта процедура однообразно повторялась с каждой новой группой. Только иногда разнородный состав свидетелей создавал новую неожиданную комбинацию.

— Приемлющие присягу,— обращается председатель к новой группе свидетелей, — подойдите к батюшке. Неприемлющие, отойдите назад!

Небольшого роста старик-жандарм, состоящий при каком-то заводе, выделяется из группы свидетелей и молодцеватым маршем подходит к налою. Тяжело стуча сапогами и переговариваясь друг с другом, рабочие отступают назад. Между ними и стариком-жандармом остается свидетель О., известный петербургский присяжный поверенный, домовладелец, либерал и гласный думы.

— Вы присягаете, свидетель О.? — обращается к нему председатель.

— Я... я... собственно... присягаю...

— В таком случае подойдите к батюшке.

Нерешительными шагами с перекошенным лицом подвинулся свидетель к налою. Он оглянулся назад: за ним не было никого. Спереди стоял маленький старик в жандармском мундире.

— Поднимите руки для присяги!

Старик-жандарм высоко поднял три пальца над головой. Присяжный поверенный О. слегка поднял руку, снова оглянулся назад и остановился.

— Свидетель О., — раздался раздраженный голос, — вы присягаете или нет?

— Как же, как же, присягаю.

И либеральный свидетель, пересилив себя, поднял руку почти так же высоко, как жандарм. Вместе с жандармом он повторял вслед за священником наивные слова присяги. Если б такую картину создал художник, она показалась бы ненатуральной! Глубокий социальный символизм этой маленькой судебной сцены

почувствовался всеми. Свидетели рабочие обменялись ироническим взглядом с подсудимыми, люди из общества смущенно переглянулись между собою, злорадство откровенно выступило на иезуитском лице председателя. В зале воцарилось напряженное молчание.

Допрашивается сенатор граф Тизенгаузен, гласный петербургской думы. Он присутствовал в том заседании думы, когда депутация Совета предъявила ряд требований городскому самоуправлению.

— Как вы, господин свидетель, — спрашивает один из защитников, — отнеслись к требованию об устройстве вооруженной городской милиции?

— Я считаю этот вопрос не имеющим отношения к делу, — отвечает граф.

— В тех рамках, в каких я веду судебное следствие, — возражает председатель, — вопрос защиты законен.

— В таком случае я должен сказать, что к идее городской милиции я тогда отнесся сочувственно, но с того времени я совершенно изменил свой взгляд на этот вопрос...

О, сколь многие из них успели за протекший год изменить свой взгляд на этот и на многие другие вопросы!.. Либеральная пресса, выражая «полное сочувствие» личностям подсудимых, в то же время не находила достаточно решительных слов, чтоб отвергнуть их тактику. Радикальные газеты с улыбкой сожаления говорили о революционных «иллюзиях» Совета. Зато рабочие оставались ему верны без всяких оговорок.

Многие заводы присылали в суд свои коллективные письменные заявления через свидетелей из своей среды. По настоянию подсудимых суд приобщал такие документы к делу и оглашал их во время заседания.

«Мы — нижеподписавшиеся рабочие Обуховского завода,— говорило одно наудачу выхваченное нами заявление, — убедившись в том, что правительство хочет произвести суд, полный произвола, над Советом Рабочих Депутатов, глубоко возмущенные стремлением, правительства изобразить Совет в виде кучки заговорщиков, преследующих чуждые рабочему классу цели, — мы, рабочие Обуховского завода, заявляем, что Совет состоит не из кучки заговорщиков, а из истинных представителей всего петербургского пролетариата. Мы протестуем против произвола правительства над Советом, выразившегося в обвинении выбран-

ных нами товарищей, исполнявших все наши требования в Совете, и заявляем правительству, что насколько виновен наш уважаемый всеми нами товарищ П. А. Злыднев, постольку же виновны и мы, что и удостоверяем своими подписями».

К этой резолюции было присоединено несколько листов бумаги, покрытых более чем 2.000 подписей. Листы были грязны и измяты: они ходили по всем мастерским завода из рук в руки. Обуховская резолюция далеко не самая резкая. Были такие, от оглашения которых председатель отказывался ввиду их «глубоко неприличного» по отношению к суду и к правительству тона.

В общем представленные суду резолюции насчитывали десятки тысяч подписей. Показания свидетелей, многие из которых, выйдя из судебного зала, сейчас же попадали в руки полиции, дали превосходный комментарий к этим документам. Заговорщики, необходимые прокуратуре, совершенно утонули в героической безыменной массе. В конце концов прокурор, совмещавший свою позорную роль с внешней корректностью, вынужден был в обвинительной речи признать два факта: во-первых, что на известном уровне политического развития пролетариат проявляет «тяготение» к социализму, и, во-вторых, что настроение рабочих масс в период деятельности Совета было революционным.

Пришлось прокуратуре сдать еще одну важную позицию. «Подготовка вооруженного восстания» была, разумеется, осью всего судебного следствия.

— Призывал ли Совет к вооруженному восстанию?

— В сущности, не призывал, — отвечали свидетели. — Совет формулировал только общее убеждение в неизбежности вооруженного восстания.

— Совет требовал Учредительного Собрания. Кто же должен был создать его?

— Сам народ!

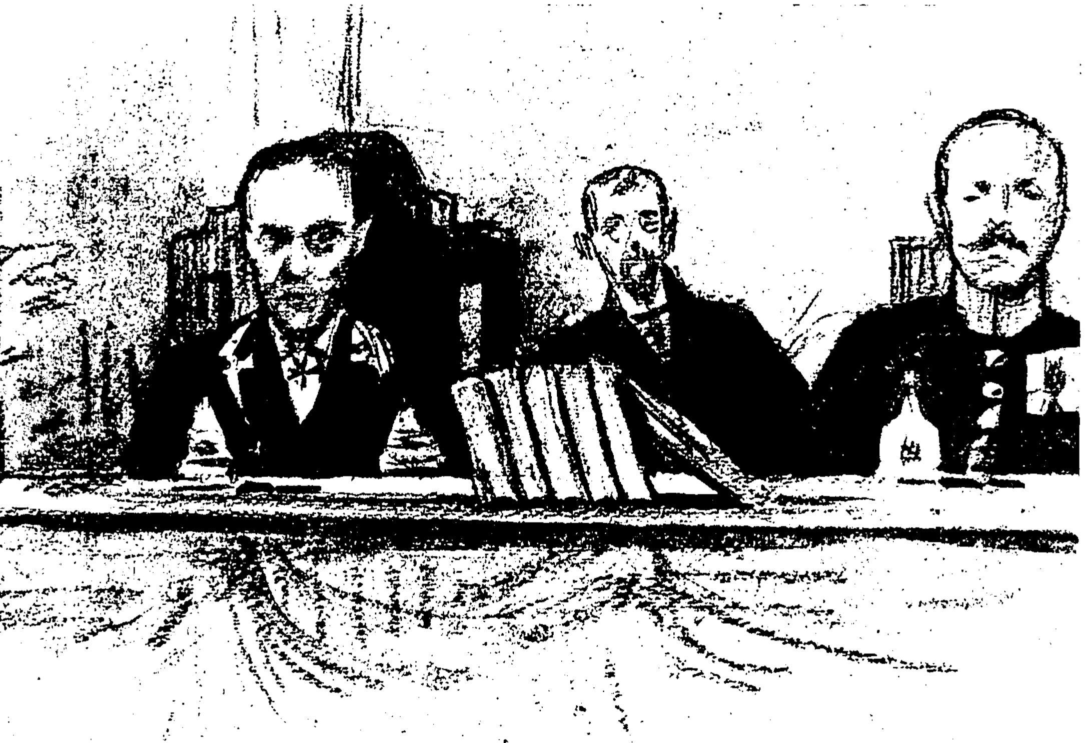
— Как?

— Конечно, силой. Добром ничего не возьмешь.

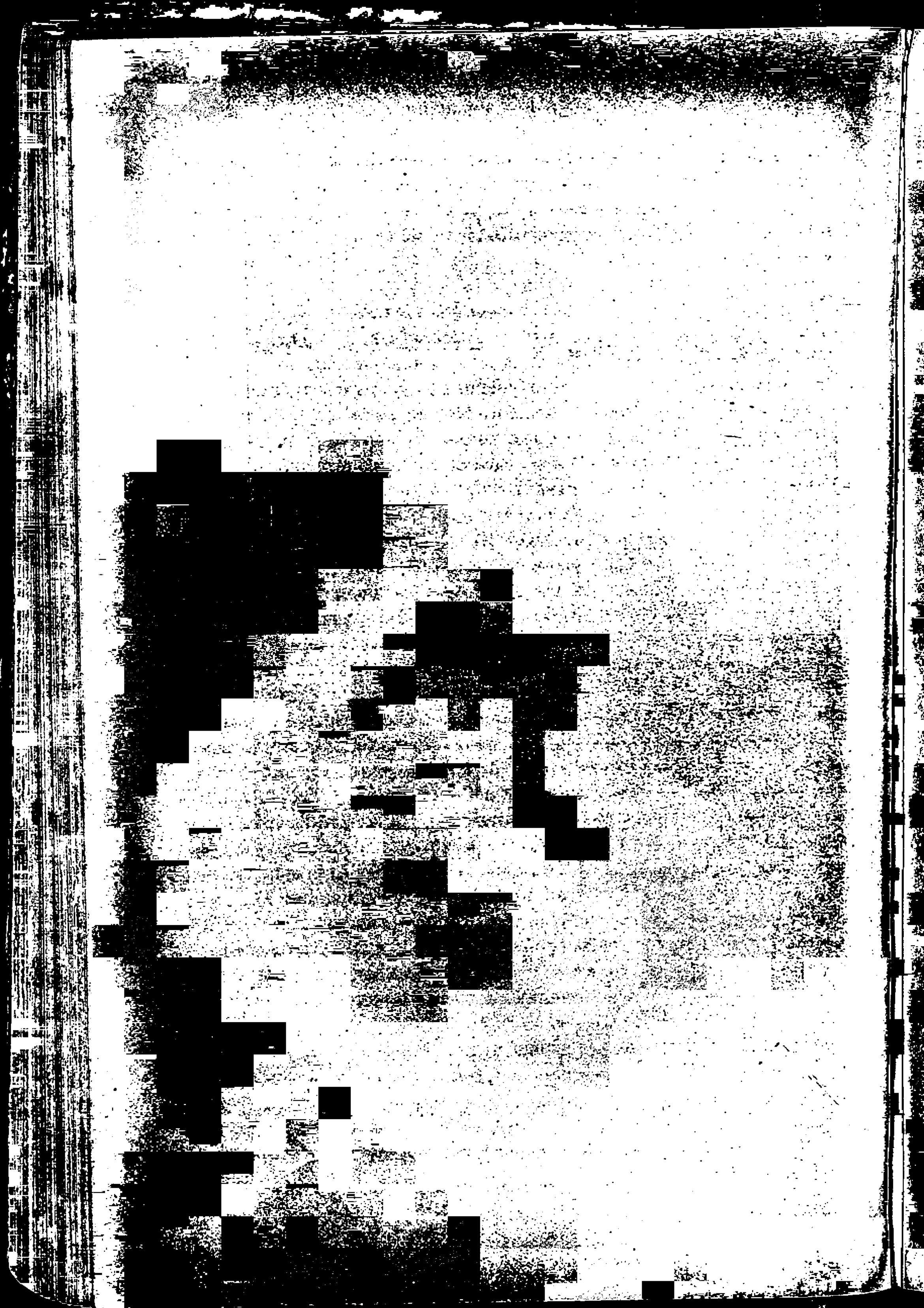
— Значит, Совет вооружал рабочих для восстания?

— Нет, для самозащиты.

Председатель иронически пожимал плечами. Но, в конце концов, показания свидетелей и подсудимых заставили суд усвоить себе это «противоречие». Рабочие вооружались непосредственно для самообороны. Но это было в то же время вооружением в целях восстания — постольку, поскольку главным органом погромов

Суд

становилась правительственная власть. Выяснению этого вопроса была посвящена речь, которую автор произнес перед судом *).

Своей вершины процесс достиг в тот момент, когда наша защита передала суду ставшее столь знаменитым «Письмо Лопухина» [80]).

Подсудимые и защита говорили:

— Господа судьи! Вы считаете, повидимому, голословным наше утверждение, что органы правительственной власти играли руководящую роль в подготовке и организации погромов. Для вас, может быть, недостаточно убедительны свидетельские показания, которые вы здесь слышали. Может быть, вы уже успели забыть те разоблачения, которые князь Урусов [81]), бывший товарищ министра внутренних дел, сделал в Государственной Думе. Может быть вас убедил жандармский генерал Иванов, который под присягой сказал вам здесь, что речи о погромах были одним предлогом для вооружения масс? Может быть, вы поверили свидетелю Статковскому, чиновнику охранного отделения, который под присягой показал, что он в Петербурге не видал ни одной погромной прокламации? Но смотрите! Вот засвидетельствованная копия письма бывшего директора департамента полиции Лопухина министру внутренних дел Столыпину **). На основании расследований, произведенных им специально по поручению графа Витте, г. Лопухин удостоверяет, что погромные прокламации, которых якобы никогда не видал свидетель Статковский, печатались в типографии того самого охранного отделения, чиновником которого Статковский состоит; что эти прокламации развозились агентами охранного отделения и членами монархических партий по всей России; что между департаментом полиции и черносотенными шайками существует тесная организационная связь; что во главе этой преступной организации в эпоху Совета стоял генерал Трепов, который, будучи дворцовым комендантом, пользовался громадной властью, лично докладывал царю о деятельности полиции и, помимо всех министров, располагал огромными государственными суммами для своей погромной деятельности...

...И еще один факт, господа судьи! Многочисленные черносотенные листки — они имеются у вас в материалах предвари-

*) Мы приводим ниже эту речь по не опубликованному в России стенографическому отчету — см. стр. 163.

**) В кабинете Горемыкина Столыпин был министром внутренних дел.

тельного дознания! — обвиняли членов Совета в расхищении рабочих денег. Жандармский генерал Иванов производил на основании этих листков специальное, разумеется совершенно безрезультатное, расследование на петербургских фабриках и заводах. Мы, революционеры, привыкли к подобным приемам властей. Но и мы, столь далекие от идеализации жандармерии, не подозревали, как далеко способно заходить это учреждение. Оказывается, что прокламации, обвинявшие Совет в расхищении рабочих денег, сочинялись и тайно печатались в том самом жандармском управлении, в котором служит генерал Иванов. Этот факт также удостоверяется г. Лопухиным. Г.г. судьи! Вот копия письма, под которой имеется подпись самого автора. Мы требуем, чтоб этот драгоценный документ был целиком прочтен здесь, в суде. Мы требуем, кроме того, чтоб действительный статский советник Лопухин был вызван сюда в качестве свидетеля.

Это заявление разразилось, как удар грома над головой суда. Судебное следствие заканчивалось, и председатель чувствовал себя после бурного плавания уже у тихой пристани, как вдруг снова оказывался отброшенным в открытое море.

Уже письмо Лопухина намекало на характер таинственных докладов, которые Трепов делал царю. Кто знает, как разовьет эти намеки под вопросами обвиняемых бывший шеф полиции, повернувшийся к полиции спиной... Суд в священном ужасе отступил перед возможностью дальнейших разоблачений. После продолжительных обсуждений он отказал подсудимым в принятии письма и в вызове Лопухина свидетелем.

Тогда подсудимые заявили, что им больше нечего делать в зале суда, и категорически потребовали, чтоб их удалили в их одиночные камеры.

Мы были удалены. Одновременно с нами удалились из суда наши защитники. В отсутствии подсудимых, адвокатов и публики прокурор произнес свою сухую и «корректную» обвинительную речь. В почти пустом зале палата вынесла свой приговор. Снабжение рабочих оружием в целях восстания было отвергнуто. Пятнадцать подсудимых, в том числе автор этих строк, были присуждены к лишению всех гражданских прав и пожизненной ссылке в Сибирь. Двое были приговорены к непродолжительному тюремному заключению. Остальные оправданы.

Процесс Совета Депутатов произвел огромное впечатление в стране. Можно с уверенностью сказать, что своим огромным

успехом на выборах во Вторую Думу социал-демократия в значительной мере обязана агитационному влиянию суда над революционным парламентом петербургского пролетариата.

Процесс Совета Депутатов породил эпизод, который заслуживает здесь упоминания.

2 ноября, в день объявления приговора в окончательной форме, в «Новом Времени» появилось письмо вернувшегося из-за границы гр. Витте по поводу процесса Совета Депутатов, при чем, обороняясь от атак бюрократической правой, граф не только отказывался от чести быть главным зачинщиком русской революции, в чем он не был так уж неправ, но и начисто отрицал свои личные сношения с Советом. Показания свидетелей и подсудимых он с ясным лбом назвал «вымышленными в видах защиты», очевидно, не ожидая встретить отпор из стен тюрьмы. Но граф ошибся.

«Мы слишком отчетливо сознаем, — говорил коллективный ответ осужденных, напечатанный нами в газете «Товарищ» 5 ноября, — отличие нашей и графа Витте политической природы, чтобы счесть для себя допустимым выяснять бывшему премьеру те причины, которые делают для нас, представителей пролетариата, обязательным во всей нашей политической деятельности *говорить правду*. Но мы считаем вполне уместным сослаться здесь на речь г. прокурора. Профессиональный обвинитель, чиновник враждебного нам правительства, признал, что мы своими заявлениями и речами дали ему «без боя» материал обвинения — обвинения, а не защиты! — и назвал пред лицом суда наши показания правдивыми и искренними.

«Правдивость и искренность—это качества, которых не только политические враги, но и профессиональные хвалители никогда не приписывали графу Витте».

Далее, коллективный ответ документально выяснял всю опрометчивость запирательства гр. Витте *) и заканчивал строками, которые подводят итог суду над революционным парламентом петербургского пролетариата.

«Каковы бы ни были цели и мотивы опровержения гр. Витте, — говорило наше письмо, — каким бы неосторожным оно

---

*) Графу пришлось после этого признать свои сношения с Советом, но он «объяснял», что в депутациях Совета он хотел видеть просто «представителей рабочих».

ни казалось, оно появилось очень своевременно, как последний удар кисти, чтобы вполне дорисовать облик правительственной власти, лицом к лицу с которой стоял Совет в те дни. Мы позволим себе остановиться на этом облике в нескольких словах.

«Граф Витте подчеркивает тот факт, что именно он предал нас в руки правосудия. Дата этой исторической заслуги, как мы уже сказали выше, — 3 декабря 1905 г. После того мы прошли через руки охранного отделения, затем — через руки жандармского управления и далее предстали пред лицом суда.

«На суде фигурировали в качестве свидетелей два чиновника охранного отделения. На вопрос, не готовился ли в Петербурге погром осенью прошлого года, они самым решительным образом ответили: *нет*! и заявили, что не видали ни одного листка, призывавшего к погромам. А между тем бывший директор департамента полиции, д. с. с. Лопухин, свидетельствует, что погромные прокламации печатались в то время именно в охранном отделении. Таков первый этап «правосудия», которому передал нас гр. Витте.

«Далее, на суде фигурировали жандармские офицеры, ведшие дознание по делу Совета. По их собственным словам, первоисточником их расследования по вопросу о расхищении депутатами денежных сумм послужили анонимные черносотенные листки. Г-н прокурор назвал эти листки лживыми и клеветническими. И что же? Д. с. с. Лопухин свидетельствует, что эти лживые и клеветнические листки печатались в том самом жандармском управлении, которое вело дознание по делу Совета. Таков второй этап на пути правосудия.

«И когда мы через десять месяцев оказались пред лицом суда, этот последний позволил нам выяснить все то, что в основных чертах было известно и до суда; но как только мы сделали попытку выяснить и доказать, что перед нами в то время не было никакой правительственной власти, что наиболее активные органы ее превратились в контр-революционные сообщества, попиравшие не только писаные законы, но и все законы человеческой морали, что наиболее доверенные элементы правительственного персонала составляли централизованную организацию всероссийских погромов, что Совет Рабочих Депутатов по существу выполнял задачи национальной обороны, — когда с этой целью мы потребовали приобщения к делу ставшего благодаря нашему процессу известным письма Лопухина и, глав-

ное, допроса самого Лопухина в качестве свидетеля, суд, не стесняясь соображениями права, властной рукой закрыл нам уста. Таков третий этап правосудия.

«И, наконец, когда дело доведено до конца, когда приговор произнесен, выступает гр. Витте и делает попытку очернить своих политических врагов, которых он, повидимому, считает окончательно поверженными. С такою же решительностью, с какою чиновники охранного отделения уверяли, что не видали ни одного погромного листка, гр. Витте утверждает, что не имел никаких сношений с Советом Рабочих Депутатов. С такою же решительностью и — с такою же правдивостью.

«Мы спокойно оглядываемся на эти четыре ступени официального суда над нами. Представители власти лишили нас «всех прав» и отправляют нас всех в ссылку. Но они не могут, они не в силе лишить нас права на доверие пролетариата и всех честных сограждан. По нашему делу, как и по всем другим вопросам нашего национального бытия, последнее слово скажет народ. С полным доверием мы апеллируем к его совести».

4 ноября 1906 г.
Дом предв. заключения.
«1905»

СОВЕТ И ПРОКУРАТУРА

Процесс СРД представляет лишь отдельный эпизод в борьбе революции с правительством петергофских заговорщиков. Вряд ли даже среди полицейских представителей прокуратуры найдется кто-нибудь, кто действительно думал бы, что привлечение к ответственности членов Совета есть юридически закономерный акт, что процесс начат и ведется по самостоятельной инициативе судебной власти, что он совершается во имя «внутренних запросов» права. Всякий и каждый понимает, что арест Совета есть акт не юридический, а военно-политический, что он представляет собою один из моментов той кровавой кампании, которую ведет отверженная и поруганная народом власть.

Мы не входим здесь в рассмотрение вопроса о том, почему из всех возможных методов расправы с представителями рабочих избран сравнительно сложный путь суда Судебной Палаты с сословными представителями. В распоряжении власти имеется целый ряд других средств, не менее действительных, но более простых. Помимо богатого арсенала административных мер,

можно указать на военный суд, или на тот суд, имени которого, правда, нет в учебниках права, но который с успехом применялся во многих местах. Он состоит в том, что обвиняемым рекомендуют отойти на несколько шагов от судей и повернуться к ним спиной. Когда подсудимые выполняют эту процессуальную обрядность, раздается залп, который означает собою судебный приговор, не допускающий ни апелляции, ни кассации.

Но факт таков, что правительство, вместо того чтобы расправиться застеночным путем с 52 лицами, отмеченными его агентами, организовало судебный процесс, и притом не просто процесс 52 лиц, а процесс Совета Рабочих Депутатов. Этим самым оно вынуждает нас к критике занятой им юридической позиции.

Обвинительный акт гласит, что поименованные в нем 52 лица обвиняются в том, что «вступили участниками в сообщество... заведомо для них поставившее целью своей деятельности насильственное посягательство на изменение установленного в России основными законами образа правления и замену его демократической республикой»... В этом вся суть обвинения, которое должно отвечать содержанию 101 и 102 ст.ст. Уголовного Уложения [82]).

Таким образом обвинительный акт рисует Совет Рабочих Депутатов как революционное «сообщество», объединившееся на почве заранее формулированной политической задачи, как организацию, каждый участник которой самым фактом своего вступления в нее подписывается под определенной заранее начертанной политической программой. Такое определение Совета стоит в глубоком противоречии с той картиной возникновения «сообщества», какую дает сам обвинительный акт. На первой странице его мы читаем, что инициаторы создания будущего Совета призывали «избрать депутатов в Рабочий Комитет, который придаст рабочему движению организованность, единство и силу» и явится «представителем нужд петербургских рабочих перед остальным обществом». «И действительно — продолжает обвинительный акт — тогда же на многих фабриках состоялись выборы депутатов». Какова же была политическая программа складывавшегося Совета? Ее не было вовсе. Мало того: ее и не могло быть, ибо Совет, как мы видели, образовывался не на начале подбора политических единомышленников (как партия или заговорщическая организация), а на начале выборного представительства (как дума или земство). Из самых условий образования

Совета с несомненностью вытекает, что поименованные в обвинительном акте лица, так же как и все остальные члены Совета, вступали не в заговорщическое сообщество, которое заведомо для них ставило своей целью насильственное ниспровержение существующего образа правления и создание демократической республики, но в представительную коллегию, направление работ которой должно было лишь определиться дальнейшим сотрудничеством ее членов.

Если Совет есть сообщество, предусмотренное 101 и 102 ст.ст., то где границы этого сообщества? Депутаты входят в Совет не по собственному желанию, как члены сообщества, — их посылают в Совет избиратели. В свою очередь, коллегия избирателей никогда не распускается. Она всегда остается на заводе, пред ней депутат дает отчет в своих действиях, она через своего депутата самым решительным образом влияет на направление деятельности Совета. По всем важнейшим вопросам — стачки, борьба за 8-часовой рабочий день, вооружение рабочих — инициатива исходила не от Совета, но от более передовых заводов. Собрание рабочих-избирателей выносило резолюции, которые вносились депутатами в Совет. Таким образом организация Совета была фактически и формально организацией огромного большинства петербургских рабочих. В основе этой организации лежала совокупность избирательных коллегий, по отношению к которым Совет играл в известном смысле такую же роль, как Исполнительный Комитет по отношению к самому Совету. Обвинительный акт в одном случае признает это самым категорическим образом. «Стремление Рабочего Комитета *) достигнуть всеобщего вооружения, — говорит он, — высказано было... в постановлениях и резолюциях отдельных *организаций, входивших в состав Рабочего Комитета»*, и далее, обвинительный акт приводит соответственное постановление собрания рабочих печатного дела. Но если Союз Рабочих Печатного Дела, и по мнению прокуратуры, *«входил в состав»* Совета (точнее: в состав *организации* Совета), то очевидно, что тем самым каждый член союза оказывается членом сообщества, поставившего себе целью насильственное ниспровержение существующего строя. Но не только Союз Рабочих Печатного Дела, рабочие каждой фабрики, каждого завода, послав депутатов в Совет, тем самым, как колле-

*) Так иногда назывался в первое время Совет.

гия, вступали в организацию петербургского пролетариата. И если бы прокуратура имела в виду полное и последовательное применение 101 и 102 ст.ст., по точному их смыслу и духу, на скамье подсудимых должны бы оказаться не меньше 200 тысяч петербургских рабочих. Такова же точка зрения самих этих рабочих, которые в июне в целом ряде решительных резолюций требовали привлечения их к суду. И это требование — не только политическая демонстрация: это — напоминание прокуратуре об ее элементарных юридических обязанностях.

Но юридические обязанности, это — последнее, что интересует прокуратуру. Она знает, что власть хочет получить несколько десятков жертв, чтобы подвести итог своей «победе», — и прокуратура ограничивает число подсудимых путем наглядных несообразностей и грубых софизмов.

1. Она совершенно закрывает глаза на *выборный* характер Совета и рассматривает его как союз революционных единомышленников.

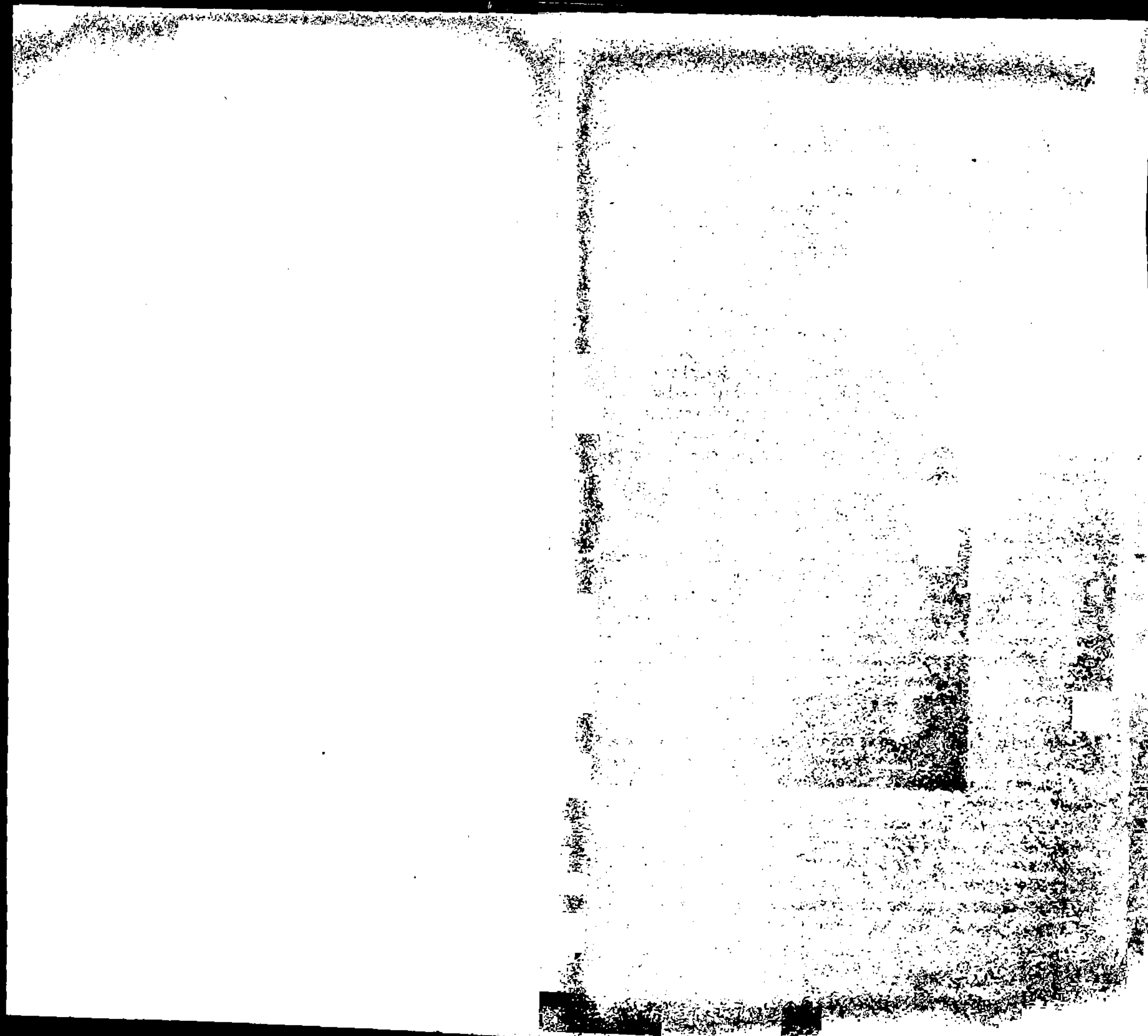
2. Ввиду того, что общее число членов Совета, 500—600 человек, оказывается слишком большим для тенденциозного суда над заговорщиками, командующими рабочей массой, прокуратура совершенно искусственно выделяет Исполнительный Комитет. Она сознательно игнорирует выборный характер Исполнительного Комитета, его текучий, меняющийся состав и, не считаясь с документами, приписывает Исполнительному Комитету решения, принятые Советом в полном его составе.

3. Из состава Совета, кроме членов Исполнительного Комитета, прокуратура привлекает к суду только тех депутатов, которые «принимали активное и (?) личное участие в деятельности Совета». Такое выделение есть чистейший произвол. «Уложение» карает не только за «активное и личное участие», но за простую принадлежность к преступному сообществу. *Характер* участия определяет лишь *степень* наказания.

Каков, однако, критерий прокуратуры? Доказательством активного личного участия в сообществе, поставившем себе задачей насильственный государственный переворот, является, в глазах обвинительной власти, напр., контроль над входными билетами, участие в стачечном пикете или, наконец, собственное признание в самом факте принадлежности к составу Совета. Так, относительно обвиняемых Красина, Луканина, Иванова и Марлотова прокуратура приводит лишь их собственное признание

Группа обвиняемых и защитников

в простой принадлежности к Совету и из этого признания делает неведомыми путями вывод об их «активном и личном участии».

4. Если прибавить еще несколько человек *«инородцев»*, арестованных 3 декабря в числе гостей *совершенно случайно*, никакого отношения к Совету не имевших и не произнесших на заседаниях его ни одного слова, тогда мы получим некоторое представление о том безобразном произволе, который руководил прокуратурой в выборе подсудимых.

5. Но и это еще не все. После 3 декабря остаток Совета пополнился новыми членами, Исполнительный Комитет восстановился, «Известия» продолжали выходить (№ 8 вышел на другой день после ареста Совета), восстановленный Совет издал призыв к декабрьской стачке. Через некоторое время Исполнительный Комитет нового Совета был арестован. И что же? Несмотря на то, что он продолжал лишь работу старого Совета, в целях и методах борьбы ничем от него не отличался, дело о новом Совете не возбуждается почему-то в судебном порядке, а направляется по пути административной расправы.

Стоял ли Совет на почве права? Нет, не стоял и не мог стоять, ибо такой почвы *не было*. СРД, если бы и хотел, не мог в своем возникновении опереться на манифест 17 октября уже потому, что Совет возник до манифеста: Совет был создан тем самым революционным движением, которое создало манифест.

Обвинительный акт весь целиком построен на грубой фикции непрерывности нашего права в течение последнего года. Прокуратура исходит из фантастического предположения, будто все статьи Уголовного Уложения все время сохраняли свою действительность, будто их никогда не переставали применять, будто они никогда не отменялись — если не юридически, то фактически.

На самом деле целый ряд статей был вырван рукою революции из Уложения при молчаливом попустительстве власти.

Земские съезды опирались ли на право? Банкеты и манифестации считались ли с Уложением? Пресса придерживалась ли цензурного устава? Союзы интеллигенции не возникали ли безнаказанно, так называемым «явочным» порядком?

Но остановимся на судьбе самого Совета. Предполагая непрерывность действия ст.ст. 101 и 102 Уложения, прокуратура считает Совет заведомо преступной организацией, преступной от дня рождения; таким образом самое вступление в Совет является

преступлением. Но как объяснить, с этой точки зрения, тот факт, что высший представитель власти вступал в переговоры с преступным сообществом, имевшим своей целью революционное утверждение республики? Если стоять на точке зрения непрерывности права, переговоры гр. Витте превращаются в уголовное преступление.

До каких несообразностей доходит прокуратура, охраняющая несуществующую почву права, видно из названного примера с гр. Витте.

Цитируя прения по поводу посылки депутации к Витте с целью добиться освобождения трех членов Совета, арестованных на уличном митинге, у Казанского собора, обвинительный акт говорит об этом обращении к Витте, как о «*закономерной попытке освобождения арестованных*» (стр. 6).

Таким образом прокуратура видит «закономерность» в переговорах гр. Витте, высшего представителя исполнительной власти, с революционным сообществом, заранее поставившим себе целью ниспровержение того государственного порядка, к охране которого призван был гр. Витте.

Каков был результат этой «закономерной попытки»?

Обвинительный акт совершенно правильно устанавливает, что председатель комитета министров, «переговорив с градоначальником, приказал освободить арестованных» (стр. 6). Таким образом государственная власть выполняла требования преступного сообщества, членам которого по смыслу 101 и 102 ст.ст. место не в приемной министра, а на каторге.

Где же была «закономерность»? Был ли закономерным уличный митинг у Казанского собора (18 окт.)? Очевидно, нет, ибо руководившие им члены Совета были арестованы. Была ли закономерной посылка депутации к правительству от противоправительственного сообщества? Прокуратура отвечает на этот вопрос утвердительно. Закономерно ли было освобождение трех преступников по требованию нескольких сот других преступников? Казалось бы, «закономерность» требовала не освобождения арестованных, а ареста оставшихся на воле сообщников. Или гр. Витте амнистировал преступников? Но кто предоставил ему право амнистии?

Совет Рабочих Депутатов не стоял на почве права. Но на этой почве не стояла и правительственная власть. Почвы права не существовало.

Октябрьские и ноябрьские дни привели в движение огромную массу населения, вскрыли множество глубоких интересов, создали множество новых организаций, новых форм политического общения. Старый строй торжественно ликвидировал себя в манифесте 17 октября—но нового строя еще не существовало. Старые законы, явно противоречившие манифесту, не были отменены—но фактически они нарушались на каждом шагу. Новые явления, новые формы жизни не могли найти места в рамках самодержавной «закономерности». Власть не только терпела тысячи правонарушений, но в известной мере открыто покровительствовала им. Мало того, что манифест 17 октября логически упразднял целый ряд существовавших законов,—он ликвидировал и самый законодательный аппарат абсолютизма.

Новые формы общественной жизни слагались и жили вне всякого юридического определения. Одною из таких форм был Совет.

Карикатурное несоответствие между определением 101 ст. и действительной физиономией Совета объясняется тем, что СРД был учреждением, совершенно непредусмотренным законами старой России. Он возник в такой момент, когда старая изгнившая оболочка права расползалась по всем швам, и лохмотья ее валялись, растоптанные революционным народом. Совет возник не потому, что он был юридически правомерен, а потому, что он был фактически необходим.

Когда правящая реакция окрепла после первых натисков, она стала пускать в ход фактически отмененные законы точно так же, как в драке пускают в дело первый попавшийся в руки камень. Таким наудачу выхваченным камнем является 101 ст. Угол. Уложения. а Судебной Палате поручено сыграть роль катапульты, — ей приказано обрушить определенное наказание на лиц, которых наметила невежественная жандармерия в союзе с услужающей ей прокуратурой.

Безнадежная с юридической стороны позиция обвинительной власти как нельзя лучше вскрывается на вопросе об участии официальных представителей партий в решениях Совета.

Как известно всем, имевшим какое-либо касательство к Совету, представители партий не пользовались ни в Совете, ни в Исполнительном Комитете правом решающего голоса; они участвовали в прениях, но не в голосованиях. Это объясняется тем, что Совет был организован на принципе представительства рабочих по предприятиям и по профессиям, а не по партийным

группировкам. Представители партий могли обслуживать и обслуживали Совет своим политическим опытом, своими знаниями; но они не могли иметь решающего голоса, не нарушая принципа представительства рабочих масс. Они были, если можно так сказать, политическими экспертами в составе Совета.

Этот несомненный факт, установить который не представляло труда, создавал, однако, для следственной и обвинительной властей чрезвычайные затруднения.

Первое затруднение — чисто юридического характера. Если Совет — преступное сообщество, заранее поставившее себе такие-то цели, если обвиняемые — члены этого преступного сообщества и в этом именно качестве должны предстать перед судом, как же быть с теми из обвиняемых, которые имели право лишь совещательного голоса, которые могли только пропагандировать свою точку зрения, но не могли делать того, что характеризует члена сообщества,—не могли участвовать в голосованиях, т.-е. в прямом и непосредственном направлении коллективной воли преступного сообщества? Как заявления эксперта на суде могут оказать огромное влияние на приговор, что, однако, не делает эксперта ответственным за этот последний, так и заявления представителей партий, какое бы влияние они ни оказывали на деятельность всего Совета, не делают, однако, юридически ответственными тех лиц, которые говорят Совету: вот наше убеждение, вот мнение нашей партии, но решение зависит от вас. Само собою разумеется, что представители партий не имеют никакого намерения укрываться от прокуратуры за это соображение. Прокуратура ведь защищает не «статьи», не «закон», не «право», а интересы определенной касты. И так как этой касте они, представители партий, своей работой наносили не меньшие удары, чем все другие члены Совета, то вполне естественно, что правительственная месть, в форме приговора Судебной Палаты, должна обрушиться на них в такой же мере, как и на представителей фабрик и заводов. Но несомненно одно: если квалификация депутатов, как членов преступного сообщества, может быть сделана лишь путем смелого насилия над фактами и их юридическим смыслом, то применение 101 ст. к представителям партий в составе Совета представляет собою воплощенный юридический абсурд. Так говорит, по крайней мере, человеческая логика, а логика юридическая не может быть ничем иным, как применением общечеловеческой логики к специальной области явлений.

Второе затруднение, вытекавшее для прокуратуры из положения делегатов от партий в Совете, имело характер политический. Задача, которая освещала путь сперва жандармскому генералу Иванову, затем товарищу прокурора г. Бальцу или тому, кто его вдохновлял, была очень проста: представить Совет как заговорщическую организацию, которая под давлением кучки энергичных революционеров командует терроризированной массой. Против такой якобинско-полицейской пародии на Совет протестует все: состав Совета, открытый характер его деятельности, способ обсуждения и решения всех вопросов, наконец отсутствие у представителей партий решающего голоса. Что же делает следственная власть? Если факты против нее, тем хуже для фактов: она расправляется с ними административным порядком. Из протоколов, из подсчета голосов, наконец из показаний своих агентов жандармерия могла без труда установить, что представители партий пользовались в Совете только совещательным голосом. Жандармерия знала это; но так как этот факт стеснял размах ее государственных соображений и комбинаций, то она сознательно делает все, чтобы ввести в заблуждение прокуратуру. Несмотря на всю важность вопроса о юридическом положении представителей партий в составе Совета, жандармерия на допросах систематически и вполне сознательно *обходит* этот вопрос. Эту любознательную жандармерию крайне интересует, на каких местах сидели отдельные члены Исполнительного Комитета, как они входили и выходили; но ее совершенно не интересует, имели ли 70 социал-демократов и 35 социалистов-революционеров, итого 105 человек, право решающего голоса по вопросам о всеобщей стачке, 8-часовом рабочем дне и пр. Она не задавала ни подсудимым, ни свидетелям известных вопросов только для того, чтобы избежать установления определенных фактов *). Это совершенно очевидно, против этого невозможно спорить.

Мы сказали выше, что следственная власть вводила таким образом в заблуждение обвинительную. Но так ли это? Прокуратура, в лице своего представителя, присутствует на допросах

*) Только в одном месте обвинительный акт отмечает, что, по словам Расторгуева, «представители партий не имели, *будто бы*, права голоса при баллотировках» (стр. 39). Но прокуратура совершенно не позаботилась выяснить для себя этот вопрос — вернее сказать, она его сознательно обошла.

или, по крайней мере, подписывает протоколы. Таким образом у нее всегда есть возможность проявить свой интерес к истине. Нужно только, чтоб этот интерес был у нее. Но такого интереса у нее нет, разумеется, и в помине. Она не только прикрывает очевидные «промахи» предварительного дознания, но и пользуется ими для заведомо ложных выводов.

Грубее всего это проявляется в той части обвинительного акта, которая трактует о деятельности Совета по вооружению рабочих.

Мы здесь не станем разбирать вопрос о вооруженном восстании и об отношении к нему Совета. Эта тема рассмотрена в других статьях. Здесь для нас будет совершенно достаточно сказать, что вооруженное восстание, как революционная идея, вдохновляющая массы и направляющая их выборную организацию, так же отличается от прокурорско-полицейской «идеи» вооруженного восстания, как «Совет Рабочих Депутатов» отличается от сообщества, предусмотренного ст. 101. Но если следственная и обвинительная власти обнаруживают безнадежное полицейское непонимание смысла и духа Совета Рабочих Депутатов, если они беспомощно путаются в его политических идеях, то тем сильнее их стремление обосновать обвинение на такой простой, механической вещи, как браунинг.

Несмотря на то, что жандармское дознание, как увидим, могло предложить прокуратуре крайне скромный материал по этому вопросу, сочинитель обвинительного акта делает замечательную по своей отваге попытку доказать факт массового вооружения рабочих Исполнительным Комитетом в целях вооруженного восстания. Соответственное место обвинительного акта придется процитировать и подвергнуть рассмотрению по частям.

«К этому же времени (т.-е. ко второй половине ноября),— так рассуждает прокуратура, — относится, повидимому, и фактическое осуществление *всех приведенных выше предположений* Исполнительного Комитета о вооружении петербургских рабочих, так как, по словам депутата табачной фабрики Богданова, Григория Левкина, в одном из заседаний в средних числах ноября решено было (кем?) образовать для поддержки демонстраций вооруженные десятки и сотни, и именно в это время депутат Николай Немцов указал на отсутствие у рабочих оружия, и между собравшимися (где?) был начат сбор денег на вооружение». Итак, мы узнаем, что в середине ноября Исполнительный Комитет осу-

ществил «все» свои предположения по вопросу о вооружении пролетариата. Чем это доказывается? Двумя неоспоримыми свидетельствами. Во-первых, Григорий Левкин показывает, что около этого времени решено было (повидимому, Советом) образовать вооруженные десятки и сотни.

Не очевидно ли, что Совет в середине ноября *выполнил* все свои намерения в деле вооружения, раз в это именно время он выразил... *намерение* (или вынес решение) организовывать десятки и сотни? Но точно ли Совет выносил такое решение? Ничего подобного. Обвинительный акт ссылается в данном случае не на советское постановление, которого не было, а на речь одного из членов Совета (мою); в том же обвинительном акте речь эта раньше цитируется на стр. 17.

Таким образом в доказательство осуществления «предположений» прокуратура ссылается на резолюцию, которая, если бы даже она и была принята, являлась бы одним из таких «предположений».

Второе доказательство вооружения петербургских рабочих в середине ноября дал Николай Немцов, который «именно в *это время* (!) указал на отсутствие у рабочих оружия». Правда, не легко понять, почему собственно указание Немцова на *отсутствие* оружия должно доказывать *присутствие* такового. Дальше, впрочем, прибавлено, что «между собравшимися был начат сбор денег на вооружение». Что деньги на вооружение вообще собирались рабочими, это не подлежит сомнению. Допустим, что они могли собираться и в том частном случае, который имеет в виду прокуратура. Но совершенно невозможно понять, каким образом из этого обстоятельства вытекает, будто «к этому времени относится фактическое осуществление всех приведенных выше предположений Исполнительного Комитета о *вооружении* петербургских рабочих». Далее: кому делал Николай Немцов указание на отсутствие оружия? Очевидно собранию Совета или Исполнительного Комитета. Следовательно, приходится предположить что несколько десятков или сотен депутатов собирали между собою деньги на вооружение масс, при чем этот сам по себе достаточно невероятный факт служит доказательством того, что массы были в это время уже фактически вооружены.

Таким образом, вооружение рабочих доказано; остается вскрыть его цель. Вот что по этому поводу говорит обвинительный акт: «Вооружение это, — как удостоверил депутат Алексей

Шишкин, — имело своим предлогом возможность погромов, но, по его словам, погромы эти были только предлогами, а в действительности же к 9 января подготовлялось будто бы вооруженное восстание. *Действительно*, — продолжает обвинительный акт. — раздача оружия, по словам депутата завода Однера, Михаила Хахарева, была начата Хрусталевым-Носарем еще в октябре, и он, Хахарев, получил от Хрусталева браунинг, «для защиты от черной сотни». Между тем эта оборонительная цель вооружения опровергается, помимо всех изложенных выше постановлений Совета, также и содержанием некоторых документов, найденных в бумагах Георгия Носаря. Так, между прочим, там оказался подлинник резолюции Совета без определения времени его составления, заключающий в себе призыв к вооружению, составлению дружин и армии, «готовой на отпор терзающему Россию черносотенному правительству».

Остановимся пока на этом. Отпор черносотенцам, — только предлог; истинная цель общего вооружения, осуществленного Советом в середине ноября, — вооруженное восстание 9 января. Правда, об этой истинной цели не знали не только те, которых вооружали, но и те, которые вооружали, так что, если бы не было показаний Алексея Шишкина, осталось бы навсегда неизвестным, что организация рабочих масс назначила восстание на определенное число. Другим доказательством того, что именно около половины ноября Исполнительный Комитет вооружил массы для восстания в январе, служит, как мы видели, тот факт, что *в октябре* Хахарев получил от Хрусталева браунинг «для *защиты от черной сотни*».

Оборонительная цель вооружения опровергается, однако, по мнению прокурора, сверх всего прочего еще и некоторыми документами, найденными в бумагах Носаря, напр., подлинником (?) резолюции, призывающей к вооружению с целью дать «отпор терзающему Россию черносотенному правительству». Что Совет Рабочих Депутатов ставил массам на вид необходимость вооружения и неизбежность восстания, это ясно видно из многих постановлений Совета; этого никто не может оспорить; этого прокуратуре не приходится доказывать. Она задалась целью доказать, что Исполнительный Комитет в середине ноября привел в исполнение «все свои предположения» по части вооружения масс, и что это фактически осуществленное вооружение имело своей прямой и непосредственной целью вооруженное восстание,

и в виде доказательства прокуратура приводит еще одну резолюцию, которая от других отличается тем, что относительно ее нельзя сказать, к какому времени она относится и принималась ли она вообще Советом в какое бы то ни было время. И наконец, именно эта сомнительная резолюция, которая должна опровергать оборонительный характер вооружения, именно она ясно и отчетливо говорит об *отпоре* терзающему Россию черносотенному правительству.

Однако на этом заключения прокуратуры в вопросе о браунингах еще не заканчиваются. «Затем, — опровергает прокуратура оборонительный характер вооружения, — в бумагах Носаря найдена неизвестно кем написанная записка, указывающая на то, что Хрусталев обещал в следующем после 13 ноября заседании дать несколько револьверов Браунинга или Смит и Вессона по организационной цене, и пишущий, проживая в Колпине, просил выдать ему обещанное».

Почему автор записки, «проживая в Колпине», не мог получить револьверов «по организационной цене» *для целей самообороны*, а не вооруженного восстания, — понять это так же трудно, как и все остальное. Однородное значение имеет и другая записка с просьбой достать револьверы.

В конце концов, данные прокуратуры по вопросу о вооружении петербургских рабочих оказываются совершенно мизерными. «В документах Носаря, — жалуется обвинительный акт, — обнаружены были весьма незначительные расходы по приобретению оружия, *так как* (!) в бумагах его была найдена записная книжка и отдельный лист с отметками о выдаче рабочим револьверов разных систем и коробок с патронами, *при чем* револьверов по этим заметкам было выдано всего лишь 64 штуки».

Эти 64 штуки, как плод осуществления «всех предположений» ИК о вооружении рабочих для январского восстания, очевидно, смущают прокуратуру. Она решается на смелый шаг: если нельзя доказать, что револьверы *были* куплены, остается доказать, что они *могли* быть куплены. С этой целью обвинительный акт предпосылает печальному итогу в виде 64 револьверов широкие перспективы финансового характера. Указав, что на заводе Общества спальных вагонов производился сбор на вооружение, обвинительный акт говорит: «Подобного рода подписки дали возможность приобрести оружие, при чем Совет Рабочих Депутатов *мог*, в случае надобности, приобретать ору-

жие в большом количестве, так как располагал значительными денежными суммами... Общая сумма прихода Исполнительного Комитета составляла 30.063 руб. 52 коп.».

Здесь перед нами тон и манера фельетона, не нуждающегося даже во внешнем подобии доказательности. Сперва цитируются записки и «подлинники» постановлений, чтобы затем упразднить их свидетельство простой и смелой догадкой: у Исполнительного Комитета было много денег, следовательно, у него было много оружия.

Если строить выводы по методу прокуратуры, можно сказать; в распоряжении охранных отделений много денег, следовательно, в распоряжении погромщиков — много оружия. Впрочем, такой вывод только по внешности похож на вывод обвинительного акта, ибо, в то время как каждая копейка денег Совета была на учете, что дает возможность легко опровергнуть смелую догадку прокуратуры, как явную несообразность, расходы охранных отделений представляют совершенно таинственную область, которая давно уже ждет уголовного освещения.

Чтобы покончить с соображениями и выводами обвинительной власти относительно вооружения, попытаемся представить их в законченной логической форме.

Тезис:

Около середины ноября Исполнительный Комитет вооружил петербургский пролетариат в целях вооруженного восстания.

Доказательства:

а) Один из членов Совета на собрании 6 ноября призывал организовать рабочих в десятки и сотни.

б) Николай Немцов в середине ноября ссылался на отсутствие оружия.

в) Алексею Шишкину известно было, что на 9 января назначено восстание.

г) «Еще в октябре» Хахарев получил револьвер для защиты от черной сотни.

д) Неизвестно к какому времени относящаяся резолюция говорит о том, что нужно оружие.

е) Неизвестный, «проживая в Колпине», просил отпустить ему револьверы «по организационной цене».

ж) Хотя установлена раздача всего лишь 64 револьверов, но у Совета были деньги, а так как деньги, это — всеобщий эквивалент, следовательно, они могли быть обменены на револьверы.

Эти заключения не годятся даже как примеры элементарных софизмов для гимназических учебников логики, до такой степени все это грубо и в грубости своей оскорбительно для нормально организованного сознания!

На эти материалы, на эту юридическую конструкцию Судебная Палата должна будет опереть свой обвинительный приговор.

«1905».

МОЯ РЕЧЬ ПЕРЕД СУДОМ

(Заседание 4/17 октября 1907 г.)

Господа судьи и господа сословные представители!

Предметом судебного разбирательства, как и предметом предварительного дознания, является, главным образом, вопрос о вооруженном восстании, — вопрос, который за 50 дней существования СРД не занимал, как это ни странно может показаться Особому Присутствию, никакого места ни на одном из заседаний Совета. Ни на одном из наших заседаний не ставился и не обсуждался вопрос о вооруженном восстании как таковой; — больше того,— ни на одном из заседаний не ставился и не обсуждался самостоятельно вопрос об Учредительном Собрании, о демократической республике и даже о всеобщей забастовке как таковой, об ее принципиальном значении как метода революционной борьбы. Этих коренных вопросов, дебатировавшихся в течение целого ряда лет сперва в революционной прессе, а затем на митингах и собраниях, Сов. Раб. Деп. совершенно не подвергал своему рассмотрению. Я позже скажу, чем это объясняется, и охарактеризую отношение СРД к вооруженному восстанию. Но прежде чем перейти к этому центральному, с точки зрения суда, вопросу, я позволю себе обратить внимание Палаты на другой вопрос, который по отношению к первому является более общим, но менее острым,— на вопрос о применении Советом Рабочих Депутатов насилия вообще. Признавал ли Совет за собою право, в лице того или другого своего органа, применять в определенных случаях насилие, репрессию? На вопрос, поставленный в такой общей форме, я отвечу: да! Я знаю не хуже представителя обвинения, что во всяком «нормально» функционирующем госу-

дарстве, какую бы форму оно ни имело, монополия насилий и репрессий принадлежит правительственной власти. Это ее «неотъемлемое» право, и к этому своему праву она относится с самой ревнивой заботливостью, наблюдая, чтобы какая-либо частная корпорация не покусилась на ее монополию насилия. Государственная организация борется таким путем за существование. Стоит конкретно представить себе современное общество, эту сложную противоречивую кооперацию, — скажем, в такой громадной стране, как Россия, — чтобы немедленно стало ясным, что при современном социальном строе, раздираемом антагонизмами, совершенно неизбежны репрессии. Мы не анархисты— мы социалисты. Анархисты нас называют «государственниками», ибо мы признаем историческую необходимость государства и, значит, историческую неизбежность государственного насилия. Но при условиях, созданных всеобщей политической стачкой, сущность которой заключается в том, что она парализует государственный механизм,—при этих условиях старая, давно пережившая себя власть, против которой политическая стачка именно и была направлена, оказывалась окончательно недееспособной; она совершенно не могла регулировать и охранять общественный порядок даже теми варварскими средствами, которые только и имелись в ее распоряжении. А между тем стачка выбросила из фабрик на улицы для общественно-политической жизни сотни тысяч рабочих. Кто мог руководить ими, кто мог вносить дисциплину в их ряды? Какой орган старой власти? Полиция? Жандармерия? Охранные отделения? Я спрашиваю себя: кто?— и не нахожу ответа. Никто, кроме Сов. Раб. Деп. Никто! Совет, руководивший этой колоссальной стихией, ставил своей непосредственной задачей свести внутренние трения к минимуму, предотвратить эксцессы и привести неизбежные жертвы борьбы к наименьшим размерам. А если это так, то в политической стачке, которая его создала, Совет становился не чем иным, как органом самоуправления революционных масс, *органом власти*. Он повелевал частями целого волею целого. Это была власть демократическая, которой добровольно подчинялись. Но поскольку Совет был организованной властью огромного большинства, он неизбежно приходил к необходимости применять репрессию по отношению к тем частям массы, которые вносили анархию в ее единодушные ряды. Противопоставлять таким элементам свою силу СРД считал себя вправе как новая историческая власть, как

единственная власть во время полного морального, политического и технического банкротства старого аппарата, как единственная гарантия неприкосновенности личности и общественного порядка, в лучшем смысле этого слова. Представители старой власти, которая вся построена на кровавой репрессии, не смеют говорить с моральным возмущением о насильственных методах Совета. Историческая власть, от лица которой здесь выступает прокурор, есть организованное насилие меньшинства над большинством! Новая власть, предтечей которой был Совет, есть организованная воля большинства, призывающая к порядку меньшинство. В этом различии — революционное право Совета на существование, стоящее выше всяких юридических и моральных сомнений.

Совет признавал за собою право применять репрессию. Но в каких случаях, в какой градации? Об этом вы слышали от сотни свидетелей. Прежде чем перейти к репрессиям, Совет обращался *со словами* убеждения. Вот его истинный метод, и в применении его Совет был неутомим. Путем революционной агитации, оружием слова Совет поднимал на-ноги и подчинял своему авторитету все новые и новые массы. Если он сталкивался с сопротивлением темных или развращенных групп пролетариата, он говорил себе, что всегда будет еще достаточно рано обезвредить их физической силой. Он искал, как вы видели из свидетельских показаний, других путей. Он апеллировал к благоразумию администрации завода, призывая ее прекратить работы; он воздействовал на темных рабочих через техников и инженеров, сочувствовавших всеобщей стачке. Он посылал депутатов к рабочим, чтобы «снимать» их с работ, и лишь в самом крайнем случае он грозил штрейкбрехерам применить к ним силу. Но применял ли он ее? Таких примеров, господа судьи, вы не видели в материалах предварительного дознания, и установить их, несмотря на все усилия, не удалось и на судебном следствии. Если даже взять всерьез те более комические, чем трагические образцы «насилия», которые прошли перед судом (кто-то вошел в чужую квартиру в шапке, кто-то кого-то с обоюдного согласия арестовал...), то стоит эту *шапку*, которую забыли снять, сопоставить с сотнями *голов*, которые старая власть сплошь да рядом «снимает» по ошибке, и насилия Совета Р. Д. примут в наших глазах свою настоящую физиономию. А ничего другого нам и не нужно. Восстановить события того времени в их подлинном

виде — наша задача, и ради нее мы, подсудимые, приняли активное участие в судебном процессе.

Стоял ли, — я ставлю здесь другой важный для суда вопрос, — Сов. Раб. Деп. в своих действиях и заявлениях на почве права и, в частности, на почве манифеста 17 (30) октября? В каких отношениях резолюции Совета об Учредительном Собрании и демократической республике стояли к октябрьскому манифесту? Вопрос, который тогда нас совершенно не занимал, — это я заявляю со всей резкостью, — но который для суда имеет теперь, несомненно, огромное значение. Здесь мы слышали, г-да судьи, показания свидетеля Лучинина, которые мне лично показались чрезвычайно интересными и в некоторых своих выводах меткими и глубокими. Он сказал, между прочим, что СРД, будучи республиканским по своим лозунгам, по своим принципам, по своим политическим идеалам, фактически, непосредственно, конкретно осуществлял те свободы, которые были принципиально провозглашены царским манифестом и против которых изо всех сил боролись те, которые произвели на свет самый манифест 17 октября. Да, господа судьи и господа сословные представители! Мы, революционный пролетарский Совет, фактически осуществляли и проводили свободу слова, свободу собраний и неприкосновенность личности, — все то, что было обещано народу под давлением октябрьской забастовки. Наоборот, аппарат старой власти проявлял признаки жизни только для того, чтобы рвать на части легализованные завоевания народа. Г-да судьи, это — несомненный, объективный факт, уже вошедший в историю. Его нельзя оспорить, потому что он неоспорим.

Если меня спросят, однако, — и если спросят моих товарищей, — опирались ли мы *субъективно* на манифест 17 октября, то мы ответим категорически — *нет*. Почему? Потому что мы были глубоко убеждены — и мы не ошиблись, — что манифест 17 октября никакой правовой опоры не создает, что он не полагает основания новому праву, ибо новый правовой строй, г-да судьи, слагается, по нашему убеждению, не путем манифестов, а путем реальной реорганизации всего государственного аппарата. Так как мы стояли на этой материалистической, на этой единственно правильной точке зрения, то мы считали себя вправе не питать никакого доверия к имманентной силе манифеста 17 октября. И мы об этом открыто заявляли. Но наше субъективное отношение как людей партии, как революционеров, мне

кажется, еще не определяет для суда нашего объективного отношения как граждан государства к манифесту как к формальной основе существующего государственного строя. Ибо суд, поскольку он является судом, *должен* в манифесте видеть такую основу, или он должен перестать существовать. В Италии есть, как известно, буржуазная парламентская республиканская партия, действующая на основании монархической конституции страны. Во всех культурных государствах легально существуют и борются социалистические партии, являющиеся республиканскими по своему существу. Спрашивается, вмещает ли нас, русских социалистов-республиканцев, манифест 17 октября? Этот вопрос должен разрешить суд. Он должен сказать, были ли мы, социал-демократы, правы, когда доказывали, что конституционный манифест представляет лишь голый перечень обещаний, которые никогда добровольно не будут исполнены; были ли мы правы в своей революционной критике бумажных гарантий; были ли мы правы, когда призывали народ к открытой борьбе за истинную и полную свободу. Или же мы были неправы? Тогда пусть суд нам скажет, что манифест 17 октября представляет действительную правовую основу, на почве которой мы, республиканцы, являлись людьми закона и права, — людьми, действовавшими «легально», вопреки нашим собственным представлениям и намерениям. Пусть манифест 17 октября скажет нам здесь устами судебного приговора: «Вы отрицали меня, но я существую для вас, как и для всей страны».

Я уже сказал, что Сов. Раб. Деп. ни разу не ставил на своих заседаниях вопроса об Учредительном Собрании и демократической республике, тем не менее отношение его к этим лозунгам, как вы видели из речей свидетелей рабочих, было вполне определенное. Да и как могло быть иначе? Ведь Совет возник не на пустом месте. Он явился тогда, когда русский пролетариат прошел уже сквозь 9 (22) января, через комиссию сенатора Шидловского и вообще через долгую, слишком долгую школу российского абсолютизма. Требования Учредительного Собрания, всеобщего голосования, демократической республики еще до Совета стали центральными лозунгами революционного пролетариата — наряду с восьмичасовым рабочим днем. Вот почему Совету ни разу не пришлось принципиально поднимать эти вопросы, — он просто заносил их в свои резолюции, как раз навсегда решенные. То же самое было в сущности с идеей восстания.

Прежде чем перейти к этому центральному вопросу — к вооруженному восстанию, я должен предупредить, что насколько я выяснил себе отношение обвинительной власти и отчасти власти судебной к вооруженному восстанию, оно отличается от нашего отношения не только в смысле политическом или партийном, не только в смысле оценки, — против этого было бы бесполезно бороться, — нет, самое *понятие* вооруженного восстания, которое имеется у прокуратуры, коренным, глубочайшим, непримиримейшим образом отличается от того понятия, какое имел Совет и какое, я думаю, вместе с Советом, имел и имеет весь российский пролетариат.

Что такое восстание, г-да судьи? Не дворцовый переворот, не военный заговор, а восстание рабочих масс! Одному свидетелю был здесь с председательского места задан вопрос: считает ли он, что политическая стачка является восстанием? Не помню, как он ответил; но я думаю — и утверждаю это, — что политическая стачка, вопреки сомнению г-на председателя, есть в сущности своей восстание. Это не парадокс, хотя и может показаться парадоксом с точки зрения обвинительного акта. Повторяю: мое представление о восстании — и я это сейчас покажу — не имеет ничего общего, кроме имени, с полицейско-прокурорской конструкцией этого понятия. Политическая стачка есть восстание, сказал я. В самом деле, что такое всеобщая политическая стачка? С экономической забастовкой она имеет лишь то общее, что как в том, так и в другом случае рабочие прекращают работу. Во всем остальном они совершенно несхожи. Стачка экономическая имеет свою определенную узкую цель — воздействовать на волю отдельного предпринимателя, выбросив его с этой целью из рядов конкуренции. Она приостанавливает работу на фабрике, что бы добиться изменений в пределах этой фабрики. Стачка политическая глубоко отлична по природе. Она не производит вовсе давления на отдельных предпринимателей; частных экономических требований она, по общему правилу, не предъявляет — ее требования направляются через головы жестоко задеваемых ею предпринимателей и потребителей к государственной власти. Каким же образом политическая стачка действует на власть? Она парализует ее жизнедеятельность. Современное государство, даже в такой отсталой стране, как Россия, опирается на централизованный хозяйственный организм, связанный в одно целое скелетом железных дорог и нервной системой телеграфа. И если

Л. Д. Троцкий в камере предварительного заключения

русскому абсолютизму телеграф, железная дорога и вообще все завоевания современной техники не служат для целей культурных, хозяйственных, то они тем необходимее ему для дела репрессии. Для того чтобы перебрасывать войска из конца в конец страны, чтоб объединить и направлять деятельность администрации в борьбе со смутой, железные дороги и телеграф являются незаменимым орудием. Что же делает политическая стачка? Она парализует хозяйственный аппарат государства, разрывает связи между отдельными частями административной машины, изолирует и обессиливает правительство. С другой стороны, она политически объединяет массу рабочих с фабрик и заводов и противопоставляет эту рабочую армию государственной власти. В этом, господа судьи, и есть сущность восстания. Объединить пролетарские массы в одном революционном протесте и противопоставить их организованной государственной власти, как врага врагу, это и есть восстание, г-да судьи, как понимал его СРД и как понимаю его я. Такое революционное столкновение двух враждебных сторон мы видели уже во время октябрьской забастовки, которая разыгралась стихийно, без Сов. Раб. Деп., которая сложилась до СРД, которая создала самый СРД. Октябрьская забастовка породила государственную «анархию», и в результате этой анархии явился манифест 17 октября. Этого, надеюсь, не будет отрицать и прокуратура, как не отрицают этого самые консервативные политики и публицисты, вплоть до официозного «Нового Времени», которое очень желало бы вычеркнуть рожденный революцией манифест 17 октября из целого ряда других манифестов, с ним однородных или ему противоречащих. Еще на-днях «Нов. Вр.». писало, что манифест 17 октября был результатом правительственной *паники*, созданной политической стачкой. Но если этот манифест является основой всего современного строя, то мы должны. признать, г.г. судьи, что в основе нашего нынешнего государственного строя лежит паника, а в основе этой паники — политическая стачка пролетариата. Как видите, всеобщая стачка есть нечто большее, чем простое прекращение работ.

Я сказал, что политическая стачка, как только она перестает быть демонстрацией, является в существе своем восстанием; вернее было бы сказать: основным, наиболее общим методом пролетарского восстания. Основным, но не исчерпывающим. Метод политической стачки имеет свои естественные пределы.

И это сейчас же сказалось, как только рабочие по призыву Совета снова приступили к работам 21 октября (3 ноября) в 12 час. дня.

Манифест 17 октября был встречен вотумом недоверия: массы вполне основательно опасались, что правительство не осуществит обещанных свобод. Пролетариат видел неизбежность решительной борьбы и инстинктивно тянулся к Совету, как к средоточию своей революционной силы. С другой стороны, оправившийся от паники абсолютизм восстановлял свой полуразрушенный аппарат и приводил в порядок свои полки. В результате этого оказалось, что после октябрьского столкновения имеются две власти: новая, народная, опирающаяся на массы — такой властью был Сов. Раб. Деп., — и старая, официальная, опирающаяся на армию. Эти две силы не могли рядом существовать: упрочение одной грозило гибелью другой.

Самодержавие, опирающееся на штыки, естественно, стремилось внести смуту, хаос и разложение в тот колоссальный процесс сплочения народных сил, центром которого являлся Сов. Раб. Деп. С другой стороны, Совет, опиравшийся на доверие, на дисциплину, на активность, на единодушие рабочих масс, не мог не понимать, какую страшную угрозу народной свободе, гражданским правам и личной неприкосновенности представляет тот факт, что армия и все вообще материальные орудия власти находятся в тех же самых кровавых руках, в каких были до 17 октября. Начинается титаническая борьба этих двух органов власти за влияние на армию — второй этап нараставшего народного восстания. На основе массовой стачки, враждебно противопоставившей пролетариат абсолютизму, возникает напряженное стремление перетянуть на свою сторону войска, побрататься с ними, овладеть их душой. Из этого стремления естественно возникает революционный призыв к солдатам, на которых опирается абсолютизм. Вторая ноябрьская стачка была могучей и прекрасной демонстрацией солидарности фабрики и казармы. Конечно, если бы армия перешла на сторону народа, в восстании не было бы нужды. Но мыслим ли такой мирный переход армии в ряды революции? Нет, немыслим! Абсолютизм не станет дожидаться, сложа руки, пока освободившаяся из-под его развращающего влияния армия станет другом народа. Абсолютизм возьмет, пока еще не все потеряно, инициативу наступления на себя. Понимали ли это петербургские рабочие? Да, они это понимали. Думал ли пролетариат, думал ли Совет Раб. Деп.,

что дело неизбежно дойдет до открытого столкновения двух сторон? Да, он это думал, он в этом не сомневался; он знал, твердо знал, что рано или поздно пробьет роковой час...

Разумеется, если бы организация общественных сил, не прерываемая никакими атаками вооруженной контр-революции, шла вперед тем же путем, на какой она вступила под руководством СРД, то старый строй оказался бы уничтоженным без применения малейшего насилия. Ибо что мы видели? Мы наблюдали, как рабочие сплачиваются вокруг Совета, как Крестьянский Союз, охватывающий все бо́льшие массы крестьян, посылает в него своих депутатов, как объединяются с Советом Железнодорожный и Почтово-Телеграфный Союзы; мы видели, как тяготеет к Совету организация либеральных профессий, Союз Союзов; мы видели, как терпимо и почти благожелательно относилась к Совету даже заводская администрация. Казалось, вся нация делала какое-то героическое усилие — стремилась выдавить из недр своих такой орган власти, который заложил бы действительные, несомненные основы нового строя до созыва Учредительного Собрания. Если бы в эту органическую работу не врывалась старая государственная власть, если бы она не стремилась внести в национальную жизнь действительную анархию, если бы этот процесс организации сил развивался вполне свободно, — в результате получилась бы новая возрожденная Россия — без насилий, без пролития крови.

Но в том-то и дело, что мы ни на минуту не верили, что процесс освобождения сложится таким образом. Мы слишком хорошо знали, *что* такое старая власть. Мы, социал-демократы, были уверены, что, несмотря на манифест, который имел вид решительного разрыва с прошлым, старый правительственный аппарат не устранится добровольно, не передаст власти народу и не уступит ни одной из своих важных позиций; мы предвидели и открыто предупреждали народ, что абсолютизм сделает еще много судорожных попыток удержать оставшуюся власть в своих руках и даже вернуть все то, что было им торжественно отдано. Вот почему восстание, вооруженное восстание, г-да судьи, было с нашей точки зрения неизбежностью, — оно было и остается исторической необходимостью в процессе борьбы народа с военно-полицейским порядком. В октябре и ноябре эта идея царила на всех митингах и собраниях, господствовала во всей революционной прессе, наполняла собою всю политическую атмосферу

и, так или иначе, кристаллизовалась в сознании каждого члена Совета Депутатов; вот почему она, естественно, входила в резолюции нашего Совета и вот почему нам совсем не приходилось ее обсуждать.

Напряженное положение, которое мы получили в наследство от октябрьской стачки: революционная организация масс, борющаяся за свое существование, опирающаяся не на право, которого нет, а на силу, поскольку она есть, и вооруженная контр-революция, выжидающая часа для своей мести,—это положение было, если позволено так сказать, алгебраической формулой восстания. Новые события вводили в нее только новые числовые значения. Идея вооруженного восстания, — вопреки поверхностному заключению прокуратуры, — оставила свой след не только в постановлении Совета от 27 ноября, т.-е., за неделю до нашего ареста, где она выражена ясно и отчетливо, нет, с самого начала деятельности Совета Р.Д., в резолюции, возвестившей отмену похоронной демонстрации, как и позже в резолюции, провозгласившей прекращение ноябрьской забастовки, в целом ряде других постановлений Совет говорил о вооруженном конфликте с правительством, о последнем штурме или о последнем бое, как о неизбежном моменте борьбы. Так под различной формой, но одна и та же по существу, идея вооруженного восстания красной нитью проходит через все постановления Сов. Раб. Депутатов.

Но как понимал Совет эти свои постановления? Думал ли он, что вооруженное восстание есть предприятие, которое создается в подполье и затем в готовом виде выносится на улицу? Полагал ли он, что это есть инсуррекционный акт, который можно разыграть по определенному плану? Разрабатывал ли Исполнительный Комитет технику уличной борьбы?

Разумеется, нет! И это не может не ставить в тупик автора обвинительного акта, останавливающегося в недоумении перед теми несколькими десятками револьверов, которые составляют в его глазах единственный подлинный реквизит вооруженного восстания. Но взгляд прокуратуры есть только взгляд нашего уголовного права, которое знает заговорщическое сообщество, но не имеет понятия об организации масс; которое знает покушение и мятеж, но не знает и не может знать революции.

Юридические понятия, лежащие в основе настоящего процесса, отстали от эволюции революционного движения на много

десятков лет. Современное русское рабочее движение не имеет ничего общего с понятием заговора, как его трактует наше Уголовное Уложение, которое, в сущности, не изменилось после Сперанского [83]), жившего в эпоху карбонариев [84]). Вот почему попытка втиснуть деятельность Совета в тесные рамки 100 и 101 ст.ст. является, с точки зрения юридической логики, совершенно безнадежной.

И тем не менее, наша деятельность была революционной. И тем не менее, мы действительно готовились к вооруженному восстанию.

Восстание масс не делается, г-да судьи, а совершается. Оно есть результат социальных отношений, а не продукт плана. Его нельзя создать,— его можно предвидеть. В силу причин, которые от нас зависят так же мало, как и от царизма, открытый конфликт стал неизбежен. Каждый день он все ближе и ближе надвигался на нас. Готовиться к нему для нас означало сделать все, что можно, чтобы свести к минимуму жертвы этого неизбежного конфликта. Думали ли мы, что для этого нужно прежде всего заготовить оружие, составить план военных действий, назначить для участников восстания места, разбить город на определенные части, — словом, сделать то, что делает военная власть в ожидании «беспорядков», когда разделяет Петербург на части, назначает полковников для каждой части, передает им определенное количество пулеметов и всего того, что необходимо для пулеметов? Нет, мы не так понимали свою роль. Готовиться к неизбежному восстанию, — а мы, г-да судьи, никогда не *готовили восстания*, как думает и выражается прокуратура, мы *готовились к восстанию* — для нас это, прежде всего, означало просветлять сознание народа, разъяснять ему, что открытый конфликт неизбежен; что все то, что дано, опять будет отнято; что только сила может отстоять право; что необходима могучая организация революционных масс; что необходимо грудью встретить врага; что необходима готовность итти в борьбе до конца, что иного пути нет. Вот в чем состояла для нас сущность подготовки к восстанию.

При каких условиях, думали мы, восстание может привести нас к победе? При сочувствии войск! Нужно было, прежде всего, привлечь на свою сторону армию. Заставить солдат понять ту позорную роль, которую они теперь играют, и призвать их к дружной работе с народом и для народа, — вот какую задачу мы ставили себе в первую голову. Я сказал уже, что ноябрьская

стачка, которая была бескорыстным порывом непосредственного братского сочувствия к матросам, которым грозила смерть, имела также и огромный политический смысл: она привлекала к революционному пролетариату внимание и симпатию армии. Вот где господину прокурору следовало, прежде всего, искать подготовки к вооруженному восстанию. Но, разумеется, одна демонстрация симпатии и протеста не могла решить вопрос. При каких же условиях, думали мы тогда и думаем сейчас, можно ждать перехода армии на сторону революции? Что для этого нужно? Пулеметы, ружья? Конечно, если бы рабочие массы имели пулеметы и ружья, то в их руках была бы огромная сила. Этим в значительной мере устранялась бы самая неизбежность восстания. Колеблющаяся армия сложила бы свое оружие у ног вооруженного народа. Но оружия у массы не было, нет и в большом количестве не может быть. Значит ли это, что масса обречена на поражение? Нет! Как ни важно оружие, но не в оружии, г-да судьи, главная сила. Нет, не в оружии! *Не способность массы убивать, а ее великая готовность умирать* — вот что, г-да судьи, с нашей точки зрения, обеспечивает в конечном счете победу народному восстанию.

Когда солдаты, выйдя на улицу для усмирения толпы, окажутся с ней лицом к лицу и увидят и убедятся, что эта толпа, что этот народ не сойдет с мостовых, пока не добьется того, что ему нужно; что он готов нагромождать трупы на трупы; когда они увидят и убедятся, что народ пришел бороться серьезно, до конца, — тогда сердце солдат, как это было во всех революциях, неизбежно дрогнет, ибо они не смогут не усомниться в прочности порядка, которому служат, не смогут не уверовать в победу народа.

Восстание привыкли соединять с баррикадами. Если даже оставить в стороне вопрос о том, что баррикада слишком сильно окрашивает обычное представление о восстании, то и тогда не нужно забывать, что даже баррикада,— этот, повидимому, чисто механический элемент восстания,— играет по существу, главным образом, *моральную* роль. Ибо баррикады во всех революциях имели вовсе не то значение, какое имеют крепости во время войны, как физические преграды, — баррикада служила делу восстания тем, что, образуя временное препятствие для передвижений армии, она приводила ее в близкое соприкосновение с народом. Здесь, у баррикады, солдат слышал, может быть,

впервые в своей жизни, честную человеческую речь, братский призыв, голос народной совести, — и вот в результате этого общения солдат и граждан, в атмосфере революционного энтузиазма, дисциплина распадалась, растворялась, исчезала. Это, и только это, обеспечивало победу народному восстанию. Вот почему, по нашему мнению, народное восстание «готово» не тогда, когда народ вооружен пулеметами и пушками, — ибо в таком случае оно никогда не было бы готово, — а тогда, когда он вооружен готовностью умирать в открытой уличной борьбе.

Но, разумеется, старая власть, которая видела нарастание этого великого чувства, этой способности умирать во имя интересов родной страны, отдавать свою жизнь для счастья будущих поколений, которая видела, что этим энтузиазмом, ей самой чуждым, ей незнакомым, ей враждебным, заражаются массы, — эта осажденная власть не могла спокойно относиться к совершающемуся на ее глазах моральному перерождению народа. Пассивно ждать — значило бы для царского правительства обречь себя на упразднение. Это было ясно. Что же оставалось делать? Из последних сил и всеми средствами бороться против политического самоопределения народа. Для этого одинаково годились и темная армия и черная сотня, агенты полиции и продажная пресса. Натравливать одних на других, заливать кровью улицы, грабить, насиловать, поджигать, вносить панику, лгать, обманывать, клеветать, — вот что оставалось старой преступной власти. И все это она делала и делает по сей день. Если открытое столкновение было неизбежно, то не мы, во всяком случае, а наши смертельные враги стремились приблизить его час.

Вы слышали здесь уже не раз, что рабочие вооружались в октябре и ноябре против черной сотни. Если не знать ничего о том, что делается за пределами этого зала, может показаться совершенно непонятным, как это в революционной стране, где громадное большинство населения на стороне освободительных идеалов, где народные массы открыто проявляют свою готовность бороться до конца, — как это в такой стране сотни тысяч рабочих вооружаются для борьбы с черной сотней, представляющей слабую, ничтожную долю населения. Неужели же они так опасны — эти подонки, эти отребья общества, — во всех его слоях? Разумеется, нет! Как легка была бы задача, если бы только

жалкие банды черной сотни преграждали народу путь. Но мы слышали не только от свидетеля адвоката Брамсона, но и от сотен свидетелей-рабочих, что за черной сотней стоит если не вся государственная власть, то ее добрая доля; что за бандами хулиганов, которым нечего терять и которые ни перед чем не останавливаются — ни перед сединами старика, ни перед беззащитной женщиной, ни перед ребенком, — стоят агенты правительства, которые организуют и вооружают черные сотни, надо думать,— из средств государственного бюджета.

Да разве мы, наконец, этого не знали до настоящего процесса? Разве мы не читали газет? Разве мы не слышали речей очевидцев, не получали писем, не наблюдали сами? Разве нам остались неизвестны потрясающие разоблачения князя Урусова? Прокуратура всему этому не верит. Она не может этому верить, иначе ей пришлось бы направить жало обвинения против тех, кого она теперь защищает; ей пришлось бы признать, что русский гражданин, вооружающийся револьвером против полиции, действует в состоянии необходимой самообороны. Но верит ли суд в погромную деятельность властей или нет,—это в сущности безразлично. Для суда достаточно того, что мы этому верим, что в этом убеждены те сотни тысяч рабочих, которые вооружались по нашему призыву. Для нас стояло вне всякого сомнения, что за декоративными бандами хулиганов стоит властная рука правящей клики. Господа судьи, эту зловещую руку мы видим и сейчас.

Обвинительная власть приглашает вас, г-да судьи, признать, что Совет Рабочих Депутатов вооружал рабочих непосредственно для борьбы против существующего «образа правления». Если меня категорически спросят: так ли это? — я отвечу: да!.. Да, я согласен принять это обвинение, но при одном условии. Я не знаю, примет ли это условие прокуратура и примет ли его суд.

Я спрошу: что понимает, наконец, обвинение под «образом правления»? Подлинно ли существует у нас какой-нибудь образ правления? Правительство давно уже сдвинулось с нации на свой военно-полицейско-черносотенный аппарат. То, что у нас есть, это не национальная власть, а автомат массовых убийств. Иначе я не могу определить той правительственной машины, которая режет на части живое тело нашей страны. И если мне скажут, что погромы, убийства, поджоги, насилия... если мне скажут,

На пути в ссылку

что все, происходившее в Твери, Ростове, Курске, Седлеце... если мне скажут, что Кишинев, Одесса, Белосток есть образ правления Российской империи, — тогда я признаю вместе с прокуратурой, что в октябре и ноябре мы прямо и непосредственно вооружались против образа правления Российской империи.

«1905».

2. РОЛЬ СОВЕТА В ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

КАК ВОЗНИК СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

Октябрь, ноябрь и декабрь 1905 года — эпоха революционной кульминации. Она начинается со скромной стачки московских типографщиков [85]) и заканчивается правительственным разгромом древней столицы русских царей. Но, за исключением заключительного момента — московского восстания, — первое место в событиях этого периода принадлежит не Москве.

Роль Петербурга в русской революции не может итти ни в какое сравнение с ролью Парижа в революции XVIII века. Общеэкономическая примитивность Франции и первобытность ее средств сообщения, с одной стороны, административная централизация — с другой, позволяли Парижу, в сущности, локализировать революцию в своих стенах. Совершенно не то у нас. Капиталистическое развитие создало в России столько же самостоятельных революционных очагов, сколько центров крупной индустрии, — самостоятельных, но и тесно связанных друг с другом. Железная дорога и телеграф децентрализовали революцию, несмотря на централизованный характер государства, но в то же время внесли единство в ее повсеместные выступления. Если в результате всего этого и можно признать за голосом Петербурга первенствующее значение, то не в том смысле, что он сосредоточил революцию на Невском проспекте или у Зимнего дворца, а единственно в том, что его лозунги и методы борьбы находили могучий революционный отклик во всей стране. Тип петербургской организации, тон петербургской прессы становились немедленно образцами для провинции. Местные провинциальные события, за исключением восстания во флоте и крепостях, не имели самостоятельного значения.

Если мы, таким образом, имеем право поставить невскую столицу в центре всех событий конца 1905 года, то в самом Петербурге мы должны во главу угла поставить Совет Рабочих Депутатов. Не только потому, что это величайшая рабочая организация, какую видела до сих пор Россия, не только потому, что Петербургский Совет послужил образцом для Москвы, Одессы и ряда других городов, — но прежде всего потому, что эта чисто классовая пролетарская организация являлась организацией революции, как таковой. Совет был осью всех событий, к нему стягивались все нити, от него исходили все призывы.

Что же он собой представлял?

Совет Рабочих Депутатов возник как ответ на объективную, ходом событий рожденную, потребность в такой организации, которая была бы авторитетна, не имея традиций; сразу охватила бы рассеянные стотысячные массы, почти не имея организационных зацепок; которая объединяла бы революционные течения внутри пролетариата, была бы способна на инициативу и автоматически контролировала бы самое себя и — главное — которую можно было бы в 24 часа вызвать из-под земли. Социал-демократическая организация, тесно связывавшая в подполье несколько сот и идейно объединявшая несколько тысяч рабочих Петербурга, умела дать массам лозунг, осветив молнией политической мысли их стихийный опыт, — но связать стотысячную толпу живой *организационной* связью было ей не под силу уже по одному тому, что главную часть своей работы она всегда совершала в скрытых от массы конспиративных лабораториях. Организация социалистов-революционеров болела теми же болезнями подполья, усугубленными бессилием и неустойчивостью. Трения двух одинаково сильных фракций социал-демократии между собою, с одной стороны, и борьба обеих фракций с социалистами-революционерами, — с другой, делали абсолютно необходимым создание *беспартийной* организации. Чтоб иметь авторитет в глазах масс на другой день после своего возникновения, она должна была быть организована на началах самого широкого представительства. Что принять за основу? Ответ давался сам собою. Так как единственной связью между девственными в организационном смысле пролетарскими массами был производственный процесс, оставалось представительство приурочить к фабрикам

и заводам *). Организационным прецедентом послужила комиссия сенатора Шидловского [86]).

Инициативу создания революционного рабочего самоуправления взяла на себя 10 октября — в момент, когда надвигалась величайшая из стачек — одна из двух петербургских социал-демократических организаций. 13-го вечером в здании Технологического института уже состоялось первое заседание будущего Совета. Присутствовало не больше 30—40 делегатов. Решено немедленно призвать пролетариат столицы ко всеобщей политической забастовке и к выборам делегатов. «Рабочий класс, — говорило выработанное на первом заседании воззвание, — прибег к последнему могучему средству всемирного рабочего движения — к всеобщей стачке».

«...В ближайшие дни в России совершатся решительные события. Они определят на долгие годы судьбу рабочего класса. Мы должны встретить эти события в полной готовности, объединенные нашим общим Советом»...

Это, огромной важности решение было принято единогласно — и притом без всяких принципиальных прений о всеобщей стачке, ее методах, целях и возможностях, — тогда как именно эти вопросы вскоре после того вызвали страстную идейную борьбу в рядах нашей германской партии. Этот факт нет надобности объяснять различием национальной психологии — наоборот, именно мы, русские, питаем болезненное пристрастие к тактическим мудрствованиям и детальнейшим предвосхищениям. Причиной всему — революционный характер эпохи. Совет с часа своего возникновения и по час своей гибели стоял под могучим давлением революционной стихии, которая самым бесцеремонным образом опережала работу политического сознания.

Каждый шаг рабочего представительства был заранее предрешен, «тактика» была очевидна. Методов борьбы не приходилось обсуждать, — еле хватало времени их формулировать...

* * *

*) На каждые пятьсот рабочих посылался один делегат. Мелкие промышленные заведения соединялись для выборов группами. Право представительства получили также молодые профессиональные союзы. Нужно, однако, сказать, что числовые нормы соблюдались не слишком строго: попадались делегаты от одной-двух сотен рабочих, даже от меньшего числа.

Октябрьская стачка уверенно приближалась к своему апогею. Во главе ее шли металлисты и печатники. Они первыми вступили в бой и резко и отчетливо формулировали 13 октября свои политические лозунги.

«Мы объявляем политическую забастовку, — так заявлял Обуховский завод, эта цитадель революции, — и будем до конца бороться за созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права для введения в России демократической республики».

Выставив те же лозунги, рабочие электрических станций заявляли: «Мы вместе с социал-демократией будем бороться за свои требования до конца и заявляем перед всем рабочим классом о своей готовности с оружием в руках бороться за полное народное освобождение».

Еще решительнее формулировали задачи момента рабочие печатного дела, посылая 14 октября своих депутатов в Совет:

«Признавая недостаточность одной пассивной борьбы, одного прекращения работ, постановляем: обратить армию забастовавшего рабочего класса в армию революционную, т.-е. немедленно организовать боевые дружины. Пусть эти боевые дружины позаботятся вооружением остальных рабочих масс, хотя бы путем разгрома оружейных магазинов и отобрания оружия у полиции и войск, где это возможно». Эта резолюция не была пустым словом. Боевые дружины печатников с замечательным успехом производили захват самых крупных типографий для печатания «Известий Совета Рабочих Депутатов» и оказали неоценимые услуги при проведении почтово-телеграфной забастовки.

15 октября работало еще большинство текстильных фабрик. Для привлечения небастующих рабочих к стачке Совет выработал целую иерархию средств — от призывов словом и до принуждения силой. К крайним средствам прибегать, однако, не пришлось. Где не помогало печатное воззвание, там достаточно было появления толпы забастовщиков, иногда нескольких человек, — и работа прекращалась.

«Шел я мимо фабрики Пеклие, — докладывает Совету один из депутатов. — Вижу, работает. Позвонил. «Доложите — депутат от Рабочего Совета». «Что вам нужно?» спрашивает управляющий. «От имени Совета требую немедленного закрытия вашей фабрики». Хорошо, в 3 часа прекратим работы».

16 октября бастовали уже все текстильные фабрики. Торговля не прекратилась только в центре города. В рабочих кварталах все лавки были закрыты. Расширяя стачку, Совет расширял и укреплял себя. Каждый забастовавший завод выбирал представителя и, снабдив его необходимыми грамотами, отправлял в Совет. На втором заседании присутствовали уже делегаты от 40 крупных заводов, 2 фабрик и трех профессиональных союзов: печатников, приказчиков и конторщиков. На этом заседании, происходившем в физической аудитории Технологического интститута, автор этих строк присутствовал впервые.

Это было 14 октября, когда стачка, с одной стороны, правительственное раздвоение, — с другой, уверенно приближались к моменту кризиса. В этот день появился знаменитый треповский указ: «холостых залпов не давать и патронов не жалеть». А на завтра, 15 октября, тот же Трепов вдруг признал, что «в народе назрела потребность в собраниях», и, запретив митинги в стенах высших учебных заведений, обещал отвести под собрания три городских здания. «Какая перемена, — писали мы в «Известиях Совета Рабочих Депутатов», — за 24 часа: вчера мы были зрелы только для патронов, а сегодня мы уже созрели для народных собраний. Кровавый негодяй прав: в эти великие дни борьбы народ зреет по часам!».

Несмотря на запрещение, высшие учебные заведения 14-го вечером были переполнены народом. Всюду шли митинги. «Мы, собравшиеся, заявляем, — таков был ответ правительству, — что нам, революционному народу Петербурга, тесно в тех ловушках, куда нас приглашает генерал Трепов. Мы заявляем, что будем попрежнему собираться в университетах, на заводах, на улицах и во всех других местах, где найдем нужным». Из актового зала Технологического института, где нам пришлось говорить о необходимости предъявить городской думе требование вооружить рабочую милицию, мы перешли в помещение физической аудитории. Здесь мы впервые увидели возникший накануне Совет Депутатов. На скамьях, расположенных амфитеатром, сидело душ 100 рабочих представителей и членов революционных партий. За демонстрационным столом разместились председатель и секретари. Собрание больше походило на военный совет, чем на парламент. Многословия — этой язвы представительных учреждений — не было и следа. Разбиравшиеся вопросы — расширение стачки и предъявление требований думе — были чисто практиче-

ского характера и обсуждались деловито, кратко, энергично. Чувствовалось, что каждый атом времени на счету. Малейшее отклонение к риторике встречало со стороны председателя решительный отпор при суровом сочувствии всего собрания. Особой депутации было поручено предъявить городской думе следующие требования: 1) немедленно принять меры для урегулирования продовольствия многотысячной рабочей массы; 2) отвести помещения для собраний; 3) прекратить всякое довольствие, отвод помещений, ассигновок на полицию, жандармерию и т. д.; 4) выдать деньги на вооружение борющегося за свободу петербургского пролетариата.

Ввиду бюрократического и домовладельческого состава думы обращение к ней с такого рода радикальными требованиями являлось исключительно агитационным шагом. Совет, разумеется, совершенно не заблуждался на этот счет. Практических результатов он не ждал и не получил.

16 октября, после ряда приключений, попыток ареста и пр., — мы напоминаем, что все это происходило еще до издания конституционного манифеста, — депутация Совета была принята в «частном совещании» петербургской городской думой. Прежде всего по требованию депутации, энергично поддержанному группой гласных, дума постановила в случае ареста рабочих депутатов, командировать к градоначальнику городского голову с заявлением, что гласные будут считать арест депутатов оскорблением думы. Только после этого обратились к предъявлению требований.

«Переворот, совершающийся в России, — так закончил свою речь оратор депутации, тов. Радин (покойный Кнунианц [87]), — есть переворот буржуазный, он в интересах и имущих классов. В ваших собственных интересах, господа, чтоб он скорее завершился. И если вы способны быть хоть сколько-нибудь дальнозоркими, если вы действительно широко понимаете выгоды вашего класса, то должны всеми силами помочь народу в целях скорейшей победы над абсолютизмом. Нам не нужно от вас ни резолюций сочувствия, ни платонической поддержки наших требований. Мы требуем, чтобы свое содействие вы оказали рядом практических действий.

«Благодаря уродливой системе выборов, имущество города с полутoрамиллионным населением находится в руках представителей нескольких тысяч имущих. Совет Рабочих Депутатов

требует, — а он имеет право требовать, а не просить, так как является представителем нескольких сот тысяч рабочих, жителей столицы, а вы — только горсти избирателей, — Совет Рабочих Депутатов требует, чтобы городское имущество было предоставлено всем жителям города для их надобности. И так как теперь важнейшая общественная задача есть борьба с абсолютизмом, а для этой борьбы нам нужны места для наших собраний, — откройте нам наши городские здания!

«Нам нужны средства для продолжения стачки, — ассигнуйте городские средства на это, а не на поддержку полиции и жандармов!

«Нам нужно оружие для завоевания и отстаивания свободы,— отпустите средства для организации пролетарской милиции!».

Под охраной группы гласных депутация покинула зал заседания. Дума отказала во всех главных требованиях Совета и выразила доверие полиции, как охранительнице порядка.

* * *

По мере развития октябрьской стачки Совет естественно становился в центре всеобщего политического внимания. Его значение росло буквально не по дням, а по часам. Прежде всего вокруг него сплотился промышленный пролетариат. Железнодорожный Союз вступил с ним в тесные отношения. Союз Союзов, примкнувший к стачке с 14 октября, уже с первых шагов вынужден был признать над собою протекторат Совета. Многочисленные стачечные комитеты — инженеров, адвокатов, правительственных чиновников — приспособляли свои действия к его решениям. Подчиняя себе разрозненные организации, Совет объединял вокруг себя революцию.

И в то же время росло раздвоение в правительственных рядах.

Трепов шел напролом и гладил свои пулеметы. 12-го он заставил Николая поставить себя во главе всех войск петербургского гарнизона. 14-го он уже отдавал приказ не жалеть патронов. Он разделил столицу на четыре военных района с четырьмя генералами во главе. В качестве генерал-губернатора он грозит всем торговцам съестными припасами в случае закрытия лавок высылкой в 24 часа. 16-го он запер на замок все высшие учебные заведения Петербурга и занял их войсками. Без формального объявления военного положения, он ввел его фактически. Конные

патрули терроризировали улицы. Войска были размещены всюду — в государственных учреждениях, публичных зданиях и дворах частных домов. В то время как даже артисты императорского балета примыкали к забастовке, Трепов непреклонно заполнял солдатами пустующие театры. Он оскаливал зубы и потирал руки в предчувствии горячего дела.

Он ошибся в расчетах. Победило враждебное ему течение бюрократии, искавшее плутовской сделки с историей. Для этой цели был призван Витте.

17 октября гайдуки Трепова разогнали собрание Совета Рабочих Депутатов. Но он нашел возможность собраться вторично, постановил продолжать забастовку с удвоенной энергией, рекомендовал рабочим впредь до начала работ за квартиры и за взятые в долг товары денег не платить и призвал домохозяев и лавочников исков к рабочим не предъявлять. В этот день, 17 октября, вышел первый номер «Известий Совета Рабочих Депутатов».

И в этот же день был подписан царем конституционный манифест.

«1905».

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ *)

История Петербургского Совета Рабочих Депутатов, это — история пятидесяти дней. 13 октября заседало учредительное собрание Совета. 3 декабря заседание Совета было прервано правительственными войсками.

На первом заседании присутствовало несколько десятков человек; ко второй половине ноября число депутатов возросло до 562, в том числе 6 женщин. Они представляли 147 фабрик и заводов, 34 мастерских и 16 профессиональных союзов. Главная масса депутатов — 351 человек — принадлежала к рабочим по металлу. Они играли в Совете решающую роль. Текстильная индустрия дала 57 депутатов, печатное и бумажное производство — 32, от торговых служащих присутствовало 12 депутатов, от конторщиков и фармацевтов — 7. Министерством Совета являлся Исполнительный Комитет. Он был образован 17 октября в составе 31 человека: 22 депутата и 9 представителей партий

*) Заголовок проставлен для настоящего издания. *Ред.*

(6 — от обеих фракций социал-демократии, 3 — от социалистов-революционеров).

Что составляло сущность этого учреждения, которое в короткий период завоевало такое огромное место в революции и наложило свою печать на период ее высшего могущества?

Совет организовывал рабочие массы, руководил политическими стачками и демонстрациями, вооружал рабочих, защищал население от погромов. Но то же самое делали до него, на-ряду с ним и после него другие революционные организации. Это, однако, не давало им того влияния, какое сосредоточил в своих руках Совет. Тайна его влияния в том, что он вырос как естественный орган пролетариата в его непосредственной, всем ходом событий обусловленной *борьбе за власть*. Если сами рабочие, с одной стороны, реакционная пресса, — с другой, называли Совет «пролетарским правительством», то этому соответствовал тот факт, что Совет на самом деле представлял собою зародышевый орган революционного правительства. Совет осуществлял власть, поскольку ее обеспечивало за ним революционное могущество рабочих кварталов; он непосредственно боролся за власть, поскольку она еще оставалась в руках военно-полицейской монархии.

До Совета мы находим в среде индустриальных рабочих многочисленные революционные организации, руководимые, главным образом, социал-демократией. Но это организации *в пролетариате;* их непосредственная цель — *борьба за влияние на массы*. Совет сразу сложился в организацию *пролетариата;* его цель — борьба за *революционную власть*.

Становясь фокусом всех революционных сил страны, Совет в то же время не растворялся в революционно-демократической стихии; он был и оставался организованным выражением классовой воли пролетариата. В борьбе за власть он применял те методы, которые естественно определяются характером пролетариата, как класса: его ролью в производстве, его численностью, его социальной однородностью. Более того: борьбу за власть во главе всех революционных сил Совет сопрягал со всесторонним руководством классовой самодеятельностью рабочих масс: он не только способствовал организации профессиональных союзов, но и вмешивался даже в конфликты отдельных рабочих с их нанимателями. И именно потому, что Совет как демократическое представительство пролетариата в революционную эпоху

стоял на пересечении всех его классовых интересов, он сразу подпал под всеопределяющее влияние социал-демократии. Она получила возможность сразу реализовать теперь те огромные преимущества, какие дала ей марксистская вышколка, и, благодаря своей способности политически ориентироваться в великом «хаосе», она почти без усилий превратила формально беспартийный Совет в организационный аппарат своего влияния.

Главным методом борьбы Совета была всеобщая политическая стачка. Революционная сила такой стачки состоит в том, что она через голову капитала дезорганизует государственную власть. Чем больше и всестороннее вносимая ею «анархия», тем ближе стачка к победе. Но лишь в одном случае—если эта анархия не создается анархическими средствами. Класс, который путем единовременного прекращения работ парализует аппарат производства и вместе с тем централизованный аппарат власти, изолируя отдельные части страны одну от другой и поселяя всеобщую неуверенность, должен сам быть достаточно организован, чтобы не оказаться первою жертвою им же созданной анархии. Чем в высшей мере стачка упраздняет существующую государственную организацию, тем более организация самой стачки вынуждена брать на себя государственные функции. Условия всеобщей стачки как пролетарского метода борьбы были вместе с тем условиями огромного значения Совета Рабочих Депутатов.

Стачечным давлением Совет осуществляет свободу печати. Он организует правильные уличные патрули для обеспечения безопасности граждан. В большей или меньшей мере он берет в свои руки почту, телеграф и железные дороги. Он властно вмешивается в экономические конфликты рабочих с капиталистами. Он делает попытку прямым революционным давлением установить восьмичасовой рабочий день. Парализуя деятельность самодержавного государства стачечным восстанием, он вносит свой собственный свободный демократический порядок в жизнь трудящегося городского населения.

После 9 января революция показала, что она владеет сознанием рабочих масс. 14 июня, восстанием «Потемкина Таврического» революция показала, что она может стать материальной силой. Октябрьской стачкой она показала, что может дезорганизовать врага, парализовать его волю и довести его до полного унижения. Наконец, повсеместной организацией рабочих советов революция показала, что умеет создать власть. Революционная

власть может опираться только на активную революционную силу. Как бы мы ни смотрели на дальнейшее развитие русской революции, но факт тот, что до сих пор никакой общественный класс, кроме пролетариата, не показал себя способным и готовым стать опорой революционной власти. Первым актом революции было уличное общение пролетариата с монархией; первая серьезная победа революции была одержана чисто классовым орудием пролетариата, политической стачкой; наконец, в виде первого зачаточного органа революционной власти выступает представительство пролетариата. В лице Совета перед нами впервые на почве новой русской истории выступает демократическая власть. Совет есть организованная власть самой массы над ее отдельными частями. Это — истинная нефальсифицированная демократия — без двух палат, без профессиональной бюрократии, с правом избирателей в любую минуту сменить своего депутата. Совет непосредственно, через своих членов, через выбранных рабочими депутатов, руководит всеми общественными проявлениями пролетариата в целом или отдельных его групп, организует его выступления, дает им лозунг и знамя.

По переписи 1897 г. Петербург насчитывал около 820 тысяч душ «самодеятельного» населения, в том числе 433 тысячи рабочих и прислуги; таким образом пролетарское население столицы достигает 53%. Если принять в расчет и несамодеятельные элементы, то, ввиду относительной малосемейности пролетариата, мы получим для него несколько низшую цифру (50,8%). Во всяком случае, пролетариат составляет больше половины населения Петербурга.

Совет Рабочих Депутатов не был официальным представительством всего почти полумиллионного рабочего населения столицы: организационно он объединял около 200 тысяч душ, преимущественно фабрично-заводских рабочих, и хотя его политическое влияние, прямое и косвенное, простиралось на более обширный круг, тем не менее, еще очень значительные слои пролетариата (строительные рабочие, прислуга, чернорабочие, извозчики) очень мало или вовсе не были им захвачены. Несомненно, однако, что Совет выражал интересы всей этой пролетарской массы. Если на заводах и были так называемые черносотенные элементы, то число их на глазах у всех таяло не по дням, а по часам. В пролетарских массах политическое господство Совета в Петербурге могло иметь только друзей, но не врагов. Исклю-

чение могла бы составить лишь привилегированная прислуга, лакеи сановных лакеев из высшей бюрократии, кучера министров, биржевиков и кокоток, — эти консерваторы и монархисты по профессии.

Среди интеллигенции, столь многочисленной в Петербурге, Совет имел гораздо больше друзей, чем врагов. Тысячи учащейся молодежи признавали над собой политическое руководство Совета и горячо поддерживали его шаги. Дипломированная и служилая интеллигенция, за исключением безнадежно ожиревших элементов, была, по крайней мере до поры до времени, на его стороне. Энергичная поддержка почтово-телеграфной забастовки привлекла к Совету сочувственное внимание низших слоев чиновничества. Все, что было в городе угнетенного, обездоленного, честного, жизненного, — все это сознательно или инстинктивно влеклось к Совету.

Что было против него? Представители капиталистического хищничества; биржевики, игравшие на повышение; подрядчики, купцы и экспортеры, разорявшиеся вследствие забастовок; поставщики золотой черни; шайка петербургской думы, этого синдиката домовладельцев; высшая бюрократия; кокотки, внесенные в государственный бюджет; звездоносцы; хорошо оплачиваемые публичные мужчины; охранное отделение,— все жадное, грубое, распутное и обреченное смерти.

Между армией Совета и его врагами стояли политически неопределенные, колеблющиеся или ненадежные элементы. Наиболее отсталые группы мещанства, еще не вовлеченные в политику, не успели достаточно понять роль и смысл Совета и определить свое отношение к нему. Хозяева-ремесленники были встревожены и напуганы. Возмущение мелкого собственника против разорительных стачек боролось в них со смутным ожиданием лучшего будущего.

Выбитые из колеи профессиональные политики интеллигентских кружков, радикальные журналисты, не знающие, чего хотят, демократы, изъеденные скептицизмом, снисходительно брюзжали против Совета, пересчитывали по пальцам его ошибки и вообще давали понять, что, если б они оказались во главе этого учреждения, пролетариат был бы осчастливлен навсегда. Извинением этих господ служит их бессилие.

Во всяком случае Совет фактически или потенциально был органом огромного большинства населения. Его враги в составе

населения столицы не были бы опасны для его политического господства, если б они не имели заступника в еще живом абсолютизме, опирающемся на наиболее отсталые элементы мужицкой армии. Слабость Совета не была его собственной слабостью,— это была слабость чисто городской революции.

Период пятидесяти дней был периодом ее высшего могущества. Совет был ее органом борьбы за власть. Классовый характер Совета определялся резким классовым расчленением городского населения и глубоким политическим антагонизмом между пролетариатом и капиталистической буржуазией — даже в исторически ограниченных рамках борьбы с самодержавием. Капиталистическая буржуазия после октябрьской стачки сознательно тормозила революцию; мещанство оказалось слишком ничтожно, чтобы играть самостоятельную роль; пролетариат был неоспоримым гегемоном городской революции, его классовая организация была его органом борьбы за власть.

Совет был тем сильнее, чем деморализованнее было правительство. Он тем в большей мере сосредоточивал на себе симпатии не-пролетарских слоев, чем беспомощнее и растеряннее рядом с ним оказывалась старая государственная власть.

Массовая политическая стачка была главным орудием в руках Совета. Благодаря тому, что он связывал все группы пролетариата непосредственной революционной связью и поддерживал рабочих каждого предприятия авторитетом и силой класса, он получил возможность приостанавливать хозяйственную жизнь в стране. Несмотря на то, что собственность на средства производства попрежнему оставалась в руках капиталистов и государства, несмотря на то, что государственная власть оставалась в руках бюрократии, распоряжение национальными средствами производства и сообщения—по крайней мере поскольку речь шла о том, чтобы прекратить правильную хозяйственную и государственную жизнь—оказывалось в руках Совета. И именно эта обнаруженная на деле способность Совета парализовать хозяйство и внести анархию в жизнь государства делала Совет тем, чем он был. При таких условиях искать путей мирного сосуществования Совета и старого правительства было бы самой безнадежной из всех утопий. А между тем все возражения против тактики Совета, если обнажить их действительное содержание, исходят именно из этой фантастической идеи: после октября Совету следовало на почве, отвоеванной у абсолютизма, заняться

организацией масс, воздерживаясь от всяких наступательных действий.

Но в чем состояла октябрьская победа?

Несомненно, что в результате октябрьского натиска абсолютизм «в принципе» отрекся от себя. Но он в сущности не проиграл сражения: он отказался от боя. Он не сделал серьезной попытки противопоставить свою деревенскую армию охваченным стачечным мятежом городам. Само собою, он не сделал этого не из соображений человечности — он просто был совершенно обескуражен и лишен самообладания. Либеральные элементы бюрократии, ждавшие своей очереди, получили перевес и, в тот момент, когда стачка уже шла на убыль, опубликовали манифест 17 октября — принципиальное отречение от абсолютизма. Но вся материальная организация власти: — чиновничья иерархия, полиция, суд, армия — осталась попрежнему нераздельной собственностью монархии. Какую тактику мог и должен был при таких условиях развернуть Совет? Его сила состояла в том, что он, опираясь на производительный пролетариат, мог (поскольку мог) лишить абсолютизм возможности пользоваться материальным аппаратом своей власти. С этой точки зрения деятельность Совета означала организацию «анархии». Его дальнейшее существование и развитие означало упрочение «анархии». Никакое длительное сосуществование не было возможно. Будущий конфликт был заложен в октябрьскую полупобеду как ее материальное ядро.

Что оставалось делать Совету? Притворяться, что он не видел неизбежности конфликта? Делать вид, что он организует массы для радостей конституционного строя? Кто поверил бы ему? Конечно, не абсолютизм и не рабочий класс.

Как мало внешняя корректность, пустая форма лойяльности помогает в борьбе против самодержавия, это мы видели позже на примере двух Дум. Чтобы предвосхитить тактику «конституционного» лицемерия в самодержавной стране, Совет должен был быть сделан из другого теста. Но к чему пришел бы он и тогда? К тому же, к чему позже пришла Дума: к банкротству.

Совету ничего не оставалось, как признать, что столкновение неизбежно уже в ближайшем будущем, и в распоряжении его не было другой тактики, кроме подготовки к восстанию.

В чем могла состоять эта подготовка, как не в развитии и укреплении тех именно качеств Совета, которые позволяли ему

парализовать государственную жизнь и составляли его силу? Но естественные усилия Совета укрепить и развить эти качества неизбежно ускоряли конфликт.

Совет заботился — чем дальше, тем больше — о распространении своего влияния на войско и крестьянство. В ноябре Совет призвал рабочих активно выразить свое братство с пробуждающейся армией, в лице кронштадтских матросов. Не делать этого — значило не заботиться об увеличении своих сил. Делать это — значило итти навстречу конфликту.

Или может быть, был какой-то третий путь? Может быть, Совет мог, вместе с либералами, апеллировать к так называемому государственному смыслу власти? Может быть, он мог и должен был найти ту черту, которая отделяла права народа от прерогатив монархии, и остановиться пред этой священной гранью? Но кто поручился бы, что монархия остановится по другой стороне демаркационной линии? Кто взялся бы организовать между обеими сторонами мир или хотя бы только временное перемирие? Либерализм? Одна из его депутаций предложила 18 октября графу Витте, в знак примирения с народом, удалить из столицы войска. «Лучше остаться без электричества и без водопровода, чем без войска», ответил министр. Правительство, очевидно, вовсе не помышляло о разоружении. Что же оставалось делать Совету? Либо устраниться, предоставив дело примирительной камере, будущей Государственной Думе, как требовал в сущности либерализм, либо готовиться к тому, чтобы вооруженной рукою удержать все, что было захвачено в октябре, и, если можно, открыть дальнейшее наступление. Теперь-то мы уже достаточно хорошо знаем, что примирительная камера превратилась в арену нового революционного конфликта. Следовательно, объективная роль, которую сыграли две первые Думы, только подтвердила правильность того политического предвидения, на котором пролетариат строил свою тактику. Но можно и не заходить так далеко. Можно спросить: что же могло и должно было обеспечить самое возникновение этой «примирительной камеры», которой не суждено было кого бы то ни было примирить? Все тот же государственный смысл монархии? Или ее торжественное обязательство? Или честное слово графа Витте? Или земские ходы в Петергофе с черного крыльца? Или предостерегающий голос г. Мендельсона? Или, наконец, тот «естественный ход вещей», на спину которого либерализм взваливает все задачи, как

только история предъявляет их ему самому, его инициативе, его силе, его смыслу?

Но если декабрьское столкновение было неизбежно, то не лежит ли причина декабрьского поражения в составе Совета? Говорили, что в его классовом характере был его основной грех. Чтобы стать органом «национальной» революции, Совет должен был расширить свои рамки; в них должны были найти место представители всех слоев населения. Это упрочило бы авторитет Совета и увеличило бы его силу. Так ли?

Сила Совета определялась ролью пролетариата в капиталистическом хозяйстве. Задача Совета была не в том, чтобы превратиться в пародию парламента; не в том, чтобы организовать равномерное представительство интересов различных социальных групп, но в том, чтобы придать единство революционной борьбе пролетариата. Главным средством борьбы в руках Совета была политическая забастовка — метод, свойственный исключительно пролетариату как классу наемного труда. Однородность классового состава устраняла внутренние трения в Совете и делала его способным к революционной инициативе.

Каким путем мог быть расширен состав Совета? Можно было пригласить представителей либеральных союзов; это обогатило бы Совет двумя десятками интеллигентов. Их влияние в Совете было бы пропорционально роли Союза Союзов в революции, т.-е. было бы бесконечно малой величиной.

Но какие еще общественные группы могли быть представлены в Совете? Земский съезд? Торгово-промышленные организации? Земский съезд заседал в Москве в ноябре, он обсуждал вопрос о сношениях с министерством Витте, но ему и в голову не пришло поставить вопрос о сношениях с рабочим Советом.

В период заседаний съезда разразилось севастопольское восстание. Это, как мы видели, сразу отбросило земцев вправо, так что г. Милюков должен был успокаивать земский конвент речью, смысл которой состоял в том, что восстание, слава богу, уже подавлено. В какой форме могло осуществляться революционное сотрудничество между этими контр-революционными господами и рабочими депутатами, приветствовавшими севастопольских повстанцев? На этот вопрос до сих пор еще никто не сумел ответить. Одним из наполовину искренних, наполовину лицемерных догматов либерализма является требование, чтобы армия оставалась вне политики. Наоборот, Совет развивал гро-

мадную энергию с целью вовлечь армию в революционную политику. Или, может быть, Совет из доверия к манифесту должен был армию оставить в неограниченном распоряжении Трепова? А если нет — на почве какой же программы мыслимо было в этой решающей области сотрудничество с либералами? Что могли бы внести эти господа в деятельность Совета, кроме систематической оппозиции, бесконечных прений и внутренней деморализации? Что могли они нам дать, кроме советов и указаний, которых и без того было достаточно в либеральной прессе? Может быть, истинная «государственная мысль» и была в распоряжении кадетов и октябристов; тем не менее, Совет не мог превратиться в клуб политической полемики и взаимного обучения. Он должен был быть и оставался органом борьбы.

Что могли прибавить представители буржуазного либерализма и буржуазной демократии к *силе* Совета? Чем они могли обогатить его методы борьбы? Достаточно вспомнить их роль в октябре, ноябре и декабре; достаточно представить себе то сопротивление, какое эти элементы могли оказать разгону *их* Думы, чтобы понять, что Совет мог и должен был оставаться классовой организацией, т.-е. организацией борьбы. Буржуазные депутаты могли сделать его *многочисленнее*, но они были абсолютно неспособны сделать его *сильнее*.

Вместе с этим падают чисто рационалистические, неисторические обвинения против непримиримо-классовой тактики Совета, которая отбросила буржуазию в лагерь порядка. Стачка труда, показавшая себя могучим орудием революции, внесла, однако, «анархию» в промышленность. Уж одно это заставило оппозиционный капитал выше всех лозунгов либерализма поставить лозунг государственного порядка и непрерывности капиталистической эксплоатации.

Предприниматели решили, что «достославная» (так они называли ее) октябрьская стачка должна быть последней — и организовали антиреволюционный «Союз 17 октября». У них для этого были достаточные причины. Каждый из них имел возможность у себя на заводе убедиться, что политические завоевания революции идут параллельно с упрочением позиций рабочих против капитала. Иные политики видели главную вину борьбы за восьмичасовой рабочий день в том, что она окончательно расколола оппозицию и сплотила капитал в контр-революционную силу. Эти критики хотели бы видеть в распоряжении

истории классовую энергию пролетариата — без последствий классовой борьбы. Что самовольное введение восьмичасовой работы должно было вызвать и вызвало энергичную реакцию со стороны предпринимателей, об этом не приходится много говорить. Но ребячество думать, будто нужна была именно эта кампания, чтобы сплотить капиталистов с капиталистически-биржевым правительством Витте. Объединение пролетариата в самостоятельную революционную силу, становящуюся во главе народных масс и представляющую постоянную угрозу «порядку», было само по себе совершенно достаточным аргументом в пользу коалиции капитала с властью.

Правда, в первую эпоху революции, когда она проявлялась в стихийных разрозненных вспышках, либералы терпели ее. Они ясно видели, что революционное движение расшатывает абсолютизм и толкает его на путь конституционного соглашения с господствующими классами. Они мирились со стачками и демонстрациями, относились к революционерам дружелюбно, критиковали их мягко и осторожно. После 17 октября, когда условия конституционного соглашения уже были написаны и, казалось бы, оставалось лишь выполнить их, дальнейшая работа революции явно подкапывалась под самую возможность сделки либералов с властью. Пролетарская масса, сплоченная октябрьской стачкой, организованная изнутри, самым фактом своего существования отныне восстановляет либерализм против революции. Этот последний был того мнения, что мавр выполнил свою работу и должен спокойно вернуться к своим станкам. Совет считал, наоборот, что главная борьба впереди. О каком бы то ни было революционном сотрудничестве капиталистической буржуазии с пролетариатом при таких условиях не могло быть и речи.

Декабрь вытекает из октября, как вывод из посылки. Исход декабрьского столкновения находит свое объяснение не в отдельных тактических промахах, а в том решающем факте, что реакция оказалась богаче механической силой, чем революция. Пролетариат разбился в декабрьско-январском восстании не о свои тактические ошибки, а о более реальную величину: о штыки крестьянской армии.

Правда, либерализм держится того мнения, что недостаток силы следует при всех условиях возмещать быстротою ног. Истинно мужественной, зрелой, обдуманной и целесообразной тактикой он считает отступление в самую решительную минуту.

Эта либеральная философия дезертирства произвела впечатление на некоторых литераторов в рядах самой социал-демократии и, задним числом, они поставили вопрос: если декабрьское поражение пролетариата имело своей причиной недостаточность его сил, то не состоит ли ошибка именно в том, что он, не будучи достаточно силен для победы, принял сражение? На это можно ответить: если бы в борьбу вступали только с уверенностью в победе, на свете не было бы борьбы. Предварительный учет сил не может предопределить исход революционных столкновений. В противном случае следовало бы уже давно заменить классовую борьбу классовой бухгалтерией. Об этом не так давно мечтали кассиры некоторых профессиональных союзов по отношению к стачкам. Оказалось, однако, что капиталистов, даже при самом совершенном счетоводстве, все-таки нельзя убедить выпиской из гроссбуха, и аргументы цифр приходится, в конце концов, подкреплять аргументом забастовки. И как бы ни было все точно заранее рассчитано, каждая стачка вызывает целый ряд новых материальных и моральных фактов, которых нельзя было предвидеть и которые, в конце концов, решают исход борьбы. Теперь мысленно устраните профессиональный союз с его точными методами учета; стачку распространите на всю страну, поставьте перед ней большую политическую цель; противопоставьте пролетариату государственную власть, в качестве непосредственного врага; окружите обоих союзниками, действительными, возможными, мнимыми; прибавьте индиферентные слои, за обладание которыми идет жестокая борьба, армию, из которой лишь в вихре событий выделяется революционное крыло; преувеличенные надежды — с одной стороны, преувеличенные страхи — с другой, при чем и те и другие, в свою очередь, являются реальными факторами событий; пароксизмы биржи и перекрещивающиеся влияния международных связей, — и вы получите обстановку революции. При этих условиях субъективная воля партии, даже «руководящей», является лишь одной из многих и притом далеко не самой крупной силой.

В революции, еще более, чем на войне, момент сражения определяется не столько расчетом одной из сторон, сколько взаимным положением обеих враждебных армий. Правда, на войне, благодаря механической дисциплине войска, еще можно бывает без битвы увести его все целиком с поля сражения; в таких случаях военачальнику все же приходится спрашивать себя,

не внесет ли стратегия отступления деморализацию в среду солдат и не подготовит ли он, избегая сегодняшнего поражения, другое, тягчайшее — на завтра. Куропаткин [88]) мог бы многое рассказать на эту тему. Но в развертывающейся революции прежде всего немыслимо провести планомерное отступление. Если во время натиска партия ведет массы за собою, то это не значит, что она их может увести среди штурма по собственному произволу. Не только партия ведет массы, но и они несут ее вперед. И это повторится во время всякой революции, как бы ни была сильна ее организация. При таких условиях отступить без боя означает, в известных условиях, для партии оставить массы под неприятельским огнем. Конечно, социал-демократия как руководящая партия могла не принять декабрьского вызова реакции и — по счастливому выражению того же Куропаткина — «отступить на заранее подготовленные позиции», т.-е. в свое подполье. Но этим она дала бы только правительству возможность, не встречая общего сопротивления, громить враздробь открытые и полуоткрытые рабочие организации, созданные при ее ближайшем участии. Такой ценою социал-демократия купила бы себе сомнительное преимущество смотреть на революцию со стороны, резонерствовать по поводу ее ошибок и вырабатывать безупречные планы, отличающиеся лишь тем недостатком, что они являются на сцену, когда в них уже нет никакой надобности. Легко себе представить, как это способствовало бы укреплению связей между партией и массой!

Никто не может сказать, что социал-демократия форсировала конфликт. Наоборот, 22 октября, по ее инициативе, Петербургский Совет Депутатов отменил траурную манифестацию, дабы не провоцировать столкновения, не попытавшись предварительно использовать «новый режим» растерянности и колебаний для широкой агитационной и организационной работы среди масс. Когда правительство сделало слишком поспешную попытку атаковать страну и — для опыта — объявило Польшу на военном положении, Совет, придерживаясь чисто оборонительной тактики, не сделал даже попытки довести ноябрьскую стачку до открытой схватки, но превратил ее в манифестацию протеста, удовлетворившись ее огромным моральным воздействием на армию и польских рабочих.

Но если партия уклонялась от сражения в октябре и ноябре, руководясь сознанием необходимости организационной подго-

товки, то в декабре это соображение совершенно отпадало. Не потому, разумеется, что подготовка была уже налицо, а потому, что правительство, у которого тоже не было выбора, начало борьбу именно с разрушения всех созданных в октябре и ноябре революционных организаций. Если бы при этих условиях партия решила уклониться от сражения, если бы она могла даже увести с открытой арены революционные массы, она этим только пошла бы навстречу восстанию при еще менее благоприятных условиях: при полном отсутствии прессы и широких организаций и при неизбежной деморализации, вызванной отступлением.

«...В революции, как и в войне, — говорит Маркс *), — безусловно необходимо в решительный момент все ставить на карту, как бы ни складывались шансы борьбы. История не знает ни одной успешной революции, которая не свидетельствовала бы о правильности этого положения... Поражение после упорной борьбы — факт не менее революционного значения, чем легко вырванная победа... Во всякой борьбе совершенно неизбежно, что тот, кто поднимает перчатку, подвергается опасности быть побежденным; но разве это основание, для того чтобы с самого начала объявить себя разбитым и подчиниться, не извлекая меча?

«Всякий, кто в революции командует решительной позицией и сдает ее, вместо того чтобы заставить врага отважиться на приступ, заслуживает того, чтобы к нему относились как к изменнику» (*Карл Маркс*, «Революция и контр-революция в Германии»).

В своем известном «Введении» к марксовой «Борьбе классов во Франции» Энгельс допустил возможность больших недоразумений, когда противопоставлял военно-техническим трудностям восстания (быстрое передвижение солдат по железным дорогам, разрушительная сила современной артиллерии, широкие улицы нынешних городов) новые возможности победы, вырастающие из эволюции классового состава армии. С одной стороны, Энгельс очень односторонне оценил значение новейшей техники во время революционных восстаний; с другой — он не счел нужным или удобным разъяснять, что эволюция классового состава армии может быть политически учтена только посредством «очной ставки» народа и войска.

---

*) В действительности — Энгельс, написавший эту работу вместо Маркса.

Два слова об обеих сторонах вопроса. Децентрализованный характер революции делает необходимым постоянное передвижение военных сил. Энгельс говорит, что благодаря железным дорогам гарнизоны могут быть более чем удвоены в 24 часа. Но он упускает из виду, что действительно массовое восстание неизбежно предполагает железнодорожную забастовку. Прежде чем правительство получит возможность заняться передвижением военных сил, ему приходится — в жестокой борьбе с бастующим персоналом — овладеть железнодорожной линией, ее подвижным составом, организовать движение, восстановить взорванные мосты и разрушенные рельсовые пути. Для всего этого недостаточно самых лучших винтовок и самых острых штыков; и опыт русской революции говорит, что минимальнейший успех в этом направлении требует несравненно больше, чем 24 часа. Далее. Прежде чем приступить к передвижению военных сил, правительство должно быть осведомлено о положении дел в стране. Телеграф ускоряет правительственную информацию еще в большей мере, чем железная дорога — дислокацию. Но, опять-таки, восстание и предполагает почтово-телеграфную забастовку и порождает ее. Если оно неспособно привлечь на свою сторону почтово-телеграфный персонал,— факт, свидетельствующий о слабости революционного движения! — у него остается еще возможность повалить столбы и оборвать провода. Хотя при этом оказываются в ущербе обе стороны, но революция, главная сила которой отнюдь не в автоматически действующей организации, теряет несравненно меньше. И телеграф и железная дорога — бесспорно, могущественные орудия современного централистического государства. Но это — орудия обоюдоострые. И если существование общества и государства вообще зависит от непрерывности пролетарского труда, то в железнодорожном и почтово-телеграфном деле эта зависимость приобретает наиболее концентрированный характер. Лишь только рельсы и проволока отказываются служить, правительственный аппарат дробится на части, между которыми не оказывается никаких, даже самых примитивных средств сообщения и передвижения. При этих условиях дела могут зайти очень далеко, прежде чем властям удастся «удвоить» местный гарнизон.

На-ряду с передвижением войск восстание ставит перед правительством задачу передвижения военных запасов. Трудности, какие вырастают при этом из всеобщей забастовки, нам уже

известны; но к ним присоединяется еще та опасность, что военные запасы могут быть перехвачены восставшими. Эта опасность становится тем реальнее, чем децентрализованнее характер революции и чем большие массы она вовлекает в свой водоворот. Мы видели, как на московских вокзалах рабочие захватывали оружие, препровождавшееся с театра войны. Подобные факты происходили во многих местах. В Кубанской области восставшие казаки перехватили транспорт винтовок. Революционные солдаты передавали восставшим патроны и т. д.

При всем том не может быть, разумеется, и речи о чисто военной победе восставших над правительственными войсками. Физической силой эти последние несомненно будут богаче, и вопрос всегда сведется к настроению и поведению солдат. Без классового родства между армиями, стоящими по обе стороны баррикады, победа революции, при нынешней военной технике, была бы действительно невозможной. Но, с другой стороны, было бы величайшей иллюзией думать, что «переход армии на сторону народа» может произойти в форме какой-нибудь мирной и единовременной манифестации. Господствующие классы, пред которыми стоит вопрос их жизни и смерти, никогда не сдают добровольно своих позиций под влиянием теоретических соображений о классовом составе армии. Ее политическое настроение, это великое неизвестное всякой революции, может определиться только в процессе столкновений солдат с народом. Переход армии в лагерь революции есть процесс моральный; но одними моральными средствами он не может быть вызван. В армии пересекаются различные течения и настроения: сознательно революционным является меньшинство; большинство колеблется и ждет внешнего толчка. Оно способно сложить оружие или даже направить штыки против реакции только в том случае, если начинает верить в возможность победы народа. Такая вера не создается одной агитацией. Только тогда, когда солдаты убеждаются, что народ вышел на улицы для беспощадной борьбы, — не для манифестации против властей, а для низвержения правительства, — становится психологически возможным «переход солдат на сторону народа». Таким образом, восстание есть в сущности своей не столько борьба с армией, сколько борьба *за* армию. Чем упорнее, шире и успешнее восстание, тем вероятнее и неизбежнее перелом в настроении солдат. Партизанская борьба на основе революционной стачки — то, что мы наблюдали в Москве, — сама по

себе не может дать победы. Но она создает возможность прощупать настроение солдат, и после первого крупного успеха, т.-е. после присоединения к восстанию части гарнизона, партизанская борьба может превратиться в массовую, где часть войск, при поддержке вооруженного и безоружного населения, будет сражаться с другой частью, окруженной кольцом всеобщей ненависти. Что переход солдат на сторону народа, в силу классовой и морально-политической разнородности армии, означает, в первую очередь, борьбу двух частей войска между собою, это мы видели в Черноморском флоте, в Кронштадте, в Сибири, в Кубанской области, впоследствии в Свеаборге и во многих других местах. Во всех этих случаях самые совершенные орудия милитаризма — винтовки, пулеметы, крепостная артиллерия, броненосцы — оказывались не только в руках правительства, но и на службе революции.

На основании опыта кровавого петербургского воскресенья 9 января 1905 года некий английский журналист г. Arnold White сделал тот гениальный вывод, что, если бы Людовик XVI обладал батареями пушек Максима, французская революция не произошла бы вовсе. Какое жалкое суеверие — думать, будто исторические шансы революций можно измерять калибром ружей или диаметром пушек! Русская революция снова показала, что не ружья, пушки и броненосцы управляют людьми, но, в конце концов, люди управляют ружьями, пушками и броненосцами.

11 декабря министерство Витте — Дурново, к этому времени ставшее министерством Дурново — Витте, издало избирательный закон. В то время когда сухопутный адмирал Дубасов восстанавливал на Пресне честь андреевского флага, правительство поторопилось открыть легальный путь соглашения имущего общества с монархией и бюрократией. С этого момента революционная по существу своему борьба за власть развивается под конституционной оболочкой.

В Первой Думе кадеты выдавали себя за вождей народа. Так как народные массы, за вычетом городского пролетариата, находились еще в состоянии хаотически-оппозиционного настроения, и так как выборы бойкотировались крайними левыми партиями, то кадеты оказались в Думе господами положения. Они «представляли» всю страну: либеральных помещиков, либеральных купцов, адвокатов, врачей, чиновников, лавочников, приказчиков, отчасти даже крестьян. Хотя руководство партией

попрежнему оставалось в руках помещиков, профессоров и адвокатов, однако, под давлением интересов и нужд деревни, оттеснивших на задний план все остальные вопросы, кадетская фракция повернула влево; дело дошло до роспуска Думы и выборгского манифеста, который впоследствии доставил столько бессонных ночей либеральным болтунам.

Во Вторую Думу кадеты вернулись в меньшем количестве, но, по признанию Милюкова, у них было теперь то преимущество, что за ними стоял уже не просто недовольный обыватель, а избиратель, отмежевавшийся слева, т.-е. более сознательно подавший голос за антиреволюционную платформу. Между тем как главная масса помещиков и представителей крупного капитала перешла в лагерь активной реакции, городское мещанство, торговый пролетариат и рядовая интеллигенция голосовали за левые партии. За кадетами пошла часть помещиков и средние слои городского населения. Налево от них стояли представители крестьян и рабочих.

Кадеты голосовали за правительственный проект рекрутского набора и обещали вотировать бюджет. Точно так же они голосовали бы за новые займы для покрытия государственного дефицита и, не колеблясь, взяли бы на себя ответственность за старые долги самодержавия. Головин, эта жалкая фигура, воплотившая за председательским столом все ничтожество и бессилие либерализма, высказал после роспуска Думы ту мысль, что в поведении кадетов правительство, в сущности, должно было бы усмотреть свою победу над оппозицией. Это совершенно верно. При таких обстоятельствах, казалось бы, не было никаких оснований для роспуска Думы. И все-таки она была распущена. Это доказывает, что есть сила более могущественная, чем политические аргументы либерализма. Эта сила — внутренняя логика революции.

В борьбе с руководимой кадетами Думой министерство все больше проникалось сознанием своего могущества. На лжепарламентской трибуне оно увидело перед собою не исторические задачи, которые требовали решения, а политических противников, которых нужно было обезвредить. В качестве соперников правительства и претендентов на власть фигурировала кучка адвокатов, для которых политика была чем-то вроде судоговорения высшей инстанции. Их политическое красноречие колебалось между юридическим силлогизмом и ложно-классической

фразой. В прениях по поводу военно-полевых судов обе партии столкнулись лицом к лицу. Московский адвокат Маклаков [89]), в котором либералы видели человека будущего, подверг военно-полевую юстицию и вместе с ней всю политику правительства уничтожающей юридической критике.

«Но ведь военно-полевые суды — не юридический институт,— ответил ему Столыпин. — Они — орудие борьбы. Вы доказываете, что это орудие незаконосообразно. Зато оно целесообразно. Право не является самоцелью. Когда существованию государства угрожает опасность, правительство не только имеет право, но обязано, минуя право, опереться на материальные орудия своей власти!».

Этот ответ, в котором содержится не только философия государственного переворота, но и философия народного восстания, поверг либерализм в крайнее смущение. Это неслыханное признание! — кричали либеральные публицисты и клялись в тысячу первый раз, что право выше силы.

Но вся их политика убеждала министерство в противном. Они отступали шаг за шагом. Чтобы спасти Думу от роспуска, они отказывались от всех своих прав и тем неопровержимо доказывали, что сила выше права. При таких условиях у правительства неизбежно должно было возникнуть искушение использовать свою силу до конца.

Вторая Дума разогнана, — и в качестве преемника революции выступает уже консервативный национал-либерализм, в лице Союза 17 октября. Если кадеты казались себе наследниками задач революции, то октябристы на деле оказались наследниками кадетской тактики соглашения. Кадеты могут строить какие-угодно презрительные рожи за спиною октябристов, но эти последние только делают выводы из кадетских посылок: раз нельзя опереться на революцию, остается опереться на конституционализм Столыпина.

Третья Дума дала царскому правительству 456.535 новобранцев, хотя до сих пор вся реформа в ведомстве Куропаткина и Стесселя ограничилась новыми погонами, нашивками и киверами. Она вотировала бюджет министерства внутренних дел, которое 70% территории страны отдало в распоряжение сатрапов, вооруженных удавной петлей исключительных законов, чтобы на пространстве остальных 30% душить и вешать на основании законов нормального времени. Она приняла все основные поло-

жения знаменитого указа 9 ноября 1906 года, проведенного правительством на основании § 87 и имеющего своей задачей высвободить из крестьянства слой крепких собственников, а остальную массу предоставить действию естественного отбора — в биологическом смысле этого слова. Экспроприации помещичьих земель в пользу крестьянства реакция противопоставила экспроприацию общинных крестьянских земель в пользу кулаков. «Закон 9 ноября, — сказал один из крайних реакционеров Третьей Думы, — содержит в себе достаточно гремучего газа, для того чтобы взорвать всю Россию».

Загнанные в исторический тупик непримиримостью дворянства и бюрократии, которые снова оказались неограниченными господами положения, буржуазные партии ищут выхода из экономических и политических противоречий своего положения в империализме. За поражения во внутренней политике они ищут компенсаций во внешней — на Дальнем Востоке (Амурская дорога), в Персии или на Балканах [90]). Так называемая «аннексия» Боснии и Герцеговины [91]) вызвала в Петербурге и Москве оглушительный звон всех медных тарелок патриотизма. При этом та из буржуазных партий, которая развила наибольшую оппозицию старому порядку, — кадетская, — идет теперь во главе воинствующего «неославизма»: в капиталистическом империализме кадеты ищут разрешения тех задач, которых не разрешила революция. Приведенные ходом ее к фактическому отказу от идеи отчуждения помещичьих земель и демократизации всего социального строя, а значит и к отказу от надежды создать для капиталистического развития устойчивый внутренний рынок, в виде крестьян-фермеров, кадеты переносят свои надежды на внешние рынки. Для успеха в этом направлении нужна сильная государственная власть — и либералы видят себя вынужденными активно поддерживать царизм как ее реального носителя. Оппозиционно подкрашенный империализм Милюковых как бы наводит некоторый идеологический грим на отвратительную комбинацию из самодержавного бюрократа, дикого помещика и паразитического капиталиста, лежащую в основе Третьей Думы.

Создавшееся таким путем положение чревато самыми неожиданными последствиями. Правительство, которое похоронило репутацию своей силы в водах Цусимы и на полях Мукдена; правительство, на голову которого обрушились страшные последствия его политики авантюр, теперь неожиданно оказывается

в фокусе патриотического доверия представителей «нации». Оно не только получает без возражения полмиллиона новых солдат и полмиллиарда на текущие военные расходы, но и находит поддержку Думы в своих новых экспериментах на Дальнем Востоке. Мало того. Справа и слева—от черносотенцев и от кадет,—оно слышит упреки в недостаточной активности своей внешней политики. Таким образом царское правительство всей логикой вещей толкается на рискованный путь борьбы за восстановление своего мирового положения. И кто знает? Может быть, прежде чем участь самодержавия окончательно и бесповоротно решится на улицах Петербурга и Варшавы, она подвергнется повторительному испытанию на полях Амура или на побережьи Черного моря.

«1905».

УРОКИ ПЕРВОГО СОВЕТА [92])

Борьба за власть — это центральная задача революции. Пятьдесят дней и кровавый финал этого периода показали не только то, что городская Россия — слишком узкая база для такой борьбы, но и то, что в пределах городской революции руководство пролетариатом не может быть осуществлено местной организацией. Борьба пролетариата во имя национальной задачи требовала классовой организации национального масштаба. Петербургский Совет был местной организацией. Но потребность в центральной организации была так велика, что он волей-неволей должен был брать на себя ее функции. Он делал в этом отношении что мог, но он все же оставался прежде всего *Петербургским* Советом Депутатов. Необходимость всероссийского рабочего съезда, который несомненно привел бы к образованию центрального руководящего органа, была сознана и выдвинута еще в эпоху первого Совета. Декабрьский разгром помешал осуществлению этой задачи. Она осталась как завещание периода пятидесяти дней.

Идея Совета врезалась в сознание рабочих как необходимая предпосылка революционного выступления масс. Опыт показал, что Совет уместен и возможен не при всяких условиях. Организация Совета по своему объективному смыслу означает создание возможностей дезорганизации правительства, означает организацию «анархии», означает, следовательно, предпосылку революционного конфликта. Если, поэтому, период революционного

затишья и бешеного торжества реакции исключает возможность существования открытой выборной авторитетной организации масс, то несомненно, что новый ближайший подъем революции приведет к повсеместному образованию рабочих советов. Всероссийский Рабочий Совет, организованный общегосударственным рабочим съездом, возьмет на себя руководство местными выборными организациями пролетариата. Разумеется, суть не в воззваниях и не в деталях организационных отношений: задача— в демократически централизованном руководстве борьбой пролетариата за переход власти в руки народа. История не повторяется, и новому Совету не придется снова проделывать события пятидесяти дней; но зато из этого периода он сможет целиком извлечь свою программу действий.

Эта программа совершенно ясна.

Революционная кооперация с армией, крестьянством и плебейскими низами городской буржуазии. Упразднение абсолютизма. Разрушение его материальной организации: отчасти расформирование, отчасти немедленный роспуск армии; уничтожение полицейско-бюрократического аппарата. 8-часовой рабочий день. Вооружение населения, прежде всего — пролетариата. Превращение советов в органы революционного городского самоуправления. Создание советов крестьянских депутатов (крестьянских комитетов) как органов аграрной революции на местах. Организация выборов в Учредительное Собрание и избирательная борьба на почве определенной программы работ народного представительства.

Такой план легче формулировать, чем выполнить. Но если революции суждена победа, пролетариат не может не пойти по пути этой программы. Он развернет революционную работу, какой не видел мир. История пятидесяти дней окажется бледной страницей в великой книге борьбы и победы пролетариата.

«История Совета Рабочих Депутатов».

3. ХОД И ИСХОД ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ [93])

(Речь в Рабочем Доме в Софии 12 июля 1910 г.)

Товарищи, с давних времен рабочий народ живет под двойным гнетом: материальным и духовным. Последний был бы невозможен без первого, и, наоборот, — если бы в сознании народа не было предрассудков рабства, если бы учение церкви и религиозные предрассудки не отравляли сознания народа, уничтожение материального гнета было бы значительно облегчено. Но в развитии народов бывают моменты, когда весь народ поднимается, как лев, против буржуазного гнета и, восстав, освобождается от предрассудков рабства, теряет уважение к буржуазным учреждениям, и гипноз рабства исчезает. Народ становится народом-львом, народом-героем. Такая эпоха является эпохой крещения народа; она остается незабвенной и запечатлевается в народе неизгладимыми чертами.

Такую эпоху пережил русский народ в 1905 году. И вот, товарищи, если мы бросим взгляд на все явления и события в международной политической жизни за последние 4—5 лет, мы должны будем сказать, что на мировой сцене не было ни одного события, ни одного явления, культурного или другого, на которое бы не легла печать русской революции.

Посмотрите на великий необъятный азиатский материк. Разве поражение России в японской войне и русская революция не воскресили целый материк? Вы видите пробуждение Китая, Индии, Персии, революционное движение в Турции. Военное поражение царизма подняло самосознание всех азиатских народов. Влияние этого события дошло и до вас, — в форме младо-

турецкой революции, которая является отзвуком русской революции и означает возрождение Азии. Обратите затем свой взгляд на Запад: посмотрите — что мы видим в могущественной капиталистической стране, Германии, родине самой сильной социал-демократической партии, матери всех социалистических партий? Германская социал-демократия в течение четырех десятилетий шаг за шагом продвигалась по своему пути, строя свое могущественное здание и накапливая силы, но не выходя из рамок законности. Только удары русской революции создали такое настроение, при котором немецкий пролетариат мог выйти на улицу с колоссальной демонстрацией за введение всеобщего избирательного права в Пруссии.

Товарищи, обратите ваш взгляд к более близкой вам стране — Австро-Венгрии. Вы знаете, что в течение ряда лет там велась пролетариатом всех народностей борьба за всеобщее избирательное право. Но только после великой октябрьской забастовки австро-венгерский пролетариат высказал свое требование в грандиозной демонстрации и вырвал у австрийского монархизма и капитализма всеобщее избирательное право. Можно с уверенностью сказать, что, подобно тому как историки отделяют средневековую историю от новой, считая началом последней открытие Америки, пути в Индию и т. д., так историки будущего будут считать русско-японскую войну и русскую революцию границей между новой и новейшей историей.

Товарищи, русская революция имела своей целью уничтожение главного стержня всемирной реакции — царизма, около которого группировалось все варварское, все хищническое, все средневековое, все то, что вертится около европейских бирж,— тем более, что нет такой реакционной силы, которая не находила бы своего выражения, своей опоры и поддержки в русском царизме. Можно сказать, что русская революция ставила себе цели, подобные тем, какие были осуществлены Великой Французской Революцией в XVIII столетии; а французскую революцию мы привыкли называть буржуазной. И тем не менее, какая разница между этими двумя революциями! Там против абсолютизма, против феодализма, против клерикализма выступал так называемый народ или «третье сословие» — буржуазная демократия, интеллигенция, опирающаяся на мелкобуржуазные массы ремесленников и на пролетариат. Эта революционная интеллигенция— якобинцы — сумела объединить и собрать вокруг себя все про-

грессивные элементы, сплотить их в одно целое. Этого мы не видим в России. Мы здесь не видим буржуазной демократии, способной на революционную борьбу, такой, какую мы видим в истории других стран. Русская буржуазия, подобно буржуазии балканских стран, уже в утробе матери носит проклятие на своем челе: она обречена на предательство, предательством крещена и от предательства погибает. Та колоссальная задача, которая предстала перед русским народом и властно требует разрешения, пала целиком на плечи русского пролетариата.

Вы помните основные моменты русской революции. Русско-японская война оказала громадное влияние на народные массы. Она разрушила обаяние царизма, как «огромной непобедимой силы». Оказалось, что колосс, который душит все прогрессивное в целом мире, который опирается на все европейские биржи, стоит на глиняных ногах, что маленькая Япония наносит ему тяжелые удары; русскому народу стало ясно, что этот колосс слаб, что он может пасть под чужим ударом, и — о, чудо из чудес! — эта война подняла не только народные массы, но подняла и русский либерализм.

В течение 1904 года целым рядом банкетов — врачей, архитекторов, журналистов и профессоров — выносились резолюции с осуждением царизма и конституционными требованиями. Но это были только слова. Некоторые добрые люди говорили, что Иерихон пал от звуков еврейских труб, — таким же образом, надеялись либералы, падет и твердыня самодержавия. Но либералы ошиблись, и если царизм пошатнулся, то не они были тому причиной. Либералы вскоре попали в тупик и обнаружили свою реакционность, которая неотделима от природы буржуазного класса. Так как они своими выступлениями не сумели свалить монархию, то им ничего больше не оставалось, как ждать, что за них это сделают небесные силы. И вот, когда либерализм должен был признать себя побежденным, на сцену русской исторической жизни выступил пролетариат. 9-ое января 1905 г. является великой исторической датой. Вы помните, товарищи, как русский пролетариат в Петербурге совершил величественный акт, революционный по существу, хотя и наивный по форме, предъявив свои требования царю, считавшемуся до тех пор подателем всех благ. Вы помните, что на эти требования царь ответил ружейными залпами и свистом нагаек. Это как бы подвело итог прежним отношениям между царем и народом, положило конец всякому мо-

ральному обаянию царизма в народе. Как прежде на голом теле преступника каленым железом выжигался его позор, так теперь русский народ выжег огненными буквами дату 9-го января на лбу царизма. После 9-го января либерализм оказывается в самом жалком положении и боится своего собственного ничтожества, а на авансцене русской действительности появляются рабочие массы. 9-е января вызвало великую забастовочную волну, которая подняла один за другим все рабочие слои, столкнула их лицом к лицу с царизмом.

В этом сущность революции. В повседневной жизни рабочий сознает себя металлистом, портным или сапожником, петербургским портным, металлистом из Москвы или Петербурга и т. д. Новый революционный период отнял у каждого отдельного рабочего его национальную, местную, групповую оболочку. Рабочий почувствовал себя живой частью единого тела, для него стало свято и обязательно то, что свято и обязательно для всего пролетариата в целом. В ответ на движение, вызванное 9-м января, является царский указ 18-го февраля [93а]). Никогда, товарищи, русский царь не проявил себя более жалким и более беспомощным в своей жестокости, чем тогда. Утром он издает манифест, в котором призывает все черные силы русской земли сплотиться вокруг трона против поднявшейся революции; а в тот же самый день вечером издает указ, в котором провозглашается принцип народного представительства. Царское правительство было напугано до такой степени, что царь, издав утром погромный манифест, в тот же день вечером отказывается от него и издает другой, полуконституционный манифест, в котором отражается его страх пред движением народных масс. И, конечно, оба царские манифеста начинаются словами: «Радея о благе народа»...

Но народ отлично знал, где была царская душа в то время, когда писался «конституционный» манифест. Русский пролетариат, хотя еще молодой и политически неопытный, отказывается верить царским словам и посулам (этим он выгодно отличается от балканских буржуазных политиков, которые руководятся в своих поступках царскими обещаниями). После указа 18 февраля русский пролетариат усилил свои ряды, и мы видим, как весь русский народ заражается революционным подъемом, как все сословия, одно за другим, вступают в борьбу с самодержавием. Статистика показывает, что в 1905 году число забастовок в России превысило в пять раз число забастовок в Западной

Европе и других передовых странах. Вы можете себе представить, какое колоссальное напряжение сил потребовалось для того, чтобы можно было объявить всеобщую забастовку в октябре месяце. Между февральским движением и великой забастовкой происходит восстание Черноморского флота, поднявшего красное знамя. Результатом был новый манифест 6 августа, объявивший о созыве «Государственной Думы». Тогда либералы обратились к нам с такими словами: «Господа, в России 6 августа 1905 года провозглашена конституция. Отныне вы можете опереться на почву легальности (права). Оставьте же ваши революционные средства и методы и станьте на почву права». Вот с какими словами обратились либералы к партии пролетариата; но последняя ответила им презрением, как всегда. После этого движение достигает кульминационного пункта с объявлением октябрьской забастовки, в которой участвует более миллиона рабочих и которая парализует весь государственный аппарат.

Товарищи, государство это — машина, которая, как любая фабричная машина, держится на спине рабочего класса, и когда народ отказывается ее поддерживать, она распадается на части и ее централизованная сила рассыпается в пыль и прах. (Аплодисменты, голоса «верно, верно».) И вот на исторической почве русского деспотизма, в ответ на октябрьскую забастовку, появляется манифест 17-го октября с обещаниями еще бо́льших избирательных прав, свободы собраний, права коалиции, свободы печати и пр. Царь, белый царь, опиравшийся на самодержавие и православие, сразу дает свою подпись на пергаменте конституции. Это есть великая революционная победа пролетариата! Несколько дней спустя она была потоплена царизмом в крови. Но мы этой победы никогда не забудем, мы запишем ее и скажем, что царь взял под козырек перед революцией. (Аплодисменты.)

Товарищи, манифест 17-го октября был издан, но вся русская бюрократия с ее естественным и искусственным подбором негодяев осталась на месте. Трепов, который 12 октября, пять дней до издания манифеста, издал свой собственный манифест «патронов не жалеть!», остался после 17 октября начальником Петербурга, и петербургский пролетариат знал, чего он может ждать, раз проведение в жизнь конституционных принципов поручено этому человеку. К моменту издания манифеста, в разгаре стачечной борьбы, петербургский пролетариат направил все усилия на свое объединение, на создание своей собственной

крепкой организации. Это поистине историческое чудо, свидетельствующее о неисчерпаемой мощи рабочего класса, огромное чудо, что в течение 4—5 дней в Петербурге, как из-под земли, возникла живая, гибкая и авторитетная организация, охватившая 200 тысяч петербургских рабочих и вписавшая свое имя в историю русской революции. Я говорю о Петербургском «Совете Рабочих Депутатов». Каждые 500 рабочих данной фабрики, завода или района избирают по одному делегату. Избранные образуют Совет и становятся господами Петербурга. Трепов смещен. Витте не смеет показываться перед народом. Государственная машина объявляется под бойкотом, и Совет фактически держит в своих руках государственную власть. Вы, товарищи, вероятно все помните, что царь к своему манифесту 17-го октября приложил яркий, отчетливый отпечаток своей кровавой руки. Вы помните, что около 19—20 октября вся южная Россия и значительная часть центральной стала ареной ужасающих погромов, организованных «союзом истинно-русских людей», покровителем которого был царь. Вы знаете, что в то время был дан тайный лозунг — ответить на революцию погромами, и повсюду, где пролетариат не ждал за своей спиной предательства и не был готов к отпору, эти погромы дали тысячи жертв. Стоны убиваемых детей и стариков, отчаянные вопли матерей, умирающих над трупами своих детей,— таков был результат манифеста. Только в Петербурге, Москве и некоторых других городах, где пролетариат успел создать свои организации и, отстранив всю бюрократию, взял в собственные руки судьбу и жизнь города, — только там не было и следа погромов. Это доказывает, что погромы учинялись жалкими группами, бандами и шайками там, где народ, рабочие массы не сумели еще отстранить их властной рукой. Вся Россия признала за пролетариатом ту заслугу, что он спас Петербург от позора разгрома и погромов. Совет Рабочих Депутатов после 17 октября не прекратил забастовки; он говорил: «Манифест издан, но мы выражаем ему недоверие и продолжаем забастовку до 12 часов 21 октября». Русский рабочий класс не стар — ему не больше 40—50 лет, он молодой, совсем молодой класс, и все-таки он уже руководит миллионом забастовщиков! Какое единство, какая солидарность! И действительно, до 12 часов 21 октября ни одно колесо не двигалось, ни одна труба не дымилась, все производство стояло. 17—18 октября буржуазные издатели и журналисты прислали к нам своих представителей с просьбой разрешить набор-

щикам набрать царский манифест, но мы на это разрешения не дали. Вышли только две газеты: «Правительственный Вестник», в две странички, изданный нелегально в подпольной типографии, и другой орган, изданный открыто и распространенный в огромном количестве экземпляров: «Известия Петербургского Совета Рабочих Депутатов». (Бурные аплодисменты.)

Как ответил Совет Рабочих Депутатов, что сказал он по поводу царского манифеста? Он сказал: да, конституция дана,— но царизм существует, и Витте играет веревкой, а Трепов скрежещет зубами; свобода печати дана — но цензура остается; свобода собраний также дана,— но охраняют ее казаки. Не конституция нам дана, а нагайка в пергаменте! Таков был ответ «Известий Совета Рабочих Депутатов», и тотчас же петербургский пролетариат, менее всего склонный ограничиваться революционными фразами, приступил к революционным действиям. Он объявил, что с 12 часов 21 октября все типографии начнут работать, но ни одна книга, ни один лист не будут проходить через цензуру, что только при этом условии будет разрешаться печатание в России. Вспомните ту изумительную сцену, когда русские общественные деятели и редакторы, собравшись у Витте, умоляют его о смягчении цензурного режима, и перед ними является представитель Совета и говорит: «Вам все разрешено и ни один лист не пройдет через цензуру: с сегодняшнего дня существует свобода печати». И действительно, в течение двух месяцев, когда Петербург находился в руках Совета Рабочих Депутатов, в России царила американская свобода печати [94]). Рука цензора не смела прикасаться ни к одной газете, и в наших социалистических газетах, которые печатались по 212 тысяч экземпляров, мы впервые назвали царя именем, которого он заслуживает: «царь — убийца, царь — ответственный организатор всех бедствий в России!». (Бурные аплодисменты.)

Правительство попыталось, товарищи, помешать Совету издавать свои «Известия»: во время забастовки, когда вся пресса безмолствовала, правительству было неловко, что его газеты выходят в таком жалком виде, в то время как газета пролетариата имеет превосходный вид. Правительство пыталось окружить типографию своими войсками. Сила и обаяние пролетариата были так велики, что он беспрепятственно печатал свои «Известия» во всех типографиях, даже в типографии «Нового Времени» — этой реакционной, погромной и панславистской газеты, где мы издали

наш седьмой номер таким же шрифтом и в таком же объеме, как «Новое Время». Когда делегат Совета явился в типографию и заявил, что в течение 24 часов она является собственностью народа и нужна для издания «правительственного официоза», ему ответили, что типографию не дадут, потому что боятся, что будут испорчены машины.

Наш представитель заявил, что Совет даст самых лучших рабочих. Тогда сослались на то, что «сейчас забастовка, и нет электричества».

— Мы распорядимся, чтобы дали свет.

— Но нашей станцией заведуют офицеры, и на ней работают моряки.

— Наши распоряжения достаточно красноречивы и для офицеров и для моряков, — таков был наш ответ.

Через полчаса помещение было освещено электричеством, мастера машин не испортили, и газета вышла. (Бурные аплодисменты.)

Товарищи, вскоре после октябрьской забастовки царская реакция начала показывать свои когти и раньше всего в Кронштадте, где восстание моряков было потоплено в крови, а затем в Польше, над которой повис меч военного положения. И петербургский пролетариат, еще не успевший отереть пот со своего лица после октябрьской забастовки, заявил, что до тех пор, пока веревка военно-полевого суда будет грозить головам моряков, пока в Польше свирепствует военное положение, петербургские рабочие не прекратят движения и не перестанут заявлять свой могучий протест. (Аплодисменты.)

1 ноября в Петербурге была провозглашена новая всеобщая забастовка, в знак протеста против натиска кровавой реакции. Тогда Витте обратился к петербургскому пролетариату с увещательным письмом, которое начиналось словами: «Братцы-рабочие»... Вы видите, как умильно обращается русский министр к русскому рабочему, когда последний наступает ему сапогом на горло: «Братцы-рабочие, не забывайте, что царь желает вам добра. Не слушайте вредных агитаторов-смутьянов. Стойте на своих постах. Я ваш друг и желаю вам добра». (Общий смех.) На это Совет Рабочих Депутатов ответил ему 2 ноября письмом, которое я могу вам изложить почти дословно. Прежде всего Совет заявил, что он ни в каком родстве с графом Витте не состоит. Граф Витте говорит, что царь нам желает добра. Петербургский

пролетариат отвечает только двумя словами: «9-е января». Витте говорит, что он нам желает добра, — петербургский пролетариат не нуждается в расположении царских фаворитов.

С графом Витте, — так говорил весь Петербург, — случился припадок астмы, когда он читал этот ответ. Он спешит издать правительственное сообщение о том, что моряки не будут судимы военным судом и военное положение в Польше будет снято. Петербургский пролетариат отвечает, что 7 октября в 12 часов будет прекращена забастовка, и что он отступит с поля революционной борьбы в таком же порядке, в каком вступил на него. (Аплодисменты.)

Товарищи, в это время Петербург представлял незабываемую картину. Это город с двумя миллионами населения, с громадными фабриками, на которых работает несколько сот тысяч рабочих. В те дни, когда фабрики стояли мертвые, когда ни одно колесо не двигалось, когда вся жизнь замирала, когда театры по нашему требованию прекращали представление в середине первого действия, когда улицы были погружены во тьму, электричества не было, когда в квартирах царских тайных советников царил мрак, — в те дни мы видели, мы чувствовали, что̀ такое пролетариат и какова его сила. Мы видели, товарищи, что все общество живет только благодаря ему: благодаря ему властители пользуются своей властью, благодаря ему богатый богатеет, ученый изучает науку, собственник владеет ярко освещенными дворцами. Все это благодаря рабочему классу, который держит в своих руках весь мир. (Аплодисменты.) Я думаю, что если бы в то время нас, социалистов, лишили зрения, залепили бы нам уши воском, то мы пальцами могли бы осязать социализм на петербургских улицах.

Волнения пролетариата отразились и на темной, забитой, живущей во мраке и невежестве деревне. Вы знаете, что одной из причин русской революции является рабство и нищета русского крестьянства. Вы знаете, что на международном рынке нищеты и бедствий русский крестьянин мог бы конкурировать даже с индусом английских владений. Достаточно упомянуть об одном, на первый взгляд комичном, а в сущности глубоко трагичном факте, который был установлен врачом Шингаревым. Как вам известно, жилище русского мужика не отличается чистотой, и несмотря на это клопы и тараканы бойкотируют эти избы, потому что в них слишком холодно и слишком голодно; холод и голод выгоняют из них даже клопов и тараканов. Вот в каком ужасе

живет русский многомиллионный народ. Огромный бюджет царизма, достигший цифры в два с половиной миллиарда рублей, целиком ложится на спину русского крестьянина и рабочего. Достаточно сказать, что русский милитаризм поглощает ежегодно шестьсот пятьдесят миллионов рублей, а рядом с этим стоят четыреста семь миллионов, уплачиваемые европейским биржам за девять миллиардов русского долга, — тоже оплата расходов, сделанных милитаризмом и царизмом. Больше миллиарда мы уплачиваем вампиру, который душит русский народ. Вот почему главная задача революции заключалась в уничтожении чудовищной военной и бюрократической машины царского правительства и в замене царизма свободным республиканским строем.

Другим важным лозунгом было: «экспроприация помещиков, уничтожение дворянства и раздача земли русским крестьянам». Таков аграрный лозунг нашей революции. Ответом на 9-е января было восстание Черноморского флота, октябрьская и ноябрьская забастовки. Они нашли отзвук в широких крестьянских массах. В октябре 1905 года не одно поместье было сожжено, и красный петух русской революции осветил кровавым заревом широкую русскую землю. Помещики бежали в города и за границу, ища помощи у буржуазии. Русский помещик до 1905 года был либералом, требовал конституции, называл себя другом русского народа, выражал недовольство буржуазией и царизмом. Но в 1905 году русские рабочие и крестьяне раз и навсегда выбили либеральную глупость из его головы, и он стал позвоночным хребтом жесточайшей реакции. Если русский царизм нашел мужество противопоставить себя революции, то это объясняется тем фактом, что он смог опереться на дворянство. В эти дни совершилось священное объединение новой святой троицы — бюрократии, помещиков и царизма, которые объявили кровавый крестовый поход против революции.

Европейские либералы, а может быть и ваши, здешние, обвиняют русских социалистов в том, что они вели очень жестокую, непримиримую борьбу, и что если бы они несколько урезали свои требования, если бы были более миролюбивы и положили свою руку в волчьи лапы, то положение было бы другое. Но что такое либералы, это они сами показали, когда в конце ноября в Севастополе произошло второе восстание Черноморского флота под руководством красного лейтенанта Шмидта (впоследствии расстрелянного). Петербургский пролетариат послал свое революцион-

ное приветствие черноморским морякам. В это время заседал съезд либералов под председательством Милюкова. (Крики: «долой!».) Весь съезд, как один человек, отказался от всех своих требований, заявляя, что с сегодняшнего дня они, либералы, будут поддерживать правительство и графа Витте. Милюков попытался успокоить их тем, что восстание уже подавлено. Вот, товарищи, как отнесся русский либерализм к русской революции в самые критические минуты русской истории. В тот момент, когда решалась судьба русского народа, русский либерализм явил себя предателем, изменником, ночным вором. В эти великие исторические дни, в те дни, когда пролетариат приветствовал восстание флота, либерализм аплодировал победе над ним. Могло ли быть что-нибудь общее между ним и социализмом? Нет, товарищи, между ними лежит пропасть, вырытая изменой либерализма.

Товарищи, положение в те дни было до крайности сложным и трагическим. Выросла общественная жизнь, на политической арене появились новые общественные классы. Пролетариат держался на высоте положения, но он был безоружен. Правительство стало как бы нелегальным, подпольным, оно укрылось в подземельях Царского Села, Петербурга и Петергофа. Но ему остались верными гвардейские полки.

Тогда в Петербурге были две власти: одна — пролетарская, невооруженная, а другая — правительственная, вооруженная. Но не все войска были верны царизму. Я уже упомянул о восстании Черноморского флота. На протяжении всей линии Сибирской железной дороги, по которой возвращались с Дальнего Востока солдаты, установилась власть революционных солдат, которые избирали свои советы солдатских депутатов и поднимали красные знамена. У нас в Петербурге целый ряд полков и матросских экипажей открыто посылал в Совет своих делегатов в солдатской форме. Это было во время ноябрьской забастовки, после того как петербургские рабочие заявили, что они не могут оставаться спокойными, когда над головой кронштадтских моряков висит веревка.

Целые полки переходили на сторону революции, но это были полки, в большинстве своем состоявшие из пролетариев. Царская власть рассчитывала не на своих министров, не на их таланты и находчивость, а на материальное могущество армии. Но ведь сама армия не машина, не мертвое орудие: она состоит из живых,

мыслящих и чувствующих людей. От состава армии зависит, в какую сторону будут стрелять винтовки и пушки. Этого не следует забывать. Если царизм нас победил, то лишь потому, что в армии имелось много темных крестьян и мало-сознательных рабочих. (Аплодисменты; голоса: «верно, верно!».) Вы понимаете, конечно, что не сам царизм заткнул рот рабочим; его орудием явились крестьяне-солдаты. Но машинное производство постепенно превращает крестьян в рабочих, рабочие входят в армию и революционизируют ее. И с той же неотразимостью, с какою вертится земля и день сменяется ночью, а ночь — днем, в царской армии крестьяне замещаются пролетариями—друзьями революции. (Аплодисменты.)

Товарищи, времени осталось немного, и я вынужден сократить заключительную часть моей речи.

Я уже сказал, что были две власти: революционная, невооруженная, и старая — вооруженная. Мы, социал-демократы, не были, разумеется, так наивны, чтоб ожидать, что царизм уступит свое место без боя, что он не пустит в ход свою армию. Мы знали, что, как только пролетариат отступит, кровожадное чудовище выйдет из своей норы и вонзит в него свои когти. И поэтому мы заранее обратились с революционным манифестом к армии и крестьянам. И надо сказать, что голос пролетариата нашел огромный отзвук — огромный, но недостаточный.

Русский крестьянин отлично понимает, что помещик — его враг. Но когда он входит в казарму и становится солдатом, он начинает колебаться, как слепой, не понимая, где его друзья и где враги. Вот почему он направил свое оружие против революции. Трагедия русской революции состоит в том, что царизм успел не только ограбить мужика, но и отравить его сознание. Крестьяне в солдатской форме направили свои винтовки против рабочих, и этим объясняется декабрьское поражение.

Если нам скажут, что социал-демократы потеряли доверие пролетариата из-за того, что вывели его на московские баррикады, то мы, которые гордимся этим выступлением, ответим, что этот упрек лишен всякого основания. Обратитесь к русскому пролетарию и спросите его, потерял ли он к нам доверие после декабрьского поражения. Взгляните на списки Первой, Второй, Третьей Государственной Думы [95]), и вы увидите, что русский пролетариат и после страшного кровопускания дал свой голос только одной партии — русской социал-демократии. Правда, товарищи, что

когда происходили выборы в Первую Думу, рабочие еще не успели смыть с себя кровь, их раны еще не зажили, и многие из них отказались от выборов. На многих фабриках рабочие в насмешку выбирали депутатами фабричных собак, фабричные трубы или двери. Словом, рабочие бойкотировали Первую Думу. Но во Вторую Думу, несмотря на тяжелый избирательный закон — о всеобщем избирательном праве в России не могло быть и речи, наше избирательное право не лучше прусского, — русский пролетариат послал шестьдесят восемь социал-демократов. Вполне естественно, что при избирательном праве, состряпанном графом Витте, нечего было и думать о народном большинстве. В Думе господами оказались либералы из кадетской партии, во главе с Милюковым. Я уже упомянул в прошлое воскресенье в своей речи *), что либерализм в это время чувствовал себя победителем и фактически господином положения. Всегда, когда революционный народ разбит, господином оказывается торжествующий либерализм, который заявляет: отныне революционные партии должны исчезнуть, теперь я диктую законы. Либерализм протягивает одну руку народу, а другую — монархии. Напомню о знаменитых дебатах, происходивших во Второй Государственной Думе между Маклаковым и Столыпиным. Это было тогда, когда либералы вырабатывали в Думе законы, так никогда и не увидавшие света.

В то самое время, когда за стенами Думы Столыпин воздвигал виселицы военно-полевых судов, Маклаков в блестящей речи доказывал Столыпину, что его военно-полевые суды — незаконны и неправомерны. Вы можете себе представить, какое страшное, потрясающее впечатление произвели эти речи на того, кто управлял при помощи «незаконных и неправомерных» виселиц. Он вышел на кафедру и заявил: «господин Маклаков — чудесный, великолепный оратор, он самым неопровержимым образом доказывает, что военно-полевые суды незаконны. Но, господин Маклаков, военно-полевые суды целесообразны, а моя задача не в том, чтобы толковать законы, а в том, чтобы задушить революцию. Что может мне на это ответить ваш либерализм? Что вы мо-

---

*) Эта речь была произнесена тов. Троцким на контр-демонстрации, организованной болгарской с.-д. партией против панславянского съезда, который происходил в это время в Софии под руководством Милюкова, Гучкова, Крамаржа и др. пресловутых панславистов. *Ред.*

жете мне дать? Передо мной революционные рабочие и крестьяне, которые выступают с социальными требованиями, которые отнимают земли у помещиков, и я борюсь против них с ножом в руках. На что вы мне нужны с вашей риторикой? Что вы мне можете дать против них?». И он плюнул и разогнал их. Я тут напомню вам, что говорил наш учитель Лассаль [96]) в защиту реакционеров: он говорил, что они не болтуны, а трезвые, умные слуги своего государя.

Разогнав Первую и Вторую Думы, Столыпин создает Третью по образу и подобию своему — тройственный союз, охватывающий бюрократию с милитаризмом, помещиков и грабительский капитализм. Организовавшаяся контр-революция нашла свое полное выражение в Третьей Государственной Думе, председателем которой был Александр Иванович Гучков, а фактическим господином — Петр Аркадьевич Столыпин. Столыпин боролся с революцией, пока она была жива, он боролся также с либерализмом в двух первых Государственных Думах; и, наконец, создал Третью Думу — послушную банду людей, которые говорят «да» на каждое слово Столыпина и «нет» на все требования народа. Но я думаю, что в этой Думе Столыпин должен был видеть и свою силу и свою слабость. Правда, русская революция временно задушена — остается только агитация отдельных лиц. Но эта агитация остается вместе с нуждой и бедственным положением народных масс, с потребностью общественного развития, с неразрешенным аграрным вопросом и попрежнему невыносимым положением русского мужика. Столыпин Третьей Думы стоит перед разбитым корытом. Огромный дефицит, крестьянская нищета, недоверие европейских бирж — все это остается и помогает русскому либерализму поднять голову и, в лице профессора Милюкова, поднять знамя неославизма. Милюков заявляет, что кадеты были готовы потребовать проведения необходимых реформ, но революция им помешала. Так как у нас нет и не может быть достаточно емкого внутреннего рынка, и поэтому самодержавие не имеет достаточных налогов, — мы должны, по мнению Милюкова, добыть себе внешние рынки путем капиталистического империализма, при помощи вооруженной силы.

Чтобы создать в России настроение, которое обеспечило бы Столыпину и царю развитие империализма, чтобы создать возможность завоевания внешних рынков, русский либерализм поднимает неославянофильскую агитацию, развертывает старое цар-

ское знамя, на котором начертаны слова: «самодержавие, православие, народность», и приписывает к ним слова: «равенство, братство, свобода», — и все это становится под священный протекторат великой исторической нагайки белого царя. Запомните мои слова, товарищи, и знайте, что не черносотенцы или октябристы, а кадеты, либералы — Милюков, Маклаков, Родичев и др. инициаторы неославянофильства — первые бросили нам упрек, что мы — изменники славянству, потому что наш депутат Покровский [97]) открыто и смело заявил, что их неославизм — шантаж. (Аплодисменты и громкие возгласы: «верно».) Он заявил, что они подняли весь этот шум только для того, чтобы царизм мог в мутной воде ловить золотые рыбки прибыли. Тогда все либеральные газеты своими ядовитыми плевками оплевали социализм, опираясь против него на всех сторонников неославянофильства. Но теперь, после всего что я слышал тут у вас, товарищи, я могу заявить русскому пролетариату, что лгут те, кто говорит, будто балканский народ, балканский рабочий класс не верили в русский пролетариат, в русскую революцию, а верили в русский либерализм и в неославизм. (Бурные аплодисменты и возгласы: «верно».)

Товарищи, так как царизм сейчас силен, так как в его руках сейчас находится могущественная армия, то замыслы кадетского империализма могли бы принести пользу только реакции. Если бы царизм мог завоевать внешние рынки и этим обогатить средние и высшие классы, то он сумел бы пополнить свой бюджет и укрепить свое положение. Но в том-то и дело, товарищи, что царская армия с ее офицерами, единственные заслуги которых состоят в разгроме собственного народа, не могла быть даже использована в качестве военной силы в борьбе с другими государствами, потому что она состоит из двух прямо противоположных частей. В солдатских массах в царских полках мы имеем, с одной стороны, солдат, из сердца которых неискореним лозунг «революция и вечная вражда с царизмом», а, с другой стороны, мы имеем там темные банды, развращенные, отравленные реакционной проповедью и царской водкой, которая во время революции была надежнейшим защитником царизма. Командующий персонал армии подобран не из людей, отличившихся на полях сражений, а из кровожадных негодяев, вроде тех, которые сделали себе карьеру жестокой расправой с пролетариатом, подавлением восстаний в Петербурге, Москве, Риге, на сибирском пути и по всей

России. Вот в каких руках находятся царские войска! Недавно был раскрыт страшный позор царского интендантства — этой банды казнокрадов, которые занимались расхищением миллионов, предназначенных для покупки четырех пароходов. Если вы задумаетесь над этим явлением и над тем, что армия проходит свою учебу в борьбе со своим собственным народом, — то поймете, что такая армия не может быть использована для внешних завоеваний. Она способна только временно задушить революцию, но не разрешить назревшие народные вопросы. Все остается по-старому.

Неудивительно поэтому, что и стремление к внешним завоеваниям окончилось ничем. Когда Извольский [98]) путешествовал по Европе и сулил Сербии помощь царских войск, то что из этого вышло? Из Берлина запросили Петербург, господ Романова и Столыпина, действительно ли они намерены воевать или нет? И Петербург должен был признать, что на нем лежит проклятие бессилия. Это было возмездием! Правительство, которое убивает свой народ, не может вести сильной внешней политики. Но хотя это и так, товарищи, это еще не означает, что русское правительство неспособно делать пакости. При всей его слабости и ничтожности, отравлять нашу жизнь оно еще способно. Когда оно заключает соглашение с Японией, то, конечно, делает это для того, чтобы развязать свои разбойничьи руки для разбоя и грабежа здесь, на Балканах. И поэтому вы поступаете вполне правильно, когда охраняете болгарский пролетариат и болгарские народные массы вообще от данайских даров [99]) русского правительства и буржуазии. Наша и ваша, товарищи, задача состоит в том, чтобы свести на-нет все усилия русского империализма; это — наша общая задача, ибо поражение русской революции есть вместе с тем и поражение вашей свободы. Вы хорошо знаете, что интернационализм — не отвлеченная формула и не просто лозунг, а плоть от нашей плоти и кровь от нашей крови. (Аплодисменты; возгласы: «верно», «верно».)

Товарищи, вы знаете, что история творится не партиями и не группами отдельных людей. Я лично ни от своего имени, ни от имени моей партии не могу вам сказать, что завтра или послезавтра повторятся петербургские события; но я могу смело утверждать одно — что исторический процесс работает на нас, что каждый взмах его крыльев — в нашу пользу. Разве историческое развитие русской жизни может приостановиться? В историческом

масштабе смерть и поражение не могут иметь места. Вспомните, как часто говорили о смерти Турции и о мертвом Китае. Но вот на наших глазах совершилось чудо: и Турция и Китай возродились. Так неужели же русский народ навсегда останется безжизненным трупом? Нет, в результате молекулярных процессов внутренней работы, он разовьет свои производительные силы, революционизирует свою жизнь, революционизирует свой пролетариат, который незаметно проникнет в ряды армии, пока, наконец, не наступит день, когда снова разгорится революционная борьба, когда русский народ снова воскликнет: «Жизнь или смерть, смерть или победа!». (Аплодисменты.)

Я не могу вам предсказать срок наступления этого дня, но, по евангельскому слову, он придет рано или поздно, и мы все должны быть готовы к тому, чтобы встретить во всеоружии этот великий день.

То сочувствие делу русского пролетариата, которое я нашел среди вас, поможет поднять энергию русской социал-демократии и приблизить то время, когда по всей русской равнине снова будет развеваться великое красное знамя Рабочего Интернационала! (Продолжительные и громкие аплодисменты и овация.)

Брошюра, изд. Парт. Соц. Издательством.
София. 1910 г.

ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

(Доклад на 2-м Всесоюзном Съезде Общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев 26 декабря 1925 г.)

Товарищи! История человеческого общества знает ряд конвульсивных подъемов угнетенных масс против угнетателей и против угнетения. Годы и десятилетия беспросветного на вид рабства прорывались, прорываются и будут еще прорываться вспышками и взрывами возмущения, при чем историческое значение этих взрывов определяется степенью культурности страны, где они произошли, объемом массы, которая в них вовлечена, и сознательностью руководства, под которым восставшая масса вела борьбу. Есть в человеческой истории годы, которые в памяти не только каждого революционера, но и каждого грамотного человека из лагеря угнетенных кажутся навсегда выкованными из бронзы, чеканно выделяясь из бесконечной вереницы годов, лишенных лица и образа.

1793 год [100]) остался в памяти человечества как один из таких металлических годов, когда под руководством якобинцев, этих большевиков XVIII века, плебс, санкюлоты, ремесленники и полупролетарии, оборванцы парижских предместий, учредили железную диктатуру и учинили незабываемую расправу над коронованными и привилегированными властителями старого общества.

1848 год [101]) живет в памяти человечества не столько тем, что запоздалая буржуазия пыталась в этом году добиться власти, сколько тем, что из-под трусливой и блудливой в своих политических вожделениях буржуазии уже поднималась молодая львиная голова пролетариата.

1871 год [102]) врезался в память трудящихся как год, когда героический пролетариат Парижа сделал незабвенную по поучительности попытку взять в свои руки бразды управления новым цивилизованным обществом.

1905 год — один из этих бронзовых годов в истории человечества, и особенно в нашей собственной. До 1905 года наша история не знала революции. У нас бывали жестокие мужицкие «бунты», как разинщина [103]) и пугачевщина [104]). За восемьдесят лет до первой нашей революции — в 1825 году — Петербург был ареной героического восстания декабристов [105]). И те и другое — необходимые элементы революции, но еще не революция. Крестьянским движениям нехватало руководства со стороны такого класса, который способен был бы взять в свои руки власть. Восстанию декабристов нехватало социальной опоры. Подлинная революция впервые разразилась на русской земле лишь двадцать лет тому назад.

До 1905 года революция была для нас либо теоретическим понятием, либо романтическим воспоминанием о чужих боях, либо надеждой. Образы Великой Французской Революции, сцены Конвента и парижских предместий сочетались сперва с воспоминанием о пугачевщине, а затем, все в большей степени, с идеей всеобщей стачки. И только 1905 год делает для нас революцию родной национальной стихией. Новые поколения трудящихся проходят через нее, — ее испытания, ее первые полупобеды, ее удары, ее суровые уроки впитывают они в плоть и в кровь. Преобразуется духовная ткань народа. Только пройдя через революцию 1905 года, наша страна смогла по истечении 12 лет вписать в историю величайший из всех ее годов — 1917!

В революции 1905 года единовременно искали выхода наружу и разрешения противоречия трех разных исторических эпох. Чтобы понять внутреннюю динамику этого года, его ход и исход, надо непременно иметь перед глазами сложное взаимодействие противоречий трех последовательных исторических порядков: во-первых, выросшее из феодального общества противоречие между полукрепостным крестьянством и крепостническим помещичьим классом; во-вторых, противоречие между развивающимся буржуазным обществом и старой полукрепостнической оболочкой; и, наконец, противоречие третьего, новейшего порядка: между пролетариатом и буржуазией.

Если бы к 1905 году история не донесла глубочайшего противоречия между мужиком и барином, мы не могли бы быть участниками трех революций, которые так закономерно сочетаются воедино: 1905 год, Февраль 1917 года и Октябрь. Антагонизм между крестьянством, с одной стороны, помещичьим сословием и государством — с другой, был тем неистощимым резервуаром революционных народных страстей, благодаря которому наша революция только и получила такой гигантский размах. Но одного этого антагонизма для революции недостаточно: без руководства со стороны революционного города крестьянское восстание не могло бы подняться выше новой пугачевщины.

Если бы не было налицо политически зревшего противоречия между пролетариатом и буржуазией, т.-е. если б у нас еще не было крепкого индустриального пролетариата, революция была бы возможна как *великая* революция лишь при условии, если бы во главе крестьянских масс стала мелкая буржуазия городов, — мы имели бы в этом случае революцию по типу Великой Французской. Но эту возможность мы строим чисто логически. Реальное экономическое развитие оставило ее далеко позади.

Крепостничество и царизм дожили у нас до эпохи, когда под их покровом сложилась крупная капиталистическая промышленность, а в недрах ее накопились глубокие противоречия между пролетариатом и буржуазией. Вот почему революция 1905 года означала неизбежную постановку вопроса о том, кто будет руководить уничтожением старых полукрепостнических пут и уз: буржуазия или пролетариат. А это означало новый вопрос: кто из двух борющихся городских классов возьмет на себя руководство стихийным движением крестьянства — либеральный буржуа или социалистический пролетарий?

Страна была еще чревата буржуазной революцией. А эта последняя уже несла во чреве своем революцию пролетариата. Вот почему, когда оказалось, что побежденный 1905 год оставил без разрешения аграрный вопрос, мы с такой уверенностью ждали второй революционной волны. И вот почему, когда созрели условия, эта вторая волна, буржуазно-демократическая революция февраля 1917 года, уже через восемь месяцев разрешилась от социального бремени революцией пролетариата. То, что в Англии, старейшей капиталистической стране, растянулось на три века (начиная с 1648 года [106]) и ранее), то у нас, запоздалой страны, оказалось уплотнено на протяжении дюжины годов (1905—1917).

Будем же помнить: трех порядков исторические противоречия сомкнулись в 1905 году, питая друг друга, но и парализуя друг друга. Ход и исход 1905 года определяются взаимодействием этих противоречий. Это нетрудно вскрыть и показать.

Год революции начинается с кровавого воскресенья 9-го января и кончается 19 декабря, когда разгромленная Москва оказалась полностью в руках Мина и Дубасова. Таким образом, 1905 год, в отличие от других революционных годов, своим календарным построением совпадает с основным размахом событий. С января до декабря развертывается революционный подъем пролетариата, который сходит затем круто под уклон здесь, в Москве, в баррикадных боях Пресни. Могущественное движение рабочего класса не позволяет буржуазии даже поставить перед собой задачу овладения поднимающимся крестьянством, но и рабочему не удается еще повести за собой деревню. *Буржуазия уже не смеет и не хочет, а пролетариат еще не может.* И вот этим революционным «междуцарствием» определяется исход 1905 года.

Правда, деревня развернула уже в 1905 году огромную энергию борьбы. Но движение крестьянства, раздробленного, рассеянного, политически едва выходящего из средневековья, не совпадало, по ритму своему, с движением пролетариата, который мобилизовался несравненно быстрее. Широкий размах крестьянского движения начинается лишь с осени 1905 и тянется до лета 1906 года, при чем наибольший, хотя все еще недостаточный подъем крестьянства достигается тогда, когда натиск пролетариата уже отбит.

Армия отображает крестьянство в казарме, но состоит из наборов, предшествовавших революции. И вот, о крестьянскую

армию, еще не прошедшую школы крестьянских аграрных движений, разбивается рабочий класс. 1905 год не заключал еще в себе — как мы сказали бы теперь — политической «смычки» между городом и деревней, между пролетариатом, крестьянством и вышедшей из крестьянства армией.

Но необходимость революционной смычки уже остро чувствовалась массами — не только пролетарскими, но и крестьянскими. Поистине замечательно, что деревня 1905—1906 годов называла революцию не иначе как забастовкой... Мы уже забыли об этом: прошло немало годов, и каждый из них оставил в нашей памяти немало рубцов. Но этот факт надо припомнить, ибо он глубоко знаменателен. Крестьяне говорили: «мы забастовали помещичий скот, мы забастовали помещичий хлеб, мы забастовали помещичью землю», а в иных случаях выражались и так: «мы забастовали помещика». Последнее означало, что крестьяне, применяя «собственным средствием» красный террор, вывели ближайшего врага в расход. Этим словоупотреблением крестьянство ярко знаменовало свою политическую зависимость от рабочего руководства. И если все же не произошло и не могло произойти надлежащей смычки сразу, при первом подъеме революции, так это потому, что массы учатся не по книгам, и революции совершаются не по плану. В основе понимания лежит опыт, а в основе опыта — действие. Именно тем прежде всего велик 1905 год, что он впервые поставил все вопросы нашего развития не на бумаге, а в гигантских революционных столкновениях; что он все социальные противоречия показал в их взаимодействии; что он все классы сопоставил и противопоставил друг другу, взвесив их на весах революции. В этой борьбе пролетарский авангард нашел свой путь, — на этом опыте окончательно сложился большевизм.

После того как был арестован Петербургский Совет; после того как Семеновский полк разгромил пролетарскую Москву, и Дубасов снова оказался хозяином города; после того как началась расправа по линиям железных дорог, — аграрные волнения, хотя бы численно и возросшие, не могли уже опрокинуть царизм. Здесь причина поражения.

Но было ли это поражение полным? Нет. Как 17 *октября* 1905 года мы говорили, что победы еще нет, а есть полупобеда, так в конце *декабря* 1905 года мы говорили, что поражения нет, а есть полупоражение: царизм удержался, но это был надломленный царизм. Правда, в эпоху реакции он еще бросал наглые вызовы

народу. Столыпин, наиболее «великолепный» из представителей третье-июньской монархии [107]), кричал в Думе: «не запугаете!». Однако, пришло время — и запугали (аплодисменты), запугали — насмерть. (Аплодисменты.) Третьеиюньский царизм, вышедший из боев 1905 года, еще очень и очень храбрился, но в позвоночнике его крепко сидела пуля со штемпелем, с клеймом: «Красная Пресня 1905 года». (Аплодисменты.)

И эта полупобедоносная, полупобежденная революция 1905 года потрясла основы старого общества в Европе и Азии. Об этом тоже надо напомнить в двадцатую годовщину.

Народы Австрии из рук петербургских и московских рабочих получили тогда всеобщее избирательное право: Габсбургская монархия [108]) дрогнула перед революционной забастовкой.

В Германии социал-демократия, уже тогда разъедаемая оппортунизмом, под давлением рабочих масс оказалась вынужденной официально включить в число мер борьбы всеобщую политическую стачку, и если вожди лицемерили, то молодое поколение немецких рабочих брало оружие всеобщей стачки всерьез, и на этом, на уроках 1905 года, воспитались кадры будущих спартаковцев [109]).

Во Франции непосредственно под влиянием могучих боев 1905 года родился революционный синдикализм [110]), который подготовил почву для нынешней коммунистической партии.

В Англии мы были за тот же период свидетелями могущественных стачек, которые расшатали старые консервативные трэд-юнионы и явились первым предзнаменованием тех гигантских гражданских боев, которым Англия идет навстречу.

В Азии, которая охватывает бо́льшую половину человечества и которая совсем недавно казалась материком вечного застоя, 1905 год вызвал три революции: в Персии, в Турции, в Китае [111]).

Нет, 1905 год не прошел бесследно в истории человечества. Он не прошел бы бесследно даже и в том случае, если б из него не родился 1917 год. Но непосредственной своей задачи—разгрома самодержавия, уничтожения крепостничества — наша первая революция не разрешила. Сам пролетариат только в декабре 1905 года понял по-настоящему, что́ значит революция, что́ значит борьба за власть, — уразумел до конца, с каким неистовством, с какой беспощадностью имущие классы отстаивают и будут отстаивать свое господство. Слова Маркса о том, что революция обращает оружие критики в критику оружием были по-настоящему

усвоены авангардом рабочего класса лишь после октябрьского манифеста, когда реакция стала переходить в контр-наступление.

Мне вспоминаются в связи с этим две сцены из жизни Петербургского Совета того времени. Одна — 29 октября, когда город был полон тревожных слухов о погроме, подготовляемом черной сотней, а Совет готовил отпор. Рабочие депутаты, придя непосредственно со своих заводов на заседание Совета, демонстрировали с трибуны образцы оружия, главным образом холодного, которое изготовлялось рабочими против черной сотни. Они показывали финские ножи, кастеты, кинжалы, проволочные плети, потрясали ими в воздухе, но все это скорее весело, чем угрюмо, еще с шуткой и прибауткой. Они как будто думали, что одна их готовность дать отпор сама по себе разрешает задачу. Они в большинстве своем еще не прониклись насквозь той мыслью, что дело идет не на жизнь, а на смерть, и что только беспощадная критика оружием способна нанести решающий удар государству и обществу привилегированных. И вот этому научили их декабрьские дни.

3 декабря Петербургский Совет был окружен гвардейцами всех родов оружия. Лозунг был брошен Исполнительным Комитетом с хор вниз, в зал заседания, где толпились уже сотни депутатов: «сопротивления не оказывать, оружия врагу не сдавать». Оружие было ручное, вернее—карманное: револьверы, браунинги, маузеры... И вот в зале заседаний, уже окруженном со всех сторон отрядами гвардейской пехоты, кавалерии и артиллерии, рабочие депутаты стали портить свое оружие, били умелой рукой маузером по браунингу и браунингом по маузеру, чтобы сделать их негодными. И это уже не звучало шуткой и прибауткой, как 29 октября. В этом звоне и лязге, в этом скрежете разрушаемого металла слышался зубовный скрежет пролетариата, который впервые почувствовал до конца, что нужно иное, более могучее усилие, иное, более могучее оружие, чтобы сокрушить твердыни векового рабства. А в ближайшие затем дни Мины и Дубасовы дали пролетариату дополнительный страшный урок — с 9 декабря до 19-го, — когда последние героические усилия рабочих Москвы были потоплены в крови.

А затем начались годы отлива, свертывания рядов, преследований, ссылки, каторги, эмиграции, с одной стороны, отступничества, ренегатства, глумления, с другой, черные и глухие годы контр-революции. Над лозунгами, методами и надеждами

1905 года — сколько было тогда издевательств, официальных и официозных, оппозиционных и лже-революционных! Можно было бы все ярусы этого зала заполнить литературой годов реакции, которая пыталась вытравить самую память о великом годе, навсегда втоптать знамя революции в грязь третье-июньской реакции. Лже-революционеры, вслед за либералами, подхалимски издевались над памятью 1905 года, над его «бессмысленными мечтаниями», над его невыполненными обещаниями. Неправда! Сегодня, в 20-ю годовщину 1905 года, оглядываясь назад и заглядывая вперед, мы говорим народу нашей страны и народам всего мира: 1905-й никого не обманул: — все, что он обещал, выполнил 1917-й! (аплодисменты.)

Впервые в 1905 году была брошена в сознание масс идея власти Советов. Суворинцы всех мастей издевались над раздавленным «рабчим правительством» в течение всех годов третье-июньского режима. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним: лозунг власти Советов, провозглашенный в 1905 году, не только стал ныне могущественнейшим фактом в России, но и открыл новую эпоху в истории всего человечества.

1905 год бросил лозунг «земли и воли». Его называли романтическим и фантастическим; в нем было и впрямь немало романтики, но лозунг этот, сбросив с себя романтическую шелуху, превратился в железную реальность конфискации помещичьих земель и уничтожения дворянского сословия, веками угнетавшего Россию.

Восьмичасовой рабочий день, как и власть Советов, истоком своим имеет революцию 1905 года, когда рабочие пытались ввести его захватным путем. Сколько мудрецов, сколько пошляков и в то время и после того издевались над этой революционной попыткой как над безумием, которое-де оттолкнуло буржуазию от борьбы за власть и свободу. Эти мудрецы и пошляки думали,— а иные думают и до сего дня,— что пролетариату политическая свобода нужна, как абстракция, — нет, пятый год показал, что пролетариату нужна материальная возможность пользоваться свободой. Реальная свобода начиналась для рабочего с того часа и с той минуты, когда он высвобождал свои мышцы и свой мозг из-под фабричной кабалы, когда он урезывал свой труд и увеличивал свой досуг, чтобы принять участие в общественной жизни страны. Поэтому для него борьба за восьмичасовой рабочий день была важнейшей составной частью его борьбы за свободу. 1905 год обе-

щал и попытался, а 1917 год на деле ввел восьмичасовой рабочий день, и ввел незыблемо — до тех пор, пока техника не позволит нам заменить его семи, шести и пятичасовым. (Аплодисменты).

А республика? Сколько было разглагольствований по поводу утопичности этого лозунга. Сколько написано было статей, сколько произнесено речей, доказывавших, что в сознании крестьянских масс монархия имеет глубокие корни, и что доктринерством является идея российской республики. Это говорилось и писалось не только до 9-го января, но и после кровавой встречи царя с народом, после того как петербургский пролетариат послал угрожающее проклятье романовской шайке: «смерть кровавому царю и его змеиному отродью!» В годы реакции эти слова казались угрозой бессилия. Третье-июньская монархия воспрянула, каторга и виселица отмечали ее путь. Царизм торжествовал, и казалось, что лозунг республики стал поистине бессмысленным мечтанием. Но пробил час — и 16 июля 1918 года уральский пролетарий Белобородов [112]) выполнил суровый приговор рабочего класса! (Аплодисменты.)

Братание Петербургского Совета и Крестьянского Союза началось в дни октября 1905 года [112а]). Либералы и меньшевики не поняли смысла того, что́ происходило на их глазах. В те дни события залагали начало союза рабочего класса и крестьянства, этой основы советского могущества.

2 декабря Совет Петербурга вместе с Крестьянским Союзом и другими революционными организациями издал финансовый манифест. Этот манифест заключал в своих строках предсказание и обязательство. Он предсказывал неизбежное крушение царских финансов и провозглашал отказ от уплаты царских долгов. И что же? Этот манифест, появившийся накануне разгрома Петербургского Совета, оказался могущественнее всех министров и финансистов. Крушение царского рубля мы наблюдали во время империалистической войны; его агония прокатилась через весь режим Керенского, и еще при Советской власти догорал царский рубль, пока на смену ему не явился рабоче-крестьянский червонец. Таким путем основное предсказание манифеста 2 декабря исполнилось с точностью. Но не только предсказание, а и обязательство! Биржевые дельцы, дипломаты и буржуазные газетчики обвиняют нас, наш режим, наше правительство в том, что мы не выполняем будто бы наших обязательств. Неправда! Мы их выполняем на все 100 процентов. 2 декабря 1905 года за подписью

депутатов рабочего класса и крестьянства мы предупредили, что за царские долги наш народ не отвечает. А 10 февраля 1918 года декрет Советского правительства объявил начисто аннулированными все царские долги. Вот как выполняет свои обязательства революция! (Аплодисменты.)

Летом 1905 года по волнам Черного моря под красным вымпелом прошел мятежный броненосец Потемкин. Во многих городах присоединялись к рабочим воинские отряды под красными знаменами. В наших глазах это было предзнаменованием того, что революционный класс может стать победоносной силой, что пролетариат может создать государство, опирающееся на собственную армию. Броненосец Потемкин сдался. Солдаты, шедшие под красными знаменами, были перебиты или отправлены на каторгу. Казалось, что мысль трудящихся о собственной вооруженной силе — утопическая мечта. Но мощно повернулось историческое колесо, — и все, что осталось от царского флота, стало под красный вымпел. Из недр трудящихся поднялась небывалая армия, которая стоит под красным знаменем мировой революции. (Аплодисменты.)

Чтó в 1905 году было намеком, предчувствием, надеждой, то в 1917 году стало победоносной реальностью. Вот почему мы имеем полное право сказать: да, были, конечно, и иллюзии; но иллюзии касались форм, сроков, отчасти методов; а то, что составляло сердцевину 1905 года, — революционный натиск пролетариата, сплачивающего вокруг себя все угнетенные массы, — то не обмануло. 1917 год выполнил то, что обещал 1905.

Но история не остановилась. 1917 год, в свою очередь, развернет гигантскую программу, которая еще только ждет своего воплощения. Сможем ли? Сумеем ли?

Умудренные опытом этих двух десятилетий, мы можем и обязаны еще бдительнее и настойчивее заглядывать в будущее, чем глядели в 1905 году. Велики задачи. История за нас. Но весь вопрос в том, чтобы дождаться зрелых сроков истории; чтобы устоять, не отступить, не сдать того, что было завоевано железом и кровью; укрепить завоевания, развить и обогатить их. А трудностей много, и иные трудности открываются как раз в наши дни и открываются там, где их многие не ждали, и враг скалит злорадно зубы в надежде потрясений. Надо иметь масштаб, проверенный в делах прошлого, чтобы правильно измерять дорогу будущего; надо иметь правильный критерий, чтобы трезво оценивать завтра-

шний день. Ибо и сегодня, на этом юбилейном собрании, мы предаемся воспоминаниям не платонически, а с тем чтобы лучше вооружиться для завтрашнего дня.

Спросим же себя еще раз: нет ли опасности того, что буржуазный мир одолеет нас? Ведь капитализм неизмеримо богаче, а значит, и сильнее нас. Да, богаче и сильнее; но он разделен, и одна часть его—Америка, не дает жить другой части—Европе. Колонии подрывают хозяйственные основы метрополий. Китай—главная масса Азии—сотрясается конвульсиями освободительной борьбы. Недостатка в злой воле у Европы нет. Но у нее нехватает силы. Европа в упадке. Европа меж двух огней. У буржуазной Европы выхода нет, как не было ранее выхода у царизма.

Старая Европа—очаг всей капиталистической культуры. От этого старого ствола в разные стороны пошли два ответвления: Америка и наша европейско-азиатская Россия, ныне Советский Союз. И Европа ныне меж этих двух огней.

Европа не только открыла Америку, но и подняла ее на своих дрожжах. В ряде религиозных движений и революций Европа выбрасывала за океан наиболее активных и предприимчивых своих детей, вернее—пасынков. Эмигранты-земледельцы, пастухи, лесорубы, плотники и слесаря пробудили дремлющие силы нового мира. Деловой дух, дисциплину труда, пуританскую страсть к накоплению, — вот эти семена посеяла на американской почве Европа, и они дали пышные всходы. Вырвавшись из узких перегородок и тесных клеток Европы на простор американских пространств, техническая мысль получила поистине потрясающее развитие. Уже до войны Соединенные Штаты оставили далеко позади себя свою прежнюю метрополию—Англию, и свою более широкую метрополию—Европу. Когда после войны и после попытки жить военными методами захвата и грабежа, после оккупации Рура и после тягчайшего в истории отступления немецкого пролетариата—осенью 1923 года, Европа сделала попытку перехода на мирное положение и оглянулась на себя, она с ужасом убедилась, что она выглядит экономическим пигмеем по сравнению с заокеанским колоссом. Европа породила Америку: без Европы не было бы нью-йоркских небоскребов, ниагарской гидростанции, автомобилей Форда и тракторов. Но, запутавшаяся в сетях собственного консерватизма, Европа оказалась бессильна пред Америкой. Доллар давит на нее с чудовищной силой. Шаг за шагом Америка сдвигает европейские страны на подчиненные позиции,

загоняет их в тупой угол, создает для них невыносимые условия существования. Европе выхода нет.

А с другой стороны, Советский Союз, который живет, борется и растет девятый год, является для Европы источником революционных опасностей.

С Европой у нас двойные счеты. Официальная Европа эксплоатировала нас через посредство займов: она питала царизм, она вооружала его, выжимая из народа проценты и, понижая тем наше хозяйство и нашу культуру. Под страшной чугунной крышкой самодержавия — по закону: сила противодействия равна силе действия — накоплялись пары, закалялась революционная воля передовых отрядов. И тут другая, неофициальная Европа приходила на помощь, идейно вооружая их.

Декабристы были первой попыткой дворянской интеллигенции, приобщившейся к историкам Великой Французской Революции, дать царизму отпор и пробить окно в Европу. На смену дворянской интеллигенции пришла разночинная, вооруженная теорией народничества, — и эта новая, более широкая волна подняла на своем гребне группу народовольцев, героические образы которых навсегда вошли в наш железный инвентарь. (Аплодисменты.) На смену народовольцам пришло первое поколение марксистов, — сперва интеллигентов, затем рабочих. От кружков — до 1905 года. И от поражения в декабре 1905 года — до несравненной победы в октябре 1917 года. Чтобы совершить эту работу, чтобы дать революции тот размах, какой она у нас получила, революционному авангарду необходимо было совсем особое первоклассное идейное вооружение. Откуда он получил его? Из Европы.

Весь общественный опыт веков, все накопления обобщающей мысли понадобились нашему пролетарскому авангарду для выполнения его общественной миссии. Три могущественных европейских источника: английская политическая экономия, опыт классовых боев Франции и немецкая классическая философия, — три источника соединились в системе марксизма. И эту систему, и самое в ней драгоценное — метод, дала нам Европа. Но нужно уметь взять то, что дается. Марксизм — не пассивная, не созерцательная доктрина. Недостаточно протянуть руку, чтобы взять его. Марксизм есть доктрина волевая. Он истолковывает мир, чтобы переделать его. Если марксизм дала нам Европа, то мы сумели взять его. Мы сумели взять его, благодаря волевому закалу

революционного авангарда. С декабристов началась суровая работа, которая целью своей имела из рыхлой, расползающейся общественной массы создать когорту железных борцов. Единоборство террористической интеллигенции с царизмом не дало победы. Но оно было необходимым этапом в развитии революционных идей и методов борьбы. Без Радищева [113]) не было бы Пестеля [114]). Без Пестеля не явился бы Желябов [115]). Без Желябова мы не имели бы Александра Ульянова [116]). А без Александра не было бы Владимира. Этим сказано все. Наша суровая и славная революционная история — история ссылки, эмиграции, каторги, виселицы — была необходимой подготовительной школой к подлинному восприятию марксизма как доктрины, которая последними выводами обобщающей мысли вооружает волю самого революционного класса. В ленинизме живут декабристы, просветители-шестидесятники, народники и народовольцы. В ленинизме наша национальная героическая революционная традиция полностью и окончательно сливается с рабочим классом во всеоружии наиболее высокой научной мысли, какую только создала Европа.

Сгорая в огне войны, Европа давала новые толчки технической мощи Америки, как она давала новые толчки революционной мысли России. Америка своих даров не промотала, она довела технику до величайших высот. Но и мы полученный нами от Европы дар — революционную мысль — не принизили, не издержали: наоборот, мы ее обогатили опытом 1905 и 1917 годов и готовы теперь, с этим огромным наращением, поделиться ею с европейским пролетариатом. (Аплодисменты.)

И вот буржуазная Европа стоит сегодня меж двух огней: между Америкой, которая давит Европу долларом (а доллар, это—страшная сила, когда его много), и между Советским Союзом, который стремится социалистическую форму государства сочетать с. американской техникой.

Товарищи! Каковы бы ни были те трудности, среди которых мы живем, как и трудности завтрашнего дня, они — ничто перед теми трудностями, навстречу которым идет буржуазная Европа. Мы, марксисты, задолго до 1905 года предсказывали его. Враги издевались, маловеры сомневались, а он пришел. Враги разгромили нас и думали, что навсегда. А мы после 3 июня 1907 года предсказывали 1917 год. И он пришел и пришел навсегда. (Аплодисменты.) Да, и сегодня мы все еще остаемся в кольце капита-

листических врагов. Находятся пошляки и тупицы, которые издеваются над «несбывшимися надеждами» 1917 года на мировую революцию. Хорошо посмеется тот, кто посмеется последним. Еще в этом зале соберутся многие из нас, надеюсь, большинство из нас, чтобы встречать торжество Октября за границами нашей страны. (Аплодисменты.)

1917 год—не последний металлический год в летописях истории. Нет, на Европу, на мир надвигается пока еще не обозначенный цифрами, но неизбежный, неотвратимый новый великий год пролетарской революции. Он пробьет. Мы ждем его с уверенностью, с дисциплинированным напряжением. Он придет. Мы, собравшиеся здесь каторжане и поселенцы, ветераны двух революций, этому новому, еще в цифрах не выраженному, великому году, который идет и придет, мы, вместе со всем коммунистическим авангардом пролетариата, бросаем уверенно навстречу: гряди, встретим тебя во всеоружии! (Аплодисменты. «Интернационал».)

«1905. Через двадцать лет».

ИТОГИ 1905 г. [117])

Товарищи, мы предаемся воспоминаниям не из простого любопытства, а для того чтоб, ясно поняв пройденный нами путь, лучше видеть тот, по которому нам еще только предстоит итти. Мы учимся у прошлого, чтобы лучше понимать настоящее и готовиться к будущему. И на вечерах наших воспоминаний мы остаемся поэтому революционерами.

Если мы теперь, в двадцатую годовщину первой нашей революции, оглядываемся назад, — а тут много молодежи, которая в 1905 году еще не собиралась заниматься политикой, — то какие главные выводы, какие главные уроки мы извлекаем из опыта 1905 года? Чтобы понять уроки, надо знать факты, надо знать, что было в 1905 году.

Это был приступ к 1917 году. В 1905 году мы шли к 1917 году, но не дошли и были отброшены назад. Если молодое поколение, которое еще бегало тогда пешком под стол, ознакомится с фактами 1905 года, оно найдет много общего с тем, что мы переживали в 1917 года. Самым выдающимся в 1905 году было создание советов рабочих депутатов. В тогдашнем Петербурге образовался Совет Рабочих Депутатов. Как он образовался — этого

в точности определить невозможно. Я очень хорошо помню первое заседание первого Совета Рабочих Депутатов. Он родился из массы. Стачка, могущественная стачка, захватила всех тогдашних петербургских рабочих. Потребность у рабочих как-то сговориться между собой была колоссальна, а партийные организации тогда были неизмеримо слабее не только чем теперь, но и по сравнению с 1917 годом. Партия была подпольной организацией, состояла из небольшой группки, которая из подполья руководила движением и бросала лозунги. Рабочей массе эти подпольные корешки партии не были видны, и потому эта потребность сговориться между собой вылилась в создание советов рабочих депутатов. В это время сверху была создана комиссия сенатора Шидловского, куда были выбраны 500 человек рабочих. Эта комиссия была создана с целью допросить рабочих, чего они бунтуют. Эта бюрократическая, сенаторская, царская комиссия подсказала рабочим, что они могут выбрать свою организацию. И из случайного примера комиссии Шидловского и вырос первый Совет Рабочих Депутатов. Я рассказываю о Ленинграде, тогдашнем Петербурге, потому что я работал тогда там. В Москве шли по тому же пути. Через две-три недели после образования Совета, если выходило недоразумение с хозяином или была обида со стороны городового, говорили — надо итти в Совет. Даже если рабочий дурно поступит с женой, прибьет ее, — для разрешения конфликта отправлялись в Совет. Мало-помалу рабочие стали называть Совет «нашим правительством». Создалось такое положение, что при старом правительстве, которое еще существовало и у которого еще были гвардейские полки, армия, образовалось правительство рабочих. С мест, из глухой провинции стали обращаться в Совет. Новое правительство намечалось само собой. Либералы говорили, что у нас есть манифест, данный царем насчет свободы; а под покровом этого манифеста происходило собрание сил, с одной стороны, черной сотни, гвардейских полков, а с другой стороны, всех угнетенных вокруг Питерского и Московского Советов Рабочих Депутатов. В декабре месяце нас разогнали, вернее сказать, не разогнали, а забрали. Мы заседали 3 октября в Вольном Экономическом Обществе. На хорах заседал Исполнительный Комитет, а внизу собрались депутаты. Прибежали с улицы к нам и говорят: через полчаса-час вас окружат. Потом мы услышали топот — пришел Измайловский полк, конные отряды и артиллерия. Окружили

нас со всех сторон. Поднялись к нам и арестовали. В ответ на это в Москве, как и в Питере, была объявлена всеобщая стачка. В Москве дело дошло до баррикадных боев. Много тогда погибло лучших людей, пролетариата. Дубасов, тогдашний сухопутный адмирал утопил революционное движение рабочих и оказался хозяином Москвы. По железным дорогам шла стачка. Революционное движение задушили, а потом начались казни, ссылки, эмиграция... Десятки, сотни тысяч людей были перебиты, заточены. Сидели мы тогда в Крестах, в предварилке, в Петропавловской крепости и спрашивали себя, почему нас разбили. Казалось, все шло к победе. Разбила нас армия, — гвардейские полки в первую голову, но и конные полки. Пехотные полки тоже поддерживали самодержавие. В пехоте, впрочем, замечались колебания, в коннице — меньше, а больше всего среди артиллеристов, саперов, минеров, среди машинной команды на кораблях, т.-е. среди пролетарских элементов. Когда стали подводить итоги, кто нас разбил, кто был за нас, кто был против нас, то оказалось, что рабочий класс почти целиком поддерживал советы рабочих депутатов, и в армии пролетарские элементы были за советы рабочих депутатов. Крестьянство колебалось, или шло под царским знаменем. Особенно это чувствовалось в коннице, так как гвардейские полки тогда набирались из крупного крестьянства, из кулацких сынков. Каково же было в целом настроение крестьянства? Вот тут-то основная разгадка судьбы революции обнаружилась. Про крестьянство нельзя сказать, что оно спало тогда непробудным сном. Уже в 1902—1903 г.г. были крестьянские движения в разных губерниях. Но тут-то и обнаружились различия в положении крестьянства и рабочего класса, и в связи с этим различия в методах борьбы того и другого. Крестьянин борется у себя в деревне. Он раздроблен. Кое-где он прогонял помещиков, кое-где пускал красного петуха, и этим дело кончалось. Крестьянина в деревне не интересовало, что делается в Петербурге. Так было в 1902 году, 1903-м. В 1905 году, после 9 января, в Петербурге, когда многих рабочих выбросили из столицы в деревню, движение пошло гораздо шире. Но движение в деревне запоздало. Если взять 1905 год, который теперь мы вспоминаем как революционный год, так он начинается с 9 января, — с Кровавого Воскресенья, — когда рабочие столицы шли к Зимнему дворцу и были расстреляны, т.-е. почти с Нового года. А когда кончается этот революционный год? Он кончается

19 декабря, после того как баррикады на Пресне были разгромлены, движение утоплено в крови Дубасовым, который оказался господином положения в Москве. Вот с 9 января до 19 декабря, т.-е. почти как раз с начала года и до конца, весь год заполнен движением рабочего класса вверх, — а потом обрубается, как ножом, и оканчивается разгромом московских баррикад. После этого наступает упадок движения, отлив.

А у крестьян? У крестьян настоящее движение начинается только с конца года. В октябре, после октябрьской стачки рабочих, мужик начинает раскачиваться. В декабре движение становится довольно крупным. Но особенно крупно оно к весне 1906 года. К весне 1906 года движение деревни получает очень значительный размах. Уже рабочий класс раздавлен, а крестьяне, разбросанные по деревням, пытаются подняться. Тут не совпало то, что можно было бы назвать темпом движения классов. А когда царское правительство раздавило рабочих и прошло по железным дорогам железной метлой, уничтожая передовых железнодорожников, застращивая, запугивая или прямо истребляя, то потом добить деревню, губернию за губернией, было нетрудно. Значит, если говорить нынешним нашим языком, в 1905 году не оказалось необходимой революционной смычки между движением рабочего класса и движением крестьянства. Но и тогда уже крестьянство волей или неволей, сознательно или полусознательно, тянулось к рабочим. В чем это сказывалось? Об этом я уже говорил на собрании политкаторжан. Напомню и здесь. Это сказывалось даже в выражениях. Крестьянину необходимы были политические слова, своего революционного прошлого у него не было. Что такое революция и пр.— наш крестьянин до 1905 года вовсе не знал. Когда началось в стране большое революционное движение, крестьянин либо выгонял помещика, либо захватывал скот и землю. В этих случаях мужик говорил: мы «забастовали» помещичий скот, «забастовали» помещичью землю, употребляя городское рабочее слово «забастовка». Употребление этого слова означало, что крестьянин учится у рабочего и перенимает от него слова, которые должны помочь ему выразить его собственные действия. Другими словами, товарищи, движение переживало еще юный возраст. Движение рабочего класса было поддерживаемо массовым движением крестьян, но темпы движений не совпадали.

Я уже сказал, что нас раздавила армия, что Совет Депутатов разбился об Измайловский полк. Здесь, в Москве, был другой полк — Семеновский под командой полковника Мина [118]), который остался в памяти рабочих как один из самых кровавых палачей. Революция разбилась об армию. А армия откуда набиралась? Армия набиралась на девять десятых, а то и больше, из крестьянства. Привилегированные полки, т.-е. гвардейские и прочие, набирались из крестьянской верхушки, из кулаков, более сытых, крепких, многолошадных, которые привыкли сидеть на лошади, или из казаков—казачьей конницы. Но остальная масса главным образом пехота, набиралась из рядового крестьянства. Но ведь в том-то и вся суть, что крестьянину, для того чтобы понять, что кроме одного помещика, которого он «забастовал», есть в Петербурге помещик всех помещиков, надо было пройти через большой опыт, через опыт гражданской войны, через карательные экспедиции казаков и ингушей. Для того чтобы он мог притти к пониманию того, что между помещиком деревни Неплюево Тамбовской губернии и между помещиком всех помещиков Николаем Романовым имеется глубокая связь, нужно было время. Нужно было иметь позади, во-первых, 1905 год и, во-вторых — империалистскую войну и могущественное крестьянское движение, чтобы получить революционную армию, такую, какая у нас была в 1917 году. Новое поколение крестьян оказалось очень восприимчивым к революционным идеям; но те поколения, которые были взяты в армию до 1905 года из старой дореволюционной деревни, поддавались еще целиком царской механической дисциплине, оболваниванию, обману: — руки по швам, пли! — и они стреляли по петербургским и московским рабочим. Рабочий класс играл руководящую роль, рабочий класс пробудил всю страну, рабочий класс потряс самодержавие до основания, но он не победил, потому что армия, вышедшая из верхушек крестьянства, разбила рабочих; с другой стороны, крестьяне, которые не сознавали своих интересов, не имели достаточного опыта, уже старались итти за рабочими. В аграрных движениях играли большую роль рабочие и работницы, в особенности ткачи и ткачихи, которые связаны с деревней больше, чем металлисты. В тот год безработица была довольно большой, и в деревне было очень много рабочих и работниц. Когда читаешь теперь полицейские донесения о различных аграрных волнениях, о том, как мужик «забастовывал» то хлеб, то скот, то помещика, сплошь да рядом наталкиваешься

в них на имена рабочих и работниц, ткачей и ткачих. Смычка между рабочим классом и крестьянством намечалась уже тогда, но еще не осуществилась, и вот почему в декабре 1905 года рабочий класс был разбит.

После этого, товарищи, началась контр-революция. И тогда либералы, меньшевики начали критиковать революцию 1905 года. То, что они писали, было сплошным издевательством. Вот к чему привели легкомысленные революционные методы, — говорили они, — рабочие зарвались и потерпели поражение. Нужен постепенный, медленный путь преобразований, реформ и пр., и пр. Лозунг был такой: 1905 год обманул рабочих. Особенно тогда критиковали борьбу рабочих за восьмичасовой рабочий день. Об этом тоже стоит сказать несколько слов.

После того как царь 17 октября 1905 года издал свой манифест о свободе собраний и пр., и пр., рабочая масса, разумеется, ринулась на собрания, как голодный на хлеб или жаждущий на воду. Из этого движения выросла борьба за восьмичасовой рабочий день. Либералы, буржуазия — адвокаты, врачи, либеральные капиталисты и прочие — говорили: надо во что бы то ни стало внушить рабочим, чтобы они не ссорились с либеральным обществом. Восьмичасовой рабочий день восстановит против рабочих либералов, капиталистов, они отойдут от революции и т. д. Если взять то, что пишут сейчас меньшевики о 1905 годе, то вы увидите, что главной ошибкой рабочих в 1905 году они считают попытку ввести восьмичасовой рабочий день явочным порядком, т.-е. самочинно, захватным путем, без всякого колдоговора, без закона о восьмичасовом рабочем дне — отработают рабочие 8 часов и уходят. Как к этой попытке отнеслись тогда капиталисты? Они сначала с изумлением глядели, а затем стали закрывать фабрики, и мы уперлись в тупик. Рабочие металлисты в Петербурге оказались выброшенными на улицу, и нам пришлось капитулировать до декабря месяца.

Можно ли было избежать этой борьбы? — спросим мы себя. Нет, никак нельзя. Рабочие только пробудились. Они услышали, что им дана политическая свобода. А что такое политическая свобода для рабочего, если он работает на фабрике, как на каторге? Политическая свобода, как и всякая другая свобода, для рабочего начинается с того часа, когда он уходит от станка, когда он получает возможность посидеть в клубе или провести это время у себя в семье. И когда впервые сила самодержавия была поколеблена,

каждый рабочий, естественно, мог думать, что если для буржуазного либерального общества он добыл свободу, то почему он должен попрежнему 11—12 часов работать на фабрике. Совершенно неизбежно вытекала отсюда борьба за восьмичасовой рабочий день, и совершенно неизбежно эта борьба стала основной формой борьбы за свободу. И прежде чем рабочий не измерил своих сил в этой борьбе, предугадать ее исход было невозможно. Он зависел от того, за кем пойдет мужик, поддержит ли рабочих армия или нет. Если бы заранее в таких случаях можно было подсчитать силы, — на чьей стороне будет перевес, куда склонится бухгалтерский баланс, — то на свете не было бы революций. Если взять даже стачку на отдельном заводе или фабрике, то и тут нельзя было заранее сказать, кто победит — рабочий или капиталист, потому что рабочих забастовавших фабрик сплошь и рядом поддерживали рабочие других фабрик, устраивали денежные сборы, и нельзя заранее было сказать, сколько соберут, какую выдержку проявят рабочие, и какую выдержку проявит капиталист; каково будет состояние рынка: будет ли большой спрос на эти товары, или малый и т. д. Были мудрецы английской породы, или тред-юнионисты, которые говорили, что заранее можно предвидеть все это. Но никогда и нигде этого нельзя достигнуть, ибо решает сила, решает борьба. А в 1905 году дело шло не об отдельной стачке, а о борьбе классов, и неизвестно было, куда пойдет крестьянство. Как узнать, поддержит тамбовский, курский, орловский крестьянин или нет? — не сделаешь перекличку. То же и об армии — опять-таки не сделаешь перекличку в царских казармах. И ясно было, что только революция, двинув рабочих вперед и столкнув их с армией, могла решить вопрос: что у солдата под черепом, в какую сторону он пошатнется, на чьей стороне он станет. Исход борьбы решается только борьбой. Так было и с восьмичасовым рабочим днем.

Однако, если мы спросим себя, — что же, обманул 1905 год тех, кто боролся за восьмичасовой рабочий день? Конечно, непосредственно восьмичасового рабочего дня он не дал, как не дал и политической свободы рабочим, а про политическую власть и говорить нечего, — рабочий класс был разбит по всей линии. Но борьба за восьмичасовой рабочий день осталась в памяти у рабочих, как одно из ценных завоеваний.

Особенно не хотели уступать рабочие ткачи. Когда мы отступали в Петербурге, — очень тяжело было отступать, — я помню,

хорошо помню, как одна питерская ткачиха, Болдырева (она и сейчас жива и работает), призывала с трибуны не отступать. Она говорила: металлисты, вы не дёржитесь, ваши жены привыкли сладко есть и мягко спать, а мы, ткачихи, будем держаться до последнего. Вся аудитория замерла при этих словах... Этот упрек был по адресу металлистов не в том смысле, что их жены привыкли сладко есть и мягко спать, а в том, что те увидели, что нет впереди исхода, что надвигается реакция по всей линии, что надвигается борьба и за существование самого Совета и за все завоевания революции, и малость отступили. Но ткачихам пришлось отступить вместе со всем рабочим классом. Потом надвинулся декабрь и началась открытая революционная борьба. И в силу того, что крестьянство не поддержало, рабочие были разбиты.

2 декабря, накануне нашего ареста, мы выпустили от имени Петроградского Совета Депутатов, от имени нашей партии, социалистов-революционеров и Крестьянского Союза (Крестьянский Союз был еще довольно слаб, так как он охватывал только часть крестьян-передовиков) так называемый финансовый манифест. В этом манифесте, — в котором говорилось о неизбежном финансовом банкротстве царского самодержавия, о том, что иностранные банкиры поддерживают самодержавие,— революционные организации, представители рабочих и крестьян заявляли, что по царским долгам они платить не будут. 2 декабря манифест вышел, а 3-го мы сидели в Петропавловской крепости. Вышло как будто не очень убедительно. И сколько потом над нами издевались: вот, дескать, погрозили, а царь тут же получил во Франции 500 миллионов франков (в 1906 году, во время Первой Думы). Действительно, промышленность стала расти, иностранцы вкладывали капитал, царь получал новые и новые займы на развитие армии и флота. Так было до 1914 года, до начала войны, а еще больше царь получил во время войны. Уже к тому времени про наш финансовый манифест, как мы его называли, и думать забыли. Кто где был: кто в Сибири, кто и вовсе не сносил буйной головушки, кто на каторге, кто в эмиграции. Что осталось от финансового манифеста? И тут говорили: обманул 1905 год. Ан нет, не обманул. То, что 1905 год обещал, то 1917-й выполнил, — и на все 100 процентов. Вот насчет царского банкротства — все сбылось так, как в манифесте 2 декабря было предсказано. От царского рубля осталось теперь одно воспоминание. Банкротство царских финансов начало сразу проявляться во время империалистской войны, продолжа-

лось в период керенщины, а закончилось при Советской власти, когда на смену царскому рублю явился наш советский червонец. Эта часть финансового манифеста, таким образом, выполнена.

Но как насчет царских долгов? На счет царских долгов еще добросовестнее выполнена программа манифеста 2 декабря. Мне не раз приходилось иностранцам на это указывать, когда они говорили, что мы не выполняем наших обязательств. Я всегда говорил, что мы, революционеры, свои обязательства выполняем на сто процентов. 2 декабря 1905 года мы написали, что по царским долгам ни одного гроша платить не будем, и теперь это наше обязательство выполняем полностью и целиком. (Аплодисменты.)

Теперь, товарищи, молодое поколение с легкостью, как вещь самую обыкновенную, употребляет слово «республика». Никого этим не удивишь. А ведь поколения, которые постарше, помнят, вероятно, как трудно было русскому человеку представить себе, что мы добьемся когда-нибудь, чтобы царя не было. Ведь мы родились и воспитывались при монархическом строе. Школы, газеты, церковь, университет, книги — все это было полно идеей монархии; монархия была вековая и казалась незыблемой. Ведь сколько было революционных движений! Раньше чисто мужицкие движения, разинщина, пугачевщина; потом восстание декабристов — верхушки интеллигенции, дворянства, которые набрались либеральных идей во Франции; затем революционное движение народников, народовольцев, первые стачки рабочих и, наконец, 9 января 1905 года. И все эти движения были раздавлены и утоплены в крови. Ясно, что нужно было мужество мысли, для того чтобы представить себе, что в России не будет монархии, а будет республика. Если взять даже то, что писалось в 1905 году, после 9 января, мы увидим, что левые либералы объявляли нас, революционеров, — а потом во время контр-революции большевистскую партию — фантазерами, а во время революции говорили, что наши мечты о республике несбыточны, что в сердцах крестьян глубоко сидит идея монархии. Конечно, после 9 января, после того как сотни рабочих и работниц были перебиты, тысячи искалечены, идее монархии в сознании городских рабочих был нанесен непоправимый удар. Когда было опубликовано письмо Горького [119]), подписанное Георгием Гапоном, в котором говорилось: «Смерть кровавому царю и его змеиному отродью», — это прозвучало тогда как крик отчаяния. Вот перебили народ, на мостовых кровь, нет сил, чтобы отомстить, оружия нет, кулаки сжимаются, а царская

гвардия крепка — и вот проклятие царю и его змеиному отродью. А потом наступили годы контр-революции. Опять монархия стояла как будто во весь рост, Столыпин был у власти, рабочие стачки почти прекратились, крестьянские волнения также, революционные солдаты, какие были захвачены, были на каторге или перебиты, в армии восстановилась железная механическая дисциплина. В этот период это самое проклятье по адресу царя и его змеиного отродья повисло бессильно в воздухе, и представлялось, что до революции нам дальше, чем когда бы то ни было. Но вот наступил 1917 год, который честно выполнил то, что обещал 1905 год. Сперва сняли царя, хотя либералы колебались, в какую сторону дело повернуть, что нужно: республику или монархию? А потом, в октябре, большевистская революция, Октябрьская, дело порешила крепко, и на Урале в Екатеринбурге, в нынешнем Свердловске, был выполнен приговор петербургских рабочих 1905 года: «Смерть кровавому царю и его змеиному отродью».

Так что же, товарищи, в 1905 году разбили нас? — Разбили. Полностью? — Нет, не полностью разбили. Либералы говорили в октябре 1905 года, когда царь выпустил манифест: победа! А мы говорили: нет, это только полупобеда. Еще у царя есть вооруженная сила, он еще захочет вернуть то, что наполовину как будто отдал или посулил отдать. Когда нас в декабре разбили, то малодушные кричали: поражение! А мы говорили: нет, только полупоражение. Мы еще спину выпрямим. Еще капитализм живет, а вместе с ним живет рабочий класс; капитализм растет, а вместе с ним растет и рабочий класс, и именно потому, что царизм одержал полупобеду и не дал уничтожить помещиков, крепостников, или полукрепостников, — именно потому крестьянин поднимется и поддержит рабочего.

Если иметь в виду эту картину прошлого, промежуток между 1905 и 1917 годами, страшный гнет самодержавия, упадок духа даже у передовых рабочих, кроме небольшой подпольной группы большевиков, — если иметь в виду этот черный провал между 1905 годом и 1917 годом, если в него вдуматься, то почерпнешь колоссальную уверенность насчет дальнейшего нашего развития.

Возьмем теперешнее наше положение. Теперь нам сплошь и рядом говорят: вот вы обещали, что революция будет в Европе, а ее нет. Капитализм есть и после империалистической войны удержался. — Этот довод мы слышим в собственной среде и среди

товарищей рабочих. Конечно, как же этому доводу не притти на ум: ждали революции в Европе после империалистической войны, ждали в Германии со дня на день, но рабочий класс там отброшен. Зарождаются сомнения. Такие же сомнения зарождались и во времена Столыпина, но тем не менее партия большевиков, вооруженная марксизмом, т.-е. теорией, которая позволяет правильно понимать развитие классов, их интересы и ход их движения, предвидела самые черные годы, которые неизбежны для дальнейшей борьбы, и теперь это понимание остается главным нашим уроком в оценке того, что происходит вокруг нас сейчас. Сейчас мы живем в условиях, очень отличных от тех, в которых жили в 1905 году, но 20 лет прошли недаром.

Если спросить: что же, сильно изменилось материальное положение трудящихся масс, то приходится сказать: нет, еще мало изменилось. Если взять уровень заработной платы, разница есть в разных отраслях промышленности в ту или другую сторону: в некоторых подошли к довоенному уровню, кое-где чуть перешли, в других не дошли. Уровень материальный с пятого года еще мало изменился, с двадцатого года изменился значительно, но в двадцатом году уровень жизни был неизмеримо ниже, чем в 1905 году. Восьмичасовой рабочий день завоеван. Это есть основная и материальная база жизни рабочего класса. Он завоеван незыблемо, т.-е. он его из рук не выпустит. Только тогда он отменит его, когда сможет ввести семичасовой, а потом шестичасовой, а затем пятичасовой... (Аплодисменты.) Это целиком зависит от уровня техники, от организации производства, от машинного оборудования, от правильности методов труда, т.-е. от производительности труда.

И, если мы спросим себя, в чем разница с пятым годом, мы скажем, что общественная организация такова, что труд полностью и целиком может и должен дальше итти на повышение доходов и материального уровня трудящихся масс. А держит нас пока еще на низком уровне наша низкая техника. Если мы себя сравним с Соединенными Штатами Северной Америки, которые являются нашим антиподом (т.-е. тем, что находится на противоположной стороне земного шара), то Америка является нашим антиподом не только в смысле географическом, но и в смысле экономическом. Мы одна из самых бедных стран, а Соединенные Штаты Северной Америки самая богатая страна в мире. У нас техника очень отсталая, американская техника самая передовая. У нас общественный

строй, который должен вести, чем дальше, тем больше, к социализму и к равенству, а в Америке общественный строй, чем дальше, тем больше увеличивает противоречия между богатством и бедностью. Вот если бы сочетать одно с другим, хорошо вышло бы. Очень недурно.

Для того чтобы понять, что это означает, надо попытаться измерить силу, богатство и могущество Соединенных Штатов Северной Америки. Населения у них 115 миллионов, а у нас 130 миллионов с лишком. Разница небольшая.

Ну, а сколько у них механических двигателей — паровых, электрических, т.-е. тех двигателей, которые заменяют собой живую рабочую силу? На всем свете считается механических двигателей на 625 миллионов лошадиных сил. Одна лошадиная сила это, примерно, 10 человеческих сил. Итак, во всем свете механических двигателей на 625 миллионов лошадиных сил, а в одних Соединенных Штатах Северной Америки — 420 миллионов лошадиных сил. У нас же с вами — 12 миллионов лошадиных сил. Эта цифра, конечно, ни в каком случае не должна заставлять нас впадать в уныние, но она должна напоминать нам о нашей нищете. Если помнить, что одна лошадиная сила равняется 10 человеческим силам, то окажется, что в Соединенных Штатах на каждого жителя, считая и грудных младенцев, приходится 40 механических рабов — 40 машинных рабочих сил, тогда как у нас на каждого жителя страны нашей не выходит и одной механической силы. У нас рабочий или работница работает сам-друг, а там сам сорок-один. Тут разница колоссальная.

Если мы возьмем национальный ежегодный доход, то в Америке он, примерно, раз в десять больше, чем у нас. Народ в целом получает от сельского хозяйства и от промышленности годового дохода в десять раз больше, чем у нас. Только там этот доход делится между враждебными классами, и главную долю его получает богатейший американский буржуа. Наш же доход может быть распределен, с одной стороны, на расширение производства, а с другой стороны, на подъем материального и культурного уровня трудящихся масс. Наш общественный строй — советский — целиком предназначен для повышения материального и культурного уровня трудящихся масс. Именно за это мы боролись в 1905 году, во имя этого мы победили в 1917 году. Но если мы в 1905 году на возгласы либералов и меньшевиков:

победа! отвечали: нет, полупобеда!, если в декабре 1905 года на крик: поражение! мы говорили: полупоражение, то и теперь у нас голова не кружится ни от успехов, ни от неудач. Мы говорим: Октябрь 1917 года — большая победа. Но это только вступление, только предисловие к той будущей большой победе над природой, которую нам даст техника. Только в том случае, если мы научимся по правилам советского государства вводить американскую технику, если за каждого пролетария, за каждую пролетарку, за каждого крестьянина и за каждую крестьянку у нас будйт работать сорок механических крестьян, т.-е. сорок механических двигателей, нашей страны нельзя будет узнать, товарищи.

Сейчас у Америки на 9 миллиардов золота. Оно служит для чего?—Оно служит для того, чтобы грабить весь мир. Это золото на американских пароходах идет в Европу, в Азию, Африку, и оттуда текут проценты в подвалы американских банков. Из банковских подвалов это золото опять идет нуждающимся странам, и опять текут проценты.

Вы помните, что Ильич сказал: пока мы зависим от капиталистического мира, пока мы вынуждены покупать в Европе, — мы вынуждены собирать золото; а когда поднимем мощь социалистической техники, золото нам не нужно будет. Ильич крепко раз написал: мы, говорит, из золота публичные отхожие места сделаем на площади, чтобы показать, что мы топчем ногами этого златого бога буржуазной добычи. То, что нам нужно, это — высокая техника, развитие промышленности, победа над природой. В 1905 году мы боролись за низвержение царизма и завоевание власти; нас отбили, нас отбросили; а в 1917 году мы боролись и взяли власть. Потом шли тяжелые годы гражданской войны, голода и холода, эпидемий. Эта фабрика стояла мертвой. А сколько у нас, товарищи, богатств спит под землей мертвым или полумертвым сном! Одни наши леса каждый год дают прирост, который мог бы питать древесиной всю Европу. У нас столько сгнивает лесов изза отсутствия транспорта на Севере, что этот гниющий на-корню лес мог бы питать необходимой древесиной всю Европу. Наш чернозем мог бы давать урожай в два-три-четыре раза больше, чем дает. Для этого нужна система орошения, более культурная система сельского хозяйства, хороший плуг, сеялка и трактор, и — не в последнем счете — дешевый ситец крестьянину и крестьянке, высокая производительность труда, высокая техника, высокая культура.

Вот к чему нас обязывают и 1905 и 1917 годы. И мы твердо говорим в эти юбилейные дни, вспоминая старые бои, — мы говорим, что если мы в прошлые годы и десятилетия не согнулись и не сломились, то в будущие годы не склоним колен перед мировым капиталом, а будем нашу страну поднимать, укреплять, создавая новое, более счастливое человеческое общество, в котором молодые поколения уже не будут расти во тьме, нищете и невежестве, в котором наука, искусство будут собственностью не единиц, не немногих, в котором весь народ станет полным хозяином всего, станет просвещенным, свободным и братским навсегда.

1926 г.
Архив.

Приложения

Приложение № 1

От Совета депутатов *)

Товарищи, выбирайте депутатов в Совет на тех фабриках и заводах, где еще не произведены выборы.

Товарищи, организуйте на работающих фабриках и заводах собрания и убеждайте товарищей немедленно присоединяться к всеобщей забастовке.

Товарищи, тех рабочих, которые не желают, несмотря на все наши убеждения и постановления Совета депутатов, прекратить работы, — снимайте с работы. Кто не с нами, тот против нас, и к ним Совет депутатов постановил применить крайнее средство — силу.

Совет Депутатов единогласно постановил обратиться с следующим воззванием:

Ко всем рабочим и работницам.

Товарищи!

Всероссийская забастовка началась. Рабочий класс, крепко скрепивший требования Учредительного Собрания и всеобщего голосования и не получивший никаких прав, прибег к последнему могучему средству всемирного рабочего движения — к всеобщей стачке. И перед сознательною силою пролетарской солидарности дрогнула слепая сила самодержавия. Председатель Комитета министров, гр. Витте, открыто признал пред железнодорожными депутатами, что правительство может пасть.

Товарищи. Мы, депутаты разных петербургских фабрик и заводов, обсудив положение, призываем всех рабочих поддер-

*) Первое воззвание Петерб. Совета. *Ред.*

жать великое дело борьбы за свободу, за счастье народа и присоединиться к всероссийской забастовке. Еще одно усилие — и с народа спадут цепи векового рабства. Но для этого усилия рабочий должен выступить как единая организованная сила. Нельзя допустить, чтобы забастовки то вспыхивали, то потухали по отдельным фабрикам и заводам. Поэтому мы постановили объединить руководство движением в руках общего Рабочего Комитета. Мы предлагаем каждому заводу, каждой фабрике и профессии выбрать депутатов по одному на каждые пятьсот человек. Собрание депутатов фабрики или завода составит фабричный или заводский комитет. Собрание депутатов всех фабрик и заводов составит Общий Рабочий Комитет Петербурга. Этот Комитет, объединив наше движение, придаст ему организованность, единство, силу. Он явится представителем нужд петербургских рабочих пред остальным обществом. Он определит, что́ нам делать во время забастовки, и укажет, когда прекратить ее. Организуйтесь, товарищи! Спешите выбрать депутатов. В ближайшие дни в России совершатся решительные события. Они определят на долгие годы судьбу рабочего класса, мы должны встретить эти события в полной готовности, в полном сознании, объединенные общим Рабочим Комитетом, под славным красным знаменем пролетариата всех стран и рабочих народов.

Совет Депутатов петербургских фабрик и заводов.

«Известия Совета Рабочих Депутатов» № 1,
17 октября 1905 г.

Приложение № 2

Резолюция Совета Рабочих Депутатов

Исполнительный Комитет Совета Депутатов приветствует революционный дух железнодорожных товарищей, готовых продолжать забастовку в течение неопределенного времени, но приглашает совет железнодорожных служащих сообразовать свое решение о моменте прекращения забастовки с решением общего Рабочего Совета, который в силу мотивов, указанных в его резолюции, считает необходимым назначить ближайший срок прекращения забастовки.

В России царским указом объявлена «свобода» слова, но Главное Управление по делам печати сохранено, цензурный каран-

даш остался в силе. Совет Депутатов, исходя из того положения, что рабочий класс, выносящий на своих плечах все, или почти все, бремя борьбы, должен сказать свое слово и по вопросу о свободе печати. Свобода печатного слова должна быть завоевана рабочими. Совет Депутатов постановляет, что только те газеты могут выходить в свет, редакторы которых игнорируют цензурный комитет, не посылают своих нумеров в цензуру, вообще поступают так, как Совет Депутатов при издании своей газеты. Поэтому наборщики и другие товарищи рабочие печатного дела, участвующие в выпуске газет, приступают к своей работе лишь при заявлении и проведении редакторами свободы печати. До этого момента газетные товарищи рабочие продолжают бастовать, и Совет Депутатов примет все меры к изысканию средств для выдачи бастующим газетным товарищам рабочим их заработка. Газеты, не подчинившиеся настоящему постановлению, будут конфискованы у газетчиков и уничтожены, типография и машины будут попорчены, а рабочие, не подчинившиеся постановлению Совета Депутатов, будут бойкотированы.

«Известия Совета Рабочих Депутатов» № 3,
20 октября 1905 г.

Приложение № 3

Письмо в редакцию

Милостивый государь, г. Редактор!

Будьте добры напечатать в вашей уважаемой газете нижеследующее письмо. Мы, сознательные городовые гор. С.-Петербурга, желаем огласки всех тех гадостей и несправедливостей, которые творятся над нами и на которые мы должны отвечать молчанием, боясь лишиться последнего куска хлеба. Оклад городовых делится на три разряда: 1) в 25 руб., 2) прослужа на менее 10 лет, 30 руб. и 3) прослужа не менее 15 лет, 35 руб. и так до гробовой доски. Вступая на службу, городовой должен обмундироваться, что составляет 100 руб. при нищенской плате. Но все это еще ничего, ибо какому трудящемуся хорошо живется на Руси!

В 1885 году была основана эмеритальная касса среди городовых с вычетом по 3% с рубля. 20 лет уже существует эта касса, но отчетов никаких не делала. Куда же эти трудовые крохи пошли, в точности неизвестно. Но интересно то, что бывший гра-

доначальник г. Клейгельс купил дешевенькое именьишко, что-то вроде 1.000.000 руб. Полицеймейстера и им подобные хорошенькие кругленькие человечки понастроили дачки и домишки Вероятно, что эти господа следовали пословице, что «с миру по нитке — голому рубашка». Но так как начальство нашло все-таки плату слишком высокой, то придумало еще вычет в размере 10 коп. в каждую получку на богадельню для старых городовых. И вот богадельня выстроилась. Но кто же там обитает? Что за инвалиды? Да там все обитает почтеннейшая публика, высшая полицейская свора, с женами и всем домашним скарбом, страдающая несмолкаемой алчностью к грабежам и еле двигающая ногами от разврата. Да, это действительно почтенные инвалиды! И действительно образцовая богадельня! Старичкам же городовым, вместо отдыха в богадельне, пришлось, по распоряжению заботящегося начальства, во время забастовок отдыхать только 6 часов в сутки. Но, как и всегда, вечно заботящееся начальство наградило за это городовых по 15 к. в сутки, тогда как приставам, своим однокорытникам, за то, что они, лежа на боку, приказывали охранять их особу, платили по 3 руб. в сутки, кроме жалованья.

Поэтому мы, городовые гор. С.-Петербурга, требуем: 1) немедленной выдачи всех высчитанных денег за 20 лет; 2) чтобы богадельня была отдана в пользование инвалидов-городовых; 3) чтобы была пенсия за выслугу лет; 4) чтобы обращались с нами, как с людьми.

Товарищи рабочие, не вините нас за то, что мы служим этому мундиру. Нужда заставляет нас! Но знайте, что мы тоже люди и желаем лучшей доли в жизни. Поэтому мы желаем, чтобы жилось посвободней.

Да здравствует святая свобода!

Да здравствует союз между рабочими и нашей группой городовых.

Группа сознательных городовых.

«Наша Жизнь» № 14,
16 ноября 1905 г.

Приложение № 4

Записка охранного отделения № 20274 от 4 ноября 1905 года

С началом так называемого освободительного движения в России на арену общественной жизни выступили новые факторы, которые, благодаря многим причинам, приобрели чрезвычайное

значение и влияние на ход государственной жизни в Империи. Эти факторы — всевозможные союзы, объединившие деятельность лиц, связанных общностью профессии и преимущественно революционно настроенных по отношению правительства.

Первый период деятельности союзов можно назвать организационным. Этот период, когда нарождающаяся общественная сила ничем выдающимся не проявила своей деятельности в государственной жизни, ознаменовался лишь всевозможными съездами, которые, несмотря на чисто внешние, крайне неуспешные и всегда ни к чему не ведущие меры полиции, проходили удачно и дали возможность главарям союзов столковаться, выработать план действий и программы, или так называемые «платформы», в большинстве случаев весьма радикального характера, с требованиями полного народовластия и созыва Учредительного Собрания на первом плане.

Благодаря неподготовленности нашего законодательства к борьбе с этими союзами и отсутствию специальных законов, регулирующих их деятельность, все принимаемые властями меры сводились или к запрещению профессиональных съездов, или к возбуждению дознаний против отдельных деятелей союзов при губернских жандармских управлениях. И та и другая мера ни к чему не приводили.

Союзы мало-по-малу развивали свою деятельность, и вскоре все союзы объединили ее под главенством центрального органа, присвоившего себе наименование «Союза союзов».

С этого времени союзы приобретают весьма серьезное значение и непосредственное влияние на ход общественной жизни в России, направляя всю свою деятельность на борьбу с самодержавным строем, пользуясь всеми доступными мерами, чтобы дискредитировать его. В этой борьбе громадное значение имела печать, за немногими исключениями вполне сочувствующая деятельности и стремлениям союзов.

В самое последнее время значение и сила «Союза союзов» сказались в небывалой в истории человечества всеобщей политической забастовке, остановившей в минувшем октябре всю жизнь в России.

В это же время в С.-Петербурге на сцену выступает новая опасная организация, создавшаяся под непосредственным влиянием «Союза союзов» и присвоившая себе наименование «Совета Рабочих Депутатов». Эта организация, являясь выразительницей

стремлений революционного пролетариата столицы, вместе с тем фактически руководит всей рабочей массой, которая принуждена подчиняться организованному и революционно настроенному меньшинству.

В состав «Совета Рабочих Депутатов» входят в числе 262 человек представители от «Союза союзов», делегаты от всех революционных групп и организаций, а также выборные от фабрик и заводов столицы. Последние являются послушным орудием в руках интеллигентных сил, заседающих в «Совете» и, сообразно своим революционным стремлениям, направляющих деятельность такового. Так, по имеющимся сведениям, представители «Союза союзов» и революционных организаций в «Совете Рабочих Депутатов» в настоящее время поддерживают объявленную им 2 сего ноября политическую забастовку и агитируют в пользу восьмичасового рабочего дня, с целью добиться закрытия возможно большего числа фабрик и заводов, надеясь, что голод толкнет всю массу безработного пролетариата на вооруженное восстание, и дело революции выиграет...

Для поддержания революционного настроения в рабочей массе в состав «Совета Рабочих Депутатов» приглашен особый кадр агитаторов в числе 50 социал-демократов и 25 социалистов-революционеров. На обязанности этих агитаторов лежит произнесение зажигательных антиправительственных речей на митингах, устраиваемых в заводах по инициативе депутатов. Главный мотив всех речей, произносимых на этих митингах, — борьба за демократическую республику, которой можно добиться лишь при помощи вооруженного восстания. К нему подготовляют агитаторы рабочих на митингах, а «Совет Рабочих Депутатов», — вооружая всеми доступными средствами рабочую массу и организуя боевые дружины.

Отлично сознавая, что успех вооруженного восстания немыслим без содействия войск, «Совет Рабочих Депутатов» на одном из последних заседаний решил вести среди войск энергичную пропаганду и 3 сего ноября выпустил известное воззвание, озаглавленное «Товарищи-братья солдаты и матросы».

Таким образом среди всех классов населения идет широкая революционная пропаганда, в которой принимает живое участие и пресса. Газеты «Русь», «Сын Отечества», «Новая Жизнь» и «Наша Жизнь» на своих столбцах откровенно призывают к борьбе с правительством, дискредитируют все его распоряжения, ста-

раются умалить значение манифеста 17 октября и поселить в широкой публике недоверие ко всем реформам, возвещаемым с высоты престола.

Полагая, что такое положение дел безусловно является угрожающим для государственной жизни и общественной безопасности в столице, я считаю долгом об этом представить Вашему Превосходительству и присовокупляю, что признаю необходимым:

1) ликвидацию «Совета Рабочих Депутатов» *);

2) ликвидацию революционных организаций, по мере возможности;

3) воспрещение сходок и митингов, устраиваемых с явным нарушением указа 12 октября;

4) обуздание прессы.

Для приведения всех этих мер в исполнение необходимо объявить столицу, впредь до действительного успокоения населения, в положении чрезвычайной охраны.

Полковник *Герасимов.*

Деп. пол. особ. отд., документы 1905 г.

Приложение № 5

Записка охранного отделения об аресте Совета Рабочих Депутатов и его Исполнительного Комитета, 3 декабря 1905 года

3-го сего декабря около 8 часов вечера в здании Вольно-Экономического Общества (4-я рота Измайловского полка) состоялось в общем зале собрание Совета Рабочих Депутатов и на антресолях в отдельном помещении—Исполнительного Комитета СРД.

Оба собрания были арестованы, при чем оказалось:

Исполнительный Комитет состоял из 37 лиц, в числе которых 3 женщины; в СРД задержано 230 лиц, из коих 18 женщин.

Почти все лица, за очень немногим числом, не пожелали себя назвать. По наружному виду похожи на интеллигентных рабочих, чисто одеты, у некоторых были большие суммы (до 400 рублей).

---

*) Домогательства охранного отделения остались безрезультатными до 16 ноября, когда Дурново послал департ. полиции записку такого содержания: «Необходимо приказать как можно скорее арестовать Хрусталева» (VII дел., 1905 г., т. I, л. 16).

При задержании собрания кто-то из помещения, где заседал Исполнительный Комитет, крикнул: «Товарищи - депутаты, Исполнительный Комитет постановил, чтобы не оказывать сопротивления войскам и полиции и чтобы не называли себя».

По обыску отобрано: 22 ствола и различных частей от револьверов различных систем, преимущественно «Браунинга», и 15 целых револьверов, нелегальная литература и куски воззваний Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов, призывающие насильственно задерживать и отцеплять почтовые вагоны.

Арест состоялся при участии чинов охранного отделения (ротмистр Модль), 8 офицеров с.-петербургского губернского жандармского управления, чинов общей полиции под начальством полицеймейстера Григорьева, пристава Значковского, 2 рот городовых столичной полиции и наряда войск от Измайловского полка (7 рот), Семеновского полка (2 роты) и Егерского полка (1 рота), одного взвода 1-го отделения конно-полицейской стражи и одной сотни 28-го Донского казачьего полка.

В числе задержанных были лица всех возрастов, различных национальностей; некоторые лица, как привлекавшиеся к дознаниям по государственным преступлениям, были опознаны.

Все задержанные отправлены для содержания в одиночную тюрьму.

Обыск в помещении еще производится и доклад начальника охранного отделения будет представлен дополнительно.

Все вышеизложенные сведения добыты мною на месте.

Ротмистр *Дукельский*.

Приложение № 6

Обвинительный акт о членах сообщества, присвоившего себе наименование: «С.-Петербургский общегородской Совет Рабочих Депутатов» *)

В октябре месяце 1905 года среди лиц, принимавших участие в происходивших в то время в Пе-

*) Мы помещаем здесь обвинительный акт и приговор суда с пометками на полях Л. Д. Троцкого, ввиду значительной важности этих документов для понимания истории борьбы и поражения Петербургского Совета. Оригинал обвинительного акта, с которого напечатан нижеследующий текст, был вручен Л. Д. Троцкому, как подсудимому. Нахо-

*) 1. Мысль естественно вытекала из потребностей стихийной стачки в руководящем органе. 2. Форма этого руководящего органа подсказывалась в значительной мере традицией, оставленной Комиссией Шидловского.

тербурге рабочих волнениях, возникла мысль *) об организации особого рабочего Комитета, который принял бы на себя объединение и руководство рабочим движением. Комитет этот, по мысли его инициаторов, должен был образоваться из избранных рабочими делегатов, при чем рабочие каждой фабрики, завода или производства должны были избрать по одному депутату на 500 человек рабочих. Собрание депутатов каждой фабрики или завода должно было составлять фабричный или заводский комитет, а собрание депутатов всех фабрик и заводов представляло собой общий Рабочий Комитет города Петербурга.

**) Первая, довольно обширная группа депутатов.

В целях выполнения приведенного выше предположения организаторы **) этого предприятия обратились к работникам и работницам города Петербурга с воззванием, в котором убеждали присоединиться к всеобщей забастовке и избрать депутатов в Рабочий Комитет, который придаст рабочему движению «организованность, единство и силу» и явится «представителем нужд петербургских рабочих перед остальным обществом».

См. «Изв.» № 1, 1 столб.

Одновременно с этим воззванием организаторы [*уже объединившиеся депутаты*] его обратились также и лично к рабочим разных [*остальных*] фабрик и заводов, пропагандируя среди них идею «Рабочего Комитета», и действительно, тогда же на многих фабриках состоялись выборы депутатов, при чем, напр., выборы на заводе Нобеля были произведены по предложению *неизвестного лица*, именовавшего себя представителем социал-демократической рабочей партии и убедившего рабочих собраться для производства выборов

дясь в тюрьме и готовясь к своей защитительной, а по существу обвинительной против самодержавия речи, Л. Д. Троцкий в беглых заметках на полях подверг критике содержание обвинительного акта как со стороны фактической, так и юридической. Мы помещаем здесь эти отрывочные, писавшиеся для себя заметки, как они набросаны в оригинале. Слова, подчеркнутые Л. Д. Троцким в своем экземпляре обвинительного акта, выделены курсивом; фразы, вставленные им в самый текст обвинительного акта, заключены в квадратные скобки. *Ред.*

Первое (учр.)— 13 октября.

Второе—14 окт.

Резолюция рабоч. Электр. станций на собрании 13 окт. «С оружием в руках» («Известия» № 2, столб. 4).

Митинг; предложение исходит от митинга.

См. отчет о думском заседании («Известия» № 2, 1 столб.).

в одной из аудиторий Военно-Медицинской Академии на Выборгской стороне, при чем депутатами были выбраны рабочие Яков Вернстрем и Афанасий Давыдов. Тогда же состоялись выборы на многих других заводах, и в тот же день, т.-е. 14 октября вечером, состоялось *первое* заседание Совета Рабочих Депутатов в помещении Технологического Института, при чем председателем этого собрания был избран Саул Зборовский, известный среди рабочих под прозвищем «Никитин». Первый вопрос, который был рассмотрен и принят этим собранием, был вопрос о посылке депутации в С.-Петербургскую Городскую Думу для предъявления Думе требований рабочих.

Депутация эта была тогда же послана в Думу, но не была принята, так как заседание Думы было уже закрыто, и поэтому депутация вновь направилась в Думу *16 октября и предъявила там свои требования*. Требования эти сводились к принятию мер для регулировки продовольствия рабочей массы, отводу помещений для собраний, прекращению всякого довольствия полиции и корпусу жандармов, выдаче денег, «необходимых для вооружения борющегося за народную свободу петербургского пролетариата и студентов, перешедших на его сторону», к удалению войск из здания городского водопровода с угрозой его закрытия в противном случае и к представлению отчета в израсходовании 15.000 рублей, поступивших в Думу для рабочих Нарвского района. При этом депутаты рабочих заявили Думе, что необходимые для вооружения пролетариата суммы должны быть переданы Рабочему Совету, так как руководство революционной армией должно находиться в руках самого пролетариата. Предъявивший Думе приведенные выше требования депутат вместе с тем словесно заявил председателю Думы Красовскому, что рабочий класс нуждается в полном политическом равенстве, в демократической республике и будет вести борьбу и тогда,

*) Почему в кавычках (« »)?

когда *) «*буржуазия*» успокоится; в данное же время, по словам депутатов, Дума должна поддержать пролетариат в его борьбе с самодержавием, и если Дума этого не сделает, то пролетариат «будет вынужден свалить ее в ту же пропасть, в которую он скоро свалит самодержавие».

Председатель Думы, выслушав заявление депутации рабочих, не дал ей никакого определенного ответа и предложил депутатам удалиться, что ими и было исполнено, при чем в одном из последующих заседаний Рабочего Совета депутаты сообщили собравшимся о результатах своего обращения к Городской Думе.

Дело не только в этом. Идея городской милиции.

Стремление Рабочего Комитета достигнуть *какими-либо способами средств для всеобщего вооружения* высказано было не только в приведенной выше посылке депутатов в Городскую Думу, но также и в постановлениях и резолюциях отдельных организаций, *входивших в состав* [?] Рабочего Комитета *). Так, 14 октября в собрании работников печатного дела, происходившем в столовой С.-Петербургского Университета, было постановлено для созыва Учредительного Собрания и создания демократической республики «обратить армию рабочего класса в армию революционную, т.-е. немедленно организовать боевые дружины. Дружины эти должны заботиться о вооружении остальных рабочих масс, хотя бы путем разгрома оружейных магазинов и отобрания оружия у полиции и войск, где это возможно, так как рабочий класс накануне момента открытого выступления, когда ему необходимо будет мобилизовать все свои силы». [«*Известия*», *№ 1, 2 стр.*]

Моя статья, — «Извест.» № 2, передовая статья — *опубликовать*. (См. «Начало», «Новая Жизнь», «Рус. Газ.», «Сын От.».)

Требование вооружения и образования таким образом народной милиции сказалось, наконец, также и в статье, помещенной Советом Рабочих Депутатов во 2-м номере печатного органа этого Совета, носившего название «Известий Совета

*) Таким образом в СРД *входил, как его часть*, С. Печ. Д. *Л. Т.*

Рабочих Депутатов». В статье этой Совет, доказывая необходимость народной милиции, говорит, что Городская Дума тратит народные миллионы на царскую войну, жандармерию и полицию и не находит средств для святого дела — борьбы с царским правительством, а между тем народу оружие необходимо. «Когда народ возьмет в руки ружье,— говорится в статье,— он на кроваво-красных стенах Зимнего дворца напишет концом штыка свой великий указ. Это будет указ смерти царскому правительству и указ свободной республиканской жизни для народа».

Здесь я впервые посетил засед. Сов., но не выступал.

15 октября состоялось второе [*третье*] заседание Совета Рабочих Депутатов в помещении Технологического Института, при чем в заседании этом, судя по черновым заметкам [*второго заседания 14 окт.*], найденным по обыску в помещении Совета, участвовало 96 депутатов от 45 предприятий *).

Заседание, по словам рабочего завода Нобеля, Якова Вернстрема, было начато под председательством того же Саула Зборовского, который, однако, по нездоровью отказался председательствовать и предложил избрать вместо него или рабочего Смелова, или же помощника присяжного поверенного Георгия Носаря, известного среди рабочих под фамилией Хрусталева. Затем собравшиеся делегаты *выделили из себя Исполнительное бюро* **), получившее впоследствии наименование Исполнительного Комитета, председателем которого был избран тот же Носарь-Хрусталев и в состав которого вошли, между прочим, один представитель партии социал-демократов и один представитель социалистов-революционеров ***).

Секретарем заседания была выбрана, по словам Вернстрема, дворянка Валентина Багрова, и собрание затем приступило к рассмотрению очередных вопросов, сводившихся, главным образом, к обсуждению способов руководства всеобщей забастовкой и ее поддержания, для каковой цели было постановлено: закрыть с 16 октября все

*) На самом деле — 226 депутатов от 96 предприятий («Изв.» № 1, столб. 2).

**) Неверно! Здесь только было решено образовать Исполнит. бюро.

***) Только *принципиально* был решен этот вопрос о представит. партий. Выборы (временные) произведены были лишь 17 окт. («Изв.» № 2, столб. 4).

магазины и лавки, кроме торгующих съестными припасами, которые должны открываться на два часа по два раза в день. Кроме того, было постановлено посылать депутатов на небастующие заводы с требованием их закрытия под угрозой разгрома фабрик и заводов, потрсбовать прекращения торговли газетами также под угрозой разрушения киосков и конфискации газет и, наконец, предложить потребительским лавкам рабочих отказывать в продовольствии казакам и полиции даже за деньги.

Четвертое собрание.

На следующий день, 16 октября, собрание Совета не могло состояться, так как здание Технологического Института было оцеплено войсками, а *17 октября* Совет собрался в помещении Вольно-Экономического Общества, но по требованию полиции вынужден был разойтись *). Таким образом в этот день удалось собраться лишь **) *Исполнительному Комитету в другом помещении, при чем Комитет признал необходимым* продолжать всеобщую забастовку, которая «может дать решительный удар падающему самодержавию», организовать на следующий же день собрание депутатов по фабричным районам, образовав в каждом районе особый штаб, и предложить рабочим ***) не платить за квартиры и взятые в долг товары, рекомендовав в то же время домохозяевам и лавочникам не возбуждать судебных исков за неплатеж впредь до начала работ. [*На этом же собр. Совета (а не И. К.) было решено организовать районные собрания и штабы, на основ. постановления собр. 15 окт.*]

*) Прежде чем разойтись, Совет выбрал временное Исп. бюро, впредь до выборов от районов.

**) !! Наглая и тенденциозная ложь!! Все перечисленные ниже вопросы были решены не И. б., а самим Сов., который в тот же день собрался в другом помещении («Изв.», № 2 столб. 4).

***) Пропущены слова: *временно, впредъ до начала работ* («Изв.» № 2, столб. 5)

5 собрание.

Митинг у Университета.

18 октября в помещении Рождественских женских курсов вновь состоялось заседание Совета Рабочих Депутатов, при чем, по словам Вернстрема, председательствовал на этом собрании Георгий Носарь, а среди присутствовавших находились: сын колониста Лев Давыдов Бронштейн, известный рабочим под фамилиями Яновский или Троцкий, инженер Николай Саркисянц, но-

сивший конспиративную фамилию Петров, дворянин Дмитрий Сверчков, присвоивший себе псевдоним Введенский, дворянин Викентий Гутовский, известный среди членов Совета под фамилией Иванова, и рабочий крестьянин Петр Злыднев. Заседание это было первым по воспоследовании Высочайшего манифеста 17 октября и поэтому прения в заседании и соответствующий по времени выпуска № 3 «Известий Совета» были главным образом посвящены определению отношений Совета к указанному Высочайшему акту. Признавая дарованные манифестом права недостаточными, Совет высказал в своей резолюции, что революционный пролетариат не может сложить оружия, пока не будет установлена демократическая республика, и поэтому Совет требует: *удаления из города войск* и создания народной милиции, с выдачей оружия пролетариату, полной амнистии по *преступлениям* [?] религиозным и политическим, уничтожения всех исключительных законов, созыва Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования для создания действительного народовластия в России.

Опубликовать рез. («Изв.» № 3, столб. 1.)

В этом же заседании Совета возник вопрос о том, должен ли Совет принять на себя руководство уличной демонстрацией, происходившей в то время для освобождения политических заключенных, и после прений было решено послать на место демонстрации *) *«трех командующих»*, среди которых, по словам Вернстрема, были Георгий Носарь и Николай Саркисянц. Обсуждая затем тактику Совета в ближайшем номере его «Известий», *Совет* в целом ряде статей высказал, что хозяином в стране должен быть рабочий класс, так как «царь народу не нужен» и что дарованная манифестом конституция может успокоить только «буржуазию и либеральных газетчиков», а пролетариат не может довериться либеральной буржуазии, которая вступит в союз с правительством

*) На самом деле демонстрирующая толпа явилась к месту засед. Совета и требовала руководства. (См. «Изв.» № 3, столб. 1.)

«Известия», а не «Совет». Министерство — и «Россия».

Моя статья.

для подавления пролетариата. Признавая поэтому, что пролетариат может праздновать частичную победу, но должен добиваться победы полной, Совет находит, что «могучее оружие всеобщей забастовки в руках рабочих, и если стачка эта и будет временно прекращена, то лишь затем, чтобы с большей силой и стремительностью ударить на врага и мощным взрывом всенародного вооруженного восстания смести последние следы деспотизма, последние оковы рабства с рабочего класса и крестьян».

Статья в «Изв.» № 3, стр. 2, столб. 3.
Самая резкая статья — в одном из первых №№!!!

Одновременно с приведенными выше соображениями, Совет в «Известиях» своих обратился с воззванием к солдатам, убеждая их присоединиться к восстанию, которое неизбежно в близком будущем; передать народу арсенал, пушки и пулеметы, убить офицеров, которые командуют убивать народ, и «*не жалеть патронов* для уничтожения народных угнетателей с царем во главе», так как «час народной расправы со всеми кровопийцами и с царем приближается и почти настал».

Четвертое *) заседание Совета Рабочих Депутатов, на котором присутствовали 132 депутата, состоялось *19 октября* в помещении Рождественских женских курсов, и в заседании этом были рассмотрены вопросы: о продолжении забастовки, *о газетных рабочих* **), о ходатайстве фармацевтов, желающих прекратить забастовку 20 октября, и о руководстве рабочими демонстрациями.

*) *6-е собрание.* (Обв. акт повторяет опечатку «Изв.» № 3, столб. 1.)

**) Всущности: о свободе печати.

Вопрос о времени прекращения забастовки вызвал в Совете прения, так как делегат железнодорожного стачечного комитета указывал на желание железнодорожных служащих продолжать забастовку вплоть до удовлетворения всех требований, а представитель федеративного комитета социал-демократической рабочей партии предложил принять резолюцию комитета о прекращении стачки, чтобы готовить боевые кадры в целях «еще более внушительной атаки на шатающуюся монархию, которая окончательно может

быть сметена лишь *победоносным вооруженным* [*народным*] *восстанием*». [*№ 3 «Изв.», стр. 1, столб. 1.*]

Совет Депутатов, выразив свою солидарность с этой резолюцией, пригласил железнодорожных служащих сообразоваться с решением Рабочего Совета, и затем председатель Исполнительного Комитета, Носарь, предложил резолюцию о прекращении забастовки, которая и была принята большинством голосов. Согласно этой резолюции, опубликованной в Известиях от 20 октября, рабочие города Петербурга приглашались прекратить забастовку 21 октября *в 12 часов дня* *), с тем чтобы организоваться и вооружиться для окончательной борьбы за созыв Учредительного Собрания для учреждения демократической республики.

*) Внешнее проявление единства и солидарности.

Обратившись затем к обсуждению вопроса о газетных рабочих, Совет пришел к выводу, что свобода печатного слова должна быть завоевана рабочими, и что поэтому выходить в свет могут только те газеты, которые игнорируют Цензурный Комитет, вследствие чего рабочие печатного дела могут приступить к работе лишь при проведении редакторами свободы печати. При этом, по постановлению Совета, газеты, которые не подчинятся этому постановлению, будут конфискованы и уничтожены, машины и типографии будут испорчены, а начавшие работу наборщики будут бойкотированы, о чем Советом постановлено известить издателя газеты «Гражданин» князя Мещерского, отказавшегося примкнуть к союзу газет. [*№ 3, стр. 1.*]

Дальнейшее рассмотрение текущих вопросов было прервано сообщением о том, что депутаты, командированные Советом для руководства митингом у Казанского собора, арестованы полицией. Сообщение это немедленно вызвало прения, во время которых, по словам Якова Верпстрема, Хрусталев-Носарь высказывался за *закономерную* попытку освобождения арестованных, а Лев Брон-

Ср. стр. 7.

штейн, Николай Саркисянц и Викентий Гутовский против этого возражали. Результатом прений была посылка трех депутатов к председателю Совета Министров графу Витте, при чем, как видно из черновых заметок, найденных в канцелярии Совета, в число депутатов вошли наборщик газеты «Русь» Николай Киселевич и рабочий Петр Злыднев. Депутаты эти успели возвратиться в то же заседание Совета и доложили Исполнительному Комитету, что они были приняты графом Витте, который убеждал рабочих успокоиться и, переговорив с градоначальником, приказал освободить арестованных.

7-е собрание. Меня не было.

20 октября вновь состоялось [*седьмое*] собрание Совета Рабочих Депутатов, и в этом собрании главным образом обсуждалось предложение об устройстве траурной демонстрации при похоронах рабочих, убитых во время *беспорядков* [?] 18 октября, а, кроме того, было постановлено послать депутатов на Балтийский завод с требованием начать работу 21 октября, так как *завод* этот вывесил объявление о закрытии *завода* и прекращении работ вследствие забастовки. Депутаты Совета в числе трех человек отправились к администрации завода и, вернувшись, объявили Совету, что согласно его требованиям Балтийский завод будет открыт. Между тем, как видно из черновых отчетов заседания, депутаты не застали дома представителя администрации завода и по собственной инициативе обратились к графу Витте, который и сделал распоряжение об открытии завода. По этому поводу делегатам был сделан по их возвращении упрек председателем Рабочего Совета, который указал им на неправильное исполнение возложенного на них поручения, так как им было поручено обратиться к хозяевам завода, а не к главе настоящего правительства.

Предложение Исполнительного Комитета о демонстрации при похоронах убитых рабочих было принято Советом единогласно, но затем по

вопросу о практическом его выполнении возникли продолжительные прения [?]. *Лев Бронштейн* и Николай Саркисянц заявили о необходимости удаления на время похорон войск и полиции, а это предложение вызвало в свою очередь обсуждение вопроса о способе извещения администрации о подготовляющейся демонстрации. Исполнительный Комитет предложил послать с извещением депутатов к графу Витте, но против этого возражал председатель, доказывая, что частая посылка депутатов к правительству представляется нежелательной, так как это ведет к взаимным обязательствам. В подтверждение своих слов председатель Совета доказывал, что не Совет должен итти к графу Витте, а, наоборот, председатель Совета Министров, желая принять на себя охрану порядка, должен притти в Совет Рабочих Депутатов, который в речи своей председатель позволил себе именовать «его величество» пролетариат. В результате было решено признать, что посылка депутатов к графу Витте не будет иметь характера просьбы, а будет лишь соблюдением явочного порядка, «открытым заявлением врагу — иду на вас», и что поэтому депутаты отправляются к председателю Совета Министров с категорическим заявлением: «Совет депутатов устраивает похороны убитых товарищей, за порядком наблюдает сам Совет». В состав депутации вошли: названный выше рабочий Петр Злыднев, рабочий металлического завода Николай Немцов, известный в Совете под прозвищем «Макар», и член Совета, носивший конспиративную кличку «Семен».

Делегаты эти исполнили возложенное на них поручение и 21 октября сообщили в заседании Исполнительного Комитета результаты своих переговоров, объяснив, что после разговора по телефону с генералом Треповым, *граф Витте* написал письмо и поручил рабочим передать это письмо градоначальнику. Исполнительный Комитет [?] не признал, однако, нужным посылать это письмо по

20 октября я не присутствовал.

Ср. стр. 6. NB! *Объяснить, почему Совет был против соглашений с правительством.* (Учред. Собр. и Палата Соглашения.)

Мои слова, а не Хрусталева, сказанные в другом заседании и по другому поводу.

Вызвать свидетелем.

8-е собрание.

назначению и возвратил его председателю Совета Министров, перейдя затем к обсуждению порядка похоронного шествия [*предполагавшегося 23 окт.*], при чем вопрос этот обсуждался и на следующий день в заседании Комитета 12 [*Совета 22*] октября в Соляном городке. В это заседание [*Совета*], *по словам Якова Вернстрема,* приехал один из гласных Петербургской Городской Думы [*Оппель*], который стал убеждать рабочих во избежание жертв отказаться от устройства демонстрации; речь этого гласного вызвала в собрании аплодисменты, против чего заявил протест Лев Бронштейн, доказывая, что нельзя аплодировать «подобным буржуа». *Тем не менее* мысль об устройстве траурной демостранции была отложена, ввиду полученных сведений о том, что администрация силой воспрепятствует демонстрации и по этому поводу Исполнительным Комитетом была вынесена резолюция, предлагавшая Совету заменить демонстрацию митингами на заводах. Подобного рода решение было мотивировано тем, что администрация, будто бы, вызывает рабочих на столкновение с войсками и полицией, но, как сказано в резолюции, «пролетариат даст царскому правительству сражение тогда, когда'это будет выгодно вооруженному и организованному пролетариату», а пока «удесятерит свои усилия для дела самовооружения» и приближения дня уничтожения монархии.

Оппель говорил уже после того, как демонстрация была отменена.

Моя резолюция. «Изв.» № 4, 3 ст., (резолюцию опубликовать.)

После заседания 22 октября в собраниях Совета последовал некоторый перерыв, и *27 октября* состоялось заседание лишь Исполнительного Комитета, о котором был помещен отчет в газете социал-демократической партии «Новая Жизнь» и которое, как видно из этого отчета, обсуждало вопросы исключительно экономического содержания.

Потребовать прочтения отчета «Нов. Ж.» № 2, так как из этого отчета видно, как разнообразна была деятельность Совета.

9-е собрание.

Затем *29 октября* в Соляном городке состоялось следующее заседание Рабочего Совета, на котором было около 300 депутатов [*281 деп., «Новая Жизнь» № 5*]. Заседание это, по словам Якова Верпстрема, происходило под председатель-

ством Хрусталева-Носаря, а обязанности секретаря исполняла Валентина Багрова. Рабочие депутаты допускались в заседание по билетам, при чем Вернстрем видел среди лиц, контролировавших билеты, токаря завода Гесслера — Александра Плеханова, а по словам депутата Ижорских заводов, Алексея Шишкина, входные билеты контролировал также и слесарь завода Пиншта — Шавель Ядловкер.

В «Известиях Совета Рабочих Депутатов» отчета о заседании 29 октября помещено не было и была опубликована лишь резолюция по вопросу о 8-часовом рабочем дне, но точные сведения о дебатах, происходивших в этом заседании, были получены из черновых заметок, помещенных в одной из тетрадей, найденных в бюро Совета, и кроме того о подробностях заседания дали также показания и названные выше Яков Вернстрем и Алексей Шишкин и присутствовавший в заседании Совета сотрудник газеты «С.-Петербургский Листок» — Исаак Гуревич.

Заседание началось с дебатов, возбужденных принадлежащим к социал-демократической партии представителем союза приказчиков «о выяснении политической физиономии Совета», так как, по словам этого депутата, приказчики-социал-демократы не могут доверять руководство неопределенной политической группе. Предложение это, по словам Вернстрема, было сделано мещанином Ильей Агафоновым и поддержано Николаем Саркисянцем, при чем Исполнительный Комитет отнесся к предложению Агафонова отрицательно. Хрусталев-Носарь доказывал сложность разрешения этого вопроса, и в результате прений большинством голосов была отвергнута необходимость присоединения Совета к какой-либо определенной политической партии.

Логика! Между тем внепартийность Совета и Исполнительного его Комитета признавалась, повидимому, *партийными его членами крайне нежела-*

тельной, и 1 ноября, т.-е. через 2 дня после описываемого заседания Совета, в печатном органе социал-демократов «Новая Жизнь» появилась статья, стремившаяся доказать, что Совет не может взять на себя руководство классовой борьбой пролетариата, так как Совет не имеет ни ясно выраженной программы, ни точно поставленных целей. Признавая поэтому, что Совет Рабочих депутатов представляется лишь аппаратом, способным руководить активными действиями пролетариата при определенных массовых действиях, автор статьи приходит к заключению, что *Совет не может заменить собой партии*, что в политике своей он идет за социал-демократией и что вопрос этот может быть решен лишь в смысле принятия Советом социал-демократической программы и лозунгов.

Отвергнув требование представителя союза приказчиков, Совет обсудил действия администрации нескольких заводов, уволивших часть рабочих за забастовку, и решил настоять на обратном приеме этих рабочих, а затем рассмотрение текущих дел было прервано обращением к Совету Льва Бронштейна, который от имени Совета сказал приветственное слово присутствовавшим в заседании бывшим русским эмигрантам — Льву Дейчу и Вере Засулич. Приглашая присутствовавших встать и приветствовать Дейча и Засулич, Бронштейн закончил свою речь возгласом: «Когда пролетариат выйдет на улицу, то самодержавие будет низвергнуто».

Откуда эта фраза? Из революционного Козьмы Пруткова.

Предметом дальнейших прений было предложение Исполнительного Комитета об организации боевых дружин, необходимость которых вызывалась, по докладу Комитета, угрозами погромов со стороны так называемой черной сотни. Первым оратором по этому вопросу выступил рабочий «Макар», т.-е. Николай Немцов, который доложил собранию, что на металлическом заводе вооружено три тысячи рабочих. После Немцова говорил еще

целый ряд ораторов, заявлявших, что на заводах собирают деньги на оружие, выделывают оружие сами, и что на некоторых заводах, как, например, Сименс и Гальске, уже выбраны боевые дружины и директору завода предъявлено требование о вооружении всех рабочих огнестрельным оружием. Сообщения эти были дополнены заявлениями депутатов Путиловского и Обуховского заводов, удостоверивших, что на Путиловском заводе клинки изготовленных кинжалов отравлены, а что на Обуховском заводе готовят даже бомбы. Прения по вопросу о вооружении были затем резюмированы председателем, которым было признано, что холодного оружия у рабочих достаточно, а за огнестрельным оружием надлежит обращаться к Исполнительному Комитету, который, по словам председателя, кое-что сделал и еще сделает.

На многих заводах 8-ч. раб. день вводился рабочими *до* постановления Совета. (См. отч. в «Нов. Ж.» № 5.)

Последним вопросом, рассмотренным в заседании 29 октября, было обсуждение возможности введения на петербургских заводах и фабриках *8-часового рабочего дня.* Вопрос этот вызвал продолжительные прения, ввиду сведений о затруднениях при его выполнении, но в результате прений было решено ввести 8-часовой рабочий день революционным путем, не выжидая созыва Учредительного Собрания. Резолюция Совета была затем опубликована в № 5 «Известий Совета Рабочих Депутатов», и согласно этой резолюции всем петербургским фабрикам и заводам было предложено *с 31 октября* ввести революционным путем 8-часовой рабочий день, при чем Совет убеждал рабочих, что лишь взаимная их поддержка во всех районах будет *залогом успешного выполнения постановления Совета Депутатов.*

1 ноября — 10 собрание. Потребовать прочтения протокола собр. 1 ноября («Изв.» № 5).

Через два дня после описанного выше собрания рабочих депутатов, т.-е. *1 ноября,* в помещении Соляного городка состоялось экстренное заседание Совета, вызванное введением военного положения в Привислянском крае и происшедшими

к тому времени беспорядками среди воинских частей, расположенных в Кронштадте.

Заседание началось речами трех депутатов Царства Польского, одним из которых, как это удостоверил депутат Алексей Шишкин, был студент Горного института Ипполит Гливиц *). Польские депутаты призывали в своих речах к единению русского и польского пролетариата и один из них убеждал собравшихся, что польский народ вовсе не мечтает об отложении от России, а желает лишь для своего края широкой автономии, при чем, по мнению этого депутата, борьба пролетариата с капитализмом и правительством возможна только при сознании необходимости единения. Удостоверяя затем, что в Привислянском крае забастовка еще продолжается, депутат закончил свою речь предположением, что забастовка в Польше может перейти в террористические действия.

Внимание! На этом заседании польских депутатов вовсе не было.

*) Польская делегация: Ф. Ф. Бобровский, купец г. Варшавы. Ксендз Граневский, педагог, граф Замойский, предс. Варш. с.-х. общ., граф Красинский, кн. Любомирский, в.-предс. Варш. благ. общ., Супрым, крестьян. дер. Дыс, Любл. губ., Выгановский, присяж. пов. Лодзи, Громадзский, фабричный рабочий Варшавы и др. («Право» № 45—46 (3729). Предст. ЦК ППС был на заседании 6 ноября. См. стр. 18.

В ответ на речи польских депутатов к ним от имени Исполнительного Комитета обратился с приветствием Лев Бронштейн, сказавший им, что единение пролетариата вытекает уже из самого лозунга «пролетарии всех стран, соединяйтесь», и что только при таком единении возможно «сокрушение самодержавия и создание на его развалинах демократической республики», при чем речь свою Бронштейн закончил заявлением, что как русский, так и польский пролетариат страдает от *национальных* стремлений, и что, только идя рука об руку с польским пролетариатом, возможно «окончательно раздавить ненавистную монархию — всех царей и их приспешников».

?!

Что понимает г. т. пр. *Бальц* под «национальными стремлениями» русс. прав. Бюрократия так же космополитична, как деньги и чины.

Т.-е. *антинациональных*.

Вторым предметом обсуждения описываемого заседания Совета были события в Кронштадте, при чем обсуждение это началось с докладов очевидцев, среди которых был матрос и один представитель социал-демократической партии. Все эти ораторы признавали, что хотя революционная пропаганда началась в Кронштадте еще задолго

до беспорядков, но что велась она без достаточной организации, и что поэтому «восстание не могло быть настоящим». Отсутствие надлежащей организации сказалось в том, что несознательные и неорганизованные матросы начали активные действия без надлежащего руководительства и вынудили примкнуть к движению сознательных *пропагандистов* *), считавших выступление преждевременным, упрекая последних в том, что они отступают от своих призывов, и угрожая им смертью. Вследствие этого, по мнению ораторов, беспорядки приняли характер хулиганства **), а не восстания, и в результате обречены были на гибель против воли солдаты-борцы, которых необходимо поддержать, так как поддержка эта обеспечит переход войск на сторону пролетариата.

*) В «Извест.» (№ 5) сказано: *матросов.*

**) Прокурор замалчивает о «сознательном пропагандисте» Иоанне Кронштадтском. ?

Зас. 1 ноября.

Выслушав фактические сообщения очевидцев, Совет Депутатов, по предложению Хрусталева-Носаря, обратился к обсуждению [*чтению*] резолюций отдельных фабрик и заводов по поводу кронштадтских событий. Существо этих резолюций и содержание вызванных ими прений изложено как в № 5 «Известий Совета», так и в черновых заметках о заседании, найденных по обыску в бюро Исполнительного Комитета.

«Известия Совета Рабочих Депутатов» приводят ряд резолюций разных фабрик и заводов, категорически требовавших протеста против предания кронштадтских матросов военно-полевому суду, и затем кратко сообщают, что лишь *некоторые организации* [*депутаты некоторых профессий*], а именно: *приказчики, фармацевты, портные и служащие Николаевской* дороги выразили сомнение в возможности протеста в форме общей забастовки. Эта форма протеста была предложена председателем собрания, заявившим, что нельзя протестовать словесными резолюциями, как либеральные союзы, с другой стороны, за отсутствием оружия нельзя выступить в открытый бой, и поэтому остается только одно могучее средство:

«грозно скрестить на груди руки и сказать правительству: руки прочь».

Просмотреть *веществ. доказательства.*

Между тем, как видно из черновых протоколов заседания, дебаты о форме протеста приняли довольно резкую форму, и в то время когда представитель франко-русского завода *действительно* [?] заявлял, что «теперь время не резолюции писать, а бомбы начинять», представители *других* заводов категорически возражали против забастовки. Так, депутат Обуховского завода доказывал *), что нельзя шутить политическими забастовками и что при таких условиях темные массы рабочих не только уйдут от своих депутатов, но и пойдут против них, а депутат металлического завода «Макар», т.-е. Николай Немцов, докладывал Совету, что нельзя одновременно проводить две идеи, что, по мнению рабочих, надо сначала провести 8-часовой день, а затем перейти к другим целям. Это мнение Немцова поддерживал и другой представитель того же завода, заявлявший, что рабочие готовы на какую угодно форму протеста, кроме забастовки, так как масса утомлена — поднять ее трудно, а оттолкнуть легко. Из этих соображений депутат *умолял* [?] Совет не начинать политической забастовки, так как это может повлечь за собой разъединение и не принесет пользы рабочему движению. Равным образом неуверенность в возможности забастовки выражал и представитель служащих конно-железных дорог, утверждавший, что служащие этого предприятия представляют собой в большинстве темную массу и что сознательный между ними один он. Наконец, против забастовки высказывались и представители Путиловского завода, что вызвало горячие возражения со стороны одного из членов Исполнительного Комитета, мещанки Анны Болдыревой, упрекавшей путиловцев в изнеженности и в том, что *они не хотят подчиниться воле Совета.*

*) У Злыднева.

Вздор!

Несмотря на эти протесты против забастовки, Хрусталев-Носарь *поставил, однако,* [!] вопрос о

!?
Логика!!

Зас. 1 ноября.

*) В действит. из показ. Шишкина вытекает, что предс. «просил не заносить» протест Анны Болдыревой (прочитать).

!! Спрашивать каждого обвиняем. и свидетеля, голосовали ли посторонние.

!!!

В это время «Изв.» не печатались (№ 5 вышел *3 ноября*),— выходили все газеты.

забастовке на баллотировку и, по словам Алексея Шишкина, просил не заносить в протокол возражений Путиловского завода *). В баллотировке вопроса приняло участие около *2.000* человек, среди которых, по удостоверению Якова Бернстрема, было много посторонних — не-депутатов, и в результате забастовка была принята большинством, которое одобрило и резолюцию по этому поводу Исполнительного Комитета.

Перед объявлением резолюции Хрусталев, по словам Алексея Шишкина, вызвал из залы заседаний вооруженных депутатов, заявив, что в это время в одной из типографий печатаются «Известия Совета», и что необходимо преградить доступ полиции, которая может воспрепятствовать печатанию «Известий».

В конце заседания членом Исполнительного Комитета Львом Бронштейном была объявлена резолюция, заявлявшая, что Совет Рабочих Депутатов призывает пролетариат выразить посредством политической забастовки свою братскую солидарность с революционными солдатами и матросами Кронштадта, *с трудовым крестьянством России* **) и революционным пролетариатом Польши, так как самодержавие предает полевому суду смелых кронштадтских солдат армии и флота, восставших на защиту народной свободы, накинуло на шею угнетенной Польши петлю военного положения и направляет пулеметы и штыки против трудового крестьянства. Объявляя о прекращении 2 ноября работы всеми петербургскими рабочими, Совет Депутатов указал в своей резолюции, что революционными лозунгами забастовки должны быть призывы: «долой полевые суды, долой смертную казнь, долой военное положение в Польше и во всей России».

**) Неверно передана резолюция (Ср. «Известия».)

Бюро С. С. присоединилось к забастовке, пост. 2 ноября («Изв.» № 5, 8 столб.).

Начиная с 1 ноября, заседания Совета Рабочих Депутатов происходили ежедневно вплоть до окончания забастовки, и *заседание 2 ноября* началось с докладов депутатов о ходе забастовки

2 ноября — 11 собран.

на различных фабриках и заводах. *В докладах своих депутаты удостоверяли, что забастовка проходит «великолепно»* и, как значится в отчете *) этого заседания, не бастуют лишь мелкие предприятия, водопровод, Финляндская жел. дорога и съестные лавки. *Тем не менее* **), тогда Советом Рабочих Депутатов постановлено было принять ряд мер для привлечения к забастовке небаставших фабрик и заводов, и меры эти должны были заключаться в насильственном прекращении работ на этих фабриках массами рабочих с угрозами испортить машины, если работы не прекратятся. Решение поддержать всеобщую забастовку *свелось, наконец,* [!] ***) и к отказу редакциям нескольких газет, обращавшихся к Совету, в разрешении выхода газет, хотя, по словам председателя, выход газеты «Новая Жизнь» и желателен, но разрешение не может быть дано, так как в таком случае бюро рабочих печатного дела опасается возобновления работ в других периодических изданиях и в том числе в таких газетах, как «Новое Время» и «Свет».

Затем Совет Рабочих Депутатов постановил присоединить к забастовке чиновников почтово-телеграфного ведомства и для этого снестись с почтово-телеграфными союзами, а также обратиться с воззванием к извозчикам, убеждая их примкнуть к забастовке, но в отношении извозчиков ни к каким насильственным мерам не прибегать, так как, по выражению отчета, «это может легко разбудить в них хулиганов и восстановить их против Совета».

Равным образом Совет признал нужным выработать ряд мер для привлечения к забастовке воинских частей, и в этом отношении было постановлено распространять между нижними чинами революционные воззвания и усиленно вести в войсковых частях устную пропаганду ****).

При обсуждении этого вопроса Совету был сделан доклад членом Исполнительного Коми-

Кто ее провел, как не те же депутаты?

*) Из отчета видно, что некотор. мелкие фабрики сами просили Совет *снять* их с работы.

**) *«Следовательно», «тем не менее», «однако», «будто бы»* и т. д.

***) Еще в заседании 1 ноября было решено, что стачка распр. на все газеты, кроме «Изв.». (См. № 5, 5 стр., после рез.)

****) См. свед. о брожении в армии, — протокол зас. 2 ноября («Изв.» № 5, стр. 2, столб. 2).

тета Львом Бронштейном, который передал Совету свои впечатления, полученные им на митинге, где было много военных и где он убеждал офицеров в том, что «самая величайшая и священнейшая их обязанность—помочь пролетариату вооружиться на защиту своих прав», при чем Бронштейн по результатам митинга пришел к заключению, что среди гвардейских офицеров, по выражению Бронштейна, «дело обстоит неблагополучно для царского абсолютизма».

Рассказать.

Наконец, Советом было решено принять меры к привлечению к *забастовке* [*в ответ на обр. Моск. С. Р. Д.*] пролетариата всей России и для этого предоставить Исполнительному Комитету снестись письмами и телеграммами с разными городами.

?

Помимо изложенных докладов и резолюций, принятых 2 ноября по вопросу о всеобщей забастовке, в том же заседании было постановлено допустить к участию в Совете 50 представителей социал-демократической партии и 25 социалистов-революционеров. Наконец, тогда же на обсуждение Совета было внесено [*кем-то*] *предложение* о мерах к удалению в отставку Петербургской Думы в полном составе, так как Дума эта признала, что никакой милиции не нужно и что войско вполне гарантирует порядок и спокойствие. Постановления Совета по этому вопросу, однако, сделано не было, и весь этот вопрос был передан на рассмотрение Исполнительного Комитета с поручением представить по этому поводу свои соображения к следующему заседанию Совета.

Без права не только решающего, но и совещательного голоса. (См.«Изв.» № 5, стр. 2, столб. 2.)

См. 27.

3 ноября.
12 собрание.

Это следующее заседание Совета состоялось *3 ноября*, но, однако, в заседании этом вопрос об отношении к Городской Думе не возбуждался, и заседание опять началось с докладов о фактическом ходе забастовки. По этому предмету в собрании было постановлено прекратить в городе спектакли и лекции, и с этой целью Совет командировал в театр 6 депутатов, признав в то же время возмож-

ным разрешить спектакли и лекции, устраиваемые в пользу Совета, и в том числе разрешить устройство спектакля артистке Яворской и чтение лекции в Тенишевском училище, так как Яворская и Тенишевское училище обратились к Исполнительному Комитету с просьбой разрешить им спектакль и лекцию в пользу стачечного фонда. Равным образом, несмотря на всеобщую забастовку, Совет не только разрешил, но и приказал дать свет с той из электрических станций, в районе которой происходило печатание очередного номера «Известий», и это приказание Совета было немедленно исполнено.

Наконец, по вопросу о прекращении забастовки Совет постановил не рассматривать этого вопроса, так как забастовка принимает широкие размеры и делается всероссийской, и кроме того потому, что к этому времени была получена телеграмма графа Витте, убеждавшая рабочих бросить смуту, пожалеть своих жен и детей и стать на работу, так как все возможное для рабочих будет сделано, и для этого образовано даже особое министерство торговли и промышленности.

Совет Рабочих Депутатов признал, что прекращение забастовки после этой телеграммы председателя Совета Министров было бы как бы ответом на нее, и, решив продолжать забастовку, составил графу Витте ответ, оглашенный Львом Бронштейном *) и заключавший в себе указания на то, что пролетариат, помня 9 января 1905 года, не доверяет правительству, полагает, что правительство сделает все возможное, чтобы задушить революционный пролетариат, и что поэтому Совет требует народного правительства на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Кроме этого выработанного Исполнительным Комитетом ответа графу Витте, *Совет от имени одного из своих членов* поместил в № 6 «Известий» еще и другой ответ, в котором говорится,

*) «Изв.» № 6, 1 столб.

что пролетариат пройдет к своим революционным задачам мимо воззвания графа Витте и если и объявит прекращение стачки, то только для того, «чтобы организовать и вооружить рабочие массы для решительной атаки на правительство Витте, прикрывающее преступную монархию».

Перед закрытием заседания собранию было доложено, что один из депутатов, Николай Немцов (Макар), арестован полицией при снятии им с работы служащих канатной фабрики, и собрание постановило немедленно командировать к приставу Выборгской части двух депутатов с требованием освободить арестованного.

4 ноября. 13 собр. (Протокол «*Изв.*» № *6*, «*Изв.*» № *7*.) Требовать опубликования протокола «Изв.» № 7. В их числе был и я. См. 17.

На следующий день 4 ноября заседание Совета было посвящено исключительно обсуждению вопроса о необходимости назначения срока для прекращения забастовки, за что в Исполнительном Комитете высказалось *9 членов* против 6, тогда как федеративный комитет социал-демократической партии единогласно высказался против *прекращения (назначения срока)* забастовки. Обсуждение этого вопроса вызвало продолжительные прения, во время которых противники забастовки указывали на то, что настроение среди рабочих падает, что забастовки истощили рабочих, и что даже при назначении срока для прекращения забастовки она может продержаться лишь день или два. Указывая вместе с тем, что частые и продолжительные забастовки роняют в глазах массы авторитетность Совета, ораторы доказывали, что депутаты обязаны считаться с настроением своих избирателей. [*Переписано из № 7 «Изв.».*]

Цель забастовки.

Между тем сторонники продолжения забастовки доказывали, что забастовка пока ничего не дала, и что необходимо вырвать у правительства полную амнистию, отмену военного положения и отмену смертной казни для матросов. Убеждая состав Совета, ораторы говорили, что на заводах вся *молодежь* за забастовку, и что против нее вы-

сказываются лишь *черносотенные элементы*, ввиду чего прекращение забастовки равносильно признанию своего бессилия и будет иметь своим результатом лишь реакцию и недовольство масс. Политическая забастовка, по мнению одного из ораторов, это громадное оружие, которое нельзя бросать с легким сердцем, и давать сигнал к отбою можно только тогда, когда противник считает себя побежденным. Таким образом отступить от забастовки возможно лишь в том случае, когда «от врага» уже что-нибудь получено. [*№ 7.*]

Исполн. Ком. за назн. срока, по Совет—против.

В результате приведенных выше прений, Совет большинством голосов признал ненужным решать вопрос о прекращении забастовки и поручил Исполнительному Комитету снестись со стачечным железнодорожным комитетом и просить этот комитет немедленно снестись с другими городами по телеграфу и телефону по вопросу о продолжении забастовки.

(Все извлечено из «Изв.» № 7.)

5 ноября — 14 собр. Протокол— «Изв.» № 7, 3 столб.

Заседание Совета Рабочих Депутатов *5 ноября* началось с доклада председателя собрания Хрусталева о том, что арестованный полицией депутат Немцов по требованию Совета освобожден из-под стражи, что равным образом по требованию Совета прекратила работу типография Морского ведомства, и что Северный Банк учел чек для выдачи Совету денег, несмотря на то, что срок по чеку был пропущен.

[*Маст. и раб. и служ. всех служб ст. Рыбинск телегр. оповещают Сов. о присоед. к стачке и просят указаний.*] [*№ 7.*]

Затем, до перехода к рассмотрению очередных дел, Совет выслушал представителя Крестьянского Союза, прибывшего из Сумского уезда и просившего Совет присоединить крестьян к деятельности Совета, при чем этот делегат заявил собранию, что выработанный крестьянами его уезда план борьбы с правительством заключается: в прекращении работ у помещиков, в отказе платить подати, в отказе от употребления водки и табаку

и, наконец, в прекращении подвоза в город сельскохозяйственных продуктов.

Выслушав это сообщение, Совет Рабочих Депутатов снова перешел к обсуждению вопроса о времени прекращения стачки. Большинство говоривших по этому вопросу ораторов настаивало на прекращении забастовки, указывая на пониженное настроение рабочих и на решение железнодорожного узла приступить 7 ноября в 12 часов дня к работе.

Прокурор хочет меня противопоставить Совету. См. 16. См. 8.

В этом же смысле высказался *на этот раз* [*5 ноября*] и представитель Исполнительного Комитета Лев Бронштейн, заявивший, что прекращение забастовки необходимо, так как массы должны подготовиться к решительным действиям *и принять участие в избирательной компании*, которая, по словам Бронштейна, кончится тем, что пролетариат «взорвет все правительство, графа Витте и самого хозяина, стоящего за ним». Призывая затем рабочих, почтово-телеграфных и железнодорожных служащих к организации, Бронштейн заявил, что необходимо сейчас же перейти к боевой организации заводов и их вооружению. Организация эта должна составлять десятки с выборными десятскими, сотни — с сотскими и иметь командира организованных таким образом сотен [*5 ноября*], так как пролетариат в своей борьбе вынужден рассчитывать только на себя, ввиду заметного недоверия к рабочей организации со стороны либеральной буржуазии, сказавшегося хотя бы в том, что Союз Союзов значительно менее сочувствует второй забастовке, чем сочувствовал первой.

Ничего подобного! В какой «компании»?

См. «*Право*». *45—46*, *стр. 3696.* Правительств. сообщение констатирует, что к 6 ноября имелось около 6.000 раб., вооруженных револьверами, охотничьими ружьями, ножами и пиками, при чем из них выделилось 300 чел. милиции.

Выслушав приведенные выше прения, Совет подавляющим большинством голосов *принял резолюцию о прекращении забастовки.*

Резолюция в начале № 7.

Резолюция эта, выработанная Исполнительным Комитетом, предлагает рабочим «прекратить *стачечную манифестацию* в понедельник 7 ноября в 12 часов дня». В мотивах этого решения Совет

утверждает, что в данное время стачка протекает с таким единодушием, которое, будто бы, превосходит даже январскую и октябрьскую стачки. Приглашая рабочий класс всей России поддержать протест петербургского пролетариата против полевых судов, военного положения и смертной казни, Совет в своей резолюции «призывает сознательных рабочих удесятерить революционную работу в рядах армии и немедленно приступить к боевой организации рабочих масс, планомерно подготовляя таким образом последнюю всероссийскую схватку с кровавой монархией, доживающей свои последние дни.

Перед окончанием заседания в Совет явился какой-то солдат, который произнес длинную речь, резко критикуя существующий режим и употребляя, по словам депутатов Григория Левкина и Алексея Шишкина, оскорбительные выражения для царствующего императора, при чем речь свою солдат закончил просьбой поддержать сознательную часть солдат, снабжая их соответствующей литературой. [*Речь была встречена громкими, долго несмолкавшими аплодисментами.*] [*№ 7, 6 столб.*]

6 ноября—15 собран. (Протокол, «Изв.» № 7, столб. 7.)

В воскресенье *6 ноября* Совет Рабочих Депутатов снова собрался в заседание и, выслушав доклады о столкновениях, происходивших на разных фабриках и заводах между группами рабочих, а также между рабочими и полицией [*а войска, казаки?*], перешел затем *) к обсуждению вопроса о введении восьмичасового дня. По этому поводу произошло пререкание между Исполнительным Комитетом и представителем Союза работников печатного дела. Исполнительный Комитет утверждал, что проведение 8-часового дня возможно только при образовании среди рабочих политических и профессиональных союзов, и поэтому не считал возможным дать [*общий*] лозунг [*для всех заводов*] *за* немедленное осуществление этого требования; на это представитель *печатного союза* [!] возражал, доказывая в своей

*) После того выступал представ. ЦК ППС. («Изв.» № 7, столб. 7.)

Где смысл?

Обрывки чего-то... (потребовать прочтения № 7.)

речи, что подобным решением Исполнительный Комитет, вместо сплоченной борьбы, предлагает рабочим отдельные партизанские схватки, и что Совет обязан продолжать и в этом отношении свою деятельность в смысле организации масс, агитации и детальной разработки вопроса.

В результате изложенных прений Совет Рабочих Депутатов вынес резолюцию, признавшую необходимым рекомендовать рабочим немедленно и дружно добиваться *возможного сокращения* рабочего дня, стремясь к скорейшему завоеванию организованным пролетариатом *8-часового* рабочего дня.

В заседании этом Совет Рабочих Депутатов уже не возвращался больше к обсуждению вопроса о прекращении забастовки и принял лишь, повидимому, к сведению постановления по этому поводу отдельных заводов и в том числе найденное в бумагах Носаря постановление завода Сименса и Гальске *) от 6 ноября о том, что рабочие этого завода прекратят забастовку по требованию Совета, но будут готовиться к решительной схватке, к «грозному вооруженному восстанию, чтобы провести через него демократическую республику и созвать для ее утверждения Учредительное Собрание».

*) Почему приведена только одна эта резолюция?

7 ноября ни заседаний Совета, ни Исполнительного Комитета не было; в этот день, согласно постановлению Совета от 5 ноября, была прекращена стачка, и деятельность Совета за этот день выразилась лишь в опубликовании № 7 «Известий Совета Рабочих Депутатов», в котором были помещены отчеты заседаний 4, 5 и 6 ноября, резолюция Совета о прекращении стачки и кроме того статья, пояснявшая причины этого прекращения. В статье этой *представитель Совета* утверждает, что правительство, будто бы, желало вызвать пролетариат на решительную битву, но пролетариат знал, что к такой битве он еще не готов, что войска еще не на его стороне и что он безоружен. Поэтому пролетариат объявил не забастовку - битву,

Изложить статью можно было более грамотно.

а забастовку-манифестацию и на этот раз лишь демонстрировал, развертывая свои ряды и *не требуя низвержения царизма* и создания демократической республики, так как эти требования он поддержал бы не только стачкой, но и оружием.

Стачка эта, *по мнению Совета*, доказала такую политическую зрелость пролетариата, которой не было у других общественных групп, так как пролетариат боролся в то время, когда Союз Союзов писал резолюции, а разные думы и земства посылали петиции. Результатом этой борьбы была, будто бы, отмена военно-полевого суда над кронштадтскими матросами и готовность графа Витте отменить военное положение в Царстве Польском, хотя фактически отмена этого положения и не последовала. В заключение своей статьи, *автор ее на страницах «Известий Совета»* обращается к рабочим со следующим воззванием: «Стачка-протест, стачка-манифестация окончена, с тем чтобы в надлежащее время пролетариат объявил стачку-битву. Готовьтесь же к окончательной битве с царизмом, товарищи! *Сердца солдат теперь для нас открыты!* Идите к ним, зовите их к нам. Организуйтесь, товарищи! Вооружайтесь, товарищи, и мы освободим нашу родину от проклятого самодержавия».

Следующее заседание Совета Рабочих Депутатов состоялось лишь 12 ноября, и прения этого собрания настолько затянулись, что окончание заседания было отложено на следующий день, а еще до этого заседания, т.-е. 8, 10 и 11 ноября, состоялись три заседания Исполнительного Комитета, обсуждавшие главным образом способы ликвидации оконченной стачки и изыскание средств для помощи безработным, количество которых достигло 70 тысяч, так как многие заводы и фабрики по окончании стачки вынуждены были прекратить свою деятельность. С этой целью Исполнительный Комитет предположил внести на обсуждение Совета ряд мер, направленных

к требованию открыть закрытые заводы, а также предложить Совету временно отказаться от проведения 8-часового рабочего дня. Вместе с тем Комитет вошел в обсуждение способов, чтобы вынудить некоторые заводы принять обратно уволенных за забастовку рабочих, и, между прочим, послал в социалистические газеты Стокгольма, Нью-Йорка и Лондона требование, чтобы местные отделения телефонной фабрики Эриксона не исполняли русских заказов до приема на фабрику уволенных петербургских рабочих, и такую же телеграмму Комитет послал в Германию на фабрику Вестингауза.

Независимо от этого Исполнительный Комитет постановил принять в число своих членов и в число членов Совета представителей Почтово-Телеграфного Союза для надлежащей «координации действий» и, наконец, Исполнительный Комитет заслушал 11 октября [*ноября*] предложение Центрального Бюро Союза Союзов об устройстве совместного собрания для выработки проекта Учредительного Собрания, в каковом собрании, по мысли Союза Союзов, должны принять участие: Центральное Бюро Союза Союзов, Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов, обе фракции социал-демократической рабочей партии, представители партии социалистов-революционеров, польская партия социалистов, кавказские революционные организации и представители конституционно-демократической, торгово-промышленной и народно-демократической партий. Исполнительный Комитет не входил, однако, в обсуждение предложения Бюро Союза Союзов по существу и постановил лишь сделать по этому поводу официальный запрос Союзу.

Приведенные выше предположения Исполнительного Комитета об открытии заводов, о помощи безработным и 8-часовом рабочем дне были предложены Комитетом на обсуждение Совета в заседании *12 ноября* и вызвали среди

присутствовавших депутатов продолжительные прения. Председательствовавший в заседании Хрусталев-Носарь предложил добиться открытия заводов и обратного приема безработных путем двухдневной забастовки; и за проведение этой забастовки высказались также депутаты рабочих города Нарвы, Александровского завода и завода Хаймовича. Представители Балтийского и Франко-русского заводов предложили поставить администрации ультимативные требования и, в случае их неисполнения, объявить забастовку, и наконец депутаты Металлического, Путиловского, Обуховского заводов и завода Абрамова высказались против забастовки. Равным образом против забастовки высказались и члены Исполнительного Комитета: Киселевич и Сверчков - Введенский, доказывавший, что забастовки вызывают недовольство рабочих и вместе с тем не могут быть признаны за решительный бой с правительством. После баллотировки вопрос о забастовке был разрешен отрицательно и затем, по словам присутствовавшего в заседании сотрудника «Петербургского Листка» Исаака Гуревича, было выслушано заявление *оратора-революционера*, который предлагал открыть закрытые заводы силой. В результате прений Советом была принята резолюция Исполнительного Комитета, которую поддерживали Хрусталев-Носарь и Лев Бронштейн, и согласно которой Совет признал, что борьба за 8-часовой рабочий день должна иметь не местный, а всероссийский характер, и что поэтому необходимо выждать результатов предстоящего в Москве съезда рабочих организаций, вследствие чего «Совет Рабочих Депутатов считает необходимым временно приостановить немедленное повсеместное захватное введение 8-часового рабочего дня».

Пред закрытием заседания Совет, по предложению одного из представителей социал-демократической рабочей партии, выслушал и послал

в Севастополь на имя лейтенанта Шмидта телеграмму, приветствовавшую севастопольских солдат и матросов, ставших на борьбу за свободу в союзе с рабочими. В телеграмме этой Совет выражал уверенность, что союз революционного пролетариата и революционной армии положит конец всем остаткам самодержавия и водворит на его развалинах свободный демократический строй.

В последующие за описанными заседаниями дни Исполнительный Комитет собирался 14 и 16 ноября и обсуждал главным образом вопросы о содействии почтово-телеграфным служащим для осуществления забастовки и об образовании комиссии для помощи безработным. По первому из этих вопросов было решено командировать членов Исполнительного Комитета для «снятия» городских контор и оказывать техническую помощь путем литературы и устройства собраний.

Для помощи безработным была организована комиссия, состоявшая из члена Исполнительного Комитета, трех членов партий, 14 представителей районных штабов и неограниченного числа лиц из общества. Комиссия эта должна была устроить регулярные дежурства по районам, и в обязанности ее входили: выдача пособий в штабах, организация столовых, сбор средств и производство анкет для выяснения степени нужды, хотя тогда же было признано, что вопрос о вспомоществовании путем анкет является второстепенным, и что главной и первостепенной идеей анкеты должно быть выяснение степени готовности к боевому моменту.

В этих заседаниях Исполнительного Комитета было, повидимому впервые, принято решение распространить влияние Совета Рабочих Депутатов не только на Петербург, но и на другие города с целью покрыть всю Россию сетью Советов Рабочих Депутатов. Для выполнения этого предположения Исполнительный Комитет командировал в Москву и Нижний-Новгород двух лиц, назван-

ных в заседании именами «Афанасий» и «Степан», избрав их как лиц, хорошо осведомленных о положении дел в Комитете и Совете. Кроме того представители социалистов-революционеров взялись известить о решениях Совета Крестьянские Союзы в Москве и Варшаве.

Решение Комитета послать своих делегатов в другие города было, повидимому, вызвано письмом, написанным Хрусталеву 12 ноября из Москвы неизвестным лицом, подписавшим свое письмо сокращенным именем «Пав». В письме этом сообщается, что лица, организующие Совет Рабочих Депутатов в Москве, входят в столкновение с членами Московского Стачечного Комитета, и что поэтому многое «не ладится». Убеждая Хрусталева в том, что реальная сила сосредоточивается не в Петербурге, а в Москве, автор письма высказывает пожелание о командировании в Москву двух или трех литераторов и двух или трех организаторов для возможного расширения сферы влияния. Во исполнение постановления Комитета, названный выше «Степан», носивший конспиративное прозвище «Голубь», выехал вместе с «Афанасием» в Москву и оттуда 18 ноября прислал письмо, в котором сообщает, что он был на заседании съезда делегатов Всероссийского Почтово-Телеграфного Союза, а затем вошел в сношения с Московским Стачечным Комитетом, в котором преобладает буржуазный элемент и который враждебно относится к мысли совета социалдемократической партии об образования Рабочего Совета. Тем не менее Совет этот образовался по петербургской программе и на 21 ноября назначил первое заседание с официальными представителями Крестьянского Союза, после чего автор письма предполагает выехать на Волгу и установить прочные организаторские сношения поволжских городов с Петербургом. 22 ноября «Голубь» прислал в Исполнительный Комитет второе донесение, что «Афанасий» выехал на юг, а он задержался в Москве

и присутствовал там на собрании делегатов Лефортовского района, где было до двух тысяч человек, заявивших ему, что они готовы к бою, к решительному выступлению и откликнутся на первый призыв Рабочего Совета. 21 ноября, как видно из этого донесения, автор его присутствовал на первом заседании Московского Совета Рабочих Депутатов, где им был сделан ряд практических предложений, принятых единогласно, и где был затем избран Исполнительный Комитет, в который вошли представители революционных партий, при чем было решено избрать делегата для посылки в Петербург. Донесение свое «Степан» оканчивает сообщением о том, что 23 ноября он выезжает на Волгу.

Предположение Московского Совета о командировании в Петербург делегата было затем приведено в исполнение, так как в бумагах Хрусталева было найдено удостоверение, подписанное «Степаном-Голубем» и другим лицом, почерк которого не был разобран. Удостоверение это было выдано делегату Федеративного Совета Московской группы и Московского Комитета для переговоров с Исполнительным Комитетом Петербургского Совета Рабочих Депутатов в интересах укрепления и расширения пролетарских советов депатутов и установления прочных связей их с российской социал-демократической рабочей партией.

Сведений о дальнейшей деятельности «Афанасия» на юге и «Степана» в приволжском крае в черновых бумагах Исполнительного Комитета найдено не было.

Предположения Исполнительного Комитета, высказанные им в собраниях 14 и 16 ноября, были доложены следующему заседанию Совета Рабочих Депутатов *19 ноября*, при чем Совет одобрил как командирование делегатов в другие города, так и решение Комитета взять на себя руководство почтово-телеграфной забастовкой, для чего решено было выпустить воззвание и выдать почтово-

?

телеграфным служащим из сумм Совета 2.000 руб. в пособие, с целью добиться прекращения телеграфных сношений по заграничному кабелю, прекратить перевозку почты по железным дорогам, воспрепятствовать работе телеграфа на железных дорогах и таким путем, как сказано в протоколе заседания, «заставить правительство капитулировать».

Равным образом Совет одобрил предположение об организации помощи безработным, ассигновал на это предприятие 10.000 руб. из сумм Совета и, наконец, категорически постановил: препятствовать всеми мерами присутствию полиции на собраниях, не уступая даже и вооруженной силе, так «Право». как, по удостоверению председателя, в ярко-революционное время полиция отсутствует на всех собраниях.

К этому же времени относится, повидимому, и фактическое осуществление всех приведенных выше предположений Исполнительного Комитета о вооружении петербургских рабочих, так как, по словам депутата табачной фабрики Богданова, Григория Левкина, в одном из заседаний Стр. 17. в средних числах ноября решено было образовать для поддержки демонстраций вооруженные десятки и сотни, и именно в это время депутат Николай Немцов указал на отсутствие у рабочих оружия, и между собравшимися был начат сбор денег на вооружение. Вооружение это, как удостоверил депутат Алексей Шишкин, имело своим предлогом возможность погромов, но, по его словам, погромы эти были только предлогами, а в действительности же к 9 января подготовлялось, будто бы, вооруженное восстание. *Действительно,* [!] раздача оружия, по словам депутата завода Однера, Михаила Хахарева, была начата Хрусталевым-Носарем еще в октябре, и он, Хахарев, получил от Хрусталева браунинг «для защиты от черной сотни».

Между тем эта оборонительная цель вооружения опровергается помимо всех изложенных

выше постановлений Совета также и содержанием некоторых документов, найденных в бумагах Георгия Носаря. Так, между прочим, там оказался подлинник резолюции Совета без определения времени его составления, заключающий в себе призыв к вооружению, составлению дружин и армии, «готовой на отпор терзающему Россию черносотенному правительству». Затем в бумагах Носаря найдена неизвестно кем написанная записка, указывающая на то, что Хрусталев обещал в следующем после 13 ноября заседании дать несколько револьверов Браунинга или Смита и Вессона по организационной цене, и пишущий, проживая в Колпине, просил выдать ему обещанное. Равным образом просьбы о выдаче оружия были обращены к Хрусталеву проживавшим в селе Александровском Петром Богдановым, который написал Хрусталеву записку следующего содержания: «Ради бога, как только придет транспорт с оружием, то 25 шт. Браунинга, деньги у меня на руках, покуда еще 200 р., но еще вероятно завтра получу еще рублей 100. Как только получите, то сообщите». Тот же Богданов передал в Бюро записку с указанием адреса конспиративной квартиры Невского района, в которую можно присылать оружие и патроны.

Наконец в бумагах Носаря найдено извещение депутата Международного Общества спальных вагонов Боброва о том, что на их заводе идет подписка на вооружение. Подобного рода подписки дали возможность приобрести оружие, при чем Совет Рабочих Депутатов мог в случае надобности приобретать оружие в большом количестве, так как располагал значительными денежными суммами. Как видно из отчета *кассы Исполнительного Комитета*, за октябрь месяц было заприходовано 18.601 р. 16 к., а в ноябре месяце поступило 11.462 р. 36 к., из них от Союза Союзов — 5.500 р., так что общая сумма прихода Исполнительного Комитета составляла 30.063 р. 52 к.

В документах Носаря обнаружены были, однако, весьма незначительные расходы по приобретению оружия; так как в бумагах его была найдена записная книжка и отдельный лист с отметками о выдаче рабочим револьверов разных систем и коробок с патронами, при чем револьверов, по этим заметкам, было выдано всего лишь 64 штуки.

После заседания Совета 19 ноября деятельность его выразилась в последующие дни заседаниями Исполнительного его Комитета 22 и 25 ноября, в которых обсуждались способы для приведения государства к финансовому краху, для каковой цели было постановлено брать вклады из сберегательных касс, отказываться от получения уплат и в том числе заработной платы кредитными билетами и требовать во всех случаях платы звонкой монетой, при чем, по словам члена Исполнительного Комитета Алексея Расторгуева, Хрусталев доложил, что он уже обратил в золото принадлежащие Совету 10 тысяч рублей, а кассир Комитета Сверчков сообщил, что у него еще есть на руках 20 тысяч денег.

Для приведения указанных мер в действие было решено произвести выборы в особую комиссию с участием представителей крайних партий и поручить этой комиссии составление проекта манифеста к народу о прекращении приема кредитных билетов.

Подготовляя таким образом государственное банкротство, Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов считал, однако, преждевременными активные действия Совета, *так как* в бумагах Георгия Носаря был найден написанный его рукой проект резолюции такого содержания:

? Логика.

«Исполнительный Комитет СРД констатирует, что: 1) надвигающаяся всеобщая политическая забастовка неминуемо должна вылиться решительным и настойчивым боем с монархическим строем и 2) что подобное боевое выступление весь

русский пролетариат еще не подготовил, а потому Совет, призывая все революционные элементы к объединенным действиям, говорит: организуйтесь, мобилизуйте военные силы для решительного боя, и в данный момент, 25 ноября, Совет еще не дает сигнала к общему выступлению».

Резолюция эта была опубликована 26 ноября в газете «Русь», но не могла быть доложена Хрусталевым-Носарем в следующем заседании Совета, так как в тот же день, т.-е. 26 ноября, было сделано распоряжение о задержании Хрусталева, и он тогда же был арестован, и тогда же был произведен обыск в доме № 25 по Торговой улице, где помещался Совет Рабочих Депутатов и Бюро Союза рабочих печатного дела. При обыске этом было обнаружено весьма значительное количество разной переписки, много экземпляров «Известий Совета Рабочих Депутатов», бланки входных билетов на заседания этого Совета и кроме того в ванной комнате при помещении, где, по словам свидетельницы Елены Киселевич, иногда отдыхал, но не ночевал Хрусталев и где было устроено Бюро Исполнительного Комитета, был найден разрывной снаряд, который был осмотрен через эксперта, пришедшего к заключению, что снаряд этот начинен взрывчатым веществом, но по устройству своему не предназначен для метания.

На следующий день после ареста Хрусталева состоялось заседание Совета Рабочих Депутатов в помещении Вольно-Экономического Общества на Забалканском проспекте. Заседание это было открыто кассиром Исполнительного Комитета дворянином Дмитрием Сверчковым, который доложил собранию об аресте Хрусталева, и собрание немедленно приступило к обсуждению способов его освобождения. Один из депутатов, корректор типографии Маркса, Арсений Симановский, доложил собранию, что он ездил по всем тюрьмам, но не мог узнать, где Хрусталев содержится.

Затем различными депутатами были сделаны предложения самого разнообразного характера, начиная от попытки насильственного освобождения Хрусталева и кончая советом обратиться с петицией к правительству, а депутат Арсений Симановский предложил сделать попытку арестовать кого-либо из полицейских чинов и вынудить таким образом освобождение Хрусталева. Наконец депутат металлического завода Николай Немцов и член Исполнительного Комитета рабочий Путиловского завода Осип Логинов предложили выразить свой протест в форме забастовки, но это предложение было забаллотировано.

Затем собрание приступило к избранию нового председателя и по большинству голосов решило избрать не одно лицо, а состоящий из трех лиц президиум. Избранными в этот президиум оказались: сын колониста Лев Бронштейн, дворянин Дмитрий Сверчков и крестьянин Петр Злыднев. При этих выборах, по словам членов Исполнительного Комитета Алексея Расторгуева и Федора Шанявского, между присутствовавшими произошли пререкания, так как рабочие настаивали на включении в число членов президиума Петра Злыднева, интеллигенты выставляли третьим кандидатом инженера Николая Саркисянца, а некоторые указывали на представителя партии социалистов-революционеров дворянина Николая Авксентьева. Тем не менее по большинству голосов в члены президиума вошли названные выше Бронштейн, Сверчков и Злыднев, после чего *Бронштейн* доложил собранию о последних работах Исполнительного Комитета и *предложил выработать обращение к народу* в форме «манифеста», чтобы убедить население отказываться от бумажных денежных знаков и брать свои вклады из государственных сберегательных касс *). Предложение это было принято, и разработка мани-

Конкур. партий, а не борьба рабочих и интелл.

Внимание!

Предложение Кр. С.

*) Агитация в этом направлении велась уже давно, — см. *Правит. сообщ.* «Правс» № 47 (3804).

феста была поручена президиуму с тем, чтобы проект манифеста был до опубликования представлен на обсуждение районных депутатов.

Заканчивая собрание, Исполнительный Комитет предложил Совету принять и опубликовать резолюцию по поводу ареста Хрусталева, и это предложение было принято единогласно, при чем резолюция была принята в следующей форме: «26 ноября царским правительством взят в плен председатель Совета Рабочих Депутатов товарищ Хрусталев-Носарь. Совет Рабочих Депутатов временно избирает нового председателя и продолжает готовиться к вооруженному восстанию».

1 декабря в помещении Вольно-Экономического Общества состоялось первое заседание Исполнительного Комитета под председательством президиума, в котором, по словам члена того же Комитета Шанявского, обязанности секретарей несли на себе мещанка Фейга Маянц и наборщик газеты «Русь» Михаил Киселевич. Заседание началось с чтения каким-то неизвестным оратором проекта манифеста, который, однако, одобрен не был и в котором было включено новое требование о прекращении платежей по заключенным русским правительством внешним займам. Члены Исполнительного Комитета Бронштейн и Авксентьев возражали против формы изложения; Сверчков доказывал, что прекращение уплаты по займам возможно лишь со дня опубликования манифеста; представитель Крестьянского Союза утверждал, что уплаты не должны производиться со дня созыва крестьянского съезда в Москве, а какой-то неизвестный Федору Шанявскому еврей убеждал присутствовавших не платить по внешним займам, заключенным после 9 января 1905 года, так как с этого дня правительство вступило в открытый конфликт с народом. По окончании прений было решено возвратить проект манифеста президиуму для окончательной его разработки, и затем Комитет признал необходимым *увеличить* число пред-

!ограничить!

ставителей крайних партий как в Совете, так и в Исполнительном Комитете. По этому вопросу было постановлено включить в число членов Совета 10 представителей социал-демократической партии фракции большинства, 10 представителей той же партии фракции меньшинства и 10 представителей социалистов-революционеров, а число членов Исполнительного Комитета увеличить двумя представителями обеих социал-демократических фракций, двумя представителями социалистов-революционеров и кроме того включить одного представителя Бунда и одного представителя польской партии социалистов.

См. 14.

Перед закрытием заседания Исполнительный Комитет объявил, что следующее заседание Совета Рабочих Депутатов состоится 3 декабря в Вольно-Экономическом Обществе, о чем и было на следующий день опубликовано в газете «Новая Жизнь», с извещением, что вход в заседание будет лишь по именным билетам, и что посторонние лица в заседание допущены не будут.

По открытии в 7 часов вечера заседания Совета 3 декабря Исполнительный Комитет, по словам Федора Шанявского, удалился в особую комнату и там приступил к обсуждению вопроса о необходимости всеобщей забастовки в виде протеста против реакционных действий правительства. За немедленное проведение забастовки высказался сам Шанявский, Лев Бронштейн, инженер Саркисянц, Николай Немцов и дворянка Валентина Багрова, а бухгалтер Балтийского завода Павел Балашов, провизор Семен Клячко, депутат Николай Авксентьев и приехавший из Нижнего-Новгорода доктор Андрей Фейт настаивали на том, что немедленная забастовка нежелательна, ввиду недостаточной организованности пролетариата.

Нас предупреждали — *почему мы не разошлись.*

Вопрос о проведении забастовки остался неразрешенным, так как в это время в зал заседаний *была введена полиция и войско*, и все члены Совета и Исполнительного Комитета в количестве

257 человек были арестованы, при чем находившиеся в помещении Комитета Лев Бронштейн и Николай Саркисянц успели лишь крикнуть всем находившимся в заседании лицам, чтобы они не оказывали полиции сопротивления и ограничились отказом назвать свои имена и фамилии, а находившиеся при них *оружие* и документы *уничтожили*, что всеми и было *исполнено*.

На следующий день после ареста всего состава Совета Рабочих Депутатов и его Исполнительного Комитета, т.-е. 4 декабря, был опубликован √ 8-й номер «Известий Совета», в котором сообщалось о состоявшемся аресте, и арест этот признавался объявлением гражданской войны со стороны правительства.

В том же номере «Известий» было помещено сообщение о том, что правительство вынуждает пролетариат дать ему сражение немедленно. При этом печатный орган Совета высказывал сомнение в том, что у правительства хватит силы удержать от падения трон дома Романовых, так как пролетариат уже ранее усиленно мобилизовал и организовал революционную армию и готовился к борьбе. Борьбу эту «Известия» признают неизбежной, так как к тому вынуждает реакция правительства, и, *становясь перед альтернативой: правительство или народ*, — орган рабочего Совета объявляет, что нужно немедленно вступить в борьбу, раз правительство отнимает у пролетариата возможность подготовки к дальнейшей борьбе.

При чем это?

В конце того же номера «Известий Совета Рабочих Депутатов» опубликован был выработанный президиумом манифест, который появился во многих петербургских газетах еще 2 декабря.

Манифест этот был подписан Советом Рабочих Депутатов, Главным Комитетом Крестьянского Союза и Центральными Комитетами: социал-демократической рабочей партии, партии социалистов-революционеров и польской социалисти-

ческой партии. В манифесте приводились доказательства необходимости свергнуть правительство, лишив его финансовых доходов, для каковой цели манифест призывал население: «отказываться от взноса выкупных и всех других казенных платежей. Требовать при всех сделках, при выдаче заработной платы и жалованья уплаты золотом, а при суммах меньше пяти рублей — полновесной звонкой монетой. Брать вклады из ссудо-сберегательных касс и из государственного банка, требуя уплаты всей суммы золотом, и не допускать уплаты долгов по всем займам, которые царское правительство заключило, когда явно и открыто вело войну со всем народом».

Все описанные выше данные, свидетельствовавшие о том, что деятельность Совета Рабочих Депутатов была направлена к насильственному ниспровержению существующего в России государственного строя, были при производстве по настоящему делу дознания установлены осмотрами приобщенных к делу вещественных доказательств и первых восьми номеров «Известий Совета Рабочих Депутатов». Независимо от этого показаниями некоторых *участников Совета* и объяснениями самих *обвиняемых* были выяснены, кроме указанных выше председателя Совета Георгия Носаря и заменивших его членов президиума: Льва Бронштейна, Дмитрия Сверчкова и Петра Злыднева, также и другие лица, принимавшие участие в противоправительственной деятельности Исполнительного Комитета, при чем о некоторых из этих членов Исполнительного Комитета уже было упомянуто выше, а кроме того виновность как этих лиц, так и других, ранее не упоминавшихся, была установлена совокупностью показаний депутатов: завода Сименса и Гальске — Алексея Расторгуева, завода Нобеля — Якова Вернстрема, фабрики Богданова — Григория Левкина, гвоздильного завода — Степана Коржевича, фабрики Хаймовича — Михаила Мухина, Ижор-

ского завода — Алексея Шишкина, фабрики Клейна — Николая Левшина, завода Ратькова-Рожнова — Ильи Шматова, Николаевской железной дороги — Николая Ольшанского и завода Лангензиппен — Георгия Егорова, а также депутата Почтово-Телеграфного Союза — Федора Шанявского.

Такими участниками деятельности Исполнительного Комитета были нижеследующие лица: мещанин Саул Зборовский, явившийся одним из организаторов Рабочего Совета, посещавший заседания этого Совета также в позднейшее время.

Инженер Николай Саркисянц, который не только был одним из участников деятельности Исполнительного Комитета, но и был указан некоторыми депутатами, как кандидат в члены президиума. Саркисянц, по словам Якова Вернстрема и Алексея Шишкина, произносил в заседаниях Совета революционного содержания речи и входил в состав Совета как один из представителей крайних партий, при чем в речах своих Саркисянц убеждал членов Совета готовиться к вооруженному восстанию, как это удостоверил Степан Коржевич, и произносил речи не только в Совете Рабочих Депутатов, но и на митингах фабричных рабочих.

Дворянин Николай Авксентьев, также предложенный некоторыми депутатами в члены президиума, участвовал в Исполнительном Комитете как представитель партии социалистов-революционеров и, по словам Ильи Расторгуева, произносил речи от имени названной партии в заседаниях Совета, а кроме того выступал оратором и на фабричных митингах, как это удостоверил Илья Шматов.

Рабочий металлического завода Николай Немцов, известный в Совете под прозвищем Макар, бывший, по словам Георгия Егорова, депутатом Выборгского района, участвовал в заседаниях Исполнительного Комитета, произносил в заседа-

ниях Совета революционного содержания речи, призывавшие к ниспровержению существующего государственного строя, был одним из депутатов, ездивших к графу Витте от Исполнительного Комитета для сообщения об устройстве траурной манифестации в октябре месяце и был даже на некоторое время арестован при попытке вынудить рабочих фабрики Гот примкнуть к всеобщей забастовке.

Наборщик газеты «Русь» Михаил Киселевич, по словам Федора Шанявского и Степана Коржевича, исполнял обязанности одного из секретарей Исполнительного Комитета и произносил, по удостоверению Николая Левшина, такие речи, что его вынужден был даже иногда *останавливать председатель* Комитета Хрусталев.

Это я однажды остановил Киселевича, говорившего не в порядке заседания.

Дворянин Викентий Гутовский, входивший в состав Исполнительного Комитета как представитель одной из крайних политических партий, также произносил, по словам Алексея Шишкина, речи, призывавшие к ниспровержению существующего строя, настаивал на попытке насильственного освобождения арестованных на площади Казанского собора демонстрантов и, по удостоверению Степана Коржевича, нес на себе обязанности посредника между Исполнительным Комитетом и редакциями издававшихся в С.-Петербурге газет.

Провизор Семен Клячко, принадлежавший, по словам Алексея Шишкина, к одной из революционных партий, также входил в состав Исполнительного Комитета и в заседании 27 ноября исполнял обязанности секретаря Комитета и вел протокол этого заседания.

Токарь завода Гесслера, Александр Плеханов, контролировавший входные билеты на одном из заседаний Совета, был, по словам депутатов Василия Алеева и Федора Павловского, районным представителем Петербургского района и в качестве такового входил в состав Исполнитель-

ного Комитета и во время заседаний произносил, как это удостоверил Алексей Расторгуев, речи по содержанию рассматривавшихся в Совете вопросов.

Помощник бухгалтера Балтийской железной дороги, Павел Балашов, участвовал в заседаниях Исполнительного Комитета и, по удостоверению Алексея Расторгуева, произносил в этих заседаниях речи, а по словам Федора Шанявского, Балашов принимал участие в совещании Исполнительного Комитета во время последнего заседания Совета 3 декабря и возражал в этом совещании против немедленного проведения всеобщей забастовки, доказывая вместе с другими необходимость предварительной подготовки и организации рабочих.

Равным образом в прениях Исполнительного Комитета в этом последнем заседании Совета Рабочих Депутатов 3 декабря принимал участие, по словам Шанявского, приехавший в ноябре месяце из Нижнего-Новгорода врач Андрей Фейт, который также доказывал невозможность немедленного проведения всеобщей забастовки и находил необходимым предварительную организацию рабочих.

Наконец, дворянка Валентина Багрова и мещанка Фейга Маянц, по удостоверению нескольких депутатов, входили в состав Исполнительного Комитета и несли там обязанности секретарей, при чем участие Фейги Маянц в Исполнительном Комитете установлено было также найденным у нее письмом, написанным ею Абраму Епштейну, в котором она сама сообщала последнему, что она состоит секретарем Исполнительного Комитета. Участие в деятельности Комитета Валентины Багровой выразилось не только в исполнении ею обязанностей секретаря, как это сказано выше, но также и в том, что она делала доклады Совету о настроении рабочих на фабриках и, по удостоверению Федора Шанявского, в заседании Коми-

тета 3 декабря настаивала на немедленном проведении всеобщей забастовки.

Затем из числа членов Исполнительного Комитета, которые не были указаны выше при изложении общей деятельности Совета Рабочих Депутатов, данными дознания были изобличены следующие лица:

Аптекарский помощник Лев Хинчук, арестованный в помещении Исполнительного Комитета 3 декабря, принимал в деятельности Комитета активное участие, являлся в нем, по словам Алексея Шишкина, представителем крайних партий и произносил в заседаниях революционного содержания речи, призывая к ниспровержению существующего государственного строя.

Мещанин Семен Вайнштейн, по удостоверению Николая Ольшанского и Алексея Расторгуева, принимал участие в Исполнительном Комитете и в заседаниях Совета занимал место за отдельным столом, где помещались члены Исполнительного Комитета, при чем, по словам Григория Левкина, Алексея Шишкина и Расторгуева, он в заседаниях произносил речи и настаивал на проведении всеобщей забастовки, хотя бы путем насилия.

Столяр вагоностроительного завода Алексей Буров, по словам Федора Шанявского, принимал участие в заседании Исполнительного Комитета 3 декабря, где он и был задержан, а депутаты Григорий Левкин и Степан Коржевич удостоверили, что Буров и ранее бывал на собраниях Совета Рабочих Депутатов; независимо от этого активное участие Бурова в деятельности Совета установлено было и содержанием обнаруженной у него записки, из которой видно было, что он роздал рабочим 98 р. 80 к. из числа ста рублей, полученных им в Совете.

Германский подданный Николай Гарри Гольдберг, по удостоверению Степана Коржевича, посещал заседания Совета Рабочих Депутатов, где он, по словам Алексея Шишкина, являлся предста-

вителем крайних партий и произносил революционного содержания речи и, занимая место за столом Исполнительного Комитета, удалялся с этим Комитетом в особое помещение для совещаний, как это удостоверил при допросе депутат Григорий Левшин.

Сотрудник газеты «Свободное Слово», дворянин Владимир Коссовский, по удостоверению Федора Шанявского, участвовал в заседании Исполнительного Комитета 3 декабря и даже передал там Шанявскому свою визитную карточку, а при осмотре переписки, найденной в Вольно-Экономическом Обществе после ареста членов Совета, была, между прочим, обнаружена записка, свидетельствовавшая о том, что Коссовский входил в состав Совета как депутат С.-Петербургско-Варшавской железной дороги.

Машинист той же дороги Константин Мосалев, арестованный 3 декабря в помещении Вольно-Экономического Общества, также входил в состав Исполнительного Комитета, как это удостоверено найденным в бумагах Хрусталева-Носаря постановлением собрания депутатов этой дороги от 16 ноября 1905 года, так как согласно этому постановлению Мосалев был избран для участия в Исполнительном Комитете Совета Рабочих Депутатов.

Равным образом активное участие в деятельности Исполнительного Комитета принимал мещанин Исаак Голынский, по профессии наборщик, арестованный 26 ноября, в то время когда он пытался вместе с другими лицами воспрепятствовать работе служащих в Петербургском почтамте, не желавших примкнуть к почтово-телеграфной забастовке. При Голынском, во время его задержания, оказалась подписанная председателем Совета Рабочих Депутатов Хрусталевым записка от 25 ноября следующего содержания: «Совет Рабочих Депутатов предлагает товарищам наборщикам оказать безусловно помощь в органи-

зации патрулей для поддержания почтово-телеграфной забастовки. Совет указывает товарищам, что патрули должны быть организованы к 5 часам утра». Кроме того у Голынского найдена была и другая, написанная карандашом, записка следующего содержания: «Буцевич — Мойка, кв. 37, Шахт — Б. Пушкарская, 20, Благовещенская — дом Андреевского собора В. О., кв. 11. Священник».

Произведенным по поводу этой последней записки дознанием было установлено, что Буцевич, Шахт и Благовещенская — это фамилии служащих в С.-Петербургском почтамте, и допросами указанных лиц было установлено следующее:

26 ноября в квартире Анны Благовещенской, проживавшей в доме № 11 по 6 линии Васильевского Острова, явились Исаак Голынский, кр. Федор Сильверстов и неизвестный человек в форме почтово-телеграфного ведомства и, обратившись к кухарке Благовещенских Ефросинии Хованской, спросили ее, дома ли барышня. Получив отрицательный ответ, Голынский потребовал бумаги, но когда ему ответили, что и бумаги в доме нет, то как он, так и бывшие с ним лица удалились, при чем Голынский и Сильверстов были тогда же арестованы, по заявлению Благовещенской, дворниками, к которым Благовещенская обратилась, догадавшись, что лица, пришедшие с почтово-телеграфным чиновником, намерены угрозами вынудить ее примкнуть к почтово-телеграфной забастовке.

В тот же день, но очевидно ранее посещения квартиры Благовещенской, те же Голынский и Сильверстов явились в квартиру служащей в почтамте Александры Шахт и, не застав ее дома, передали ее прислуге, Евдокии Васильевой, записку, в которой Шахт от имени патруля Совета Рабочих Депутатов извещалась, что против нее будут приняты решительные меры, если она не прекратит ходить на службу, так как в Совет

Рабочих Депутатов поступило заявление, что она посещает службу, несмотря на сделанное ей предупреждение. Предупреждение это, по словам Шахт, заключалось в том, что 18 ноября она через свою прислугу получила записку, извещавшую ее, что, по постановлению Совета Рабочих Депутатов, она приглашается прекратить работу на телеграфе. Записка эта была передана прислуге Шахт Евдокии Васильевой неизвестным ей до тех пор лицом, которого она узнала затем в предъявленной ей фотографической карточке помощника присяжного поверенного Георгия Носаря.

Наконец выяснением лиц, проживавших в квартире № 37, в доме № 84, по набережной Мойки, было установлено, что в этой квартире проживают служащие в Главном почтамте Наталья и Анна Буцевич и Анна Недзвецкая, и что в 20-х числах ноября в их квартиру утром ворвались три неизвестных лица, которые объявили, что они члены Совета Рабочих Депутатов и, затем, заняв все выходы из квартиры, пробыли там до часа дня, воспрепятствовав таким образом хозяйкам пойти на службу в Главный почтамт. При предъявлении названным выше Буцевич и Недзвецкой фотографических карточек всех обвиняемых по настоящему делу, они не могли, однако, признать в комлибо из них лиц, ворвавшихся к ним в квартиру во время почтово-телеграфной забастовки.

Независимо от всех перечисленных выше участников Исполнительного Комитета, в состав Комитета входили также, как это было установлено дознанием: столяр вагоностроительного завода Егор Стогов, рабочий фабрики Струка — Зиновий Бабин, мещанка Анна Болдырева, мастер орудийного завода Эразм Комар, рабочий Путиловского завода Осип Логинов, токарь того же завода Николай Полетаев, рабочий завода Сименс и Гальске — Алексей Расторгуев и депутат почтово-телеграфного союза Федор Шанявский, которые сами признали свою принадлежность к Исполни-

тельному Комитету и из которых Эразм Комар, по словам Якова Вернстрема, был районным депутатом Выборгского района, Анна Болдырева произносила, как это удостоверил Алексей Шишкин, революционные речи и настаивала на продлении ноябрьской забастовки, а Егор Стогов раздавал в одном из трактиров по Петергофскому шоссе «Известия Совета Рабочих Депутатов» и передал депутату от Общества спальных вагонов Ивану Боброву и еще одному лицу, расследованием не установленному, два револьвера, полученные им в свою очередь в Совете Рабочих Депутатов.

Во время производства дознания по настоящему делу в качестве обвиняемых первоначально были привлечены не только члены Исполнительного Комитета, но также и все члены Совета, входившие в него как депутаты разных фабрик и заводов или как представители политических партий. Затем, однако, дознание о членах Совета, *ничем не проявивших своего участия в этом сообществе*, было направлено к прекращению, за исключением лишь нижепоименованных депутатов, принимавших в той или иной форме активное участие в деятельности Совета Рабочих Депутатов, что было установлено отчасти осмотрами письменных по делу доказательств, а отчасти показаниями некоторых лиц, входивших в состав Совета.

Стр. 36.

Таким образом было выяснено, что активное *и [?]* личное участие в деятельности Совета принимали:

1) Депутат железнодорожного завода Федор Сильверстов, который, как было уже сказано выше, совместно с Исааком Голынским приводил в исполнение постановление Совета о содействии осуществлению почтово-телеграфной забастовки путем угроз и насилий над лицами, не желавшими к ней присоединиться.

2) Корректор типографии Маркса — Арсений Симановский, делавший доклады в Совете о настрое-

нии союза печатников, предлагавший прибегнуть к насильственным мерам для освобождения Хрусталева, контролировавший на одном из собраний входные в заседание билеты и принимавший участие в печатании «Известий Совета» в типографиях газет «Новое Время» и «Наша жизнь».

3) Слесарь паровозной мастерской Николаевской железной дороги Иван Козлов, бывший, по словам Николая Ольшанского, посредником между Советом и депутатами Городского района и представивший в Совет донесение от 20 ноября о том, что служащие мастерских согласны забастовать при условии прекращения движения поездов. Тот же Козлов был среди других, повидимому, распространителем «Известий Совета», так как по обыску у него было найдено 10 экземпляров этих «Известий» и среди них несколько экземпляров одного и того же номера.

! Все депутаты делали доклады.

4) Депутат конфектной фабрики Блигкен и Робинсон — Андрей Костянов, сделавший Совету донесение о том, что среди рабочих фабрики настроение было черносотенное, но что «администрация сама толкает рабочих на забастовку» и что «нужны ораторы».

5) Депутат Общества спальных вагонов Иван Бобров, который от имени рабочих этого Общества подал в Совет заявление с просьбой о выдаче оружия, сообщая вместе с тем, что на заводе идет подписка на вооружение, и который, как сказано выше, сам получил из Исполнительного Комитета револьвер через Егора Стогова.

6) Служащий городской электрической станции Алексей Петров, получивший, как делегат электрической станции, из Исполнительного Комитета три револьвера.

7) Приказчик магазина Соловьева — Алексей Прозоров, у которого по обыску было найдено 11 прокламаций под заглавием «К матросам и солдатам», изданных Исполнительным Комитетом, и кроме того еще 11 прокламаций, также озагла-

вленных «К матросам и солдатам» и изданных социал-демократической рабочей партией.

8) Жена врача Ольга Никольская, которая, по удостоверению Алексея Шишкина, исполняла обязанности секретаря в одном из седаний Совета и которая принимала кроме того участие в печатании «Известий Совета».

9) Слесарь завода Пинтша — Шавель Ядловкер, который исполнял обязанности контролера входных в заседания билетов и, по словам Алексея Шишкина, произносил революционные речи, призывавшие к ниспровержению существующего государственного строя.

10—13) Мещанин Михель Бруссер, студент Арам Тер-Мкртчянц, чертежник Сергей Байдаков и подмастерье Эккель Грейвер, которые, по удостоверению Алексея Шишкина, выступали в Совете как представители крайних партий и произносили речи, призывавшие к ниспровержению существующего в России государственного строя.

и 14—17) Депутаты: фабрики Чешера — Иван Красин, завода Осипова — Иван Луканин, завода Лоренца — Алексей Иванов и завода братьев Корниловых Иван Марлотов, которые сами признали,
Стр. 35. что они *участвовали в деятельности Совета* Рабочих Депутатов, несмотря на то, что знали о преступных целях, преследуемых этим сообществом.

На основании всех приведенных выше данных к дознанию по настоящему делу были привлечены в качестве обвиняемых: Георгий Носарь, Лев Бронштейн, Дмитрий Сверчков, Петр Злыднев, Саул Зборовский, Николай Саркисянц, Николай Авксентьев, Николай Немцов, Михаил Киселевич, Викентий Гутовский, Семен Клячко, Александр Плеханов, Павел Балашов, Андрей Фейт, Валентина Багрова, Фейга Маянц, Лев Хинчук, Семен Вайнштейн, Алексей Буров, Николай Гольдберг, Владимир Коссовский, Константин Мосалев, Исаак Голынский, Егор Стогов,

Зиновий Бабин, Анна Болдырева, Эразм Комар, Осип Логинов, Николай Полетаев, Алексей Расторгуев, Федор Шанявский, Федор Сильверстов, Арсений Симановский, Иван Козлов, Андрей Костянов, Иван Бобров, Алексей Петров, Алексей Прозоров, Ольга Никольская, Шавель Ядловкер, Михель Бруссер, Арам Мкртчянц, Сергей Байдаков, Эккель Грейвер, Иван Красин, Иван Луканин, Алексей Иванов и Иван Марлотов.

Всем обвиняемым было при допросе предъявлено обвинение в принадлежности к сообществу, поставившему, заведомо для них, своей целью насильственное ниспровержение существующего в России государственного строя и приступившему уже к подготовлению вооруженного восстания, при чем обвиняемые: Носарь, Бронштейн, Саркисянц, Авксентьев, Киселевич, Гутовский, Клячко, Фейт, Багрова, Маянц, Хинчук, Вайнштейн, Симановский, Никольская и Грейвер отказались от каких-либо по делу показаний, а остальные дали при допросе нижеследующие объяснения:

1) Дмитрий Сверчков заявил, что он не признает себя виновным в приписываемом ему преступлении, но по существу этого обвинения никаких объяснений дать не желает.

2) Петр Злыднев, признавая свою принадлежность к Исполнительному Комитету Совета Рабочих Депутатов, также не пожелал дать каких-либо дальнейших объяснений.

3) Саул Зборовский заявил, что он приехал в Петербург из Одессы лишь 1 января 1906 года, и что в приписываемом ему преступлении он не виновен.

4) Николай Немцов признал при допросе, что он состоял в числе членов Исполнительного Комитета и ездил вместе со Злыдневым и другим депутатом к графу Витте для заявления о траурной демонстрации при похоронах рабочих. К этому Немцов добавил, что он действительно был аре-

стован за попытку прекратить работы на фабрике Гот.

5) Александр Плеханов, отрицая свою виновность в приписываемом ему преступлении, признал, что он состоял в Совете Депутатом от рабочих фабрики Гесслера, и что, действительно, он получил от Совета один раз 13, а другой раз 18 входных билетов, но вместе с тем Плеханов утверждал, что районным депутатом он не был.

6) Павел Балашов, также отрицая свою виновность, заявил при допросе, что в заседаниях Совета Рабочих Депутатов он никогда никаких речей не произносил.

7) Алексей Буров объяснил при допросе, что членом Исполнительного Комитета он не состоял и был задержан в помещении Комитета только потому, что пошел из любопытства послушать происходившие там прения.

8) Николай Гольдберг первоначально от показаний отказался, а затем заявил, что никакого участия в делах Совета Рабочих Депутатов он не принимал и занимался исключительно своей торговой деятельностью.

9) Владимир Коссовский объяснил, что посещал он заседания Совета как корреспондент газеты «Свободное Слово» и хотя и имел входной билет, удостоверявший, что он служащий Варшавской железной дороги, но что билет этот он получил в Совете с исключительной целью получить право входа в Совет Рабочих Депутатов.

10) Константин Мосалев, отрицая свою виновность, заявил, что он пошел 3 декабря в Вольно-Экономическое Общество, чтобы просить Совет Рабочих Депутатов оградить машинистов Варшавской железной дороги от насилий со стороны бастовавших рабочих.

11) Исаак Голынский признал при допросе, что он посещал как заседания Совета, так и заседания Исполнительного Комитета, но бывал на них исключительно как знакомый Носаря. По

просьбе последнего Голынский, по его словам, образовал патруль в 300 человек для поддержания почтово-телеграфной забастовки и ходил в квартиру священника Благовещенского с Федором Сильверстовым, при чем, однако, Голынский отказался объяснить цель посещения квартиры Благовещенского. Равным образом Голынский отказался назвать лицо, от которого он получил в бюро Исполнительного Комитета два револьвера, хотя он и не отрицал самого факта получения им этих револьверов.

12) Егор Стогов, не отрицая своей принадлежности к Исполнительному Комитету, объяснил, что Совет Рабочих Депутатов не имел своей целью насильственного ниспровержения существующего государственного строя, и что он, Стогов, состоял членом Комитета лишь до 20 ноября 1905 года, а избран был в Комитет в октябре месяце, вскоре после заседания, происходившего в Технологическом институте, во время которого председателем Совета был избран Хрусталев-Носарь и в котором обязанности секретаря исполняла дворянка Валентина Багрова.

13) Зиновий Бабин объяснил при допросе, что он состоял членом Исполнительного Комитета, но что Комитет этот вовсе не имел своей целью приготовление вооруженного восстания, а нес на себе исключительно обязанности канцелярии Совета Рабочих Депутатов.

14) Анна Болдырева также признала при допросе, что она состояла членом Исполнительного Комитета, председателем которого был Хрусталев-Носарь и которое [?]имело [?] целью приготовление вооруженного восстания путем возбуждения одних частей армии против других. Дав приведенные выше показания, Анна Болдырева, однако, отказалась подписать предъявленный ей при понятых протокол ее допроса.

15) Эразм Комар признал как свою принадлежность к Исполнительному Комитету, так и то

обстоятельство, что именно он раздавал в штабной квартире Выборгского района билеты на право посещения заседаний Совета Рабочих Депутатов.

16) Осип Логинов, также не отрицая своей принадлежности к Исполнительному Комитету, заявил, однако, что в приписываемом ему преступлении он виновным себя не признает.

17) Николай Полетаев показал, что хотя он и был членом Исполнительного Комитета, но посетил его заседание лишь один раз, а именно 3 декабря. К этому Полетаев добавил, что он лично убеждал рабочих Путиловского завода, депутатом от которого он состоял, не выделывать на заводе оружия.

18) Алексей Расторгуев признал себя членом Исполнительного Комитета и дал при допросе весьма подробные показания. Избран он был, по его словам, депутатом от завода Сименс и Гальске и при посещении заседаний Совета узнал, что город был разделен Советом на районы, среди которых ему лично было известно существование районов: В.-Островского, Петербургского, Выборгского, Нарвского, Невского и Городского. Каждый район имел своего районного представителя, который входил в число членов Исполнительного Комитета и опрашивал мнения депутатов своего района по возбуждавшимся в Совете вопросам. Кроме рабочих депутатов в состав Совета входили, по словам Расторгуева, также представители социал-демократической партии и партии социалистов-революционеров, при чем *представители этих партий не имели, будто бы, права голоса*
№3 *при баллотировках;* представители эти однако пользовались правом участвовать в прениях, и среди выступавших от имени партии ораторов ему, Расторгуеву, были известны: Николай Авксентьев, Семен Вайнштейн и Лев Хинчук, которые не пользовались популярностью среди рабочих, так как в речах своих они призывали к насилиям.

Председателем Совета был, по словам Расторгуева, Хрусталев-Носарь, обязанности секретарей исполняли Фейга Маянц, Семен Клячко и Валентина Багрова, известная в Совете под фамилией Сергеевой, а кассиром Совета был Дмитрий Сверчков, которому он, Расторгуев, лично передал 300 рублей. Среди произносивших в заседаниях речи Расторгуеву были известны из числа обвиняемых: Павел Балашов, Лев Бронштейн, Викентий Гутовский, Михаил Киселевич, Николай Немцов, Александр Плеханов и Николай Саркисянц, а также и депутатка завода Максвеля — Анна Болдырева, которая горячо убеждала путиловских рабочих не прекращать ноябрьской забастовки. Наконец обязанности контролера входных билетов исполнял, по словам Расторгуева, корректор Арсений Симановский.

Передавая подробности некоторых происходивших в заседаниях прений, Расторгуев удостоверил, что в одном из этих заседаний Хрусталев убеждал присутствовавших брать вклады из сберегательных касс и обменивать свои деньги на золото, доложив в то же время, что принадлежащие Совету десять тысяч уже обращены в золотую монету.

Наконец Расторгуев добавил, что в заседании после ареста Хрусталева Дмитрий Сверчков объявил об этом аресте, после чего Арсений Симановский доложил собранию, что он разыскивал Хрусталева по тюрьмам, и затем была выработана оглашенная Львом Бронштейном резолюция о том, что Совет Рабочих Депутатов продолжает готовиться к вооруженному восстанию. В том же заседании, по словам Расторгуева, вместо Хрусталева был избран состоявший из трех лиц президиум, в который вошли Лев Бронштейн, Дмитрий Сверчков и Петр Злыднев, несмотря на то, что какой-то интеллигент настаивал на избрании вместо Злыднева Николая Авксентьева, чему, однако, рабочие не подчинились, так как Авксентьев был им известен, как революционер.

19) Федор Шанявский также признал при допросе, что он входил в состав Исполнительного Комитета как представитель почтово-телеграфного союза, при чем Шанявский, так же как и Расторгуев, пожелал дать подробные по делу объяснения. Шанявский, по его словам, был избран членом бюро почтового союза и на него были возложены сношения с Советом Рабочих Депутатов для получения помощи бастовавшим почтово-телеграфным служащим. С этой целью он 27 ноября отправился в дом № 25 по Торговой улице, где ему приходилось бывать и ранее и где он видел Хрусталева и исполнявшую, повидимому, обязанности кассира мещанку Фейгу Маянц. Явившись в указанный дом 27 ноября, он, Шанявский, узнал от бывшего там Дмитрия Сверчкова об аресте Хрусталева и тогда же получил билет на право входа в заседание Совета Рабочих Депутатов, куда он в тот же вечер и отправился. Заседание это было открыто Сверчковым, и затем был произведен выбор президиума, в который вошли Бронштейн, Сверчков и Злыднев, хотя некоторые из присутствовавших указывали, как кандидата, Николая Авксентьева, а другие — Николая Саркисянца. В том же заседании, по словам Шанявского, обсуждались способы освобождения Хрусталева, и некоторыми ораторами было предложено прибегнуть к всеобщей забастовке, при чем в прениях по этому вопросу приняли участие Николай Немцов и Осип Логинов, но, однако, объявление забастовки было отвергнуто и затем, по предложению Льва Бронштейна, было решено обратиться к населению с призывом не принимать уплаты кредитными билетами и брать свои вклады из сберегательных касс, чтобы таким образом вынудить правительство освободить Хрусталева.

29 ноября Шанявский, по его словам, впервые принял участие в заседании Исполнительного Комитета, происходившем под председательством Бронштейна, Сверчкова и Злыднева. В состав

присутствовавших входили депутаты рабочих, представители железнодорожного и почтового союзов и несколько интеллигентов, при чем обязанности секретарей исполняли Михаил Киселевич и Фейга Маянц. Заседание было начато с чтения каким-то неизвестным Шанявскому человеком проекта «манифеста» к народу, при чем содержание проекта не было одобрено присутствующими, и после нескольких редакционных замечаний, сделанных Сверчковым, Бронштейном и Авксентьевым, было решено возвратить проект президиуму и в окончательной его редакции представить на обсуждение районных депутатов. Затем перед закрытием заседания было постановлено впредь допускать к участию в Исполнительном Комитете по одному представителю от тех профессиональных союзов и организаций, которые имеют не менее 1.000 участников.

Следующее заседание Исполнительного Комитета происходило, по словам Шанявского, 3 декабря в помещении Вольно-Экономического Общества, перед открытием общего собрания Совета Рабочих Депутатов, и в заседании этом кроме президиума присутствовали: Клячко, Саркисянц (Петров), Авксентьев (Серов), Фейт, Балашов, Багрова, Киселевич, Маянц, Коссовский, Буров и Болдырева. Предметом обсуждения в этом заседании был вопрос о проведении всеобщей забастовки как протеста против изданных законов о стачках, запрещения восьми газет и ареста Хрусталева, при чем, по предложению одного из присутствовавших, обсуждался вопрос об устройстве забастовки «с вооруженным выходом на улицу для вступления в бой с правительством», что вызвало возражения одного из представителей рабочих, доказывавшего, что рабочие не вооружены. Равным образом разделились мнения и по вопросу о своевременности забастовки, так как некоторые из присутствовавших доказывали, что забастовке должна предшествовать организация, другие же

настаивали на немедленном проведении забастовки. К последним примкнул, по словам Шанявского, и он сам, и с целью убедить собравшихся в правильности своего мнения он, Шанявский, ссылался на то, что даже такие крупные события, как французская революция, совершались без подготовки, и что во время забастовки в Риге рабочие вышли также без подготовки и оружия, а в момент подъема добыли это оружие. Прения по вопросу о забастовке были, по словам Шанявского, прерваны появлением полиции и войск, вслед за чем все присутствовавшие были арестованы.

Из обвиняемых участников Совета Рабочих Депутатов, не входивших в состав Исполнительного Комитета, не пожелали дать объяснений, как было уже сказано выше: Симановский, Никольская и Грейвер, а остальные дали при допросах следующие показания:

1) Федор Сильверстов, не отрицая того, что он участвовал в Совете Рабочих Депутатов как представитель рабочих железо-прокатного завода, заявил, что 25 ноября он зашел в дом № 25 по Торговой улице, где помещалось бюро Совета, и там какой-то неизвестный ему человек передал ему и Исааку Голынскому по револьверу и приказал им отправиться на Васильевский Остров в квартиру священника Благовещенского и путем угроз вынудить дочь последнего прекратить посещение службы в почтамте. Приказание неизвестного было как Голынским, так и Сильверстовым исполнено, и они тогда же были арестованы полицией.

2) Иван Козлов объяснил, что он четыре раза посетил заседания Совета как депутат паровозной мастерской Николаевской дороги, но что активного участия в деятельности Совета он не принимал и вовсе не был посредником между Советом и депутатами Городского района.

3) Андрей Костянов, не отрицая своего участия в Совете вследствие избрания его депутатом

рабочих конфектной фабрики Блиткен и Робинсон, заявил, однако, что посетил он заседание Совета только раз, а именно 3 декабря, и что ему ничего не было известно о противоправительственном характере деятельности Совета.

4) Иван Бобров был, по его словам, депутатом рабочих Международного Общества спальных вагонов и из участников сообщества видел в заседаниях Стогова, Бруссера и Саркисянца. Признавая самый факт вооружения рабочих и получение им самим одного револьвера от Хрусталева через Стогова, Бобров, однако, заявил, что вооружение это имело целью поддержание порядка на фабриках и заводах, и что фактически оно не было осуществлено, так как собранные среди его товарищей деньги были употреблены на устройство потребительской лавки. К изложенному Бобров добавил, что хотя он и слышал в заседаниях Совета речи о вооруженном восстании, но понимал их исключительно как угрозу, имевшую целью освобождение Хрусталева и издание закона о всеобщем избирательном праве.

5) Алексей Петров объяснил при допросе, что депутатом он не был и отправился 3 декабря в заседание Совета, чтобы просить дать ему помещение для устройства собрания электротехников.

6) Алексей Прозоров заявил, что хотя он и состоял депутатом от союза приказчиков, но что 3 декабря посетил заседание Совета в первый раз.

7) Шавель Ядловкер, признавая себя депутатом рабочих завода Пинтша, объяснил, что посещал он заседания Совета, полагая, что они разрешены полицией. С своей стороны он удерживал рабочих от забастовок, и деятельность его выразилась только в том, что он раздавал пособия безработным. К этому Ядловкер добавил, что 3 декабря он попал в Вольно-Экономическое Общество случайно, так как был туда вовлечен толпой, в то время когда войска уже оцепляли здание.

8) Михель Бруссер объяснил при допросе, что попал он в заседание 3 декабря случайно и никакого участия в деятельности Совета не принимал.

«Инородцы» оставлены в непропорц. большом количестве; так как вообще выбор лиц определялся случайностью, то будем надеяться, что и непр. большое колич. инородцев тоже случайность.

9) Арам Мкртчянц, отрицая свою принадлежность к составу Совета, заявил, что он посетил заседание этого Совета 3 декабря с целью составить корреспонденцию для газеты. К этому Мкртчянц добавил, что он, как инородец, настолько плохо владеет русским языком, что не имел даже возможности произносить речи в заседаниях Совета.

10) Сергей Байдаков, также отрицая свою принадлежность к составу Совета, заявил, что посещал он заседания Совета из любопытства и что входной билет получил от одного корреспондента, назвать которого он не желает.

11) Иван Красин признал себя виновным в том, что в качестве депутата рабочих фабрики Чешера он вступил в число членов сообщества, именовавшего себя Советом Рабочих Депутатов и поставившего своей целью ниспровержение существующего в России государственного строя посредством вооруженного восстания.

12) Иван Луканин также признал себя виновным и объяснил, что участвовал он в Совете как депутат рабочих шорно-кожевенного завода Осипова и полагал, что насильственное ниспровержение правительства будет иметь своим последствием улучшение условий жизни рабочего класса.

13) Алексей Иванов объяснил, что в качестве депутата рабочих телефонно-механического завода Лоренца он посетил заседание Совета 3 декабря в первый лишь раз, но что он был «солидарен» со всеми действиями этого Совета.

И, наконец, 14) Иван Марлотов первоначально признал себя участником сообщества, имевшего своей целью вооруженное восстание против существующего государственного строя, но затем изменил свои показания и объяснил, что он не знал

о том, что Совет Рабочих Депутатов подготовляет вооруженное восстание, и полагал, что целью деятельности этого Совета была борьба за экономические улучшения и за проведение депутатов рабочего класса в Государственную Думу.

* * *

Помимо описанной деятельности Совета Рабочих Депутатов, отдельные члены этого сообщества были командируемы к участию в печатании отдельных номеров «Известий Совета», и произведенным по этому поводу расследованием было установлено нижеследующее:

6 ноября 1905 года, около 7 часов вечера, к дому № 13 по Эртелеву переулку — в каковом здании помещается типография газеты «Новое Время» — подошли трое неизвестных мужчин и обратились к стоявшим у ворот сторожу Федору Усачеву и десятнику Александру Домнину с заявлением, что им нужно видеть управляющего типографией. Десятник Домнин доложил об этом находившемуся в конторе управляющему Иллариону Богданову, который, предполагая, что пришедшие — рабочие типографии, явившиеся узнать о времени прекращения происходившей в то время в городе забастовки, пригласил их в контору. В описываемый момент в помещении типографии, кроме упомянутых лиц, а также сторожа Александра Григорьева и троих рабочих при электрической станции, никого не было. Когда, по приказанию Богданова, пришедшие были пропущены в калитку и последняя была заперта на ключ, оставшийся на улице сторож Усачев был неожиданно окружен неизвестными ему людьми, в числе 15 человек, вооруженных револьверами и проволочными плетьми-кистенями, при чем трое из напавших, направив на Усачева револьверы и угрожая смертью, потребовали, чтобы он открыл ворота. Не дожидаясь исполнения этого требования. один из них вырвал

из рук Усачева ключ и отпер калитку. Затем напавшие втолкнули Усачева во двор и сняли с него полушубок и шапку, каковые надел на себя один из участников нападения.

Будучи вооружен револьвером и проволочною плетью, он немедленно занял место Усачева у ворот. Завладев таким образом единственным входом в типографию, напавшие заявили десятнику Домнину, сторожам Григорьеву и Усачеву, что они арестованы, отвели их в одну из комнат конторы типографии и приставили к ним четырех вооруженных револьверами людей, которые и предупредили задержанных, что при малейшем сопротивлении они будут убиты.

Между тем пришедшие к управляющему Богданову лица объявили последнему, что они явились занять типографию, согласно распоряжению Совета Рабочих Депутатов, для печатания «Известий» этого Совета, и предъявили написанную рукою обвиняемого Носаря и носящую на себе оттиск печати означенного Совета записку следующего содержания: «Типография газеты «Новое Время» подлежит, по постановлению Совета Рабочих Депутатов, занятию сегодня [*6/XII*] для печатания «Известий Совета». 6 ноября 1905 г. Председатель Хрусталев». Прочтя эту записку, Богданов заявил явившимся, что ему необходимо переговорить по этому поводу с владельцем типографии Сувориным. На это он получил ответ, что он арестован, не может быть выпущен из конторы и что ему разрешается лишь просить Суворина по телефону прибыть в типографию. В то время когда Богданов вслед затем сносился с Сувориным по телефону, представители Совета Рабочих Депутатов, показав, что они вооружены револьверами, стояли рядом с ним, готовые в каждую минуту прекратить разговор. Результатом переговоров Богданова с Сувориным по телефону было командирование вторым из них в типографию сотрудника газеты «Новое Время» — инженера-технолога

Леонида Гольштейна. По прибытии последнего в контору те же трое представителей Совета Рабочих Депутатов предъявили ему указанную выше записку, подписанную Носарем, и заявили, что «Известия Совета» печатались уже в типографиях газет «Русь», «Наша Жизнь», «Сын Отечества», «Биржевые Ведомости», и что теперь «дошла очередь» и до типографии «Нового Времени». На замечание Гольштейна, что он не может дать разрешения на печатание, и на отказ его дать честное слово за себя и за Суворина в том, что о печатании «Известий» не будет сообщено полиции, представители Совета ответили, что разрешения им и «не требуется», так как они во всяком случае будут печатать, и что отказ Гольштейна дать честное слово повлечет за собою арест его впредь до окончания работы. Когда же Гольштейн, услышав эту угрозу, предупредил, что он вооружен, то представители Совета, вынув из карманов революьверы, заявили, что они не хуже его вооружены. Признав, что сопротивление бесполезно, Гольштейн дал требуемое слово и был освобожден. Вслед затем типография наполнилась рабочими, собравшимися в количестве до 40 человек. Те же представители Совета потребовали от управляющего Богданова, чтобы он выдал им бумаги для печатания, и когда тот возразил, что бумага находится в запертой кладовой, то они решили взломать запоры. Во избежание этого Богданов сообщил им адрес кладовщика Федора Бочкова, который тотчас же и был доставлен в типографию и тут подвергнут задержанию. По распоряжению Богданова, кладовая была открыта, и лицами, занявшими типографию, было взято из нее около 30 пудов бумаги, на сумму около 120 рублей. К 11 часам утра следующего дня работа была закончена: было отпечатано около 30 тысяч экземпляров № 7 «Известий Совета Рабочих Депутатов», каковые и были упакованы в пачки и немедленно унесены из типографии. По объяснению

лиц, служащих при типографии, все участвовавшие в нападении на нее были вооружены револьверами, а некоторые из них кроме того ножами и проволочными плетьми-кистенями. При малейшей попытке кого-либо из арестованных выйти из ворот, поставленная во дворе стража угрожающе наводила на делавших таковые попытки револьверы и предупреждала, что будет стрелять. В начале 12 часа дня все лица, принимавшие участие в занятии типографии и в печатании «Известий», удалились. При осмотре затем помещения машинного отделения типографии в нем было обнаружено четыре стереотипных отлива текста № 7 упомянутых «Известий», в кармане же брошенного во дворе полушубка сторожа была найдена проволочная плеть-кистень.

Произведенным расследованием было выяснено, что аналогичного характера вооруженным нападениям, с целью напечатания «Известий Совета Рабочих Депутатов», подвергались и другие типографии в г. С.-Петербурге. Так, около 20 октября была занята типография газеты «Русь», где предполагалось отпечатать № 3 «Известий», но намерение это не было приведено в исполнение, так как вследствие забастовки служащих электрической станции печатные машины не могли быть пущены в ход, и лица, завладевшие типографией, ограничились тем, что, составив набор, унесли его с собой, похитив таким образом около 5—6 пудов шрифта, на сумму около 50—60 рублей. Типография газеты «Наша Жизнь» подверглась вооруженному занятию дважды, а именно: 20 октября, около 7 часов утра, для отпечатания упомянутого № 3 «Известий» и в ночь на 3 ноября, когда она оставалась в руках завладевших ею до 3 часов ночи 4 ноября. Во время этого случая пользования типографией в ней был отпечатан № 5 «Известий», экземпляры которого и были своевременно вынесены из помещения типографии, а затем было приступлено

к составлению набора № 6 тех же «Известий», но явившаяся в типографию полиция прервала эту работу и переписала всех участвовавших в ней. Однако этот номер «Известий» был затем отпечатан в типографии «Биржевых Ведомостей», занятой в ночь на 5 ноября.

Дальнейшим расследованием было установлено, что в числе лиц, принимавших участие в нападении на типографии газет как «Нового Времени», так и «Нашей Жизни», а равно и в работах по печатанию в этих типографиях «Известий Совета Рабочих Депутатов», были упомянутые выше Исаак Голынский, Арсений Симановский и Ольга Никольская, а также мещане Яков-Коппель Копелиович, Алексей Филиппов, крестьяне Николай Шевченко, Иван Клейц и Александр Быков, скрывшийся во время производства следствия.

В отношении поименованных лиц было выяснено следующее: 20 октября, во время отпечатания № 3 «Известий» в типографии газеты «Наша Жизнь», Арсений Симановский являлся главным руководителем как по распределению работы, так и по принятию различных мер предосторожности, в смысле охраны помещения от неожиданного появления полиции. 3 ноября, находясь в типографии «Нашей Жизни», и 6-го того же ноября в типографии «Нового Времени» Симановский исполнял обязанности корректора. Все прочие перечисленные лица присутствовали 3-го и 6 ноября в указанных типографиях, при чем Голынский и Быков были в числе тех трех лиц, которые первыми проникли в помещение типографии «Нового Времени»; Шевченко был тем лицом, которое заменило собою сторожа Усачева, одев полушубок и шапку последнего и заняв его место у ворот; Филиппов был в числе лиц, взявших на себя охрану помещений названных типографий во время печатания «Известий», а Копелиович и Никольская занимались корректурою этих последних.

По объяснению пристава 1-го участка Нарвской части, Александра Перепелицына, он, получив в ночь на 4 ноября приказание занять помещение типографии «Наша Жизнь», являющейся одним из отделов типографии «Общественная Польза», расположенной в доме № 39 по Б. Подъячевской улице, отправился туда в сопровождении двух помощников своих, 20 городовых и полуроты пехоты. По прибытии на место выяснилось, что наружные двери типографии, выходящие во двор, заперты. На требование отпереть их находившиеся в типографии ответили отказом. Вследствие этого двери были взломаны, и тогда оказалось, что они были забаррикадированы другой дверью, снятой с петель и упертой одним концом в наружные двери, а другим — в ступени лестницы. В помещении было застигнуто 48 лиц, которые были подвергнуты обыску, переписаны и отпущены, при чем оружия при них обнаружено не было. Оружие это, по объяснению пристава Перепелицына, могло быть скрыто в помещении типографии, так как в ту ночь это помещение не обыскивалось, а было лишь опечатано; на следующий же день оказалось, что одна из внутренних дверей, отделяющая помещение отдела, арендуемого газетой «Наша Жизнь», от других помещений типографии, вскрыта с уничтожением печатей, при чем часть оставленных там оригиналов рукописей, с которых производился набор, похищена, а самый набор частью рассыпан.

Допрошенные по обстоятельствам описанного насильственного завладения типографиями «Нашей Жизни» и «Нового Времени» Исаак Голынский, Арсений Симановский, Ольга Никольская и дополнительно привлеченные по настоящему делу в качестве обвиняемых Алексей Филиппов, Николай Шевченко, Яков-Коппель Копелиович и Иван Клейц дали следующие объяснения:

Голынский показал, что, ввиду отсутствия фактической возможности для рабочих осуще-

ствлять дарованную манифестом 17 октября свободу слова, Советом Рабочих Депутатов было решено завладевать силою типографиями для печатания органа Совета — «Известий» его. Между прочим, и на него, Голынского, было возложено отпечатание 7-го номера «Известий», для каковой цели он и заручился упомянутой выше запиской-ордером за подписью Хрусталева. Для осуществления возложенной на него задачи он пригласил с собою Александра Быкова и еще одно не установленное следствием лицо и около 23 человек наборщиков и рабочих. Лица эти были вооружены револьверами, кинжалами и кистенями, при чем сам он, Голынский, роздал им по дороге в типографию 9 револьверов. План действий был выработан следующий: он, Голынский, и двое первых из указанных лиц должны были проникнуть в типографию, завладеть ею и затем впустить всех остальных, которые, в свою очередь, должны были ожидать распоряжений, собравшись в трактире, помещающемся на Бассейной улице против Эртелева переулка. План этот был приведен в исполнение, при чем сторож, стоявший у ворот типографии, был снят со своего поста и заменен одним из рабочих, назвать коего Голынский отказался. Рабочий этот был тотчас одет в верхнее платье сторожа, при чем хотя у него уже имелся револьвер системы «Смит и Вессон», но он, Голынский, вручил ему еще пистолет системы «Браунинг». Далее Голынский в показании своем излагает вполне согласно с данными, добытыми расследованием, переговоры свои с управляющим Богдановым и инженером Гольштейном, удостоверяет факт отпечатания «Известий» на бумаге, принадлежавшей типографии, и утверждает, что они «второпях» забыли заплатить за бумагу.

В тот вечер, когда была таким образом занята типография «Нового Времени», в Вольно-Экономическом Обществе, по объяснению Голынского, происходило заседание Совета Рабочих Депутатов;

при чем тотчас по завладении типографией об этом было дано знать Совету, и оттуда около 2-х часов ночи пришел Арсений Симановский, приведший с собою на помощь еще несколько вооруженных рабочих. Кроме названных лиц, по словам Голынского, при печатании этого номера «Известий» присутствовали в типографии Копелиович, Никольская, занимавшиеся корректированием, и Филиппов, бывший у него, Голынского, на посылках. Взяв на себя непосредственные распоряжения по занятию типографии, он, Голынский, вместе с тем руководил набором, занимался верстанием его, а под утро сдал набор в машину, сменил рабочего, исполнявшего обязанности сторожа Усачева, при чем надел его шубу, взял от него один револьвер и проволочный кистень, каковой затем и забыл в кармане шубы. Не отрицая того обстоятельства, что типография была занята посредством насилия и угроз, Голынский говорит, что они, нападавшие, рассчитывали на действительность этих угроз, не предполагая, чтобы их пришлось приводить в исполнение. Однако, добавляет Голынский, если бы при сопротивлении пытались их задержать и передать властям, то они «разумеется» стреляли бы, так как револьверы были заряжены и притом у него, Голынского, — разрывными пулями. Таким образом, говорит Голынский, главными организаторами завладения типографией «Нового Времени» были он и Носарь, который поручил ему выполнить эту задачу, дал ему ордер и, конечно, знал «на какое дело» они, т.-е. командированные завладеть типографией, пошли. Равным образом Носарь должен был предвидеть, каким способом будет занята типография, тем более что ему было известно, что он, Голынский, шел туда вооруженным.

Что касается занятия типографии «Нашей Жизни» в ночь на 3 ноября, то, по объяснению Голынского, принимавшие участие в этом занятии,

в том числе и сам он, тоже были вооружены, но не все. Когда, в ночь на 4 ноября, до них дошло сведение, что приближается полиция, то они стали баррикадироваться, желая оказать вооруженное сопротивление, но узнав, что дом оцеплен войсками, они изменили свое намерение и спрятали револьверы. Таким образом при личном обыске оружия у них не было обнаружено, а по окончании обыска, при освобождении их, они успели унести с собою часть револьверов, остальное же оружие было вынесено ими после того, как типография была уже опечатана. По словам Голынского, тотчас после оставления ими типографии они решили во что бы то ни стало проникнуть в помещение типографии и вынести оттуда револьверы, оригиналы рукописей и наборы, что и было поручено некоторым товарищам. На следующий день эти последние исполнили поручение, при чем, сорвав наложенные приставом печати, прошли в типографию, вынесли оттуда револьверы, а также часть рукописей и набора. В заключение Голынский заявил, что они действовали при завладении типографиями «как активные работники Совета Рабочих Депутатов».

Арсений Симановский, отрицая факт пребывания своего в ночь на 7 ноября в типографии «Нового Времени», объяснил, что при обоих случаях печатания «Известий» в типографии газеты «Наша Жизнь» он присутствовал, так как был приглашен туда — кем именно, он указать не пожелал — для держания корректуры. Однако исполнить эту работу ему удалось лишь в первом из указанных случаев, так как во второй раз отпечатанию «Известий» помешало прибытие полиции. Не отрицая затем того обстоятельства, что он, Симановский, состоял членом Совета Рабочих Депутатов в качестве депутата от типографских рабочих, он вместе с тем утверждал, что редко посещал собрания Совета и совершенно не знал, как организовалось последним печатание «Известий».

Ольга Никольская, не отрицая пребывания своего в типографиях «Нашей Жизни» и «Нового Времени», когда печатались там «Известия Совета Рабочих Депутатов», заявила, что о способах завладения этими типографиями ей ничего не было известно, и что посещения ею таковых объясняются тем, что, ведя протоколы заседаний названного Совета и не успевая закончить их вовремя, она вынуждена была ездить туда, где печатались «Известия», чтобы по мере окончания протоколов немедленно отдавать их в набор. К этому Никольская добавила, что в ночь на 7 ноября она пробыла в типографии лишь с 2-х до 4-х часов.

Что касается Филиппова, Копелиовича, Шевченки и Клейца, то первые двое при допросе отказались ответить на вопрос о виновности в принадлежности к Совету Рабочих Депутатов, а последние не признали себя в том виновными. По существу же дела эти обвиняемые дали следующие показания:

Филиппов первоначально объяснил, что он присутствовал лишь при неудавшейся попытке напечатать № 6 «Известий» в типографии газеты «Наша Жизнь», при чем сам никакого содействия в этой работе не оказывал, а затем, по предъявлении ему собранных расследованием улик, отказался от дачи всяких объяснений.

Копелиович заявил, что он действительно присутствовал при напечатании и держал корректуру № 6 «Известий», но не нашел в нем ничего преступного, в типографии же «Нового Времени» в ночь на 6 ноября вовсе не был.

Шевченко, не отрицая своего присутствия при напечатании «Известий» в типографии «Нашей Жизни», объяснил, что был там по распоряжению Совета Рабочих Депутатов и что в наборе текста не участвовал, а занимался «охраною», хотя оружия при себе не имел. Что же касается обстоятельств занятия типографии «Нового Времени»,

то по сему предмету обвиняемый Шевченко отказался давать какие-либо показания.

Клейц, признавая участие свое в напечатании №№ 6 и 7 «Известий», утверждал, что он был послан для этого в типографии газет «Нашей Жизни» и «Нового Времени» из союза рабочих печатного дела, при чем в последний раз неизвестным человеком был дан ему 1 рубль на поездку и на прокормление. Тогда, по словам Клейца, все рабочие, направлявшиеся в типографию, собрались в трактире на углу Бассейной улицы и Эртелева переулка, а затем отправились в типографию, которая оказалась уже занятой. По предъявлении обвиняемому Симановского, Филиппова и Голынского, он заявил, что все эти лица присутствовали при напечатании «Известий» в типографии «Нового Времени».

Допрошенный по тем же обстоятельствам обвиняемый Георгий Носарь первоначально отказался от дачи объяснений, а затем собственноручно изложил свое показание, в котором, исходя из того соображения, что Совет Рабочих Депутатов, председателем коего он состоял, стремился лишь к ограждению интересов рабочего населения и твердо стоял на правовой почве, проведенной в жизнь манифестом 17 октября, — доказывал, что в деятельности этого Совета не могло быть и не было «ни иоты насилия». В частности, переходя к вопросу о завладении типографиями, Носарь утверждал, что захват их происходил по обоюдному согласию владельцев типографий или их заместителей и Совета. По словам обвиняемого, Совет, вынужденный для проведения всеобщей стачки приостановить выпуск газет в Петербурге, счел необходимым издавать собственный орган, носящий характер бюллетеней. По этому поводу Совет снесся с редакциями некоторых газет с целью выяснить, не уступят ли они для этого своих типографий. Ответы получились однородные: редакции заявили, что они, сочув-

ствуя рабочему движению, готовы были бы помочь, но опасность уголовной кары не позволяет сделать этого. Ввиду сего он, Носарь, предложил «компромисс» такого рода: фиктивное насильственное занятие типографий по ордеру Совета, сопровождающееся якобы арестом застигнутых там служащих, и поэтому, в случае возбуждения уголовного преследования против лиц, заведывающих типографией, — полная безответственность последних. Предложение это было принято, и, между прочим, занятие типографии газеты «Русь» было произведено именно на этих условиях по сношению с заведующим ею. На том же основании Носарь утверждает, что если бы «Новое Время» отказало ему в предоставлении типографии для напечатания «Известий», то он, в свою очередь, отказался бы и от пользования этой типографией. Между прочим, в показании своем Носарь указывает на то, что 3-го или 4 ноября к нему явилось от Суворина одно лицо с предложением принять участие в обсуждении, совместно с самим Сувориным и членами союза борьбы за свободу печати, вопроса об издании во время забастовок общей газеты. На это предложение он, Носарь, ответил Суворину письмом, изложенным на бланке Совета Рабочих Депутатов, следующего содержания: «Милостивый государь, господин Суворин! На Ваше предложение отвечаю, что приехать для переговоров не могу. В настоящее время «Известия» будут выходить прежним порядком. Редакциям газет, в том числе и «Новому Времени», придется стать на революционный путь,—тогда мы будем у вас печатать. Насчет будущих забастовок издание газеты или «Известий» будет зависеть от Совета. Председатель Хрусталев». Настаивая на том, что Суворин был оповещен о возможности печатания «Известий» в его типографии, обвиняемый Носарь заявляет, что, только прочтя в «Новом Времени» статью Гольштейна о вооруженном нападении на типографию этого органа, он узнал

о том, что Совету Рабочих Депутатов приписывается такое насилие. В заключение Носарь добавил, что никто из принимавших участие в печатании «Известий» не сообщил ему, чтобы при выполнении этой работы к кому-либо применялись в действительности угрозы, и что данными, добытыми расследованием, совершенно не установлено того обстоятельства, чтобы он, Носарь, участвовал в выработке плана занятия типографий. Напротив, 7 ноября он, до момента появления в заседании Совета лица, присланного из типографии «Нового Времени» с оповещением, что там производится печатание «Известий», — а это было около 2-х часов ночи, — не знал, в какой именно типографии будет отпечатан № 7 «Известий Совета Рабочих Депутатов».

По окончании всего расследования по настоящему делу дознание было предъявлено всем обвиняемым, при чем из них именовавший себя ранее инженером Николаем Саркисянцем заявил, что он в действительности — шушинский мещанин Богдан Мирзоджанов Кнунианц, и это последнее заявление его подтвердилось справками, собранными по этому поводу С.-Петербургским Губернским Жандармским Управлением.

Независимо от этого обвиняемый Носарь, отказавшийся ранее от всяких по делу показаний, заявил при предъявлении ему дознания, что к вооруженному восстанию и вообще к насильственным действиям он никогда не призывал, а единственным средством борьбы считал стачки. Равным образом Носарь, по его словам, никогда не имел в виду вооружения рабочих для преступных целей и предлагал Городской Думе выдать деньги для приобретения оружия исключительно с целью создания милиции для охраны граждан и их имущества. К этому Носарь добавил, что рабочему Хахареву он никогда револьверов не передавал, и что он не получал записок, подписанных фамилией Богданова, заключавших в себе

требование о выдаче оружия и сообщение об организации конспиративной квартиры.

На основании вышеизложенного кандидат юридических наук Георгий Степанов Носарь, он же Хрусталев, 27 лет, сын колониста Херсонской губернии, Елисаветградского уезда, колонии Громоклея, Лев или Лейба Давидов Бронштейн, он же Яновский или Троцкий, 26 лет, дворянин Воронежской губернии Дмитрий Федоров Сверчков, он же Введенский, 23 лет, крестьянин Орловской губернии, Елецкого уезда, Степановской волости, деревни Орановки, Петр Александров Злыднев, 26 лет, одесский мещанин Саул Шлемов Зборовский, 25 лет, шушинский мещанин Богдан Мирзоджанов Кнунианц, он же Саркисянц и Петров, 29 лет, дворянин Пензенской губернии Николай Дмитриев Авксентьев, он же Серов, 27 лет, ремесленник города Тулы, Николай Михайлов Немцов, он же Макар, 26 лет, С.-Петербургский мещанин Михаил Леонидов Киселевич, 30 лет, дворянин Тобольской губернии Викентий Аницетов Гутовский, он же Иванов, 29 лет, сын купца Семен Моисеев Клячко, 39 лет, крестьянин Саратовской губернии, Камышинского уезда, Золотовской волости, села Ваулино, Александр Никитин Плеханов, 27 лет, сын губернского секретаря Павел Васильев Балашов, 39 лет, врач Андрей Юльев Фейт, 41 года, дворянка Уфимской губернии Валентина Леонидова Багрова, она же Сергеева, 24 лет, дочь купца Фейга Янкелева Маянц, 20 лет, полтавский мещанин Лев-Гершон Михайлов-Хаимов Хинчук, 36 лет, курский мещанин Семен Лазарев Вайнштейн, 26 лет, крестьянин Ярославской губернии, Пошехонского уезда, Колобовской волости, села Мармужено, Алексей Васильев Буров, 20 лет, германский подданный Николай-Гарри Юльев Гольдберг, 26 лет, дворянин С.-Петербургской губернии Владимир Владимиров Коссовский, 22 лет, крестьянин Орловской губернии, Малоархангельского уезда, Пре-

ображенской волости, села Куракина, Константин Яковлев Мосалев, 35 лет, ногайский, Таврической губернии, мещанин Исаак Львов Голынский, 24 лет, крестьянин Московской губернии, Рузского уезда, Судниковской волости, деревни Дубосеково, Егор Алексеев Стогов, 28 лет, крестьянин Владимирской губернии, Шуйского уезда, Васильевской волости, деревни Меньшиково, Зиновий Никаноров Бабин, 23 лет, мещанка города Ростова-на-Дону Анна Гаврилова Болдырева, 36 лет, минский мещанин Эразм Сильверстов Комар, 25 лет, крестьянин Самарской губернии, Ставропольского уезда, Черемшанской волости, села Никольского, Осип Тимофеев Логинов, 27 лет, крестьянин Костромской губернии, Галичского уезда, Нагатинской волости, деревни Кожухово, Николай Гурьев Полетаев, 33 лет, крестьянин С.-Петербургской губернии, Новоладожского уезда, Глажевской волости и села, Алексей Николаев Расторгуев, 29 лет, надворный советник Федор Флорианов Шанявский, 61 года, крестьянин Нижегородской губернии, Ардатовского уезда, Ореховской волости, села Беловатово, Федор Васильев Сильверстов, 20 лет, сын надворного советника Арсений Арсеньев Симановский, 31 года, крестьянин Рязанской губернии, Ряжского уезда, Покровской волости и села, Иван Иванов Козлов, 23 лет, крестьянин Калужской губернии, Тарусского уезда, Исконской волости, деревни Сильверстово, Андрей Михайлов Костянов, 30 лет, крестьянин Костромской губернии, Чухломского уезда, Коровской волости, деревни Ачипкино, Иван Иванов Бобров, 37 лет, крестьянин Могилевской губернии, Оршанского уезда, Барановской волости, деревни Ходолево, Алексей Анисимов Петров, 28 лет, крестьянин Ярославской губернии, Угличского уезда, Улейминской волости, деревни Нефедово, Алексей Михайлов Прозоров, 24 лет, жена ветеринарного врача Ольга Ярославова Никольская, 41 года,

виленский мещанин Шавель Хацкелев Ядловкер, 20 лет, витебский мещанин Михель Залманов Бруссер, 27 лет, сын чиновника Арам Моисеев Тер-Мкртчянц, 22 лет, сын чиновника Сергей Владимиров Байдаков, 22 лет, вилькомирский мещанин Эккель Ноахов Грейвер, 30 лет, крестьянин Московской губернии, Дмитровского уезда, Ильинской волости, деревни Живутино, Иван Данилов Красин, 22 лет, крестьянин Тверской губернии, Кашинского уезда, Брылинской волости, деревни Кульнево, Иван Иванов Луканин, 20 лет, крестьянин Смоленской губернии, Сычевского уезда, Кравцовской волости, деревни Астапово, Алексей Иванов Иванов, 27 лет, дмитровский Московской губернии мещанин Иван Иванов Марлотов, 33 лет, шлиссельбургский мещанин Яков-Коппель Израилев Копелиович, 25 лет, с.-петербургский мещанин Алексей Михайлов Филиппов, 22 лет, крестьянин Воронежской губернии, Бобровского уезда, Васильевской волости, слободы Колодеевки, Николай Павлов Шевченко, 20 лет, и крестьянин Витебской губернии, Дриссенского уезда, Освейской волости и села, Иван Николаев Клейц, 20 лет,— обвиняются в том, что в 1905 г. в городе С.-Петербурге вступили участниками в сообщество, присвоившее себе наименование «С.-Петербургский Общегородской Совет Рабочих Депутатов» и заведомо для них поставившее целью своей деятельности насильственное посягательство на изменение установленного в России основными законами образа правления и замену его демократической республикой, при чем для приведения в исполнение умышленного ими преступного деяния, действуя заведомо сообща, одни в качестве членов Исполнительного Комитета названного Совета Рабочих Депутатов, а другие в качестве членов того же Совета, приобретали денежные для надобностей Совета средства, путем насильственного захвата типографий печатали и распространяли листки под названием

«Известия Совета Рабочих Депутатов», в коих возбуждали население к насильственному посягательству на изменение в России установленного основными законами образа правления, в тех же целях произносили в многолюдных и публичных своих заседаниях, посещавшихся и лицами, к Совету Рабочих Депутатов не принадлежавшими, речи, подготовлявшие вооруженное восстание и к нему возбуждавшие, издавали и распространяли обращения к войскам, призывавшие войска к учинению бунтовщического деяния, раздавали рабочим города Петербурга огнестрельное оружие, принимали меры к изготовлению в целях вооружения рабочих холодного оружия, в заседаниях своих открыто выясняли степень подготовленности рабочих города Петербурга к вооруженному выступлению, обсуждая вместе с тем и время, когда такое выступление окажется возможным, и, наконец, приняли участие в составлении и распространении путем напечатания в некоторых петербургских газетах 2 декабря 1905 года воззвания к населению, имевшего своей целью подрыв кредита, ослабление платежных сил государства и лишение государства запасов золота, обеспечивающих правильность финансового хозяйства.

Преступление это предусмотрено 1 ч. 102 и 1 ч. 101 ст. Угол. Улож.

Ввиду сего и на основании 2 п. 1032 ст. Уст. Угол. Суд. названные выше: Носарь, Бронштейн, Сверчков, Злыднев, Зборовский, Кнунианц, Авксентьев, Немцов, Киселевич, Гутовский, Клячко, Плеханов, Балашов, Фейт, Багрова, Маянц, Хинчук, Вайнштейн, Буров, Гольдберг, Коссовский, Мосалев, Голынский, Стогов, Бабин, Болдырева, Комар, Логинов, Полетаев, Расторгуев, Шанявский, Сильверстов, Симановский, Козлов, Костянов, Бобров, Петров, Прозоров, Никольская, Ядловкер, Бруссер, Тер-Мкртчянц, Байдаков, Грейвер, Красин, Луканин, Иванов, Марлотов, Копелиович, Филиппов, Шевченко и

Клейц подлежат суду С.-Петербургской Судебной Палаты с участием сословных представителей.

Составлен в г. С.-Петербурге. Мая дня 1906 года.

Товарищ прокурора Палаты *Вл. Бальц.*

Приложение № 7

Приговор С.-Петербургской Судебной Палаты по делу Совета Рабочих Депутатов.

1906 года, ноября 2 дня, в 2 час. 50 мин. пополудни, в зале судебных заседаний в гор. С.-Петербурге настоящий приговор объявлен мною, при открытых дверях присутствия, с точным соблюдением 829—834 и 842 ст. ст. Уст. Угол. Суд., при товарище прокурора Л. А. Шульгине и и. о. помощника секретаря И. К. Баговуте.

Подсудимые и защитники к выслушанию дела не явились.

Подписал член Палаты *Олышев.*

Приговор

1906 года, $\frac{\text{сентября 19}}{\text{октября 19}}$ дня, по указу Его Императорского Величества, С.-Петербургская Судебная Палата, в особом присутствии, с участием сословных представителей, в городе С.-Петербурге, в публичном судебном заседании, в котором присутствовали: старший председатель Н. С. Крашенинников, члены Палаты Д. Р. Вилькен, Й. В. Деларов, В. Д. Олышев, с.-петербургский губернский предводитель дворянства граф В. В. Гудович, заменяющий с.-петербургского городского голову В. А. Тройницкий, усть-ижорский, с.-петербургского уезда, волостной старшина А. И. Кононов, товарищ прокурора В. А. Бальц, секретарь В. В. Галкин и пом. секретаря В. А. Барановский

слушала: дело о Георгии *Носаре*, Лейбе *Бронштейне* и др., в числе 29 лиц, обвиняемых в преступлениях, предусмотренных 1 ч. 102 ст. и 1 ч. 101 ст. Угол. Улож.

Приговором С.-Петербургской Судебной Палаты, в особом присутствии с участием сословных представителей, подсудимые: кандидат юридических наук, сын крестьянина Георгий Степанов Носарь, 28 лет, сын колониста Херсонской губернии, Елисаветградского уезда, колонии Громоклея, Лейба, он же Лев Давидов Бронштейн, 25 лет, дворянин Воронежской губернии Дмитрий Федоров Сверчков, 23 лет, крестьянин Орловской губернии, Елецкого уезда, Степановской волости, деревни Орановки, Петр Александров Злыднев, 25 лет, одесский мещанин Саул Шлемов Зборовский, 25 лет, шушинский мещанин Богдан Мирзоджанов Кнунианц, 29 лет, дворянин Пензенской губернии Николай Дмитриев Авксентьев, 27 лет, ремесленник города Тулы Николай Михайлов Немцов, 26 лет, с.-петербургский мещанин Михаил Леонидов Киселевич, 30 лет, сын надворного советника Андрей Юльев Фейт, 41 года, курский мещанин Семен Лазарев Вайнштейн, 26 лет, ногайский мещанин Исаак Львов Голынский, 24 лет, минский мещанин Эразм Сильверстов Комар, 25 лет, надворный советник, потомственный дворянин Федор Флорианов Шанявский, 61 года, и сын надворного советника Арсений Арсеньев Симановский, 31 года,— признаны виновными в том, что они в последней четверти 1905 года в городе С. Петербурге состояли участниками сообщества, которое заведомо для них, подсудимых, поставило целью своей деятельности насильственное, посредством организации вооруженного восстания, изменение установленного в России основными законами образа правления на демократическую республику.

Тем же приговором признаны виновными: 1) крестьянин Московской губернии, Рузского уезда, Судниковской волости, деревни Дубосекова, Егор Алексеев Стогов, 28 лет, — в том, что он 15 ноября 1905 года в гор. С.-Петербурге передал в целях распространения крестьянам Игнатовичу и Кудрявцеву из находившейся при нем пачки «Известий Совета Рабочих Депутатов» экземпляр № 7 этих «Известий», зная, что номер этот заключает в себе статьи, возбуждающие к бунтовщическим деяниям, именно содержащие призыв Совета Рабочих Депутатов к сознательным рабочим удесятерить революционную работу в рядах армии и немедленно приступить к боевой организации рабочих масс для последней всероссийской схватки «с кровавою монархиею, доживающею свои последние дни», призыв железнодорожников, обращенный к городскому пролетариату, объединиться с крестьян-

ством в одну могучую революционную армию для окончательной борьбы, ведущей к победе, и т. д., и 2) крестьянин Воронежской губернии, Бобровского уезда, Васильевской волости, слободы Колодеевка, Николай Павлов Шевченко, 20 лет, — в том, что он в ночь на 7 ноября 1905 г. в городе С.-Петербурге по взаимному соглашению с другими лицами, с целью распространения номера седьмого «Известий Совета Рабочих Депутатов», заключавшего, заведомо для него, Шевченко, статьи, возбуждающие к бунтовщическим действиям, содержание каковых статей указано выше, принял участие в отпечатании в типографии «Нового Времени» означенного номера «Известий» во многих тысячах экземпляров, которые затем с ведома и согласия его, Шевченко, и были распространены другими лицами.

Обращаясь к определению поименованным лицам следующего им по закону наказания, Особое Присутствие находит, что преступное деяние, в совершении коего признаны виновными первые 15 подсудимых: Носарь, Бронштейн, Сверчков, Злыднев, Зборовский, Кнунианц, Авксентьев, Немцов, Киселевич, Фейт, Вайнштейн, Голынский, Комар, Шанявский и Симановский, является участием в преступном сообществе, по признакам своим соответствующем 1 ч. 102 ст. Угол. Улож.; нормальным наказанием за это преступление определена каторга по 16 ст. Угол. Улож. не свыше 8 лет. Признавая всех названных подсудимых заслуживающими снисхождения ввиду наличности уменьшающих их вину обстоятельств настоящего дела, Особое Присутствие, руководствуясь 53 ст. Угол. Улож., считает справедливым перейти к следующему роду наказания, а именно,— к ссылке на поселение, по 17 статье Угол. Улож. и сообразно с сим поименованных подсудимых: Георгия Степанова Носаря, 28 лет, Лейбу Давидова Бронштейна, 25 лет, Дмитрия Федорова Сверчкова, 23 лет, Петра Александрова Злыднева, 25 лет, Саула Шлемова Зборовского, 25 лет, Богдана Мирзоджанова Кнунианца, 29 лет, Николая Дмитрова Авксентьева, 27 лет, Николая Михайлова Немцова, 26 лет, Михаила Леонидова Киселевича, 30 лет, Андрея Юльева Фейта, 41 года, Семена Лазарева Вайнштейна, 26 лет, Исаака Львова Голынского, 24 лет, Эразма Сильверстова Комара, 25 лет, Федора Флорианова Шанявского, 61 года, и Арсения Арсеньева Симановского, 31 года,— лишить прав состояния и сослать на поселение в места, для того предназначенные, с последствиями по 34 и 35 ст. ст. Угол. Улож. Ввиду того, что для осужденных Сверчкова,

Авксентьева и Шанявского означенное наказание сопровождается потерею дворянства, а для Шанявского — также потерей чина надворного советника и знаков отличия, настоящий приговор по вступлению его в законную силу по отношению к Сверчкову, Авксентьеву и Шанявскому должен быть представлен через министра юстиции на усмотрение Его Императорского Величества.

Что же касается подсудимых крестьян Егора Стогова и Николая Шевченко, то преступления, в коих они признаны виновными, составляя распространение преступных изданий заведомо об их содержании, возбуждающем к учинению бунтовщического деяния, предусмотрены 1 п. 1 ч. 129 ст. Угол. Улож., нормальным наказанием за которое законом установлена ссылка на поселение по 17 ст. того же Уложения. Признавая Стогова и Шевченко наравне с прочими подсудимыми заслуживающими снисхождения, ввиду наличности смягчающих их вину обстоятельств, Особое Присутствие при определении им наказания от 17 ст. переходит на основании 53 ст. к следующему роду наказания, а именно — к заключению в крепости по 19 ст., определив таковое в размере: для Стогова — одного года и шести месяцев, а для Шевченко — одного года, при чем, ввиду недостижения Шевченко совершеннолетнего возраста (родился 2 января 1886 года), означенный годичный срок в силу 3 п. 57 ст. Угол. Улож. должен быть сокращен на $^1/_3$ и сводится к 8-месячному заключению в крепость, принимая далее во внимание, что по сему делу Стогов содержится под стражею с 3 декабря 1905 года по настоящее время, а Шевченко содержался под стражею с 3 марта по 22 июня 1906 г.,— Особое Присутствие признает справедливым на основании 54 ст. Угол. Улож. засчитать им в срок определенного им лишения свободы время предварительного их заключения: Стогову —10 месяцев 16 дней, а Шевченко —3 месяца 19 дней.

Все вышепоименованные 17 подсудимых тем же приговором Особого Присутствия признаны невиновными по предъявленному им обвинению в совершении ими преступления, предусмотренного 1 ч. 101 ст. Угол. Улож., а Стогов и Шевченко — также невиновными в совершении преступления, указанного 1 ч. 102 ст. Угол. Улож., ввиду недоказанности совершения ими упомянутых деяний, вследствие чего они должны быть по этим обвинениям признаны по суду оправданными на основании 1 п. 771 ст. Уст. Угол. Суд.

Наконец остальные 12 подсудимых: дворянин С.-Петербургской губернии Владимир Владимиров Коссовский, 22 лет, кре-

стьянин Орловской губернии, Малоархангельского уезда, Преображенской волости, села Куракина, Константин Яковлев Мосалев, 35 лет, крестьянин Владимирской губернии Шуйского уезда, Васильевской волости, деревни Меньшикова, Зиновий Никандров Бабин, 23 лет, крестьянин Костромской губернии, Галичского уезда, Нагатинской волости, деревни Кожухово, Николай Гурьев Полетаев, 33 лет, крестьянин С.-Петербургской губернии, Новоладожского уезда, Глажевской волости, села Глажева, Алексей Николаев Расторгуев, 29 лет, крестьянин Нижегородской губернии, Ардатовского уезда, Ореховской волости, села Беловатова, Федор Васильев Сильверстов, 21 года, крестьянин Костромской губернии, Чухломского уезда, Коровской волости, деревни Ачипкина, Иван Иванов Бобров, 37 лет, крестьянин Могилевской губернии, Оршанского уезда, Барановской волости, деревни Ходолево, Алексей Анисимов Петров, 28 лет, крестьянин Московской губернии, Дмитровского уезда, Ильинской волости, деревни Живутино, Иван Данилов Красин, 22 лет, крестьянин Тверской губернии, Кашинского уезда, Брылинской волости, деревни Кульнево, Иван Иванов Луканин, 20 лет, с.-петербургский мещанин Алексей Михайлов Филиппов, 22 лет, и крестьянин Витебской губернии, Дриссенского уезда, местечка Освей, Иван Николаев Клейц, 20 лет,— признаны Особым Присутствием также невиновными за недоказанностью совершения ими преступных деяний, в коих они обвинялись, а потому они должны быть по сему делу признаны по суду оправданными на основании 1 п. 771 ст. Уст. Угол. Суд.

Судебные по сему делу издержки, согласно правилам, изложенным в 976—999 ст. ст. Уст. Угол. Суд., надлежит обратить на имущества осужденных по 1 ч. 102 ст. Угол. Улож., лишенных прав состояния, Носаря, Бронштейна, Сверчкова, Злыднева, Зборовского, Кнунианца, Авксентьева, Немцова, Киселевича, Фейта, Вайнштейна, Голынского, Комара, Шанявского и Симановского поровну с круговой ответственностью, а при недостаточности означенных имуществ для взыскания с них судебных издержек, таковые должны быть приняты на счет казны. На осужденных же по 1 п. 1 ч. 129 ст. Угол. Улож. Стогова и Шевченко судебные издержки по сему делу возложены быть не могут, так как они оправданы по первоначально предъявленным им обвинениям по 1 ч. 101 ст. и 1 ч. 102 ст. Угол. Улож., а свидетели, показания которых относятся к преступлению, предусмотренному 1 п. 1 ч.

129 ст. Угол. Улож., в коем они признаны виновными, проживали в С.-Петербурге, и явка их по настоящему делу в суд не была сопряжена с выдачей им путевых и суточных денег.

Ввиду того, что дело это в отношении 22 подсудимых, к судебному разбирательству не явившихся, остается неразрешенным и дело о них подлежит отдельному рассмотрению, все вещественные доказательства, как могущие иметь значение при обсуждении их виновности, надлежит оставить при деле.

Из числа осужденных настоящим приговором лиц Эразм Комар, на основании вошедшего в законную силу приговора Особого Присутствия С.-Петербургской Судебной Палаты от 6 марта 1906 г. как признанный виновным в преступлении, предусмотренном 3 п. 1 ч. 129 ст. Угол. Улож., подлежал заключению в исправительный дом на один год и шесть месяцев с последствиями, указанными в 30, 34 и 35 ст. ст. Угол. Улож. Принимая во внимание, что ныне подсудимый Эразм Комар приговорен к более тяжкому наказанию, а именно — к ссылке на поселение, с узаконенными последствиями, Особое Присутствие признает, что вышеупомянутый приговор от 10 марта 1906 года на основании 60 ст. Угол. Улож. должен считаться поглощенным настоящим состоявшимся по отношению к Эразму Комару приговором и в части, касающейся личной ответственности Комара, должен быть оставлен без исполнения.

Ввиду всего изложенного С.-Петербургская Судебная Палата в Особом Присутствии с участием сословных представителей *определяет:* 1) подсудимых: кандидата юридических наук сына крестьянина Георгия Степанова Носаря, 28 лет, сына колониста Херсонской губернии, Елисаветградского уезда, колонии Громоклея, Лейбу, он же Лев, Давидова Бронштейна, 25 лет, дворянина Воронежской губернии, Дмитрия Федорова Сверчкова, 23 лет, крестьянина Орловской губернии, Елецкого уезда, Степановской волости, деревни Орановки, Петра Александрова Злыднева, 25 лет, одесского мещанина Саула Шлемова Зборовского, 25 лет, шушинского мещанина Богдана Мирзоджанова Кнунианца, 29 лет, дворянина Пензенской губернии Николая Дмитриева Авксентьева, 27 лет, ремесленника города Тулы Николая Михайлова Немцова, 26 лет, с.-петербургского мещанина Михаила Леонидова Киселевича, 30 лет, сына надворного советника Андрея Юльева Фейта, 41 года, курского мещанина Семена Лазарева Вайнштейна, 26 лет, ногайского мещанина Исаака Львова Голынского, 24 лет, мин-

ского мещанина Эразма Сильверстова Комара, 25 лет, надворного советника, потомственного дворянина Федора Флорианова Шанявского, 61 года, и сына надворного советника Арсения Арсеньева Симановского, 31 года,— признав виновными в преступлении, предусмотренном 1 ч. 102 ст. Угол. Улож., лишить прав состояния и сослать на поселение с последствиями по 34 и 35 ст. ст. Угол. Улож.; тех же подсудимых по обвинению в преступлении, предусмотренном 1 ч. 101 ст. Угол. Улож., считать по суду оправданными; 2) подсудимых: крестьянина Московской губернии, Рузского уезда, Судниковской волости, деревни Дубосекова, Егора Алексеева Стогова, 28 лет, и крестьянина Воронежской губернии, Бобровского уезда, Васильевской волости, слободы Колодеевки, Николая Павлова Шевченко, 20 лет, — признав виновными в преступлениях, предусмотренных 1 п. 1 ч. 129 ст. Угол. Улож., заключить в крепость: Стогова — на один год шесть месяцев, Шевченко — на восемь месяцев, засчитав им в сроки этих наказаний из времени, проведенного в предварительном заключении, Стогову — десять месяцев шестнадцать дней, Шевченко — три месяца девятнадцать дней; тех же подсудимых по обвинению в преступлениях, предусмотренных 1 ч. 102 и 101 ст. ст. Угол. Улож., считать по суду оправданными; 3) подсудимых: Владимира Коссовского, Константина Мосалева, Зиновия Бабина, Николая Полетаева, Алексея Расторгуева, Федора Сильверстова, Ивана Боброва, Алексея Петрова, Ивана Красина, Ивана Луканина, Алексея Филиппова и Ивана Клейца, признав невиновными в преступлениях, предусмотренных 1 ч. 102 и 101 ст. ст. Угол. Улож., считать оправданными; 4) судебные издержки обратить на имущества всех осужденных по 1 п. сего приговора поровну с круговою ответственностью, а при недостаточности означенных имуществ к платежу издержек принять последние на счет казны; 5) вещественные доказательства оставить при деле; 6) настоящий приговор по отношению к Сверчкову, Авксентьеву и Шанявскому по вступлении его в законную силу представить через министра юстиции на Высочайшее благоусмотрение; 7) приговор Особого Присутствия С.-Петербургской Судебной Палаты о Комаре от 10 марта 1906 г. признать поглощенным настоящим приговором и в части личной ответственности Комара — не подлежащим исполнению.

Подлинный за надлежащими подписями и скрепою.

Верно: За секретаря *(подпись)*.

С подлинным сверял за пом. секретаря *(Н. Росцишевский)*.

Приложение № 8

Прокламация Петербургского Комитета РСДРП с проектом резолюции для митингов и массовок по поводу суда над Советом Рабочих Депутатов

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

П. К. предлагает для всех митингов и массовок следующую резолюцию:

Мы, собравшиеся рабочие завода . . . . , узнав о предстоящем суде над Советом Рабочих Депутатов, глубоко возмущенные, заявляем:

1) Стремление правительства изобразить Совет Рабочих Депутатов в виде кучки заговорщиков, преследовавших цели, чуждые рабочему классу, есть новая жалкая попытка обмануть население.

2) Совет Рабочих Депутатов состоял из наших выборных, и вся его деятельность была выполнением нашей воли, воли рабочих всего Петербурга.

3) Цели, которые преследовал Совет Рабочих Депутатов, требования, которые он отстаивал,— это наши кровные нужды; как и Совет Рабочих Депутатов, мы вели и ведем борьбу за уничтожение кровавой власти, за Учредительное Собрание, за демократическую республику, которая откроет нам дорогу к социализму. За это мы боролись, боремся и будем бороться, пока не победим.

4) Устраивая комедию суда над нашими выборными, правительство само садится на скамью подсудимых перед лицом грозного судьи — народа, и близок час беспощадного приговора над гнусным чудовищем.

Привет вам, наши товарищи, наши представители, томящиеся в тюрьмах за наше общее дело! Знайте, что весь народ за вами! Знайте, что он неустанно готовится к последнему бою!

Да здравствует революция!

Петербургский Комитет РСДРП.

Июль 1906 г.

Приложение № 9

Воззвание Всероссийского Железнодорожного Союза

По всем станциям, управлениям и правлениям российских железных дорог, всем служащим, мастеровым и рабочим

Товарищи! Правительство, уступившее под давлением всеобщей октябрьской забастовки и объявившее 17 минувшего октября высочайший манифест о свободе слова, собраний, союзов и неприкосновенности личности, теперь отказывается от своего манифеста; вместо свободы слова оно закрывает лучшие газеты, вместо свободы собраний — разгоняет их, вместо свободы союзов — грозит тюрьмой за участие в Железнодорожном и Почтово-Телеграфном Союзах, вместо неприкосновенности личности — арестовывает Совет Рабочих Депутатов в Петербурге, членов Крестьянского Союза в Москве и прочих граждан в других местностях России. Оно выбрасывает сотни тысяч фабрично-заводских рабочих на улицу, оно усмиряет голодных крестьян с помощью генерал-адъютантов и пулеметов, оно предает военно-полевому суду восставших солдат и матросов.

Товарищи! Каждый из нас понимает, что без упомянутых выше свобод и наших союзных организаций наше экономическое и правовое положение не только не улучшится, но станет еще хуже. Правительство накануне банкротства, и мы рискуем потерять даже те сбережения, которые внесены нами в пенсионные и сберегательные кассы. Запрещая и нарушая свободы, объявленные манифестом 17 октября, правительство таким образом само становится «мятежным»; поэтому «крамольники» не те, кто борется за свободу, а само правительство, которое нарушает им же изданные законы.

Товарищи! Дальше терпеть нельзя! Правительство вызывает нас на новый бой. Пусть будет так. Вина за последствия падет на преступное петербургское правительство.

Конференция депутатов от 29 жел. дорог, совместно с центральным бюро Всероссийского Железнодорожного Союза, присоединяясь к постановлениям Советов Рабочих Депутатов Петербурга и Москвы, объявляет с 7 сего декабря всеобщую политическую забастовку; объявляя эту забастовку, мы берем на себя

возвращение войск из Манчжурии и доставим эти войска в Россию гораздо скорее, чем это сделало бы правительство; при этом обращаемся к нашим братьям военным в Манчжурии, чтобы они сами во время следования по железным дорогам оказывали содействие нашим организациям и поддерживали порядок, установленный нами. Пассажиров, захваченных забастовкой в пути, мы доставим до ближайшего города в направлении их следования. Кроме того, мы примем все меры для перевозки продовольственного хлеба голодающим крестьянам и провизии для товарищей на линии.

От старого правительства ждать более нечего: оно изжило себя. Только Учредительное Собрание, избранное на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, выведет Россию из того положения, в которое ее поставило преступное правительство. И до тех пор пока существует военное положение, усиленная охрана, пока свободе слова, печати, собраний, союзов и неприкосновенности личности угрожает опасность — всеобщая политическая забастовка не может прекратиться, она должна продолжиться.

Итак, товарищи, смело и дружно в борьбу за освобождение всего народа. Мы не одни, городской пролетариат, трудовое крестьянство и сознательная часть армии и флота уже восстали за народную свободу, за землю, за волю.

Конференция депутатов от 39 жел. дорог и центральное бюро Всероссийского Железнодорожного Союза.

«Борьба» № 9,
7 декабря 1905 года.

Приложение № 10

Воззвание Московского Совета Рабочих Депутатов и революционных партий

(6 декабря 1905 г.)

К всем рабочим, солдатам и гражданам

Товарищи рабочие, солдаты и граждане!

С 17 октября, когда рабочий класс силой вырвал у царского правительства обещание разных свобод и «действительной неприкосновенности личности», насилия со стороны правительства не только не прекращаются, но усиливаются, и попрежнему рекой льется человеческая кровь.

Свободные собрания, где можно слышать свободное слово, разгоняются оружием, профессиональные и политические союзы жестоко преследуются.

Свободные газеты закрываются уже сразу десятками.

За стачки грозят тюрьмой. А над «действительною» неприкосновенностью личности русского гражданина учиняются такие издевательства и насилия, от которых кровь стынет в жилах.

Снова тюрьмы набиваются борцами за свободу.

Объявляются на военном положении целые области и губернии.

Без пощады убиваются и расстреливаются голодные крестьяне.

Матросов и солдат, не желающих быть братоубийцами и примкнувших к своему народу, гноят в тюрьмах, топят и убивают.

Если бы собрать всю кровь и слезы, пролитые по вине правительства лишь с октября, оно бы утонуло в них, товарищи!

Но с особой ненавистью царское правительство обрушивается на рабочий класс. Заключив союз с капиталистами, оно выбрасывает на улицу сотни тысяч рабочих, обрекая их на нищету, болезни и голодную смерть. Оно десятками и сотнями сажает в тюрьмы депутатов и вождей рабочих.

Оно грозит принять против представителей социал-демократической рабочей партии и партии социал-революционеров какие-то «совершенно исключительные» меры. Оно снова организует свои черные сотни и грозит новыми массовыми убийствами и погромами.

Революционный пролетариат не может дольше терпеть издевательств царского правительства и объявляет ему решительную и беспощадную войну!

Товарищи рабочие! Мы, избранные вами депутаты, Московский Комитет и группа РСДРП, Московская Окружная Организация Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и Московский Комитет Партии Социалистов-Революционеров — объявляем всеобщую политическую забастовку и призываем вас в среду 7 декабря, в 12 час. дня, бросить и остановить работу на всех фабриках и заводах, во всех городских и правительственных предприятиях.

Да здравствует беспощадная борьба с преступным царским правительством!

Товарищи солдаты! Вы наши кровные братья, дети единой с нами матери — многострадальной России. Вы уже сознали и подтвердили это участием в нашей борьбе. Ныне, когда пролетариат объявляет ненавистному врагу — царскому правительству — решительную войну, действуйте и вы решительно и смело. Отка-

зывайтесь повиноваться своему кровожадному начальству, гоните его прочь и арестуйте, выбирайте из своей среды надежных руководителей и с оружием в руках присоединяйтесь к восставшему народу. Вместе с рабочим классом добивайтесь распущения постоянной армии и всенародного вооружения, добивайтесь отмены военных судов и военного положения.

Да здравствует союз революционного пролетариата с революционной армией!

Да здравствует борьба за общую свободу!

И вы, все граждане, искренно жаждущие широкой свободы, помогите восставшим рабочим и солдатам, чем только можете — и личным участием и общими средствами. Пролетариат и армия борются за свободу и счастье всей России и всего народа. На карту поставлено все будущее России. Жизнь или смерть, свобода или рабство! Соединенными силами мы свергнем, наконец, преступное царское правительство, созовем Учредительное Собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного голосования и утвердим демократическую республику, которая одна может обеспечить нам широкую свободу и действительную неприкосновенность личности.

Смело же в бой, товарищи рабочие, солдаты и граждане!
Долой преступное царское правительство!
Да здравствует всеобщая забастовка и вооруженное восстание!
Да здравствует всеобщее Учредительное Собрание!
Да здравствует демократическая республика!

Московский Совет Рабочих Депутатов.
*Московский Комитет *). } РСДРП.*
*Московская группа **). } РСДРП.*
*Московская Окружная Организация *).*
Московский Комитет Партии Социалистов-Революционеров.

6 декабря 1905 года.

«Известия Моск. С. Р. Д.» № 1,
7 декабря 1905 г.

---

*) Московский Комитет и Московская Окружная Организация (ныне Московский Губернский Комитет) РСДРП всегда были большевистскими организациями партии. (Прим. ред. сборн. «Декабрьское восстание».)

**) Московская группа РСДРП, существовавшая в годы раскола до Стокгольмского съезда, была организацией меньшевиков. (Прим. ред. сборн. «Декабрьское восстание».)

Приложение № 11

Воззвание Московского Совета Рабочих Депутатов

Товарищи рабочие и граждане! Банки гор. Москвы, как государственный, так и частные, накануне банкротства, заведующим этими банками весьма выгодно закрыть их, чтобы, таким образом, не был вытребован вкладчиками последний небольшой остаток золота и чтобы, таким образом, не произошел крах.

Этот остаток золота сегодня утром был равен всего лишь 3 миллионам 800 тыс., так как до сего дня в два дня было вытребовано вкладчиками 2 миллиона. Таким образом остатка золота может хватить самое большее на 4 дня. Московский Совет Рабочих Депутатов, обсудив это положение дел, постановил не допустить до забастовки банков и рекомендовать всем поспешить вынимать все свои сбережения.

Итак, товарищи рабочие, спешите вынимать свои скудные сбережения, чтобы они не пропали (требуйте, конечно, золотом, а не бумажками, которые скоро совсем ничего не будут стоить).

Вы, граждане, вынимайте тоже ваши вклады.

P. S. Сообщают, что администрация даже предлагала всем чиновникам месячный оклад, только чтобы они забастовали.

Московский Совет Рабочих Депутатов.

«Известия Моск. С. Р. Д.» № 4,
10 декабря 1905 г.

Приложение № 12

Советы восставшим рабочим

Товарищи! Началась уличная борьба восставших рабочих с войсками и полицией. В этой борьбе может много погибнуть наших братьев, борцов за свободу, если все вы не будете держаться некоторых правил. Боевая организация при Московском Комитете Российской Социал-Демократической Рабочей Партии спешит указать вам эти правила и просит вас строго следовать им.

1. Главное правило — *не действуйте толпой.* Действуйте небольшими отрядами, человека в три-четыре, не больше. Пусть только этих отрядов будет возможно больше. И пусть каждый из них выучится быстро нападать и быстро исчезать. Полиция

старается одной сотней казаков расстреливать тысячные толпы. Вы же против сотни казаков ставьте одного-двух стрелков. Попасть в сотню легче, чем в одного, особенно если этот один неожиданно стреляет и неизвестно куда исчезает. Полиция и войска будут бессильны, если вся Москва покроется этими маленькими неуловимыми отрядами.

2. Кроме того, товарищи, *не занимайте укрепленных мест.* Войско их всегда сумеет взять или просто разрушить артиллерией. Пусть нашими крепостями будут проходные дворы и все места, из которых легко стрелять и *легко уйти.* Если такое место и возьмут, то никого там не найдут, а потеряют много. Всех же их взять нельзя, потому что для этого каждый дом нужно населить казаками.

3. Поэтому, товарищи, если вас кто будет звать куда большой толпой и занять укрепленное место, считайте того глупцом или провокатором. Если это глупец — не слушайте, если провокатор — убивайте. Всегда и всем говорите, что нам выгоднее действовать одиночками, двойками, тройками, что это полиции выгодно расстреливать нас оптом, тысячами.

4. Избегайте также ходить теперь на большие митинги. Мы увидим их скоро в свободном государстве, а сейчас нужно воевать и только воевать. Правительство это прекрасно понимает и нашими митингами пользуется для того, чтобы избивать и обезоруживать нас.

5. Собирайтесь лучше небольшими кучками *для боевых совещаний каждый в своем участке,* и при первом появлении войск рассыпайтесь по дворам. Из дворов стреляйте, бросайте камнями в казаков, потом перелезайте на соседний двор и уходите.

6. Строго отличайте ваших сознательных врагов от врагов бессознательных, случайных. Первых уничтожайте, вторых щадите. *Пехоты по возможности не трогайте.* Солдаты — дети народа и по своей воле против народа не пойдут. Их натравливают офицеры и высшее начальство. Против этих офицеров и начальства вы и направьте свои силы. Каждый офицер, ведущий своих солдат на избиение рабочих, объявляется врагом народа и ставится вне закона. Его безусловно убивайте.

7. *Казаков не жалейте.* На них много народной крови: они всегдашние враги рабочих. Пусть уезжают в свои края, где у них земли и семьи, или пусть сидят безвыходно в своих казармах, — там вы их не трогайте. Но как только они выйдут на улицу,—

конные или пешие, вооруженные или безоружные, — смотрите на них как на злейших врагов и уничтожайте без пощады.

8. На драгун и патрули делайте нападение и уничтожайте.

9. В борьбе с полицией поступайте так. Всех высших чинов, до пристава включительно, при всяком удобном случае убивайте. Околодочных обезоруживайте и арестовывайте, тех же, которые известны своей жестокостью и подлостью, тоже убивайте. У городовых только отнимайте оружие и заставляйте служить не полиции, а нам.

10. *Дворникам запрещайте запирать ворота*. Это очень важно. Следите за ними, и если кто не послушает, то в первый раз побейте, а второй — убейте. Заставляйте дворников служить опять-таки нам, а не полиции. Тогда каждый двор будет нашим убежищем и засадой.

Вот главные правила, товарищи. В следующих листках боевая организация даст вам еще несколько советов о том, как защищаться, как нападать, как строить баррикады. Теперь же скажем несколько слов совсем о другом.

Помните, товарищи, что мы хотим не только разрушить старый строй, но и создать новый, в котором каждый гражданин будет свободен от всяческих насилий. Поэтому сейчас же берите на себя защиту всех граждан, охраняйте их, делайте ненужной ту полицию, которая под видом охранительницы общественной тишины и спокойствия насильничает над беднотой, сажает нас в тюрьмы, устраивает черносотенные погромы.

Наша ближайшая задача, товарищи, передать город в руки народа. Мы начинаем с окраин, будем захватывать одну часть за другой. В захваченной части мы сейчас же установим свое выборное управление, введем свои порядки, 8-часовой рабочий день, подоходный налог и т. д. Мы докажем, что при нашем управлении общественная жизнь потечет правильней, жизнь, свобода и права каждого будут ограждены более чем теперь. Поэтому, воюя и разрушая, вы помните о своей будущей роли и учитесь быть управителями.

Боевая организация при Моск. Ком. РСДРП.

Распространяйте этот листок всюду, расклеивайте по улицам, раздавайте прохожим.

«Известия Моск. С. Р. Д.» № 5,
11 декабря 1905 г.

Приложение № 13

Черносотенцы у царя

23 декабря 1905 года в Царскосельском дворце состоялся прием комиссии от союза русского народа, состоявшей из 23 лиц. Председатель Дубровин прочел адрес, выслушав который, государь сказал:

— Прошу передать царское спасибо подписавшим адрес.

Затем Дубровин поднес царю 2 значка союза для него и для наследника.

— Хорошо, — отвечал государь, — благодарю вас.

По выслушании следующего адреса Майкова государь сказал:

— Возложенное на меня в Кремле московском бремя власти я буду нести сам — и уверен, что русский народ поможет мне. Во власти я отдам отчет перед богом.

На последовавшую затем речь Майкова, государь сказал:

— Благодарю вас за искренние чувства. Я верю русскому народу.

В ответ на адрес от Ярославского отдела союза и речь Тришатного государь ответил:

— Поблагодарите всех русских людей, примкнувших к союзу русского народа. Скоро, скоро воссияет солнце правды над землею русской, и тогда все сомнения исчезнут. Передайте мою благодарность ярославским и вологодским крестьянам.

В ответ на речь Булацеля, умолявшего не верить «тому, кого выдвигают масоны и кто опирается только на инородцев», и уверявшего, что народ «творит молитву за своего самодержавного царя, и что эта молитва дороже всяких похвал заграничных газет и банкиров...», и закончившего словами: «обопритесь на русских людей — и никакие врата ада не одолеют русского государя, окруженного своим народом»,— государь, поблагодарив, изволил сказать:

— Да, я верю, что с вашей помощью мне и русскому народу удастся победить врагов России.

На речь Баранова, который, между прочим, уверял, что «евреи в члены союза безусловно не принимаются, хотя бы и исповедывали православную веру», что «настоящая смута на святой Руси — дело их рук», и умолял «не давать им равноправия

с нами, иначе они будут владычествовать над нами», — государь ответил:

— Я подумаю.

Затем государь выслушал рабочего Кузьмина и ответил:

— Объединяйтесь, русские люди, я рассчитываю на вас.

После речи Борисова государь сказал:

— Благодарю, и передайте мою благодарность всем единомышленникам. — Засим государь спросил: — Кто вы?

Борисов ответил, что он извозопромышленник, и что извозопромышленники употребили все старания удержать извозчиков от забастовки.

На это государь спросил:

— И удалось?

Борисов ответил:

— Удалось.

На это его величество опять сказал:

— Передайте извозчикам мою благодарность; объединяйтесь и старайтесь.

Полное собрание речей Николая II, стр. 66—67.
«Моск. Вед.» № 12, 1906 г.

Примечания

[1]) *Драгомиров, М. И.* — генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа. Автор нескольких книг по военным вопросам. Умер в 1905 г.

[2]) *Сипягин, Д. С.* (1853—1902) — министр внутренних дел царской России с 1898 г. До этого времени занимал целый ряд различных должностей от уездного предводителя дворянства до товарища министра государственных имуществ. На посту министра внутренних дел Сипягин провел ряд реакционных мероприятий, главным образом по крестьянскому вопросу. 2 апреля 1902 г., по поручению боевой организации партии эсеров, Сипягин был убит студентом Балмашевым.

[3]) *Плеве* — см. прим. 27 в 1-й части этого тома.

[4]) *Святополк-Мирский* — см. прим. 28 в 1-й части этого тома.

[5]) *Булыгин* — см. прим. 109 в 1-й части этого тома.

[6]) *Витте* — см. прим. 36 в 1-й части этого тома.

[7]) *Дурново* — см. прим. 182 в 1-й части этого тома.

[8]) *Либеральные земцы.* — Подробно о земском либеральном движении накануне революции 1905 г. см. часть 1-ю настоящего тома, статью «До девятого января» и прим. 3 и 5 там же.

[9]) *Бомба 15 июля.* — Речь идет об убийстве министра внутренних дел Плеве. 15 июля 1904 г. Плеве был убит бомбой, брошенной в его карету эсером Сазоновым. Убийство было организовано боевой организацией социалистов-революционеров при ближайшем участии Азефа, известного провокатора, посланного самим Плеве в эсеровскую организацию. Деятельность Плеве возбудила против него не только ненависть революционных кругов, но и явную враждебность со стороны либерального «общества». Подробнее о Плеве см. 1-ю часть настоящего тома прим. 27.

[10]) *Аграрное движение в Харьковской и Полтавской губ.* — В 1902 г. в Харьковской и Полтавской губ. начинается сильное крестьянское движение. Главными причинами послужили быстрый рост безработицы среди крестьянства, сокращение площади земли, сдаваемой крестьянам в аренду, и высокие арендные цены. Все эти обстоятельства чрезвычайно тяжело отразились на положении крестьянства, крестьянское население все более и более разорялось, и в деревнях ощущался сильный недостаток хлеба. Прокламации и листовки революционных партий, широко распространявшиеся в деревнях, еще более революционизировали крестьян. В марте 1902 г. крестьяне Константиноградского уезда Полтавской губернии забрали в богатой Карловской экономии все имевшиеся запасы хлеба и картофеля.

Вместе со старостами и сотскими крестьяне являлись в помещичьи усадьбы и отбирали хлеб. Там, где помещики оказывали крестьянам сопротивление, последние отбирали хлеб силой и сжигали помещичьи усадьбы. Движение в Харьковской и Полтавской губерниях подняло тысячи крестьян. Оно охватило главным образом Полтавский и Константиноградский уезды Полтавской губернии и Богодуховский и Волковский уезды Харьковской губернии. В Полтавской губернии крестьянами было разграблено 54 поместья, в Харьковской губернии крестьяне уничтожили 25 экономий и сожгли 2 усадьбы. Царское правительство не замедлило с репрессиями. В неспокойные районы были посланы войска, подавившие крестьянское движение. Войска жестоко расправлялись с крестьянами, применяя, главным образом, телесные наказания. Вслед за подавлением движения начались многочисленные аресты. Всего было привлечено к суду 1.098 человек. На сельские общества, замешанные в движении была наложена непосильная для крестьян контрибуция.

[11]) *Ростовская стачка 1902 г. и июльские дни 1903 г.* — см. прим. 286 и 58 в 1-й части этого тома.

[12]) *Технический и Пироговский съезды 1904 г.* — Оппозиционное движение интеллигенции к началу 1904 г. достигло своей высшей точки на Техническом и Пироговском съездах в январе 1904 г. На III съезде русских деятелей по техническому и профессиональному образованию присутствовало около 3.000 чел. Заседания X секции этого съезда (по образованию рабочих) превратились по существу в политические митинги. Члены секции открыто требовали свободы слова, печати, собраний, союзов, 8-часового рабочего дня и т. д. Съезд торжественно изгнал из своей среды участников Кишиневского погрома, Пронина и Степанова, оказавшихся в числе делегатов. На следующий день, когда съезд должен был подвести заключительные итоги своим работам, делегатов встретил отряд полиции, заявивший, что съезд объявляется закрытым. Этот инцидент еще более повысил оппозиционное настроение делегатов. Последние вынесли письменный протест против действий полиции.

IX Пироговский съезд, открывшийся 4 января 1904 г., всю свою работу непосредственно связал с борьбой против политического режима России. Так, секция общественной медицины, внутренних болезней и туберкулеза приняла резолюцию, в которой между прочим заявляется:

> «Правильная и целесообразная борьба с детской смертностью, алкоголизмом, туберкулезом, сифилисом и другими народными болезнями, представляющими в России общественное бедствие огромной важности, возможна только при условиях, обеспечивающих широкое распространение сведений об истинных причинах развития этих болезней и способов борьбы с ними, для чего необходима полная свобода личности, слова, печати и собраний».

В секциях общественной медицины, гигиены, статистики и детских болезней была принята следующая резолюция:

> «Исходя из того, что главной причиной необыкновенно высоких размеров детской смертности в России является материальная

необеспеченность и недостаточное умственное развитие населения, съезд высказывает глубокое убеждение, что успешная борьба с этим злом возможна только на почве широких социальных реформ».

Подобные же резолюции были приняты и на заседаниях других секций. После окончания работ секций полиция, осведомленная о «крамольных» резолюциях, не дала возможности съезду собраться на свое заключительное заседание. Оба съезда, разогнанные полицией, вынесли следующие заключительные резолюции:

1. «Члены III съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию протестуют против насильственного закрытия съезда до окончания его работ и против существующего режима, который возвел в принцип систематическое уничтожение самодеятельности и общественного мнения в России».

2. Резолюция распорядительного собрания Пироговского съезда: «При существующем режиме невозможен какой-либо прогресс медицинского дела в России, и только по проведении широких реформ в направлении свободы личности, печати, слова и собраний возможен какой-либо прогресс».

Тотчас же после насильственного закрытия съездов против их участников начались полицейские репрессии. Руководители съезда были арестованы и сосланы в разные места.

[13]) *Порт-Артурский флот разбит.* — О гибели Порт-Артурского флота — см. прим. 7 и 24 в 1-й части этого тома.

[14]) *Адмирал Макаров* — см. часть 1-ю этого тома, прим. 25.

[15]) *Война на суше: Ялу, Кин-Чжоу, Дашичао, Вафангоу, Ляоян, Шахе* — см. прим. 26 в 1-й части этого тома.

[16]) *Князь Святополк-Мирский успокаивал Петергоф* — т. е. царскую фамилию, которая в то время находилась в Петергофе.

[17]) *Князь Мещерский* — см. прим. 274 в 1-й части этого тома.

[18]) *Старик Суворин* — см. прим. 76 в 1-й части этого тома.

[19]) *«Петербургские Ведомости»* — одна из старейших русских газет, существовавших до Октябрьской революции; основана в 1728 г. Некоторое время газету редактировал М. В. Ломоносов. В течение многих лет газета имела бесцветный характер казенного официоза. Значительно оживилась с 60-х годов, когда редактором ее стал В. Ф. Корш. С этого времени газета становится оппозиционно-либеральным органом и несколько раз подвергается преследованиям и запрещениям. Впоследствии газета снова передвинулась вправо и заняла крайне умеренную, а позже определенно реакционную позицию, оставаясь на ней до самого последнего времени.

[20]) *«Биржевые Ведомости»* — см. прим. 126 в 1-й части этого тома.

[21]) *«Московские Ведомости»* — см. прим. 31 в 1-й части этого тома.

[22]) *«Новое Время»* — см. прим. 6 в 1-й части этого тома.

[23]) *Земцы 6 — 8 ноября 1904 г.* — речь идет о земском съезде, происходившем 6—8 ноября в Петербурге. См. прим. 3 в 1-й части этого тома.

[24]) *«Право»* — см. прим. 32 в 1-й части этого тома.

[25]) *Мина Уайтхеда* — изобретена в 1868 г. Является исключительно сильным орудием морской атаки. Впервые мина была применена в 1877 г. в войне между Перу и Чили. С того времени мина Уайтхеда неоднократно совершенствовалась и применялась во всех крупных войнах.

[26]) Конец 1904 г., ознаменовавшийся целым рядом поражений русских войск на Дальнем Востоке, начавшимся разложением в армии и гигантским ростом возбуждения внутри страны, заставил правительство вновь пойти на заигрывания с оппозиционными элементами имущих классов. Началась так называемая «эпоха доверия» Святополк-Мирского. Либералы под влиянием полного поражения сухопутной армии и флота начали вести более активную оппозиционную политику, которая, впрочем, исчерпывалась устройством съездов и банкетов, на которых вырабатывались и обсуждались конституционные требования. Ноябрьско-декабрьская банкетная кампания вызвала различное отношение к себе со стороны меньшевиков и большевиков. Первые настаивали на тактике «подталкивания» буржуазии к социал-демократическим лозунгам путем устройства рабочих демонстраций перед земскими съездами, банкетами и т. д., и требовали участия рабочих на этих собраниях либеральной буржуазии. Вторые, т.-е. большевики, отнеслись резко отрицательно к этому плану. Тактика большевиков была формулирована Лениным следующим образом: «Теперь не на подталкивание либералов нужно сосредоточить энергию социал-демократов и рабочего класса, а на непосредственную активную борьбу с правительством, которая сама своей внушительностью заставит полеветь и либералов».

[27]) *Корсаков* (1850—1912) — видный кадет; по профессии присяжный поверенный. Был членом «Союза Освобождения» и активным участником земского либерального движения 1904 — 1905 г.г. Депутат I Государственной Думы от Новгородской губернии.

[28]) *Петиция петербургских рабочих.* — Речь идет о петиции петербургских рабочих царю 9 января 1905 г. Как известно, подача петиции закончилась кровавой драмой перед Зимним дворцом. Петиция приведена нами полностью в приложениях к 1-й части этого тома.

[29]) *Общество фабрично-заводских рабочих* — см. прим. 67 в 1-й части этого тома.

[30]) *Гапон* — см. прим. 63 в 1-й части этого тома.

[31]) *Струве* — см. прим. 10 в 1-й части этого тома.

[32]) *Зубатовщина* — см. прим. 80 в 1-й части этого тома.

[33]) *Брут* — один из участников убийства римского императора Юлия Цезаря. Так как Брут был очень близким другом Цезаря, то участие его в заговоре явилось полной неожиданностью для последнего. Увидя Брута в числе убийц, он произнес знаменитую фразу: «И ты, Брут!». Имя Брута стало нарицательным для обозначения вероломного друга.

[34]) Этот отрывок взят автором из статьи «Политические письма» («Искра» № 90 от 3 марта 1905 г.). См. часть 1-ю этого тома, стр. 233, 234.

[35]) *Николай II* — см. прим. 12 в 1-й части этого тома.

[36]) Ввиду большого интереса, представляемого докладной запиской совещательной конторы железозаводчиков, приводим эту записку полностью:

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ГРАФУ ВИТТЕ СОВЕЩАТЕЛЬНОЙ КОНТОРЫ ЖЕЛЕЗОЗАВОДЧИКОВ

«Совещательная контора железозаводчиков, состоящая из представителей всех районов России, чутко стоит настороже совершающихся событий. В записке по рабочему вопросу, поданной вашему сиятельству еще 28 января текущего года, т.-е. на самых первых порах русского рабочего и освободительного движения, контора прямо и искренно заявила, «что настроение народных масс в стране является грозным предостережением, что никакими репрессиями не остановить движения, имеющего глубокие корни в народе, с каждым днем дающего все новые и новые ростки». С тех пор прошло почти девять месяцев. Россией овладела неслыханная смута. Пролито много крови русских поданных. Все, что сохранило в себе искру человеческого достоинства, поднялось на защиту прав человека против насилия и произвола. Слова совещательной конторы железозаводчиков, высказанные вашему сиятельству 28 января текущего года, вполне оправдались. Неслыханное единодушие в смуте и волнениях заставило, наконец, наше правительство сознать, что русский поданный из безгласного раба вырос в свободного гражданина, умеющего ценить гражданскую свободу. Научился он этому тяжкими жертвами, до пролития собственной крови включительно.

В 17 день октября текущего года дан высочайший манифест, возвещающий русскому народу дарование культурной государственной конституции с гарантией необходимых прав человека. Совещательная контора железозаводчиков горячо и искренно приветствует появление этого акта так же, как горячо и искренно жаждет скорейшего водворения в России мирной и плодотворной жизни.

Наученная горьким опытом человеческой жизни вообще, и русской в особенности, контора железозаводчиков не может не выразить вашему сиятельству прямо и искренно, что между словом и делом существует огромное расстояние.

Ваше сиятельство во всеподданнейшем докладе, на коем государь император в 17 день октября с. г. собственноручно начертал «принять к руководству», изволите совершенно справедливо придавать особое значение прямоте и искренности в утверждении на всех поприщах даруемых населению благ гражданской свободы и установлению гарантий сей свободы. Без прямоты и искренности между правительством и народом не может быть здоровой государственной жизни. Совещательная контора железозаводчиков жаждала видеть доказательства сей прямоты и искренности правительства в актах 17 октября. Мы должны прямо заявить: Россия верит только фактам: ее кровь и ее нищета не позволяют уже верить словам.

Ваше сиятельство! Волею исторических судеб вы призваны сыграть выдающуюся роль в жизни Российской империи. Вам выпал завидный удел замирения страны в неслыханно позорной

войне нашего отечества с внешним врагом. Тою же волею судеб вы призваны к замирению внутренней жизни нашего несчастного, истерзанного и залитого братской кровью отечества. Ваша историческая роль заставляет совещательную контору железозаводчиков высказать вам нижеследующее с полной искренностью и прямотой:

1. Гражданская свобода России явилась плодом поразительной борьбы стосорокамиллионного народа. Каждый боролся за эту свободу так, как умел. Многие тысячи принесли в жертву за эту свободу свои жизни, которые восстановить не могут уже никакие акты. Еще большие тысячи томятся в тюрьмах и в изгнании за то, что самоотверженно выступили борцами за свободу и счастье населения Российской империи. Возвращение этих мучеников народной идеи к новой светлой жизни лежит во власти правительства. Совещательная контора железозаводчиков не может радоваться гражданской свободе до тех пор, пока не будет объявлена и осуществлена полная амнистия, безо всяких оговорок, лицам, пострадавшим по политическим делам. Совещательная контора железозаводчиков обращается к вашему сиятельству с просьбой безотлагательно исходатайствовать акт о полной, безо всяких оговорок, амнистии пострадавшим за политические дела.

2. Обозревая минувший революционный период, совещательная контора железозаводчиков с особенным удовольствием должна констатировать факт, что со стороны борцов за свободу и счастье русского народа проявление насилий было крайне ограничено и что масса народа действовала с соблюдением неслыханной дисциплины. Если были проявления диких инстинктов, грабежей, поджогов, разбоя, то они в значительной степени обязаны были деятельности хулиганов и так называемой черной сотни, во главе которой нередко выступали правительственные агенты и даже священники. При таких условиях военное положение и положение усиленной охраны, объявленные в главнейших центрах русской общественной жизни, не могут вести ни к чему иному, как к народному озлоблению. Мы требуем законного возмездия за каждое насилие против кого бы то ни было, в том числе и за насилия со стороны правительственной власти, а потому совещательная контора железозаводчиков просит ваше сиятельство исходатайствовать безотлагательно акт об отмене военного положения и положения об усиленной охране там, где они введены.

3. Глубокое неустроение народное и угроза целости и единству Российской империи не перестанут существовать до тех пор, пока не будет прямо и искренно покинута система подпорок к заведомо негодным зданиям. Государственная Дума по закону 6 августа не удовлетворила русского народа. Неслыханная смута — лучшее тому доказательство. Совещательная контора железозаводчиков далеко не поклонница всеобщего избирательного права, в теории полагая, что участие в управлении страной должно быть предоставлено лишь лицам, обладающим цензом сознательного отношения к окружающей действительности. Для сего внешним

признаком должна быть по крайней мере простая грамотность. Однако, рабочее движение показало совещательной конторе железозаводчиков, что рабочий класс, проявивший с такой силой свое политическое сознание и свою партийную дисциплину, должен принять участие и в народном самоуправлении так же, как не может быть лишен этого участия и весь интеллигентный класс населения Российской империи. Закон 6 августа предоставляет избирательные права крестьянину, живущему на земле, независимо от его ценза политической сознательности, крестьянину же, живущему в городе и доказавшему свою политическую сознательность, выборных прав не дано. Совещательная контора железозаводчиков убеждена, что в стране спокойствие не наступит до тех пор, пока весь народ не получит прав избирать народных представителей. Участие всего народа в избрании народных представителей не должно быть результатом «меры возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока». Совещательная контора железозаводчиков просит ваше сиятельство исходатайствовать безотлагательно акт, возвещающий участие в первой Государственной Думе представителей всего народа, избранных всеобщим голосованием.

Ценя высоко государственную проницательность и зная необычайную работоспособность вашего сиятельства, совещательная контора железозаводчиков убеждена, что при наличии действительной прямоты и искренности правительства, если таковая будет доказана немедленно на деле, ваше сиятельство сумеет обеспечить стране прочный мир и длительное благоденствие».

«Право» № 48—49, 1905 г.

[37]) *«Союз 17 октября»* — см. прим. 244 в 1-й части этого тома.

[38]) *Кадеты* (конст.-демократ. партия) — см. прим. 172 в 1-й части этого тома.

[39]) *«Союз Союзов»* — см. прим. 130 в 1-й части этого тома.

[40]) *Фальстаф* — герой комедии Шекспира «Виндзорские кумушки». Тип наглого плута и лгуна.

[41]) *Гесслер* — по народному швейцарскому сказанию, жестокий наместник австрийского герцога в Швейцарии (в начале XIV века). На площади гор. Альторфа Гесслер повесил на шесте шляпу герцога и отдал приказ о том, чтобы каждый прохожий кланялся шляпе. Отказавшийся выполнить этот приказ молодой крестьянин Вильгельм Телль был брошен в тюрьму, но бежал оттуда и выстрелом из лука убил Гесслера. Гесслер и Телль, долгое время считавшиеся историческими лицами, признаны современной исторической наукой легендарными фигурами.

[42]) *Победоносцев* — см. прим. 101 в 1-й части этого тома.

[43]) *Мендельсон* — глава берлинского банкирского дома, член высшей торговой палаты в Берлине, был приближенным лицом императора Вильгельма II.

Ротшильды — крупная европейская банкирская контора. Русскому правительству неоднократно приходилось прибегать к финансовой

помощи этих двух крупнейших еврейских фирм. Витте, управлявший русскими финансами, старался использовать это обстоятельство против крайностей антисемитской политики Трепова.

[44]) *«Свет»* — см. прим. 173 в 1-й части этого тома.

[45]) Брат министра Столыпина, *А. А. Столыпин* — реакционный журналист, один из основателей «Союза 17 октября».

[46-47]) *Черносотенная прокламация Орлова-Давыдова и графини Мусиной-Пушкиной* — должна была быть отпечатана в петербургской типографии Сойкина. Однако, рабочие этой типографии самым решительным образом отказались набирать прокламацию. Тогда владелец типографии приказал отпечатать эту прокламацию типографским ученикам. Рабочие немедленно обратились за инструкциями в Совет Рабочих Депутатов, который постановил конфисковать прокламацию и напечатать ее со своими комментариями в газете «Новая Жизнь». В исполнение этого постановления Б. Кнунианц-Радин (представитель большевиков в Совете) в 20 № «Новой Жизни», в статье «Сиятельные хулиганы», полностью перепечатал прокламацию.

Приводим эту прокламацию целиком:

«Братья-рабочие!

Опять борьба, опять кровь! Изнуренных голодом, измученных душой, вас вновь зовут на бой. Но кто же зовет вас? Ваши новые цари — социал-демократы. Русский царь дал всем свободу, а вы избрали себе других царей — социал-демократов. Царь смягчил всем налоги, а ваши цари вновь наложили и взимают их не на ваши нужды, а на свои. Где эти сотни тысяч ваших денег в Совете Рабочих Депутатов? Где хлеб для вас?

Вам говорят: бастуйте, голодайте. Так спросите ваших царей, социал-демократов, голодают ли они.

Откуда те газеты социал-демократов: «Русская Газета», «Начало», «Новая Жизнь», где клевещут на рабочих, что рабочие жаждут братской крови? На ваши деньги издают эти газеты, вас подставляют вновь под пули и штыки, чтобы озлобить вас против войск и войска против вас.

А вы слушаете их и льете братскую, драгоценную кровь. Разве мало вам той крови, пролитой на полях Манчжурии, разве мало вам трупов, сваленных вражеской рукой? А вам говорят: мало, убивайте снова, но уже братской рукой.

Лейте же родную кровь, но этой кровью вы зальете свою свободу. Вы утонете в крови, а вместо вас ваши новые цари найдут себе других рабов. Они не утонут, они не пойдут вместе с вами. Вы нужны им для того, чтобы заслонить их от удара.

Царь зовет вас в Государственную Думу, а ваши цари зовут вас на смерть. Царь хочет вашего совета, а они лишь жаждут вашей крови.

Рабы! Вам разбили ваши цепи, а вы куете их для себя. Вы просите на ваши деньги хлеба, а они дают вам газету. Читайте же газету, а ваши цари, социал-демократы, будут есть ваш хлеб.

Орлов-Давыдов, граф. Мусина-Пушкина».

В своих комментариях Кнунианц-Радин говорит:

«Слушайте товарищи пролетарии, к вам обращается новый граф-хулиган со старым панибратским «братья-рабочие». Слушайте речи сытого графа и беснующейся с жиру графини к голодающим «братцам».

Они беспокоятся, что ваши деньги в руках Совета Рабочих Депутатов и социал-демократов!

Подсчитайте, товарищи, сколько миллионов и миллиардов кровных народных денег поглотила сиятельная графская фамилия вместе со своими лошадьми, содержанками, объедающимися «графенками» и остальной их славной компанией.

Они спрашивают, голодают ли социал-демократы, зовущие вас к голоду?

Спросите их хулиганское сиятельство, сколько крестьян они высекли, сколько вдов и сирот они пустили по миру за то время, когда социал-демократия в борьбе за свободу и социализм шла на виселицу, в тюрьмы, в ссылку. Жирный граф и рыхлая графиня беспокоятся, что на ваши деньги издаются социалистические газеты.

Интересно знать, на какие средства думал граф издать свое хулиганское воззвание. Не на трудовые ли деньги, заработанные им и графиней в поте лица своего.

Вам, товарищи, граф напоминает о потоках крови, пролившейся в Манчжурии (по чьей вине, граф? Может, также социал-демократии?). Вы помните, товарищи, кто был истинным виновником этих невинных жертв, этих сотен тысяч трупов. Если помните, то напомните скорее об этом всем графам-хулиганам.

Не помогли правительству пушки и пулеметы.

Может, ему помогут писатели-хулиганы из графов и графинь».

[48]) *Гучков* — см. прим. 259 в 1-й части этого тома.

[49]) *«Начало»* — см. прим. 227 в 1-й части этого тома.

[50]) *«Русь»* — см. прим. 20 в 1-й части этого тома.

[51]) *«Наша Жизнь»* — см. прим. 38 в 1-й части этого тома.

[52]) *«Сын Отечества»* — см. прим. 45 в 1-й части этого тома.

[53]) *Иоанн Кронштадтский* — полуграмотный поп, имевший большое влияние на Александра III и Николая II. Особенно чтил Иоанна Александр III, который перед своей смертью вызвал его к себе в Ливадию. В 1905 г. отец Иоанн входит в «Союз русского народа», становится оголтелым антисемитом и черносотенцем и работает рука об руку с председателем «Союза русского народа» Дубровиным. Проникши в высшие духовные и придворные сферы, отец Иоанн оказывал значительное влияние на Николая. После смерти Иоанна (в 1908 г.) ему были устроены грандиозные похороны, был сооружен особый собор его имени и т. д.

[54]) *Кавур*, граф (1810—1861) — итальянский политический деятель эпохи национального объединения Италии, один из лидеров умеренных либералов. В 1848 г. Кавур был членом комиссии, выработавшей избирательный закон. В том же году он был избран в парламент, где стал во главе

центра, боровшегося как против левых, так и против крайних правых. В 1850 г. Кавур занял пост министра земледелия и торговли, в 1851 г. был назначен министром финансов, но вследствие своей слишком упорной борьбы с клерикалами вынужден был в 1852 г. выйти в отставку. Вскоре после падения министерства Азеглио Кавур образовал кабинет, в котором сам занял пост министра иностранных дел. На этом посту Кавур стремился, путем дипломатических комбинаций и участия итальянских войск в европейских войнах, освободить итальянские области от власти Австрии и объединить их под скипетром национального итальянского короля.

Кавур—типичный буржуазный политик времен освобождения Италии от иностранной зависимости и внутреннего ее объединения. Борьба за объединение и расширение Италии, лозунг свободной торговли, поощрение железнодорожного строительства и вообще всех видов промышленного предпринимательства и, наконец, борьба с революционным движением, идущим далее либерализма — таково было основное содержание политической деятельности Кавура.

[55]) *Революция 1848 года в Австрии* — началась под непосредственным влиянием февральской революции во Франции. В марте 1848 г. в Вене происходит ряд манифестаций средней буржуазии, студентов и рабочих, требовавших низложения правительства и провозглашения конституции. Испуганное правительство Меттерниха подало в отставку, и сменившее его новое правительство 25 апреля объявило о введении конституции по образцу бельгийской (парламент с сохранением двухпалатной системы и цензовые выборы). Неудовлетворенный этой уступкой, венский пролетариат поднимает 15 мая восстание под лозунгами борьбы за учредительное собрание и всеобщее избирательное право. Правительство было вынуждено уступить еще раз и издало постановление о созыве учредительного собрания. Император со своей семьей бежал в Тироль. 22 июня в Вене открылось вновь созванное учредительное собрание. После целого месяца прений учредительное собрание отменило барщину, оброки и судебную власть помещиков и уничтожило различие между дворянскими и недворянскими землями. В этом уничтожении последних остатков феодальных порядков в габсбургской монархии и заключался основной результат австрийской революции 1848 года.

[56]) *Родичев* — см. прим. 111 в 1-й части этого тома.

[57]) *Прокопович* — см. прим. 210 в 1-й части этого тома.

[58]) *Всероссийский Крестьянский Союз* — см. прим. 129 в 1-й части этого тома.

[59]) *Гейден, П. А.*, граф (род. в 1840 г.) — видный либеральный деятель. Был президентом Вольно-Экономического Общества. В 1904—1905 г.г. принимал активное участие в либеральном земском движении. Постоянный участник всех земских и городских съездов. 6 июня 1905 г. Гейден принимал участие в депутации земских и городских деятелей, представившей царю петицию о необходимости созыва народных представителей. В конце 1905 г. Гейден вместе с Гучковым, Шиповым и др. организовал «Союз 17 октября». Был членом I Государственной Думы. Позднее вышел из «Союза 17 октября» и организовал партию «Мирного обновления».

[60]) *Лейтенант Шмидт, П. П.* (1867—1905). — Родился в Одессе, в семье морского офицера. Окончив бердянскую гимназию, поступил в мор-

ское училище. В молодости на него большое влияние оказали взгляды Н. К. Михайловского. В сентябре 1886 г. Шмидт окончил морское училище, был произведен в чин морского офицера и поступил на службу в торговый флот. Во время русско-японской войны Шмидт был старшим офицером парохода «Иртыш». По возвращении в Россию, в январе 1905 г., был назначен командиром миноносца № 253. С этого времени Шмидт энергично агитирует среди офицерства за подачу петиции царю о необходимости провозглашения реформ. Рост революционного движения толкает Шмидта влево, и он постепенно переходит на более радикальную позицию. Однако до октябрьской забастовки Шмидт все еще упорно верил в мирные пути развития и к начавшемуся в июне 1905 г. восстанию на броненосце «Князь Потемкин» отнесся отрицательно. Всеобщая октябрьская забастовка, заставшая Шмидта в Севастополе, оказала на него большое влияние. 10 октября Шмидт писал: «Остановить движение теперь невозможно даже крупными уступками. Время утеряно. Поздно. Мы стоим накануне грозных дней. Не пройдет и год, как мы провозгласим демократическую республику»... Накануне издания манифеста 17 октября он выступал на многих собраниях интеллигенции, разъясняя значение всеобщей забастовки. 18 октября он участвует в демонстрации в пользу освобождения политических заключенных. Демонстрация была разогнана войсками. 20 октября состоялись похороны жертв, убитых во время демонстраций. На этих похоронах Шмидт произнес свою знаменитую речь, ставшую известной всей России под названием «Клятвы Шмидта». «Клянемся, — говорил Шмидт, — в том, что мы никогда не уступим никому ни одной пяди завоеванных нами человеческих прав». В тот же день Шмидт был арестован. Арест Шмидта вызвал всеобщее возбуждение в Севастополе. В знак протеста против ареста севастопольские рабочие избирают Шмидта пожизненным депутатом Севастопольского Совета Рабочих Депутатов. 3 ноября Шмидт был освобожден. К этому времени среди матросов броненосца «Очаков» начинается революционное брожение, вылившееся вскоре в открытое восстание. Несмотря на то, что к этому восстанию Шмидт относился отрицательно, считая его преждевременным, он все же уступил настоятельным просьбам восставших взять на себя руководство движением и 14 ноября принял командование броненосцем «Очаковым». Вечером того же дня на совещании на «Очакове» было решено предпринять целый ряд наступательных действий как на море, так и в самом Севастополе: захватить суда и арсеналы, арестовать офицеров и т. д. 15 ноября, в 9 час. утра, на «Очакове» был поднят красный флаг и дан сигнал: «Командую флотом. Шмидт». Против восставшего броненосца правительство немедленно открыло военные действия. 15 ноября, в 3 часа дня, завязался морской бой, а в 4 часа 45 мин. царский флот уже одержал полную победу. Шмидт вместе с другими руководителями восстания был арестован. 7 февраля 1906 г. начался суд по делу Шмидта. Процесс продолжался 11 дней. 20 февраля был вынесен приговор, по которому Шмидт и 3 матроса приговаривались к смертной казни. 6 марта, на острове Березани, Шмидт вместе с 3 матросами — Частником, Гладковым и Антоненко — были расстреляны.

[61]) *Меллер-Закомельский* — см. прим. 234 в 1-й части этого тома.

[62]) *Токвиль* — см. прим. 148 в 1-й части этого тома.

[63]) *Петрункевич* — см. прим. 21 в 1-й части этого тома.

[64]) *Муромцев* — см. прим. 324 в 1-й части этого тома.

[65]) *Кокошкин, Ф. Ф.* (1871—1917) — видный земский деятель и юрист, один из лидеров кадетов. В 1903 г. примкнул к земско-конституционной партии и к «Союзу Освобождения». С образованием кадетской партии вошел в ее центральный комитет. Был депутатом I Думы. В числе других подписал Выборгское воззвание, за что был приговорен к трехмесячному тюремному заключению и лишению дворянского звания. В 1906—1907 г.г. издавал газету «Новь». В 1911 г., во время массового увольнения «неблагонадежных» профессоров, Кокошкин был в числе уволенных. После февраля 1917 г. Кокошкин занимал в коалиционном министерстве Керенского пост министра земледелия. В первые дни Октябрьской революции Кокошкин был убит неизвестными лицами.

[66]) *Бобринский* — богатый помещик, реакционер. Член III Думы.

[67]) *Носарь-Хрусталев* — см. прим. 240 в 1-й части этого тома.

[68]) *Чернов, Виктор* — основатель и вождь партии эсеров. Вместе с Натансоном и другими был ранее организатором партии «Народного права», предшественницы партии эсеров. С начала 900-х годов, когда образовалась партия с.-р., Чернов становится ее теоретиком и политическим руководителем. Насколько народники 70-х и 80-х годов имели крупные теоретические силы, настолько бедна ими была эсеровская партия. Чернов был ее единственным теоретиком. В годы перед войной, когда у эсеров стало выкристаллизовываться правое крыло (группа «Почин» — Авксентьев и др.) и левое (максималисты, журнал «Революционная Мысль»), Чернов занимает позицию центра. Лидером эсеровского центра выступает он и в годы войны, совмещая умеренные циммервальдские воззрения с нелепыми обвинениями Маркса и Энгельса в германофильстве в годы франко-прусской войны (в их мнимом германофильстве он пытается найти исторические корни грехопадения германского социализма). После Февраля он вскоре занимает пост министра земледелия. Политическая деятельность Чернова в 1917 г. отличалась большой неустойчивостью и обнаружила его полную несостоятельность, как вождя масс в революционное время. Достаточно указать на его роль в дни Демократического Совещания, когда он, в качестве политического вождя, оказался в положении генерала без армии, ибо ни правые ни левые элементы эсеровской партии не могли принять его страусову тактику. В 1918—1919 г.г. Чернов обретается, как и многие эсеровские вожди, в лагере поволжско-уральской контр-революции. В последние годы Чернов попрежнему возглавляет эсеровский «центр», который, по существу, не менее контр-революционен, чем группа Авксентьева и др.

[69]) *Железнодорожный Союз* — играл крупную роль в событиях 1905 г. 20—21 апреля 1905 г. в Москве состоялся первый съезд железнодорожных рабочих и служащих, положивший начало Всероссийскому железнодорожному союзу. На-ряду с экономическими требованиями съезд постановил добиваться политических свобод, Учредительного Собрания и амнистии. Состоявшийся в июле 1905 г. второй съезд провозгласил главной задачей союза подготовку всеобщей политической стачки. Правительство, желая задобрить железнодорожников, созывает в конце сентября новый съезд (наполовину назначенный, наполовину избранный)

по вопросу о пенсионных и сберегательных кассах. Участники съезда признали полномочными только избранных депутатов и объявили себя первым делегатским железнодорожным съездом. Съезд, созванный правительством по сравнительно второстепенному вопросу, становится организующим центром 800-тысячной армии железнодорожников и тем самым превращается в важный политический фактор в надвигающейся революционной борьбе. 7 октября вспыхивает забастовка на Московско-Казанской ж. д. Съезд и Центральное Бюро союза, по соглашению с Петербургским Советом Рабочих Депутатов, объявляют политическую стачку по всей сети железных дорог, дезорганизуя таким образом деятельность правительства и жизнь страны. Железнодорожная забастовка идет во главе всего стачечного движения, толкает и сплачивает колеблющихся и значительно способствует успеху всеобщей октябрьской стачки. Через два дня после манифеста 17 октября стачка объявляется прекращенной. Однако лживые обещания царского манифеста не могли надолго успокоить рабочую массу. В ноябре железнодорожники снова объявляют забастовку, в которой участвует значительная часть дорог. Накануне декабрьского восстания в Москве конференция железнодорожников присоединяется к предложению Московского Совета Рабочих Депутатов о всеобщей забастовке, и Центральное Бюро союза железнодорожников снова объявляет стачку по всей железнодорожной сети. Однако на этот раз забастовали не все дороги — в частности, к забастовке не присоединился важнейший петербургский узел. После поражения декабрьского восстания организация железнодорожников была разгромлена, как и все рабочее движение. Но уже весной 1906 г. начинается работа по восстановлению железнодорожного рабочего союза.

Всероссийский союз почтово-телеграфных чиновников — был образован в Москве в конце октября 1905 г. и быстро раскинул сеть своих организаций по всей России. Цели и задачи союза почтово-телеграфных чиновников резолюция по организационному вопросу определяла следующим образом:

> «Союз имеет целью коренным образом улучшить материальное и служебно-правовое положение почтовых и телеграфных служащих, а также защитить их корпоративные интересы. Для этого союз стремится к установлению такого порядка, при котором выработка всех правительственных законоположений и мероприятий, касающихся служащих почтово-телеграфного ведомства, находилась бы в руках самих служащих. Ввиду того, что такой порядок, даже и при измененном манифестом 17 октября государственном строе России, невозможен, союз выставляет требования полной свободы и созыва Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования для выработки основного государственного порядка».

Немедленно после своей организации союз вступил в тесную связь с Петербургским Советом Рабочих Депутатов. Союз отказался вступить в либеральный «Союз Союзов», мотивируя свой отказ буржуазным характером этой организации. 16 ноября 1905 г. в Москве открылся первый всероссий-

ский делегатский съезд союза почтово-телеграфных служащих. На этом съезде было решено объявить всеобщую забастовку почтово-телеграфных чиновников. Поводом к забастовке послужил приказ начальника главного управления почт и телеграфа Севастьянова, воспрещавший почтово-телеграфным чиновникам состоять в каком-либо профессиональном союзе. Почтово-телеграфная забастовка, блестяще проведенная союзом под руководством Совета Рабочих Депутатов, произвела большое впечатление на всю Россию. Реакционная газета «Свет» следующим образом охарактеризовала почтово-телеграфную забастовку:

> «Эта забастовка — ужаснее всех. Один день такой забастовки может принести России убытку на сумму большую, чем жалованье за год всех почтово-телеграфных чиновников».

19 ноября министр внутренних дел Дурново рассылает всем губернаторам следующую телеграмму:

> «На основании положения об охране прикажите арестовать и заключить всех известных вам — жандармскому управлению и почтово-телеграфному начальству — подстрекателей и агитаторов по забастовке почт и телеграфов».

Вслед за этой телеграммой начинается период репрессий. Все виднейшие руководители почтово-телеграфного союза были арестованы. К концу ноября 1905 г. почтово-телеграфная стачка была прекращена, а вместе с ней прекратилась и деятельность почтово-телеграфного союза.

О крестьянском союзе см. прим. 129 в 1-й части этого тома.

[70]) *Введенский-Сверчков* — см. прим. 343 в 1-й части этого тома.

[71]) *Злыднев* — см. прим. 345 в 1-й части этого тома.

[72]) *Милюков* — см. прим. 84 в 1-й части этого тома.

[73]) *Московский и Самарский Советы Рабочих Депутатов.* — Тогда как в революционном Питере движение достигло своего апогея в октябре, рабочая Москва в это время еще только начинала раскачиваться. В конце ноября события приняли более решительный характер. Начались частичные забастовки на заводах и фабриках. В конце ноября втягивается в революционное движение и московский гарнизон. 4 декабря 1905 г. был образован Московский Совет Рабочих Депутатов. Созданный взамен либерального общегородского стачечного комитета для руководства стачечной борьбой, Московский Совет, несмотря на свое кратковременное существование, проделал огромную работу. На своем первом заседании Совет, в составе около 200 представителей от 100 тысяч рабочих, заслушал доклад представителя Петербургского Совета и послал приветственную телеграмму своему старшему собрату. На этом же заседании был избран исполнительный комитет из двух большевиков, двух меньшевиков и одного эсера, а также были приняты в состав Совета делегаты от солдат. Главную роль как в деле создания Совета, так и в его работе, сыграл Московский Комитет большевиков. На своем историческом 4-м заседании, 6 (19) декабря, Московский Совет, получив известие об аресте Петербургского Совета, вынес постановление об объявлении 7 декабря, в 12 часов дня, всеобщей политической стачки с последующим пре-

вращением ее в вооруженное восстание. Вспыхнувшая забастовка охватила большинство промышленных предприятий, телеграф, почту и железные дороги, за исключением Николаевской, которой правительство придавало особенно большое значение. Она была занята надежным военным железнодорожным батальоном. В первый день всеобщей стачки вышел первый номер «Известий Совета Рабочих Депутатов», выходивший затем вплоть до 18 декабря. Вся работа Совета заключалась в руководстве стачкой и вооруженным восстанием. Первая баррикада была построена к вечеру 7 декабря на Страстной площади. К этому времени московским властям удалось разными способами нейтрализовать революционно-настроенные войсковые части. Восстание прошло, таким образом, без поддержки гарнизона и было подавлено прибывшими из Петербурга гвардейцами Семеновского полка и Ладожским пехотным полком, переброшенным из Варшавского округа. Обстрел вела доставленная из Твери артиллерийская бригада. Всем этим сводным отрядом командовал полковник Мин. 15-го (28-го) состоялось последнее заседание Совета в неполном составе. На этом заседании меньшевики поставили вопрос о прекращении борьбы, но это предложение не было принято Советом. Дольше всех держался Пресненский район, где организация боевых дружин стояла на наибольшей высоте. Пресненский районный Совет Рабочих Депутатов сыграл выдающуюся роль в героической обороне Пресни. Баррикадная борьба дружин длилась с 9 по 18 декабря. 18 декабря Пресня была очищена от последней баррикады и таким образом московское восстание было подавлено.

Самарский Совет Рабочих Депутатов — возник по инициативе социал-демократов, организовавших его по образцу Петербургского и Московского Советов. Как и в Москве, Самарский Совет был создан в противовес либеральному общегородскому стачечному комитету для руководства всей стачечной борьбой, начавшейся в Самаре еще в октябре. Первое заседание Совета происходило 13 декабря (30 ноября). Главную роль в Совете играли социал-демократы. Деятельность Совета не ограничилась одной стачечной борьбой, его функции расширялись вместе с ростом забастовки. 21 (8) декабря в Самаре началась всеобщая забастовка. Когда волнения стали проникать и в гарнизон (солдаты имели в Совете своих представителей) власти приняли самые решительные меры к подавлению движения. 23 (10) декабря был взят войсками Пушкинский Народный Дом, в котором помещались Совет и боевые дружины. Боевые дружины были разоружены, а члены Совета арестованы поодиночке. После этого забастовка пошла на убыль. 28-го (15-го) на своем последнем, уже нелегальном, заседании Совет принял резолюцию о прекращении политической забастовки. 3 января прекратили забастовку наиболее упорно боровшиеся железнодорожники.

[74]) *Парвус* — см. прим. 191 в 1-й части этого тома.

[75]) *Союз русского народа* — черносотенная политическая организация, возникшая в октябре 1905 г. в Петербурге для активной борьбы с революцией. Выставив своим главным лозунгом борьбу за «самодержавие, православие и народность», союз объединил в своих рядах ранее существовавшие черносотенные группы и развил на этой основе энергичную деятельность.

Организаторами и главными руководителями союза в первое время были: доктор Дубровин, Марков, Пуришкевич, Никольский, Булацель и др. Официальным органом союза были газеты «Русское Знамя» и «Объединение». Программа «Союза русского народа» исчерпывалась следующими пунктами:

> «1. Благо родины — в незыблемом сохранении православия, русского неограниченного самодержавия и народности.
>
> 2. Православной христианской церкви... должно быть предоставлено первенствующее и господствующее в государстве положение.
>
> 3. Самодержавие русское создано народным разумом, благословлено церковью и оправдано историей; самодержавие наше в единении царя с народом».

«Союз русского народа» был главным организующим центром черносотенных дружин и вдохновителем контр-революционных и еврейских погромов. Потерпев поражение на выборах в I Государственную Думу, союз направил свою деятельность на подрыв думской работы. Во время выборов во II Думу «союзникам» удалось, при содействии полиции, провести в Думу нескольких своих членов (Пуришкевича, Маркова, Крупенского и др.). С середины 1907 г. Союз начинает разлагаться и распадаться на два лагеря: 1) сторонников прекращения внедумской погромной деятельности — это крыло возглавлял Пуришкевич — и 2) сторонников Дубровина, стоявших за продолжение прежней погромной тактики. После выхода из Союза Пуришкевича, Маркова и др. в организации начинается еще большее разложение. Победа контр-революции сделала ненужным дальнейшее существование «Союза русского народа»: роль его взяло на себя само правительство.

[76]) *Монмартр Москвы.* — Монмартр — предместье Парижа, знаменитое своими революционными боями во время Парижской Коммуны. Автор имеет в виду героическую роль Пресни в декабрьском вооруженном восстании 1905 года в Москве. С первого же дня объявления Московским Советом Рабочих Депутатов всеобщей забастовки (7 декабря) Пресня стала дружно выполнять решение Совета о превращении всеобщей забастовки в вооруженное восстание. На всех крупных фабриках Пресненского района начали создаваться боевые дружины. 10 декабря на Прохоровской фабрике состоялся большой митинг рабочих, на котором было постановлено приступить к сооружению баррикад. К 6 часам вечера вся Пресня была уже покрыта баррикадами. В тот же вечер произошло первое столкновение с казаками. 11 декабря организовался боевой комитет Пресни, в состав которого вошли: два большевика, один меньшевик и два эсера. В этот день было несколько столкновений с казаками, которые, впрочем, неохотно шли против восставших рабочих. 12 декабря было сформировано еще несколько боевых дружин, которые в тот же день без сопротивления овладели полицейским участком, забрав в нем много оружия. 13 декабря возле Зоологического сада началась перестрелка с казаками и пожарными. К вечеру казаки овладели баррикадой на Пресненском мосту и сожгли ее; однако, на место сожженной, тотчас были построены две новые. 14 и 15 декабря казаки безуспешно про-

бовали завладеть баррикадами. Вечером 15 декабря дружинниками был арестован и расстрелян начальник Охранного отделения Войлошников. 16 декабря состоялось заседание СРД Пресненского района. На заседании были оглашены сведения о том, что в других районах Москвы забастовка уже прекращена, ввиду чего Пресненский Совет постановил и в своем районе прекратить забастовку 19 декабря. В ночь с 16 на 17 декабря вся Пресня была окружена тесным кольцом войск, прибывших из Петербурга. Против пресненских рабочих выступили артиллерия, пехота, кавалерия. В 6 часов утра начался бой. Дружинники упорно сопротивлялись, но вынуждены были сдаться. Утром 18 декабря Пресня была в руках войск Мина и Дубасова. Началась кровавая расправа, продолжавшаяся до 21 декабря.

[77]) *Головин, Ф. А.* — председатель II Государственной Думы. Был членом союза «Освобождение» и постоянным участником земских съездов. Один из организаторов кадетской партии. В 1904 г. был председателем Московской губернской земской управы. Во II Думу Головин прошел от Московской губ. и был избран председателем Думы. В III Думе Головин был уже рядовым депутатом и в политическом отношении ничем себя не проявил.

[78]) *Горемыкин* — см. прим. 180 в 1-й части этого тома.

[79]) *Арам Тер-Мкртчянц* — см. о нем в 1-й части этого тома (стр. 462) статью под заглавием «Памяти Арама Тер-Мкртчянца».

[80]) *Письмо Лопухина.* — Бывший директор департамента полиции в 1905 г. Лопухин, в своем письме к председателю совета министров П. А. Столыпину, сообщил последнему о готовившемся в Петербурге в ноябре 1905 г. погроме и о том, что только благодаря энергичной деятельности Совета Рабочих Депутатов этот погром удалось предотвратить. Письмо Лопухина произвело сенсацию в общественных кругах России. Оно было зачитано в отрывках защитником Грузенбергом на процессе Петербургского Совета Рабочих Депутатов. Приводим отрывок из этого письма:

> «После издания манифеста 17 октября 1905 г., когда, благодаря последовавшим за этим законодательным актом во многих городах беспорядкам, в умеренных кругах общества появились признаки реакции, заведывающий политической частью д-та полиции, чиновник особых поручений при м-ре внутр. дел, Рачковский, с целью усиления реакции, предпринял издание соответствующих воззваний. Они печатались в то время жандармскими офицерами в помещении губернского жандармского управления на станке, отобранном по обыску у революционного кружка. У меня в руках было одно, напечатанное таким способом воззвание. Оно было обращено к рабочим, носило подпись: «Группа русских фабрично-заводских рабочих г. Петербурга» и пыталось подорвать доверие рабочих к их крайним по направлению руководителям уверениями, что эти руководители расхищают деньги, собранные рабочими на политическую борьбу. Это было не единственное воззвание, отпечатанное в жандармском управлении. Производя исследование, я не мог получить других, так как они все уже разошлись. Затем,

когда служивший ранее революционному кружку печатный станок оказался орудием недостаточным, на средства д-та полиции была приобретена усовершенствованная ручная печатная машина, отрабатывающая до 1.000 экземпляров в час. Она была поставлена в секретном отделении д-та полиции, заведывание ее работой было поручено ротмистру Комиссарову, при ней состояло два наборщика. На этой машине в декабре 1905 г. и в январе 1906 г. было отпечатано не одно, а значительное количество воззваний, различных по изложению, однородных по содержанию. В них, рядом с осуждением революционного движения, доказывалось, что виновниками его являются преимущественно инородцы, прежде всего евреи, к борьбе с которыми воззвания и возбуждали. В моих руках было 3 образца отпечатанных в типографии д-та полиции воззваний; ими, как я выяснил, не исчерпывались провокационные издания этой типографии; четвертый в то время (21 января) был только набран. Он заключал в себе самые уродливые обвинения против евреев и призывал к бойкоту их при выборах в Государственную Думу. Из отпечатанных же воззваний, виденных мной, одно представлялось наиболее преступным: в нем авторы его против «поляков, армян, жидов» возбуждали армию, так как воззвание было обращено к солдатам; каждый образец воззваний отпечатывался в тысячах экземпляров. Только что упомянутое воззвание к солдатам было послано для распространения в Вильну с чиновником особых поручений при виленском генерал-губернаторе Шкоте в количестве около 5 тысяч экземпляров. Шкот частью их сам разбросал ночью по улицам города, остальные же передал виленскому полицеймейстеру, который около 15 января прислал в департамент полиции телеграмму с просьбой, ввиду успеха воззваний к солдатам, прислать новую партию их. Таковая была отпечатана вновь в количестве нескольких тысяч экземпляров и послана виленскому полицеймейстеру. Те же воззвания к солдатам были также в тысячах экземпляров посланы для распространения в Курск, командированному туда врачу Михайлову, состоявшему по приглашению д. с. с. Рачковского на службе в д-те полиции по вольному найму. Михайлов 19 или 20 января также потребовал из д-та полиции телеграммой присылки новой партии тех же воззваний, ввиду особого их успеха среди солдат. Кроме того издававшиеся д-том полиции воззвания распространялись в Петербурге через Дубровина и находящийся под его председательством «Союз русского народа», а в Москве — через издателя-редактора «Московских Ведомостей» Грингмута, которому транспорт воззваний был передан в декабре 1905 г. в Москве лично д. с. с. Рачковским. Провокационные воззвания д-та полиции распространялись и в других местах через полицию и жандармов».

[81]) *Разоблачение князя Урусова в 1 Государственной Думе* — см. часть I-я этого тома, прим. 361.

[82]) *Статьи 101 и 102 Уголовного Уложения.* — Статья 101 гласила: «Виновный в приготовлении к тяжкому преступлению, статьей 100 предусмотренному, наказывается: каторгой на срок не свыше десяти лет. Если при том виновный имел в своем распоряжении средства для взрыва или склад оружия, то он наказывается срочной каторгой». (Под статью 100, которая здесь упоминается, подходили виновные в «насильственном посягательстве на изменение в России или в какой-либо ее части установленного законами основными образа правления или порядка наследия престола или отторжения от России какой-либо части».) Далее в статье 101 говорится: «Виновный в приготовлении к тяжкому преступлению, статьей 99 предусмотренному, наказывается: смертной казнью». (В статье 99 говорилось о «преступлениях, посягающих на жизнь, здравие, свободу или вообще на неприкосновенность священной особы царствующего императора, императрицы или наследника престола, или на низвержение царствующего императора с престола, или на лишение его власти верховной, или на ограничение прав оной».)

Статья 102 гласила: «Виновный в участии в сообществе, составившемся для учинения тяжкого преступления, статьей 100 предусмотренного, наказывается: каторгой на срок не свыше восьми лет. Если такое общество имело в своем распоряжении средства для взрыва или склад оружия, то виновный в участии в сем обществе наказывается: срочной каторгой. Виновный в участии тяжкого преступления, статьей 99 предусмотренного, наказывается: каторгой без срока. Виновный в подговоре составить сообщество для учинения тяжкого преступления, статьями 99 или 100 предусмотренного, или принять участие в таком сообществе, если последнее не составилось, наказывается: в отношении сообщества для учинения тяжкого преступления, статьей 100 предусмотренного,— ссылкой на поселение; в отношении сообщества для учинения тяжкого преступления, статьей 99 предусмотренного,— каторгой на срок не свыше восьми лет».

[83]) *Сперанский, М. М.* (1772—1839) — известный государственный деятель времен Александра I, сын священника. Окончив петербургскую семинарию, был некоторое время учителем математики и физики, но вскоре бросил преподавательскую работу и поступил на службу в канцелярию генерала-прокурора Куракина. После вступления на престол Александра I Сперанский получает звание статс-секретаря. В 1802 г. он поступает на службу в министерство иностранных дел. Здесь Сперанским был составлен его знаменитый «План государственных преобразований». Основные черты этого плана заключались в следующем: установление законодательного собрания, ответственность правительства перед законодательным собранием, расширение политических прав дворянства и среднего сословия и т. д. В 1808 г. Сперанский был назначен министром юстиции. 8 августа 1809 г. им был издан указ о том, что в звание коллежского ассесора могут производиться только лица, представившие свидетельство об окончании университета. Планы и проекты Сперанского встретили ожесточенный отпор со стороны реакционных правительственных кругов, и в 1812 г., накануне войны с Наполеоном, против которой решительно выступал Сперанский, Александр I уволил его от всех должностей и сослал сначала в Нижний-Новгород, а затем в Пермь. В 1816 г. Сперанский обратился к Александру I с просьбой о помиловании. 30 августа 1816 г. он был назна-

чен пензенским губернатором, а в 1819 г.—сибирским генерал-губернатором. С этого времени Сперанский решительно отказывается от своих прежних либеральных взглядов и становится на точку зрения неограниченного самодержавия. 1 января 1839 г. он был возведен в графское достоинство.

[84]) *Карбонарии* — тайное политическое общество, возникшее в Италии в начале XIX века и ставившее себе целью политическое объединение Италии и установление в ней свободных демократических учреждений. В 1811 г. карбонарии, перейдя из тактических соображений на сторону французского правителя Италии, Мюрата, получили право легального существования, и с этого момента начинается рост организации, число членов которой вскоре дошло до 600 тысяч. Организация карбонариев была весьма неоднородна по своему составу, главную ее массу составляли представители средней буржуазии. Первую попытку восстания карбонарии сделали в 1817 г. в папской области, но неудачно. Организованное ими в 1820—1821 г.г. восстание в Неаполе также было подавлено, главным образом, австрийскими войсками. Карбонарии сделали еще несколько попыток поднять восстания в разных городах, но результатом был только разгром всего движения соединенными усилиями итальянских реакционеров и австрийских войск. Уцелевшие карбонарии в начале 30-х годов слились с революционной организацией «Молодая Италия».

По образцу итальянских карбонариев во Франции, в эпоху разгула реакции в 20-х годах XIX столетия, начали образовываться тайные общества, называвшие себя карбонариями и объединившиеся в обще-французскую карбонаду. Эта организация стремилась к свержению Бурбонов, и поэтому в нее входили не только либеральные элементы, но и бонапартисты. Организация насчитывала до 40.000 человек и пыталась произвести ряд восстаний в 1822 и 1823 г.г. в Бельфоре, Лярошеле, Тулоне и др. городах. Все эти восстания были подавлены.

[85]) *Стачка московских типографщиков*—см. прим. 204 в 1-й части этого тома.

[86]) *Комиссия Шидловского* — см. прим. 107 в 1-й части этого тома.

[87]) *Радин-Кнунианц* — см. прим. 342 в 1-й части этого тома

[88]) *Куропаткин, А. Н.* (1848—1925) — бывший военный министр царской России. Окончил кадетский корпус и Павловское военное училище; в 1871 г. поступил в Николаевскую Академию Генерального Штаба, по окончании которой был откомандирован в Германию и Францию. По возвращении в Россию служил в штабе Туркестанского военного округа. Во время русско-турецкой кампании Куропаткин был начальником штаба 16-й дивизии и воевал под командой Скобелева. В 1878 г. был назначен профессором военной статистики в Николаевской Военной академии. В 1898 г. Куропаткин назначается военным министром. Будучи членом особого комитета по делам Дальнего Востока, Куропаткин отстаивал тот взгляд, что Россия в состоянии удержать за собой Порт-Артур. После 1900 г. он энергично настаивал на присоединении к России Северной Манчжурии и явился одним из главных инициаторов русско-японской войны 1904—1905 г.г. 13 февраля 1904 г. был назначен командующим русскими сухопутными силами, а 12 сентября главнокомандующим всеми морскими и сухопутными силами России. Под руководством Куропаткина русская армия в войне с Японией терпела

одно поражение за другим. После сдачи русской армией Мукдена (февраль 1905 г.) он был отставлен от поста министра и главнокомандующего. После окончания русско-японской войны был назначен неприсутствующим членом Государственного Совета и проживал в своем имении в Псковской губернии. С началом мировой войны Куропаткин неоднократно обращался с просьбами об обратном приеме его в армию, — однако, долгое время безуспешно. Только после назначения Алексеева начальником штаба Куропаткин, в конце 1915 г., был назначен командиром гренадерского корпуса, а затем и командиром 5-й армии. В феврале 1916 г. Куропаткин назначается главнокомандующим армиями северного фронта. Здесь под его руководством были проведены два неудачных наступления (под Якобштадтом и близ Риги). В июле 1916 г. он был назначен туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского военного округа. После Февральской революции Куропаткин получил отставку и поселился в своем бывшем имении в Псковской губернии, где и умер в январе 1925 года.

[89]) *Маклаков, В. А.* — видный кадет. В годы царизма был известен как либеральный адвокат. Играл видную роль в Государственной Думе в качестве одного из руководителей кадетской фракции. В этой последней он более всего отражал интересы московских купцов и домовладельцев. В эпоху керенщины был назначен послом в Париж. После установления Советской власти Маклаков продолжал оставаться в русском посольстве в Париже и играл крупную роль в контр-революционных махинациях, направленных против Советской России. В 1924 г., в связи с установлением во Франции режима «левого блока» и признанием СССР, Маклаков был вынужден освободить здание русского посольства.

[90]) *Внешняя политика царизма* (Дальний Восток — Амурская дорога, Персия, Балканы). — Амурская дорога. После поражения русской армии в войне с Японией царское правительство вновь стремится вести агрессивную политику на Дальнем Востоке. В 1908 г. председатель совета министров, П. А. Столыпин, вносит в III Думу правительственный проект о постройке Амурской железной дороги. По смете правительства эта постройка должна была обойтись в 238 миллионов рублей. В своей речи в Думе в защиту проекта Столыпин заявил: «...Амурский край похож теперь на Германию времен Тацита, но, господа, вспомните, что̀ Германия представляет из себя теперь»... Постройка железной дороги в далеком и мало исследованном Амурском крае преследовала, в первую очередь, цель продвижения России к дальне-восточным рынкам. В III Думе проект Столыпина о постройке Амурской железной дороги вызвал безусловную поддержку со стороны черносотенных и октябристских депутатов. Большинством голосов проект был утвержден.

Персия. После 1905 г. Россия стремилась добиться соглашения с Англией в персидском вопросе. 18 августа 1907 г. в Петербурге был подписан англо-русский договор, по которому в Персии устанавливались три сферы влияния — северная, южная и нейтральная. Северная Персия с городами Тегераном, Рештом, Тавризом и др., в которых к тому времени было наиболее сильно развито революционное движение, была признана входящей в сферу русского влияния. По отношению к этой области Англия обязалась «...не противиться ни прямо, ни косвенно требованиям концессий..., поддержи-

ваемых российским правительством». Южная Персия, примыкающая к Афганистану, была признана сферой английского влияния, а вся остальная часть Персии—нейтральной. 8 октября 1907 г. меджлис (персидский парламент) заявил протест против наглого русско-английского договора. В стране все более и более разрастается революционное движение, борьбу с которым берет на себя Россия. В июне 1908 г. Россия направляет в Персию казачий отряд во главе с полковником Ляховым, подвергшим бомбардировке здание меджлиса. Вспыхнувшее с новой силой революционное движение в Тавризе усмирял генерал Снарский, посланный туда под предлогом защиты русского консульства. Русские войска оставались в Персии вплоть до Октябрьской революции.

Политика царского режима на Балканах. Царское правительство было чрезвычайно заинтересовано в Балканском полуострове, представлявшем собою богатейший рынок для русского капитала. С целью извлечения возможно большей пользы из балканских государств Россия выставляет себя защитницей славянства на Балканах и опорой «славянских братушек». Соперниками России на Балканах были, прежде всего, Австрия, а затем и Англия, тоже заинтересованные в балканских рынках. В октябре 1909 г. Австрия присоединила к себе две населенные сербами турецкие провинции Боснию и Герцеговину. Это было тяжелым ударом для царской дипломатии. «Когда Австрия, — писал Л. Д. Троцкий в 1910 г., — воспользовавшись периодом замешательства на Балканах, окончательно укрепила за собой... Боснию и Герцеговину, «защитник славянства» — царь — стоял, бессильно опустив руки. Одним этим ударом Австрия, опиравшаяся на Германию, вышибла с Балкан царскую дипломатию со всей ее октябристско-кадетской славянобратской челядью».

После занятия Австрией Боснии и Герцеговины, Россия всячески толкает Сербию на путь военного сопротивления, обещая ей свою поддержку. Но когда война Сербии с Австрией становилась уже неизбежной, Россия в последнюю минуту отказалась поддержать своего «славянского брата». Будучи неподготовлено к войне, царское правительство требовало созыва мирной конференции для обсуждения вопроса о новом разделе Балканского полуострова и, в частности, о присоединении к России Босфорского и Дарданнельского проливов.

[91]) Речь идет здесь о *присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии*. Это присоединение было провозглашено 7 октября 1908 г. Обе провинции были фактически переданы Австрии еще за 30 лет до того, на Берлинском конгрессе в 1879 г., и не кем иным, как Россией, которая в 1876 г., согласно тайному рейхштадтскому соглашению, дала свое согласие на оккупацию Австрией Боснии и Герцеговины, выговорив себе взамен нейтралитет Австрии в будущей русско-турецкой войне. Берлинский конгресс утвердил это тайное соглашение, передав России в виде компенсации часть молдаванской Бессарабии.

Присоединение Боснии и Герцеговины и состоявшееся одновременно с этим провозглашение — при содействии Австрии — независимой Болгарии были явным поражением царской дипломатии на Балканах.

[92]) Вокруг вопроса о сущности и роли Петербургского Совета в революции 1905 г. много лет шла полемика между большевиками и меньше-

виками. Несмотря на то, что меньшевики были инициаторами создания Петербургского Совета и на первом его заседании играли главную роль, они ни в момент его возникновения, ни после его ликвидации, не поняли его исторического значения. Исходя из другой, чем большевики, оценки революции 1905 г., как революции классически буржуазной, в которой либеральная буржуазия должна играть руководящую роль, и ограничивая роль пролетариата поддержкой буржуазии и подталкиванием ее в сторону проведения более крайних демократических лозунгов, меньшевики на первый план выдвигали требование созыва Учредительного Собрания, которое, по их мнению, могло быть созвано и без предварительного вооруженного восстания. В целях пропаганды и агитации за созыв Учредительного Собрания меньшевики носились с планом создания «широких демократических организаций», «рабочих комитетов», «органов революционного самоуправления», которые должны были или содействовать превращению Государственной Думы в Учредительное Собрание, или стать во главе самочинного созыва Учредительного Собрания. Ленин подверг резкой критике эти идеи меньшевиков. «Революционное самоуправление народа, — писал он, — не пролог восстания, не «естественный переход» к нему, а эпилог. Без победы восстания нельзя и говорить серьезно о настоящем и полном самоуправлении». В другом месте Ленин отмечает полную капитуляцию меньшевиков перед либеральной буржуазией, выразившуюся в том, что они перенесли центр тяжести от партии на широкие беспартийные организации, от вооруженной борьбы за власть к мирному достижению созыва Учредительного Собрания. «Вся позиция либерально-монархической буржуазии, — писал Ленин, — состоит теперь в том, чтобы попытаться миновать восстание, заставить самодержавие признать земские выборы за народные без победы народа над царизмом, превратить земское и городское самоуправление в «революционное» (в петрункевичевском смысле) «самоуправление» без настоящей революции».

Приступая к организации Петербургского Совета Рабочих Депутатов меньшевики и рассматривали его как орган революционного самоуправления, долженствующий взять на себя инициативу пропаганды идеи Учредительного Собрания. Но и большевики не сразу оценили революционное значение Советов. Относясь с естественным недоверием к переоценке меньшевиками роли беспартийных рабочих организаций в революции и правильно усматривая в подобных идеях опасность растворения партии и ее классово-выдержанной линии в бесформенно демократическом движении, петербургские большевики, возглавлявшиеся тогда тов. Богдановым, в первые дни существования Совета ставили даже вопрос о борьбе с Советом, в случае непризнания им руководства социал-демократической партии. Рассматривая Совет в это время, как орган проведения октябрьской забастовки, т.-е. как центральный стачечный комитет, большевики требовали, чтобы он или ограничился этими функциями, или, в случае притязания Совета на политическое руководство массами, объявил о своем принятии социал-демократической программы и о своем подчинении директивам партии. С приездом Ленина, в ноябре месяце, в Петербург, линия большевиков выпрямилась. «Неправильно было бы сказать, — писал Ленин, — что ни в каком случае и ни при каких условиях участие социалистов в беспартийных организа-

циях недопустимо». Отход от участия в них «равнялся бы в известных случаях отказу от участия в демократической революции». В этот период Ленин формулировал свой взгляд на Совет Рабочих Депутатов следующим образом: «Совет Рабочих Депутатов—не рабочий парламент и не орган пролетарского самоуправления, а боевая организация для достижения определенных целей». «Чтобы демократический переворот осуществился быстрее, полнее и решительнее, мы заключили и заключаем для этого временно-боевой союз со всей революционной демократией для достижения нашей общей политической цели. Мы входим для этого, сохраняя строго свою партийную особенность и самостоятельность, и в Советы Рабочих Депутатов и в другие революционные союзы. Да здравствуют новые органы власти народа!». Таким образом, в этот период Ленин, — в полном согласии со сформулированной им на III съезде партии, большевистской тактикой: борьба за временное революционное правительство путем вооруженного восстания в тесном союзе с революционно-настроенными демократическими элементами, в первую голову, с крестьянством, — усматривал в Совете Рабочих Депутатов революционный орган блока пролетариата и идущих за ним классов для достижения основной цели — демократической республики.

Позднее, в 1906—1907 г.г., Ленин уже прямо говорил о Советах Рабочих Депутатов, как о зачаточных органах власти, как о попытке осуществления лозунга временного революционного правительства.

Что касается оценки тов. Троцким сущности Петербургского Совета, задач, стоявших перед ним, и роли, сыгранной им в революции 1905 года, то читатель, конечно, составит себе наиболее полное представление об этом, внимательно изучив статьи, речи и документы, вошедшие во II том собрания его сочинений, особенно в отдел IV настоящей книги. Однако, в целях объективности, Редакция считает нужным устранить некоторые искажения исторической действительности, допущенные в нашей новейшей литературе, посвященной изучению 1905 г. и, в частности, Петербургскому Совету. Образчиком беспардонного отношения к историческим фактам, поверхностно-компиляторского метода изучения истории является книжка молодого «историка» П. Горина «Очерки по истории Советов Рабочих Депутатов» и, в особенности, его доклад в Об-ве историков-марксистов «Чем же были Советы Рабочих Депутатов в 1905 г.?» (см. «Историк-марксист», т. I, 1926 г., изд. Коммунистической Академии, стр. 201—215). Тов. Горин, характеризуя различную оценку революции 1905 г. со стороны большевиков, меньшевиков и Троцкого (при чем он проводит знак равенства между «перманентной революцией» тов. Троцкого и меньшевистским взглядом), заявляет: «эти различные оценки революции и ее движущих сил, различно оцениваемых большевиками, меньшевиками и троцкистами, находили свое практическое выявление в Советах» («Историк-марксист», стр. 206). Дальше он говорит об «ожесточенной борьбе», которая велась на этой почве между названными группировками в практической работе Совета. Если исключить первоначальный период существования Совета, то эта «ожесточенная борьба» в нем между различными течениями социал-демократии есть по истине «открытие» новоявленного историка Горина, — впрочем, не подтвержденное им ни на одном конкретном примере из истории Совета. Отождествив меньшевиков и троцкистов и противопоставив их большевикам, «историк» Горин не при-

водит ни одного факта, который доказывал бы, что тов. Троцкий, на почве работы в Совете, стоял в оппозиции против тактики, предлагавшейся большевиками. В своей книжке «Очерки по истории Советов» тов. Горин, анализируя деятельность Петербургского Совета, в чрезвычайно сочувственных тонах отзывается о тактике и работе Совета, по крайней мере за период его деятельности после манифеста 17 октября. Он текстуально воспроизводит все резолюции Совета, главнейшие речи на его заседаниях, наиболее важные статьи в «Известиях Совета Рабочих Депутатов», доказывая необходимость во всех случаях именно той тактики, которой придерживался Совет. Но известно ли нашему историку, кто автор всех этих резолюций, статей, речей? Не кто иной, как тов. Троцкий. Таким образом тов. Горин умудряется в одной книжке расхваливать тактику Совета, как большевистскую, основываясь на резолюциях Совета, статьях «Известий Совета» и т. д., писавшихся тов. Троцким, а в докладе в Коммунистической Академии говорить об «ожесточенной борьбе» между большевиками, меньшевиками и троцкистами. В своих «Политических письмах», помещенных в «Искре» от *17 марта 1905 г.* за № 93, тов. Троцкий писал: «Жестокая борьба между народом и царем, не знающая других соображений, кроме соображений победы; всенародное восстание, как высший момент этой борьбы; Временное Правительство, как революционное увенчание победы народа над вековым врагом; разоружение царистской реакции и вооружение народа Временным Правительством; созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права — таковы объективно намечающиеся этапы революции» (см. Л. Троцкий, Сочинения, том II, часть I, стр. 232). Достаточно сравнить эти слова с резолюциями большевистского III съезда, чтобы признать в постановке основных тактических проблем революции 1905 года полную солидарность между тов. Троцким и большевиками. В этих «Письмах» тов. Троцкий говорит не только о необходимости политически подготовить вооруженное восстание, но, как об очередной задаче, о *технической подготовке его*. «Мы никуда не годились бы, — пишет тов. Троцкий, — если б не отдали себе отчета в том, что *наша революция*, та, которая теперь совершается, уперлась в этот «технический момент» и без восстания *не пойдет дальше*. Итак, мы должны организовать революцию, очередным этапом революции является народное восстание — *мы должны организовать восстание*» (там же, стр. 234—235.) Таким образом мы видим, что, несмотря на иную оценку природы революции 1905 г. и ее движущих сил, чем та, которую дал Ленин, тов. Троцкий вплотную подходил к большевикам в следующих пунктах: 1) роль либеральной буржуазии в революции он оценивал так же как и большевики; 2) по вопросу о руководящей роли пролетариата в революции тов. Троцкий вместе с большевиками утверждал, что «революция выдвигает пролетариат на первое место и передает ему гегемонию...» «Победу восстания, как и торжество всей революции, может обеспечить только пролетариат» (там же, стр. 239); и 3) по вопросу о тактике в революции тов. Троцкий доказывал необходимость вооруженного восстания, приводящего к созданию революционного временного правительства.

В связи с этим взглядом тов. Троцкого вполне понятна тактика, которую он проводил в Петербургском Совете и которая нашла такое ярко

отражение в основных резолюциях Совета. Эта тактика сводилась в основном к политической подготовке вооруженного восстания, чтобы на известном этапе революции, идейно мобилизовав рабочие массы, с оружием в руках свергнуть царское правительство. Идея вооруженного восстания была основным стержнем всей деятельности тов. Троцкого в Петербургском Совете. И если тов. Горин в названной книге бросает тов. Троцкому, смешав его в одну кучу с меньшевиками, упрек в недооценке значения вооруженного восстания и в переоценке роли всеобщей стачки, то это объясняется — увы! — только невежеством молодого «историка». Так, в своем письме к Мартову, написанном накануне процесса Совета, Л. Д. Троцкий, в корне расходясь в то время с меньшевистским ЦК, писал:

«Несколько слов о нашем процессе. Я уже писал о нем ЦК, не знаю, читали ли Вы мое письмо. ЦК обещал нам мотивированную «резолюцию». Не знаю, что он напишет. Но те две резолюции, которые он для чего-то прислал нам, производят странное впечатление. Смысл их таков: «Дети, излишнего шума не надо, в каторгу тоже не нужно, — а остальное предоставляем на ваше усмотрение». Решения ЦК не могут для нас иметь обязательной силы уже потому, что нам необходимо соблюдать солидарность с с.-р. и беспартийными. Да и не нужны нам такие бессодержательные решения. Мы ждем от него соображений общего характера. Повидимому, некоторые товарищи на воле недовольны нашим предполагаемым поведением на суде — и ведут против него борьбу. Но я совершенно не понимаю, какое другое поведение можно нам рекомендовать. Мы хотим восстановить на суде деятельность Совета, какой она была в действительности. О себе каждый будет говорить постольку, поскольку это будет необходимо для выяснения деятельности Совета или партии. В этих рамках юридической защите предоставлена полная свобода. Я отсылаю Вас за подробностями, если интересуетесь, к названному выше письму». (Автор имеет в виду письмо в ЦК РСДРП (меньшевиков), помещенное нами в 1-й части этого тома, стр. 459.)

Недостатки, присущие Советам 1905 г., как *специфическим органам* революционной борьбы, тов. Горин приписывает ошибочности того или иного руководства. Опыт декабрьского восстания в Москве, протекавшего под непосредственным руководством Московского Совета, в котором преобладали большевики, показал сильные и слабые стороны Советов, как органов восстания. Вот как Ленин подытоживал опыт деятельности Петербургского и Московского Советов за октябрьско-декабрьский период: «Опыт октября-декабря дал самые поучительные указания на этот счет. Советы Рабочих Депутатов — *органы массовой непосредственной борьбы*. Они возникли как органы борьбы *стачечной*. Они стали очень быстро, под давлением необходимости, органами обще-революционной борьбы с правительством. Они превратились неудержимо, в силу развития событий и перехода от стачки к восстанию,—в органы восстания». «Раз это так,—а это несомненно так, — то отсюда ясен и тот вывод, что для организации восстания «Советы» и подобные массовые учреждения еще *недостаточны*. Они необходимы

для сплочения масс, для боевого объединения, для передачи партийных (или по соглашению партии выдвинутых) лозунгов политического руководства, для заинтересования, пробуждения, привлечения масс. Но они недостаточны для организации *непосредственно боевых* сил, *для организации восстания в тесном смысле слова»*. Как дополнение к Советам, для выполнения этой более тесной задачи, Ленин предлагал создавать специальные военные организации. Из приведенной цитаты видно, что Ленин усматривал слабость Советов как технических органов восстания в их специфической структуре, в их массовидности, но отнюдь не сводил дела к ошибкам того или другого руководящего лидера.

Насколько правильно тов. Троцкий оценил сущность Петербургского Совета и сумел поставить правильный прогноз исторической роли Советов в дальнейшем развитии революции, видно из следующих его слов, которые приобретают особое значение в свете событий 1917 года. «Тайна его (Совета. *Ред.*) влияния, — писал Троцкий, — в том, что он вырос, как естественный орган пролетариата в его непосредственной, всем ходом событий обусловленной *борьбе за власть*. Если сами рабочие, с одной стороны, реакционная пресса — с другой, называли Совет «пролетарским правительством», то этому соответствовал тот факт, *что Совет на самом деле представлял собою зародышевый орган революционного правительства»* (см. статью «Историческое значение Совета Рабочих Депутатов» в настоящей книге). Это определение сущности Совета вполне совпадает с приведенным выше определением Ленина. Какой же прогноз будущего делал тов. Троцкий на основе опыта Петербургского Совета? «Новый ближайший подъем революции, — писал тов. Троцкий в 1906 г., — приведет к *повсеместному образованию рабочих Советов*. Всероссийский Рабочий Совет, организованный общегосударственным рабочим съездом, возьмет на себя руководство местными выборными организациями пролетариата. Разумеется, суть не в воззваниях и не в деталях организационных отношений; задача — в демократически-централизованном руководстве борьбой пролетариата *за переход власти в руки народа»*. Какова же будет программа деятельности этих будущих Советов? Тов. Троцкий в той же статье, написанной в 1906 г., дает на это следующий ответ: «Революционная кооперация с армией, крестьянством и плебейскими низами городской буржуазии. Упразднение абсолютизма. Разрушение его материальной организации: отчасти расформирование, отчасти немедленное распущение армии; уничтожение полицейски-бюрократического аппарата. 8-часовой рабочий день. Вооружение населения, прежде всего пролетариата. Превращение Советов в органы революционного самоуправления *). Создание советов крестьянских депутатов (крестьянских комитетов) как органов аграрной революции на местах». (См. статью «Уроки восстания» в настоящей книге.)

---

*) Превращение Советов в органы революционного самоуправления мыслилось тов. Троцким *после свержения самодержавия*, а не до вооруженного восстания, как у меньшевиков. Так же смотрел на вопрос и Ленин: «Революционное самоуправление народа, — писал он, — не пролог восстания, а эпилог».

То же самое имел в виду и Ленин, когда в своем заключительном слове на V съезде РСДРП по вопросу об отношении к буржуазным партиям заявил, что «Троцкий стоит на точке зрения общности интересов пролетариата и крестьянства в современной революции, что здесь налицо солидарность в основных пунктах вопроса об отношении к буржуазным партиям».

[93]) *Царский указ 18 февраля 1905 г.* — см. прим. 102 в 1-й части этого тома.

[93а]) 12 июля 1910 г. тов. Троцкий, в качестве представителя РСДРП, сделал доклад о революции 1905 г. на XVII съезде болгарской социал-демократической рабочей партии (тесняков). Эта речь была издана на болгарском языке брошюрой под названием «Русская Революция».

Мы воспроизводим здесь предисловие к брошюре и краткое вступительное слово председателя собрания тов. Коларова.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Представитель русской социал-демократической рабочей партии на XVII очередном съезде болгарской социал-демократической рабочей партии, один из активных участников великой русской революции, член Совета Рабочих Депутатов, известный социалистический писатель и борец Л. Троцкий, по просьбе местного комитета социал-демократической рабочей партии, произнес 12 июля, в просторном саду Рабочего Дома в Софии, речь на тему о русской революции.

Больше 2.000 софийских рабочих с необыкновенным подъемом и энтузиазмом выслушали блестящий доклад тов. Троцкого о ходе русской революции, о роли русского пролетариата в ней, о ее значении и последствиях. Желая дать возможность и тем рабочим, которые были лишены редкого счастья услышать эту прекрасную речь, познакомиться с ее содержанием и таким образом получить представление о борьбе великого русского пролетариата, мы издаем настоящую брошюру для массового распространения.

Председатель, тов. Коларов, открывает собрание:

«Товарищи, мы имеем редкое, очень редкое счастье видеть среди нас, близко, одного из борцов за освобождение России. Мы все, товарищи болгарские представители, вместе с пролетариатом всего мира следили с живым вниманием за перипетиями той необъятно великой исторической драмы, которая называется русской революцией (крики: да здравствует революция!). Мы, говорю я, имеем редкое счастье услышать в этот вечер непосредственно из уст одного из представителей героического русского пролетариата славную историю молодой русской революции.

Но, товарищи, в тот момент, когда мы готовимся с восхищением выслушать повесть о безграничном героизме и самопожертвовании русского пролетариата в этом великом деле освобождения, мы должны вспомнить и о том, что великая русская земля облита

кровью тысяч неизвестных героев, которых великие исторические дни возвысили до роли борцов за человеческую свободу. Вспомним, что в мертвых сибирских степях тысячи и тысячи русских тружеников за освобождение России, за новый режим, положили свои кости и что до сего дня в тысячах русских тюрем гниют славные сыны русского народа и вся русская земля покрыта трупами; до сего дня режим контр-революции воздвигает виселицы, на которых что ни день повисают новые трупы молодых славных борцов за свободу (*сильные продолжительные аплодисменты*).

Товарищи, в этот момент мы должны вспомнить о всех мучениках русской свободы. В знак глубокой признательности и уважения к ним почтим их память вставанием (*все встают*).

А теперь, товарищи, почтим их память пением похоронного марша, который споет наш хор с вашим участием (*хор и публика поют «Вы жертвою пали»*).

Слово предоставляется тов. Льву Троцкому (*продолжительные крики «браво» и громкие аплодисменты*)».

[94]) По сравнению с царской цензурой, условия печати в Америке казались идеальными, хотя каждый революционер-марксист прекрасно понимал, что речь идет тут о буржуазной свободе печати, т.-е. о такой свободе, которой фактически могут воспользоваться только имущие классы. Лишь в этом относительном смысле нужно понимать слова тов. Троцкого об «американской свободе печати». Только Октябрьская революция 1917 г. дала возможность трудящимся массам России осуществить подлинную пролетарскую свободу печати.

[95]) *I, II и III Государственные Думы.* — О первой Государственной Думе см. прим. 367 в 1-й части этого тома.

Начало работ II Государственной Думы относится к 20 февраля 1907 г. В состав II Думы вошло 505 депутатов, разбившихся весьма неравномерно на несколько партий. В противоположность I Думе, кадеты имели во II Думе уже только относительное большинство. В отношении левых партий II Дума отличалась от I наличием в ней с.-д. фракции в количестве 65 человек. Вообще состав II Думы был очень пестрый, благодаря многочисленности группировок разных политических оттенков. Близко к кадетам подходила фракция трудовиков (101 человек), которые вместе с кадетами составили абсолютное большинство Думы. Отдельную группу с особыми целями образовали поляки (39 человек). Основным вопросом, вокруг которого объединялись и противопоставлялись все эти группировки, являлось отношение к революции. Представители рабочего класса требовали от правительства отмены смертной казни и амнистии для революционеров; правые выносили порицание политическим убийствам и террору; правительство настаивало на удалении из среды народных представителей лиц, обвиняемых в революционных речах и деяниях.

Роспуск II Думы 3 июня 1907 г. завершил собою эпоху революции 1905—1907 г.г. С этого момента начинается эпоха столыпинской реакции.

1 ноября 1907 г. собралась Государственная Дума третьего созыва. «Положение о выборах в Государственную Думу 3 июня 1907 г.» пре-

допределило состав и деятельность будущего «представительства народной власти». Число выборщиков от крестьян и рабочих было по этому закону сильно сокращено, зато число выборщиков от помещиков значительно увеличилось. III Дума вполне характеризуется ее классовым составом: в ней преобладали представители помещиков, а также фабрикантов, купцов, банкиров. Одни из них называли себя октябристами, другие националистами и т. д., но за всеми этими оттенками скрывалась одна и та же черносотенная сущность.

Левая оппозиция в этой черносотенной Думе была представлена следующим образом: на общее число депутатов в 300 человек приходилось 19 социал-демократов и 14 трудовиков. Центр составляли 53 кадета.

III Дума, будучи преимущественно помещичьей по своему составу, заботилась исключительно об интересах помещиков: за них она стояла при проведении закона о мировом суде, законов о земском и городском самоуправлении, о налоговом законодательстве и т. д. Нечего и говорить, что Дума занималась бешеной травлей национальных меньшинств и совершенно игнорировала интересы рабочих и крестьян.

Дума просуществовала 5 лет, вплоть до истечения ее срока. В истории большевизма III Дума явилась крупным этапом, ибо вопрос об участии на выборах и пребывании в Думе с.-д. депутатов вызвал образование отзовистского и ультиматистского течений, объединившихся в 1909 г. в группу «Вперед». В непримиримой идейной борьбе с этой «карикатурой на большевизм» выковывалось великое орудие пролетарской борьбы — ленинизм.

[96]) *Лассаль* — см. прим. 169 в 1-й части этого тома.

[97]) *Покровский, И. П.* — социал-демократ, депутат III Думы от Кубанской и Терской областей и Черноморской губернии, по профессии врач. В 1902 г. был арестован и после двух лет тюремного заключения сослан в Сибирь. В Думе неоднократно выступал по бюджетным и другим вопросам. Был членом бюджетно-переселенческой комиссии. Своими думскими выступлениями навлек на себя особенную ненависть черносотенцев.

[98]) *Извольский* — царский дипломат. Был министром-резидентом при папе римском, посланником в Белграде, Мюнхене и Токио. С 1906 по 1910 г. был министром иностранных дел. Проводил политику сближения с Англией, заключив с нею в 1907 г. договор о разграничении сфер влияния в Персии. С 1909 г. — член Государственного Совета, а с 1910 г. — посол в Париже. О политике Извольского на Балканах, см. прим. 90.

[99]) *Данайские дары* — дары, которые приносят несчастье. В цикле мифов о троянской войне есть сказание о том, как греки (называемые в этих мифах данайцами), после долголетней осады Трои, отчаялись взять город силой и решили прибегнуть к хитрости. Они притворно сняли осаду и оставили у стен города огромного деревянного коня, внутри которого был помещен небольшой отряд вооруженных греческих воинов. Один из греков проник в Трою и убедил троянцев, что конь предназначен в дар богине Палладе и что его необходимо ввести в город, чтобы не оскорбить богиню. Виргилий, воспроизведший это сказание во 2-й книге своей Энеиды, рассказывает, что один только жрец Лаокоон понял хитрость греков и, пытаясь образумить своих ослепленных сограждан, воскликнул: «Я боюсь данайцев и тогда, когда они приносят дары».

[100]) *1793 годом* — начинается второй период Великой Французской Революции, характеризующийся диктатурой мелкой буржуазии, поддержанной трудящимися массами столицы.

Отрешенный от престола, король Людовик сделался центром всех контр-революционных движений в стране; он подкупает членов законодательного собрания, вступает в связь с европейскими дворами и готовит военный поход на революционную страну. Робеспьер и Марат, вожди левого крыла якобинцев, правильно оценивают роль короля в создании европейской коалиции против революционной Франции. «Прежде чем напасть на иноземных тиранов, надо покончить со своим собственным тираном», говорит Робеспьер. «Прежде чем иметь дело с королями вне Франции, покончим с королем Франции», говорит Марат.

21 января 1793 г. король был казнен.

1 февраля 1793 г. к европейской коалиции примкнула Англия. Революционная армия, одерживавшая до тех пор победы, в феврале уступает одну завоеванную территорию за другой. Конвент, в котором господствуют жирондисты, рассылает комиссаров в департаменты для набора трехсот тысяч человек. По предложению Дантона (см. о нем прим. 13), Конвент учреждает 10 марта чрезвычайный уголовный суд против посягательств на «свободу, равенство и самодержавие народа».

В стране свирепствует голод, рекрутские наборы разоряют крестьянство, в Вандее вспыхивает контр-революционный мятеж. В Конвенте идет борьба между Горой и Жирондой. Будут ли уничтожены без выкупа все феодальные повинности, будет ли введен закон о максимуме, т.-е. такса на хлеб и другие предметы первой необходимости? От решения этих двух вопросов зависела судьба двух наиболее революционных классов — крестьянства и мелкой буржуазии городов. Коммуна Парижа постановляет взыскать с богатых единовременный налог в 12 миллионов ливров на военные нужды. Конвент учреждает Комитет Двенадцати для расследования действий Коммуны.

31 мая Коммуна объявляет восстание. Гора предает суду 29 депутатов-жирондистов.

13 июля Шарлотта Кордэ убивает Марата.

27 июля Дантон — представитель буржуазной интеллигенции, пытающийся примирить жирондистов с монтаньярами, отстраняется от власти. Во главе правительства становится Робеспьер. Террор поражает врагов революции.

31 октября совершается казнь арестованных жирондистов. Конвент принимает проект новой конституции, вводящей всеобщее избирательное право, отменяет все феодальные повинности без выкупа, возвращает крестьянам общинные земли, издает закон о прогрессивно-подоходном налоге и принимает целый ряд других мер социально-экономического характера.

1793 год представляет собою кульминационный пункт в развитии революции. После него революция идет на убыль.

[101]) *1848 год.* — На этот год приходится ряд буржуазных революций, охвативших почти всю среднюю Европу: Францию, Германию, Австрию, Италию. Революция создала предпосылки для будущего объединения Гер-

мании и Италии. Во Франции революция 1848 г., в которой французский рабочий класс впервые выступил, как самостоятельная политическая сила, потерпела поражение.

[102]) *1871 г.* —Речь идет о Парижской Коммуне 18 марта—28 мая 1871 г. См. прим. 282 в 1-й части этого тома.

[103]) *Разиновщина* — социально-политическое движение крестьянства и казачества 1670—1672 г.г. Начиная с 60-х годов XVII в. на Дону происходит сильное скопление крестьян, бежавших из различных губерний, главным образом, из Москвы от притеснений помещиков. Как среди этого беглого крестьянства, так и в беднейшем слое донского казачества быстро нарастает острое недовольство. В 1668 г. донской казак Степан Разин, собравший группу бедных казаков, совершает набег на берега Персии. Этот набег, первоначально задуманный исключительно ради наживы, благодаря своему размаху получил революционную окраску. На обратном пути из Персии к Разину присоединились большие массы крестьян, изменившие правительству стрельцы и т. д. Возвратившись на Дон, Разин стал подготовлять восстание. Причин к нему было достаточно: положение крестьянства и беднейшего слоя казачества становилось все более тяжелым. К Разину стали стекаться недовольные крестьяне и казаки.

13 апреля 1670 г. 7-тысячное войско Степана Разина овладело Царицыном. Свои цели Разин формулировал в короткой фразе: «Итти к Москве бить бояр». Из Царицына Разин направляется в Астрахань. Завладев без боя этим городом, он двигается затем к Саратову и Самаре.

Вскоре восстание охватило всю территорию между Волгой и Окой, распространившись на следующие нынешние губернии: Пензенскую, Тамбовскую, Казанскую, Нижегородскую и Симбирскую. 1 августа 1670 г. в Москве была объявлена мобилизация для подавления восстания. Против восставших была двинута большая, хорошо вооруженная армия. В бою под Симбирском Разин потерпел крупное поражение и вынужден был отступить. Бежав на Дон, он стал готовить силы для нового наступления, но вскоре был выдан богатыми казаками. 6 июня 1671 г. он был казнен в Москве. После его казни восстание еще некоторое время продолжалось, но к началу 1672 г. было окончательно подавлено. Причиной поражения разиновщины, носившей характер крестьянского бунта, было отсутствие организационного руководства и определенной политической программы.

[104]) *Пугачевщина*—восстание крепостных и заводских крестьян, уральских казаков, а также башкир, калмыков и киргизов, развернувшееся на юго-востоке России в 1773—1775 г.г. под предводительством Емельяна Пугачева. Восстание вспыхнуло и быстро распространилось благодаря тому, что возмущение среди яицких (уральских) казаков нашло могучий отклик среди горнозаводских крестьян Урала, насчитывавших до 100 тысяч человек, а также среди жестоко угнетаемых малых народностей окраин России. Разложение казацкой общины под влиянием денежного капитала шло быстрым темпом, порождая ненависть эксплоатируемых казаков к правительству и своим старшинам. Интенсификация труда номинально свободных заводских крестьян достигла небывалого до тех пор напряжения. Все это, как нельзя лучше, подготовляло взрыв. Уже до пугачевского восстания вспыхивали частичные бунты среди яицких казаков, башкир и крепостных крестьян,

но все они жестоко подавлялись. В сентябре 1773 г. вспыхнуло восстание среди яицких казаков, быстро перебросившееся на горнозаводские предприятия Урала. Восстанием руководил Пугачев, объявивший себя императором Петром III, претендентом на российский престол. 17 сентября 1773 г. Пугачёв двинулся к яицкому городку, но затем повернул к Оренбургу. Посланные правительством войска были разбиты. Пугачев со своей армией начал систематическую осаду Оренбурга, продолжавшуюся до 23 марта 1774 г. Во время осады влияние Пугачева росло с каждым днем. В первый период борьбы на стороне Пугачева был не только моральный перевес, но и численный и даже технический, поскольку горнозаводские рабочие сами изготовляли оружие и умели с ним обращаться. Огромную роль в восстании сыграли башкиры, сумевшие оказать Пугачеву большую помощь своей превосходной конницей. После осады Оренбурга Пугачев двинулся на Казань, которая и была им взята 11 июля 1774 г. Беспокойство правительства возрастало с каждым днем, ибо к Пугачеву присоединялись все элементы, недовольные существующим порядком, а посылаемые войска тоже были не очень надежны. Крестьяне толпами присоединялись к Пугачеву, помещичьи усадьбы сжигались, и уже начинало чувствоваться влияние пугачевского восстания в центральных губерниях. Однако против хорошо вооруженной и организованной правительственной армии войска Пугачева долго держаться не могли; в августе 1774 г. его главные силы были разбиты и сам он взят в плен. Восстание быстро пошло на убыль. 10 января 1775 г. Пугачев был казнен.

[105]) *Декабристы* — члены тайных русских обществ первой четверти XIX в., ставивших себе целью преобразование политического строя России. Первое тайное общество было основано в 1816 г. в Петербурге под названием «Союз Спасения или Истинных и Верных Сынов Отечества». В принятом в 1817 г. уставе этого общества говорилось, что оно стремится к установлению конституционного строя в России и к ограничению самодержавия. В 1817 г. «Союз Спасения» преобразуется в «Союз Благоденствия». В состав этого общества входили, главным образом, офицеры-участники наполеоновских войн, побывавшие во Франции, воспитанные на просветительной литературе XVIII века и приобщившиеся к традициям Великой Французской Революции. Основателями общества были: братья А. и Н. Муравьевы, кн. Трубецкой и П. Пестель. В феврале 1821 г. в Москве состоялся съезд «Союза Благоденствия», на котором был поставлен вопрос о вооруженном восстании. Для руководства делами общества были образованы так называемые думы в Петербурге, Москве, Смоленской губ. и в городе Тульчине. Тульчинский отдел, известный под названием «Южного Общества» и руководимый Пестелем, являлся более решительным сторонником демократической республики, в отличие от Северного, Петербургского, стоявшего за конституционную монархию. Внешним поводом к вооруженному восстанию послужила смерть Александра I (в ноябре 1825 г.) и наступивший вслед за нею период междуцарствия. 14 декабря 1825 г., в день, когда новому царю Николаю Павловичу должна была быть принесена войсками присяга, декабристы вывели на Сенатскую площадь лейб-гвардейский Московский полк, лейб-гренадеров и моряков гвардейского экипажа. Восставшие части отказались присягать Николаю. Однако, вследствие неумелости и нерешительности руководителей восстания, оно было тут же подавлено правительственными

войсками. Немедленно после ликвидации восстания начались аресты. По приговору суда пять главных руководителей декабристов (Пестель, Рылеев, С. Муравьев-Апостол, Каховский и Бестужев-Рюмин) были повешены; 123 человека были сосланы на каторгу.

Основной причиной неудачи декабристского движения нужно считать полное отсутствие связей декабристов с народными массами и их страх перед народной революцией.

> «То сословие, — пишет Плеханов, — к которому принадлежали люди 14 декабря, было консервативным по самому положению своему. То дворянское меньшинство, которое сумело возвыситься над сословными предрассудками и сословными интересами, было слишком слабо для того, чтобы добиться осуществления своих идеалов».

Значение декабристов в истории русского освободительного движения Герцен охарактеризовал следующими словами: «Пушечный гром, раздавшийся на Сенатской площади, разбудил целое поколение».

[106]) *1648 год в Англии* — был кульминационным годом в развитии английской революции. С начала 1648 г. объединившееся вокруг короля Карла I реакционное дворянство стало готовиться к вооруженной борьбе с парламентом. Обеспокоенные этими приготовлениями, индепенденты (крайняя революционная партия) подняли вопрос о предании суду Карла I. В марте 1648 г. во многих городах Англии вспыхивают контр-революционные восстания под лозунгом: «за королевскую власть и правую веру, против тирании сектантов». Особенно длительным и упорным было восстание реакционного дворянства в Шотландии. Лето и осень 1648 г. прошли в боях между реакционными отрядами и революционной армией Кромвеля. 18 августа Кромвель нанес решительный удар восставшим контр-революционерам и в конце сентября вошел со своей армией в Эдинбург. Гражданская война закончилась полным торжеством революционных войск. Победоносная армия Кромвеля стала еще энергичнее настаивать на предании короля суду и роспуске парламента, в котором преобладали пресвитерианцы, стремившиеся добиться соглашения с королем. После того как эти требования были 30 ноября отвергнуты парламентом, солдаты Кромвеля арестовали 1 декабря короля, а 2 декабря революционная армия вступила в Лондон. 6 декабря части революционного войска заняли все входы и выходы в парламент и изгнали из него всех правых депутатов. В парламенте остались только индепенденты и республиканцы. «Очищенный» парламент» немедленно постановил предать верховному суду короля Карла I за государственную измену. Заседания суда начались 20 января 1649 г.; 25 января суд вынес обвинительный приговор, и 30 января король был казнен.

[107]) *3 июня 1907 г.*—был издан высочайший манифест о роспуске второй Думы. Поводом для роспуска послужило обвинение с.-д. фракции в «заговоре» против государственной власти (о «заговоре» см. примечание 230). Одновременно с манифестом было опубликовано новое «положение о выборах в Третью Думу». Новый избирательный закон прежде всего понизил общее количество думских депутатов, сократив его с 524 до 442. Далее, он очень сильно урезал избирательные права окраин; так число депутатов

Польши было понижено с 37 до 14, Кавказа—с 29 до 19, Сибири—с 21 до 15. Некоторые области и города были совершенно лишены избирательных прав. Классовая подоплека закона 3 июня особенно ярко выразилась в изменениях, коснувшихся порядка выборов по землевладельческой и крестьянской куриям. Новым законом было значительно увеличено количество депутатских мест по землевладельческой курии и больше чем вдвое сокращено по крестьянской. Таким образом преобладающее место в Думе было обеспечено за крупным дворянством. Городская курия была разделена на два разряда, при чем 1-му разряду, в который входили крупные собственники, было предоставлено почти на 200 мест больше, чем 2-му.

Третье-июньским переворотом царское правительство добилось своей цели: сохранив видимость конституционного строя, оно превратило Думу в послушное орудие своей реакционной политики. 3 июня 1907 г. начинается период жесточайшей реакции (так называемый «третье-июньский режим»).

[108]) Русская революция 1905 г. оказала большое революционизирующее влияние на *Австрию*. Осенью и зимою 1905 г. в Австрии происходят грандиозные демонстрации рабочих в пользу всеобщего избирательного права.

В. И. Ленин в своей статье «Девятое Января» (написана в 1916 г.) следующим образом характеризует влияние русской революции на Австрию:

> «Косвенным путем русская революция оказала свое влияние и на страны, расположенные на западе. Не следует забывать, что как только 30 октября 1905 г. в Вену прибыла телеграмма о конституционном манифесте царя, это известие сыграло решающую роль в окончательной победе всеобщего избирательного права в Австрии.
>
> Во время заседания съезда австрийской социал-демократии, когда тов. Элленбоген — тогда он еще не был социал-патриотом, тогда он был еще товарищем — делал свой доклад о политической стачке, перед ним на стол была положена эта телеграмма. Прения были сейчас же прекращены. «Наше место на улице!» — вот какой клич прокатился в зале заседаний делегатов австрийской социал-демократии. И ближайшие дни увидели крупнейшие уличные демонстрации в Вене и баррикады в Праге. Победа закона о всеобщем избирательном праве в Австрии была решена».

Ярким подтверждением слов Ленина является речь одного из руководителей австрийской социал-демократии Пернерсторфера, произнесенная на собрании в Лейпциге в 1906 г. Мы приводим отрывки из этой речи:

> «...Но несмотря на то, что мы не только говорили в пользу избирательного права, но также и писали о нем и на каждом партейтаге снова и снова выставляли требование его, организуя широкую агитацию, нас, казалось, не хотели слушать. Но вот возгорается великое движение на востоке, оказавшее влияние и на Австрию. В России, этом очаге реакции, произошло то, что до сих пор никем не считалось возможным. В этом колоссе началось брожение, и угнетенный народ с отчаяньем выступил против самодержавия. Геройская борьба русского пролетариата должна была найти отклик и у нас.

> ...Когда на общем партейтаге в октябре прошлого года была получена телеграмма из России, утверждавшая, что там имеется в виду ввести всеобщее равное и тайное голосование, то это известие вызвало закрытие партейтага и в тот же день — венскую демонстрацию. Через два часа, между 7 и 8, перед дворцом продефилировала громадная толпа рабочих; полиция не разогнала демонстрацию, удовлетворившись объяснением, что демонстрация поддерживает требование венгерского короля. Но полиции было очень неприятно, что такая «поддержка» произошла вблизи дворца да и в самом дворце не были особенно этому рады».

Австрийское правительство вынуждено было пойти на уступки. В январе 1907 г. был издан закон о введении всеобщего избирательного права в Австрии. В мае 1907 г. был созван очередной парламент на новых основаниях, в котором социал-демократы получили 87 мандатов.

[109]) *«Спартак»*. — С первых же дней мировой войны левое крыло германской социал-демократии, во главе с Францем Мерингом, Розой Люксембург, Карлом Либкнехтом, Кларой Цеткин и др., повело борьбу с шовинистической политикой германской с.-д. партии. В апреле 1915 г. эта группа выпустила один номер журнала «Интернационал» и с тех пор стала называть себя этим именем. В январе 1916 г. на нелегальной конференции революционных элементов германской с.-д. было решено издавать периодический бюллетень под названием «Спартак», и группа «Интернационал» переименовала себя в группу «Спартак». В апреле 1917 г. группа вошла в германскую независимую социал-демократическую партию, внутри которой была почти самостоятельной организацией. «Спартак» был в то время единственной истинно революционной группировкой в Германии, и неудивительно, что на нее обрушились жестокие репрессии. Почти все руководители союза попали в тюрьму, откуда были освобождены лишь после переворота 9 ноября. Тотчас после своего освобождения Роза Люксембург и Карл Либкнехт стали выпускать центральный орган спартаковцев «Красное Знамя», а затем газету для солдат «Красный Воин». 30 декабря 1918 г. спартаковцы порвали с независимыми, которые не захотели отмежеваться от политики германской социал-демократической партии и вошли в коалиционное правительство Германской Республики. Съезд спартаковцев, на котором было принято решение о разрыве с независимыми, явился вместе с тем учредительным съездом германской коммунистической партии.

[110]) Русская революция 1905 г. нашла могучий отклик в Китае, Турции и Персии.

I. Уже в 1906 г. в Персии революционное движение против полуфеодального, неограниченного режима шаха Мохамед-Али вынудило его дать стране конституцию и созвать парламент (меджлис). Парламент немедленно поднял борьбу против политики шаха, шедшего на поводу у англо-русского империализма, который систематически грабил Персию. В 1908 г. шах разгоняет парламент с помощью русских казачьих отрядов полковника Ляхова. В ответ на это вспыхнуло восстание, окончившееся занятием революционными войсками Тегерана, низложением шаха и восстановлением конституционного режима (в 1909 г.). Под предлогом борьбы

с анархией царское правительство вводит свои войска в северную Персию, где они остаются до Октябрьской революции 1917 г. В 1911 г. Мохамед-Али, поселившийся после своего низложения в Одессе, тайно возвращается в Персию и делает попытку с помощью царских войск снова овладеть престолом, но терпит неудачу.

II. Влияние русской революции в Турции сильно сказалось как в подъеме революционного движения среди турецких народных масс и армии, так и в организации эмигрантских революционных групп за границей. В 1907 г. в Париже, по инициативе партии дашнакцутюн, происходит конгресс всех революционных организаций Турции. На конгрессе было постановлено начать единодушное выступление против реакционного правительства султана Абдул-Гамида в день 30-летия его восшествия на престол. Руководство восстанием взяла на себя наиболее крупная и влиятельная оппозиционная партия Турции — «Единение и Прогресс». В июне 1908 г. небольшая революционная армия, во главе с Ниази-беем и Энвер-беем, поднимает восстание против Абдул-Гамида. К восставшим присоединяются вся турецкая армия, рабочие, крестьянство, а также мелкая и средняя буржуазия. Турецкая революция, бывшая национальной буржуазно-демократической революцией, одержала полную победу. Абдул-Гамид под напором революционных сил вынужден был признать конституцию. У власти встало младотурецкое правительство, отражавшее интересы либеральной турецкой буржуазии.

III. Правящая императорская династия Китая пыталась реформами предотвратить революционную бурю, предвестниками которой были отдельные восстания 1907 г., возникшие под непосредственным влиянием русской революции 1905 г. Эти реформы никого не удовлетворяли; у власти оставалась ненавистная китайцам династия манчжуров, господами отдельных провинций были попрежнему взяточники мандарины, попрежнему Китай оставался добычей иностранного капитала. В октябре 1911 г. в провинциях торгово-промышленного Юга вспыхивает общенародное восстание против феодально-бюрократического режима; в восстании, руководимом народно-революционной партией Сун-Ят-Сена (она называлась тогда «союзной лигой»), принимают участие самые широкие слои китайского народа: крестьянство и пролетариат, мелкая буржуазия и интеллигенция. К восставшим присоединяется часть армии, и революция победоносно занимает один город за другим. 29 декабря 1911 г. в Нанкине провозглашается республика и Сун-Ят-Сен избирается ее президентом. Он издает манифест, в котором обещает содействовать развитию торговли и промышленности, пересмотреть законодательство, дать свободу совести и вероисповедания. Видя свое безнадежное положение, императорская фамилия 12 февраля 1912 г. отрекается от престола и призывает страну передать власть Юан-Ши-Каю — талантливому генералу, имевшему в своих руках значительную военную силу. Юан-Ши-Кай, считаясь со сложившейся ситуацией, на первых порах примыкает к революционному движению. Сун-Ят-Сен входит в соглашение с ним и уступает ему место президента республики, оставаясь заместителем президента. Однако соглашение между подлинным революционером Сун-Ят-Сеном и лишь временно примкнувшим к революции генералом Юан-Ши-Каем оказалось весьма непрочным. В открывшемся в 1912 г. парламенте

начинается борьба между революционным Югом, возглавляемым Сун-Ят-Сеном, и милитаристским помещичьим Севером, руководимым Юан-Ши-Каем. Борьба переходит в 1914 г. в вооруженное столкновение и заканчивается победой Юан-Ши-Кая, который вскоре разгоняет парламент и становится единоличным властителем Китая. В 1916 г. Юан-Ши-Кай умер, и после его смерти власть центрального китайского правительства все больше теряет значение перед лицом усиливающихся губернаторов отдельных провинций.

[111]) *Белобородов, А. Г.* (род. в 1891 г.) — Народный Комиссар Внутренних дел РСФСР. Родился в семье рабочего на Александровском заводе Соликамского уезда, Пермской губернии. Окончив начальное училище в 1905 г., поступил учеником в мастерскую Надеждинского завода. В начале 1907 г. вступил в местную с.-д. группу, вел в ней активную работу и летом того же года был избран кандидатом в члены с.-д. комитета. Уехав затем к себе на родину, поступил электро-монтером на Луньевские копи, где им была организована с.-д. группа. За выпуск прокламации был арестован в феврале 1908 г. и ввиду несовершеннолетия приговорен к отдаче в исправительный приют для малолетних преступников. Так как места в приюте не оказалось, Белобородов отбывал наказание в тюрьме. В марте 1912 г. был освобожден. Вновь поступил электро-монтером на Надеждинский завод, организовал там большевистский кружок, боровшийся с влиянием меньшевиков-ликвидаторов и эсеров. В мае 1914 г., после отъезда из Надеждинска, был вновь арестован по обвинению в принадлежности к большевистской организации и распространении конфискованных номеров «Правды». В октябре 1916 г. поступил на Лысьвенский завод Пермской губернии, где работал в местном большевистском комитете. После Февральской революции Белобородов становится в центре революционной работы на Урале. В апреле 1917 г., на областной уральской партийной конференции, его выбирают в члены Областного Комитета. Был делегатом на всероссийской апрельской конференции нашей партии и делегатом VI партийного съезда. Был избран членом Учредительного Собрания по списку большевиков от Пермской губернии. После Октябрьской революции работал в Екатеринбурге. III Областным Съездом Советов Уральской области был избран членом областного Исполнительного Комитета. Здесь он работал сначала заместителем председателя Исполкома, а затем и председателем. Работая в качестве председателя Уральского Исполкома Белобородов руководил историческим заседанием Исполкома 6 июня 1908 г., на котором было принято постановление о расстреле Николая II и всей его семьи, в связи с приближением чехо-словацкого фронта к Екатеринбургу.

[112]) *Братание Петербургского Совета Рабочих Депутатов с представителями Всероссийского Крестьянского Союза.* — Организованный в мае 1905 г. Всероссийский Крестьянский Союз вступил в тесную организационную и политическую связь с Петербургским Советом Рабочих Депутатов. Последний уделял большое внимание революционной работе среди крестьянства, завязывая тесные сношения с отдельными крестьянскими представителями. Ярким примером, доказывающим влияние Петербургского Совета на крестьянство, может служить речь представителя крестьян Сумского уезда, Харьковской губ., произнесенная на заседании Петербургского Совета 5 ноября 1905 г.:

«Мои товарищи, — сказал этот депутат, — уполномочили меня благодарить вас за то, что впервые 9 января вы выступили на защиту русского народа. Они поручили мне также спросить вас, не найдете ли вы возможным присоединить к забастовке и крестьян Сумского уезда. Мы обращаемся к вам, чтобы соединиться с вами и вместе бороться за свои права. Когда вы найдете, что настало время для окончательной борьбы с существующим строем, вы известите нас; мы присоединимся к вам и будем бороться на жизнь и смерть... Я прошу вас принять во внимание, что где-то в глубине России есть люди, которые борются за то же, что и вы, и в момент решительного выступления дайте нам знать, и мы присоединимся к вам».

Кроме сумских делегатов, в Совет обращался также целый ряд и других крестьянских делегатов. Так, например, делегаты Могилевской губернии привезли протоколы мирских съездов, в которых говорилось, что крестьяне будут действовать заодно с рабочим Советом. Делегаты Черниговской и Витебской губ. сообщали Совету о настроениях среди крестьян. В Совет обращались также и отдельные крестьяне, прося помощи и заступничества по разным вопросам. Популярность Совета Рабочих Депутатов в крестьянской массе все больше возрастала. Своего высшего развития связь Совета с крестьянскими организациями достигла в конце ноября 1905 г. 26 ноября на заседании Петербургского Совета Рабочих Депутатов произошло братание между представителями Всероссийского Крестьянского Союза и Исполкома Петербургского Совета. Тогдашний председатель Всероссийского Крестьянского Союза, тов. Мазуренко, в своем письме к Л. Д. Троцкому от 12 января 1926 г. напоминает об этом историческом заседании.

Приводим полностью письмо С. Мазуренко к Л. Д. Троцкому:

«Многоуважаемый Лев Давыдович! Позвольте мне, старому работнику революции и старому марксисту, бывшему председателю съездов Всероссийского Крестьянского Союза 1905 г., выразить Вам от себя лично, а также от революционного крестьянства того времени глубокую признательность за Вашу оценку роли крестьянства и крестьянского союза в рабоче-крестьянском революционном движении 1905 года.

Позвольте второй раз от души пожать Вашу руку за Вашу речь, сказанную 26 декабря на съезде Общества политкаторжан; пожать так же крепко, как мы жали 20 лет тому назад, заключая на заседании Петербургского Совета Рабочих Депутатов революционный союз пролетариата с крестьянством.

Этот союз, — повторяю и подтверждаю Ваши слова, — выполнил и выполняет все свои обязательства «на сто процентов». Эти слова необходимо нам, старикам, чаще повторять, чтобы не только наши враги, но и наши друзья из подрастающей смены не забывали исторических этапов нашей революции.

Особенно ценным для революционного крестьянства того времени является следующее Ваше признание:

«Братание Петербургского Совета и Крестьянского Союза началось в дни октября 1905 года. Либералы и меньшевики не поняли смысла того, что происходило на их глазах. *В те дни события залагали начало союза рабочего класса и крестьянства, этой основы советского могущества*».

На-ряду с ним необходимо отметить принятое с большим воодушевлением 1 августа 1905 г. на учредительном съезде Всероссийского Крестьянского Союза, постановление:

«*Выразить от имени съезда горячий привет братьям — фабричным и заводским рабочим, уже давно проливающим свою кровь в борьбе за освобождение народа*».

С товарищеским приветом С. М.».

[113]) *Радищев, А. Н.* (1749—1802) — русский писатель, по своим политическим убеждениям революционный республиканец. Сын небогатого помещика, получил образование в Московском, а затем в Лейпцигском университете. В 1775 г. он начал писать свою знаменитую книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», которую окончил в 1790 г. В этой книге он описывал бедственность крестьянского положения и разорение сельского хозяйства. В книге было напечатано стихотворение «К вольности», призывавшее народ к борьбе с «венчанным мучителем». Вскоре после издания книги Радищев был арестован и приговорен к смертной казни, замененной ему 10-летним заключением в Илимске. В 1796 г. Радищев вернулся из ссылки и поселился в Саратовской губ. В 1801 г. Александр I назначает его членом комиссии по законодательным установлениям под председательством гр. Завадовского. Радищев предложил такой радикальный проект законодательных установлений, что гр. Завадовский счел нужным напомнить ему о Сибири. В 1802 г. Радищев отравился.

«В лице Радищева, — пишет Плеханов, — мы, может быть, впервые встречаемся с убежденным и последовательным русским революционером из интеллигенции». («14 декабря 1825 года», изд. «Библиотеки для всех», Петербург.)

[114]) *Пестель, Павел Иванович* (1793—1826), — один из виднейших участников декабрьского мятежа 1825 года (см. прим. 105), организатор и директор «Южного Общества». Сын сибирского генерал-губернатора, воспитывавшийся в Германии, Пестель был одним из образованнейших офицеров своего времени. Блестяще окончив Пажеский корпус, Пестель поступил на военную службу, был ранен под Бородиным и к моменту декабрьского восстания был командиром Вятского пехотного полка. В организовавшемся в 1818 г. «Союзе Благоденствия» Пестель играл видную роль и написал для него программу, носившую название «Русская Правда». В 1821 г. «Союз Благоденствия» распался и из него возникли два общества— «Северное» и «Южное». Пестель, бывший организатором «Южного Общества», пытался установить тесную связь между этими двумя организациями, но, ввиду более правого направления «Северного Общества», это ему не удалось. Идеалом Пестеля была единая демократическая Российская республика с пре-

доставлением Польше самой широкой автономии. Освобождение крестьян занимало виднейшее место в политической программе Пестеля. 14 декабря 1825 г. Пестель был арестован по доносу Майбороды и доставлен в Петропавловскую крепость. Приговором верховного уголовного суда Пестель был приговорен к четвертованию, замененному впоследствии повешением. В приговоре по его делу говорится: «Имел умысел на цареубийство, изыскивал к тому средства, избирал и назначал лица к совершению оного; умышлял на истребление императорской фамилии и с хладнокровием исчислял всех ее членов на жертву обреченных, и возбуждал к тому других; учреждал и с неограниченной властью управлял «Южным Тайным Обществом», имевшим целью бунт и введение республиканского правления, составлял планы, уставы, конституции; возбуждал и подготовлял к бунту, участвовал в умысле отторжения областей от империи и принимал деятельнейшие меры к распространению общества привлечением других». 13 июля 1826 г. Пестель был казнен вместе с четырьмя другими декабристами—Каховским, Бестужевым-Рюминым, Муравьевым-Апостолом и Рылеевым.

[115]) *Желябов, А. И.* (1851—1881) — известный русский революционер, один из организаторов и руководителей партии «Народная Воля». Родился в семье крепостного крестьянина, в селе Николаевке, Таврической губ. Окончив гимназию, Желябов в 1870 г. поступил в Одесский университет. В 1871 г. он был исключен из университета за участие в демонстрации. В конце 1873 г. Желябов примыкает к местному революционному кружку. В 1874 г. он был арестован, но спустя год был взят на поруки. В 1877 г. он был вновь арестован за участие в «хождении в народ» и вместе с другими народниками был предан суду особого присутствия сената по процессу «193-х». Суд окончился оправданием Желябова. В 1879 г. Желябов участвовал на Липецком съезде партии «Земля и Воля», на котором произошел раскол партии на две организации «Народная Воля» и «Черный Передел». Желябов примкнул к «Народной Воле» и вскоре сделался самым выдающимся работником этой партии. С 1879 г., после вынесения Исполнительным Комитетом партии «Народной Воли» смертного приговора Александру II, Желябов становится во главе всех покушений на царя. Незадолго до 1 марта 1881 г. Желябов был арестован и после убийства Александра II был предан суду, как один из главных виновников убийства. На суде Желябов произнес речь о тактике «Народной Воли». 28 марта всем обвиняемым по делу о цареубийстве был вынесен смертный приговор, и 3 апреля Желябов, вместе с другими участниками убийства Александра II, был повешен на Семеновском плацу в Петербурге.

[116]) *Ульянов, Александр* (1866—1887) — брат Владимира Ильича, инициатор и главный руководитель покушения на убийство Александра III. В 1883 г. поступает в Петербургский университет и отдается серьезному изучению естественных наук. В то же время принимает деятельное участие в создании студенческого «Союза землячеств». 13 ноября 1886 г. руководил демонстрацией по поводу 25-летия со дня смерти Добролюбова; в те годы глухой общественной реакции эта демонстрация явилась чрезвычайно ярким событием. А. И. Ульянов был одним из организаторов «террористической фракции партии Народной Воли». Все наиболее опасные предприятия по подготовке покушения на Александра III Ульянов брал всецело на себя.

1 марта 1887 г., в день покушения, он был арестован. На суде он произнес речь, в которой доказывал, что единственным средством борьбы с самодержавием в современных условиях является террор. 8 мая 1887 г. он был казнен в Шлиссельбурге.

[117]) Эта речь была произнесена на московской ситце-набивной фабрике им. Свердлова.

[118]) *Мин* — см. прим. 288 в 1-й части этого тома.

[119]) *Максим Горький* (псевдоним *А. М. Пешкова*) — известный писатель. Принимал активное участие в революционном движении, помогая с.-д. партии своими связями и средствами. До 1909 г. Горький ближе всего стоял к большевикам. В 1909 г., благодаря своей симпатии к «впередовцам» и «богостроителям», он несколько разошелся с Лениным. Во время войны Горький издавал умеренно-интернационалистический журнал «Летопись», который являлся единственным легальным анти-оборонческим органом в России. После Февральской революции он основывает, вместе с рядом левых с.-д. публицистов и литераторов (Суханов, Авилов, Базаров, Десницкий и др.), интернационалистическую газету «Новая Жизнь», которая стала объединяющим центром своеобразного течения в с.-д. партии, получившего кличку «новожизненского». Чем ближе надвигалась Октябрьская революция, тем больше расходились пути большевиков и газеты Горького. Октябрьскую революцию «Новая Жизнь» и сам Горький встретили с нескрываемым пессимизмом, пророчествуя ее скорый провал. Горький настаивал на образовании коалиционного правительства от большевиков до народных социалистов. В первые недели и месяцы после Октября Горький выступил с рядом статей под общим заголовком «Несвоевременные мысли», в которых пессимизм интеллигента, его недоверие к творчеству масс, его страх перед некультурностью народных низов все более превращались в философию анти-советского обывателя. Между прочим Горький выступил в защиту контр-революционной буржуазной прессы, находя, что именно особенности переходного периода требуют свободного соревнования различных политических партий.

В 1919 г. Горький (к сожалению, не надолго) порывает со своими прежними предрассудками и становится в ряды горячих и искренних защитников Советской власти. В последние годы Горький опять повернул вправо. Наиболее памятно в этом смысле его выступление в защиту эсеров во время процесса последних в 1922 г. В настоящее время Горький находится за границей.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ *)

1904 г. Январь	5.	Демонстрация в Тифлисе (700 человек).
»	7.	Разгром тверского и новоторжского земств.
»	11.	Демонстрация членов IX Пироговского съезда при окончании его работ.
»	23.	Япония прервала дипломатические сношения с Россией.
»	26.	На Порт-Артурском рейде японским флотом атакована русская эскадра.
»	27.	Объявление русско-японской войны.
	За месяц.	Учредительный съезд «Союза Освобождения».
Февраль	23.	Стачка в Твери на вагоностроительном заводе.
Май	23.	Рабочие демонстрации против русского правительства в городах Финляндии.
Июнь	3.	В Гельсингфорсе смертельно ранен Шауманом ген.-губернатор Бобриков (умер 4 июня).
Июль	4.	Убит бакинский вице-губернатор Андреев.
»	15.	Убит министр Плеве Сазоновым в Петербурге.
	За месяц.	Конференция 22 большевиков в Женеве, собранная в целях подготовки к III съезду.
Август	11.	Бой при Ляояне.
»	22.	Еврейские погромы в Киевской губ. и в городе Ровно.
»	26.	Кн. Святополк-Мирский назначен министром внутренних дел.
»	29.	Столкновение еврейского и русского населения в Гомеле.
Сентябрь	6.	Мобилизация запасных в Быхове и Александрии сопровождалась разгромом лавок, домов и избиением еврейского населения.
»	9.	Покушение на Одесского градоначальника Нейдгарта.
»	16.	Святополк-Мирский заявляет о новом правительственном курсе «доверия».

*) По старому стилю. *Ред.*

Октябрь	1.	За границей вышел № 1 газеты «Социал-Демократ» (орган меньшевиков).
»	2.	В Могилеве демонстрация рабочих.
»	10—11.	Еврейский погром в Могилеве.
»	11.	В Варшаве столкновение демонстрантов с полицией. Близ Могилева крестьянами и запасными разгромлено им. Княжевичи.
»	13.	Революционная демонстрация в Варшаве.
»	14.	На ст. Крейцбург мобилизованные запасные разгромили вокзал. В Варшаве демонстрация запасных.
»	19.	Революционная демонстрация в Варшаве.
»	27—28.	Еврейский погром в Ковеле.
»	31.	В Двинске беспорядки запасных. В Кутаисе демонстрация новобранцев. В Варшаве кровавое столкновение демонстрантов с войсками.
Ноябрь	1.	Уличные беспорядки в Риге.
»	1—2.	В Двинске — беспорядки запасных.
»	5.	Избиение полицией студенческой демонстрации в Москве.
»	6—8.	Съезд земцев в Петербурге.
»	15.	В Петербурге студенческая демонстрация.
»	21.	Московская адвокатура выставила требования «свобод» (личности, вероисповедания, союзов) и законодательного представительства.
»	29.	Демонстрация и избиение нагайками студентов в Петербурге.
Декабрь	нач. м-ца.	В Москве в университете и на Высших женских курсах прекращены занятия.
»	5—6.	Демонстрации в Москве.
»	11.	В Радоме демонстрантами убит полковник Булатов.
»	12.	Царский указ Сенату о подготовке «реформ».
»	13.	Началась забастовка в бакинских промысловых районах.
»	15.	В Шуше убит заведующий городской полицией.
»	19.	В Шуше убит податной инспектор Щербаков.
»	20.	Сдача Порт-Артура. Японцы захватили 32.000 пленных, 500 орудий и остатки русского флота. Забастовка рабочих в Батуме.
»	22.	За границей вышла большевистская газета «Вперед».
»	23.	Столкновение рабочих с казаками в Балаханах. Покушение на жизнь екатеринославского полицеймейстера за участие его в усмирении рабочих на Брянском заводе.
»	26.	В Ченстохове вооруженная демонстрация.
1905 г. Январь	1.	Бомбой, брошенной в окно, взорван дом губернатора в Смоленске. Отставка Московского ген.-губернатора вел. кн. Сергея Александровича. Демонстрация в Керчи.

Январь 2. В Москве произведено неудачное покушение на Трепова учеником торговой школы Полторацким, мстившим за ноябрьское избиение демонстрантов. В Пензе убит ген.-лейтенант Лисовский.
» 3. Началась забастовка на Путиловском заводе.
» 4. Рабочие Путиловского завода требуют введения 8-часового рабочего дня.
» 5. Закончилась 22-дневная забастовка на Бакинских промыслах. Забастовка на Невском судостроительном (Семянниковском) заводе.
» 7. Всеобщая забастовка рабочих в Петербурге. Идет деятельная агитация в среде рабочих о подаче петиции.
» 8. Многолюдные митинги по всем одиннадцати отделам «Спб. общества фабричных и заводских рабочих». Вырабатывается и читается текст петиции. Общественные деятели (профессора, литераторы) обратились к министрам Святополк-Мирскому и Витте с просьбой предотвратить возможное кровопролитие.
В Саратове политический митинг с участием 1.500 рабочих.
» 9. Грандиозное мирное шествие рабочих с петицией к царю. Войска стреляют по безоружной толпе у Зимнего дворца и в других частях города. Первые баррикады на 4-й линии Васильевского Острова. Несколько сот убитых; тысячи раненых. Разграбление оружейной фабрики Шаффа.
» 10. Забастовка электрических станций в Петербурге. Начало забастовки в Москве.
Волна политических забастовок по всей России.
» 11. Забастовка в Москве, Ярославле, Вильне и Ковно. Революционно - националистические демонстрации в Гельсингфорсе и др. городах Финляндии.
Назначение Д. Ф. Трепова Петербургским ген.-губернатором. Конец эпохи «доверия». Диктатура Трепова.
» 12. Всеобщая забастовка в Риге и Ревеле, забастовка в Киеве и Минске.
» 13. В Саратове забастовка мельниц, заводов и железнодорожных мастерских. В Тифлисе забастовка жел.-дор. мастерских, механических заводов и типографий.
» 13—26. Забастовка в Либаве.
» 14. В Варшаве началась забастовка.
Демонстрация забастовщиков в Либаве.
В Лодзи бастует 100.000 рабочих.
Прервано телефонное сообщение с Варшавой. Демонстрация в Либаве.

Январь	**15.**	Баррикады в Варшаве.
		Забастовка железнодорожников в Красноярске.
»	**16.**	В Батуме убит офицер полицейской стражи князь Гуриели.
»	**17.**	Закрытие высших учебных заведений Петербурга с целью помешать протесту студентов против «Кровавого Воскресенья». Забастовка в Виндаве, прекращена работа в порту. Забастовка в Батуме.
»	**18.**	В Гомеле полиция стреляла в собравшихся на сходку забастовщиков, — 1 убит, 3 тяжело ранены.
		В Риге вооруженная демонстрация после похорон одного рабочего.
		Отставка министра внутренних дел кн. Святополк-Мирского.
		Забастовка рабочих в Люблине, Самаре, Шавлях и Томске.
»	**19.**	Забастовка на батумских заводах.
		Покушение на жизнь полицеймейстера Головина в Одессе.
		Повсеместная забастовка в Польше (Сосновицкий и Домбровский районы).
		Забастовка в Тифлисе разрастается.
»	**20.**	Закрытие Киевского, Варшавского, Харьковского и Казанского университетов.
»	**21.**	Назначение Булыгина министром внутренних дел.
»	**23.**	Политические демонстрации рабочих в Могилеве на Днепре.
»	**24.**	Убит прокурор сената Ионсон в Гельсингфорсе.
		В Петербурге министром финансов созвано совещание фабрикантов и заводчиков.
		Студенческая сходка Казанской духовной академии постановила бастовать и принять активное участие в общественном движении.
»	**26.**	Студенты Юрьевского университета решили прекратить занятия ввиду событий 9 января.
»	**27.**	Прекращение движения на Привислянских железных дорогах.
		Столкновение рабочих-забастовщиков с войсками в Сосновицах. Убито 21, ранено 20 рабочих.
»	**28.**	Мирная демонстрация на Казанской площади в Петербурге в присутствии полиции и конных жандармов.
		Возмущение запасных в Минске.
»	**29.**	Учреждение комиссии по рабочему вопросу под председательством сенатора Шидловского.
Февраль	**3.**	Совещание в Царском Селе под председательством Николая II по вопросу о созыве земского собора в марте текущего года.

Февраль 4. По приговору боевой организации партии с.-р. вел. кн. Сергей Александрович убит Каляевым.

» 5. Беспорядки в Сухум-Кале; бастует до 500 чел.

» 6—8. Армяно-татарская резня в Баку.
Избиение студентов в Казани лабазниками.

» 7. 5.000 студентов Петербургского университета требуют закрытия университета до осени, чтобы «дать возможность студенчеству направить всю его энергию на революционную борьбу».
Избиение учащихся-демонстрантов в Пскове.

» 8. В Феодосии избиение евреев черносотенцами при полном бездействии полиции.

» 10. Начало аграрных волнений в Орловской и Курской губерниях.

» 12. Избиение учащихся полицией в Курске.

» 13. В Петербурге в лейб-гвард. полку экспроприировано 1.000 винтовок.
Начались крестьянские волнения в Дмитриевском уезде Курской губернии.

» 14. В Киеве демонстрация безработных женщин.
Столкновение населения с полицией в селении Кахаты (Закавказье).

» 16. Уличные демонстрации в Минске; прекращены занятия во всех учебных заведениях.

» 17. Общая забастовка в Двинске, организованная РСДРП и Бундом.

» 18. В Озургетский уезд отправлен карательный отряд ген.-майора Алиханова. Указом Правит. Сенату предоставлено частным лицам и учреждениям право подавать на имя государя проекты по вопросам государственного благоустройства. Рескрипт на имя министра внутренних дел Булыгина о созыве совещательной Думы.

» 18—19. Аграрное движение в Двинском уезде.

» 19. Общая забастовка в Царицыне.

» 20. В Эривани армяно-мусульманская резня. В Баку большая демонстрация учащихся. Прекращение деятельности Комиссии Шидловского за отказом рабочих послать в нее своих депутатов. Демонстрация в Тифлисе.

» 21. Студенческое собрание Лесного Института в Петербурге решило не возобновлять занятий до 1 сентября.

» 22. Крестьяне Курской губ. в количестве 3.000 чел. двинулись в Глуховский уезд Черниговской губ., сожгли сахарный завод Терещенко и разгромили экономию.
Демонстрация в Смоленске. Забастовка в Чернигове.

Февраль	**24.**	Начало бомбардировки Мукдена.
		В Сухуме покушение на начальника края полковника Прогульбицкого.
»	**25.**	Начало забастовки в Белостоке.
		Мукден занят японцами; русские войска начали отступление. Столкновение рабочих с войсками в Орехове-Зуеве, вызванное арестами. Тысячной толпой разгромлено полицейское управление в м. Чиатуры (Кавказ).
»	**26.**	В Москве съезд земцев-конституционалистов и совещание городских деятелей.
»	**28.**	Уличные беспорядки в Телаве (Кавказ).
»	**29.**	Приговорены к смертной казни в Чите за статьи в газетах: Окунцев, Шпикман и Мирский.
»	**кон. м-ца.**	Аграрные волнения в Балашовском уезде Саратовской губ. Из Саратова прислан отряд войск. Аграрные волнения в Шорапанском уезде (Кавказ).
Март	**нач. м-ца.**	Аграрные беспорядки в Тульской губ., Епифанском уезде; в Витебской губ., Режицком и Люцинском уездах. Крестьяне мингрельских селений направились к Сухуму с требованием освобождения арестованных агитаторов.
»	**4.**	Всеобщая забастовка в Юзовке.
»	**4—12.**	ЦК РСДРП переходит на сторону «Бюро Комитетов Большинства» и высказывается за созыв III съезда.
»	**5.**	Дурново издает приказ: «истреблять силой оружия бунтовщиков», так как «аресты не достигают цели, судить сотни и тысячи людей невозможно».
»	**9—10.**	В Житомире прекратила работу электрическая станция.
»	**12.**	В Лодзи столкновение демонстрантов с войсками.
»	**13.**	Погром в Ялте.
»	**14.**	Аграрные волнения в Горийском уезде (Кавказ).
		В Гори столкновение крестьянской демонстрации с солдатами.
		Забастовка приказчиков в Самаре.
		Объявление Лифляндской губ. на положении усиленной охраны.
»	**15.**	Взрывом бомбы ранен Варшавский обер-полицеймейстер Нолькен.
		Постановление совета Московского университета об автономии высшей школы, о праве студентов иметь свои организации и об уничтожении ограничений при приеме.
»	**серед. м-ца.**	В Риге уличные беспорядки.
		В Боргалинском уезде аграрное движение; крестьяне сменяют должностных лиц.

Март серед. м-ца.		Началось брожение крестьян в Сангахском и Тионетском уездех (Кавказ).
»	**18.**	Избиение толпы полицией в Саратове.
»	**19.**	В Лодзи ранен бомбой помощник полицеймейстера Шаталович.
		В Двинске демонстрация 200 детей рабочих, разогнанная полицией.
»	**20.**	Кровавое столкновение громадной толпы народа с пехотой в Варшаве: убито 4, ранено 11.
»	**22.**	Столкновение рабочих фабрики Паля с 20 конными городовыми в Петербурге.
		В Юрьеве демонстрация забастовавших портных. Аресты демонстрантов.
»	**20-е числа.**	Аграрное движение батраков в Люблинской губ.
»	**24.**	Столкновение учащихся с войсками в Тамбове.
»	**25.**	В Петербурге похороны убитого мастером Колянским рабочего Ф. Д. Алексеева в присутствии 10.000 рабочих. Съезд профессоров.
»	**27.**	Волнения крестьян на Кавказе.
		Большая уличная демонстрация забастовавших приказчиков в Н.-Новгороде.
»	**28.**	Беспорядки в Тамбове.
»	**30.**	Избиение мастеров рабочими на заводе «Двигатель» и на фабрике Виганда в Ревеле.
»	**31.**	Забастовавшие рабочие в Александрополе остановили движение поездов и оборвали телеграфные провода.
		2.000 крестьян Телавского уезда заставляют помещиков подписывать бумаги об отдаче земли крестьянам (Закавказье).
»	**кон. м-ца.**	Волнения крестьян в Душетском уезде (Закавказье) усиливаются.
		Крестьянские волнения в Витебской губернии; арестовано 500 человек; есть убитые и раненые.
Апрель	**1.**	Столкновение 1.000 рабочих с полицией в Сормове (Нижегородск. губ.); полиция бежала под револьверными выстрелами толпы.
		Рабочая манифестация в Гельсингфорсе с требованием всеобщего избирательного права.
»	**2.**	Демонстрация матросов 8-го флотского экипажа в Галерной гавани в Петербурге; столкновение демонстрантов с полицией.
		30-тысячная демонстрация варшавского пролетариата по поводу смерти рабочего гравера после 7-дневной голодовки. Полиция стреляла в демонстрантов: 3 чел. убито, 20 ранено.
		Объявление Курляндской губ. на положении усиленной охраны.

Апрель	3.	Под Петербургом расправа казаков с рабочей демонстрацией.
»	4.	Съезд журналистов в Петербурге.
»	нач. м-ца.	В Сухум отправлены казаки и артиллерия. Беспорядки в Челябинске. Аграрные волнения в Воронежской и Подольской губ.
»	5.	Особым присутствием Сената Каляев приговорен к смертной казни через повешение.
»	7.	Забастовка железнодорожных служащих и рабочих в Баку продолжается ввиду неудовлетворения требований.
»	8.	В м. Очемчиры (Закавказье) столкновение населения с казаками.
»	9.	Полиция безуспешно пытается разогнать демонстрацию бастующих пекарей в Москве. Аграрное движение в Бессарабской губ. Крестьяне запахивают землю помещиков.
»	10.	В Тифлисе забастовка домашней прислуги. Избиение евреев казаками в Белостоке. Избиение гуляющей публики осетинским дивизионом во Владивостоке.
»	11.	В Петербурге Гейденом, Корфом и др. основан политический клуб прогрессистов. Съезд учителей средней и низшей школы в Москве.
»	12.	Забастовка грузчиков в Самаре. В Одессе тысячная толпа жен запасных произвела беспорядки в городской управе.
»	13.	В Риге демонстрация еврейской молодежи.
»	15.	Отмена циркуляра губернаторам от 2 августа 1897 г., запрещавшего сходки рабочих и предписывавшего отправлять на родину забастовщиков.
»	серед. м-ца.	Крупные аграрные беспорядки в Горийском уезде.
»	16.	В Виленской губ. демонстрация рабочих Сморгонских кожевенных заводов.
»	18.	Перестрелки манифестантов с полицией и войсками в Калише. Демонстрация учащихся в Казани. Столкновение войск с 10.000 демонстрантов в Варшаве; убито 30 чел., ранено 100 чел. Покушение на жизнь черниговского полицеймейстера. Брошена бомба в казачий разъезд в Варшаве; трое казаков и городовой ранены.
»	20.	Забастовка в Калише. В селе Эцери Кутаисской губ. 5-тысячный митинг крестьян.
»	21.	В Симферополе столкновение войск с демонстрантами.

Апрель	**21.**	Желая отбить арестованного, толпа в 300 чел. бросилась на патруль в Варшаве. Забастовка булочников в Одессе.
»	**22.**	Съезд земцев-конституционалистов в Москве. Всероссийский съезд инженеров в Петербурге. Столкновение вооруженных крестьян с казаками в селе Исхнеты Шорапанского уезда (Кавказ).
»	**23.**	Демонстрация рабочих в Москве и в Минске.
»	**24.**	В Гродно всеобщая забастовка. В Прилукский уезд Полтавской губ. отправлено 200 казаков для усмирения крестьян. Беспорядки в Митаве.
»	**25.**	Начался III съезд РСДРП. Забастовка батраков в Вейсеншафтском уезде Лифляндской губ.
»	**26.**	В Петербурге демонстрации за городом. Забастовка пекарей в Лодзи.
»	**27.**	Общеземский съезд в Москве. В Феодосии за городом политическая демонстрация. Арестовано 50 демонстрантов.
»	**28.**	Убит жандармский ротмистр Трешнер в Ревеле.
»	**30.**	Беспорядки в Митаве. Столкновение толпы, собравшейся с целью взорвать железнодорожный мост близ ст. Белогоры (Кавказ), с войсками. В Ревеле 3-тысячная демонстрация рабочих, рассеянная пограничной стражей. Демонстрация в Риге. Всеобщая забастовка в Баку. Указ о мерах против беспорядков в сельских местностях.
»	**кон. м-ца.**	В Москве кн. Волконским и др. организован «Союз русских людей». Близ Ревеля крестьянские волнения. Аграрные беспорядки в Кишиневском уезде Бессарабской губ., Судженском уезде Курской губ., Кирсановском уезде Тамбовской губ. Меньшевистская конференция за границей.
Май	**1.**	Политические демонстрации в ряде городов.
»	**2.**	В Киеве демонстрация забастовавших булочников и хлебопеков.
»	**3.**	В Уфе смертельно ранен губернатор Соколовский. В село Хоньковцы Могилевской губ. выслана рота солдат для подавления беспорядков.
»	**нач. м-ца.**	В Александровском уезде Екатеринославск. губ. серьезные аграрные волнения в имении профессора Карышева. Аграрные волнения в Борисовском уезде Минской губ.; крестьяне вырубили 60 десятин леса и распахали помещичьи поля.

Май 6.	Царский указ об удовлетворении крестьянских нужд.
	В Екатеринославе 3-тысячная демонстрация приказчиков. Демонстрация рабочих и приказчиков во Владикавказе.
	В Варшаве бомбой убито 2 полицейских.
» 7.	В Екатеринославе забастовка фабрик и заводов; за городом сходка 8.000 рабочих. Сходка 600 рабочих в лесу за Могилевым.
» 1-я пол. м-ца.	Аграрное движение в Киевской губ.
» 8.	Открытие I съезда делегатов «Союза Союзов» в Москве.
	В Батуме многолюдная демонстрация.
» 9.	В Иваново-Вознесенске, за городом, сходка 50 представителей фабрик и заводов, обсуждавших вопрос об организации забастовки.
» 10.	Казнь Каляева в Шлиссельбурге.
» 11.	Убит брошенной бомбой бакинский губернатор Накашидзе.
	Тяжело ранен полицеймейстер в Седлеце.
	Таврическая губ. объявлена на положении усиленной охраны.
	Запасные избивают жителей в Симбирске.
» 12.	Кровопролитное столкновение армян с мусульманами в Нахичевани.
	Забастовка иваново-вознесенских рабочих.
» 14.	Начала выходить за границей большевистская газета «Пролетарий». Демонстрация в Перми. Столкновение войск с рабочими в Седлеце на сходке за городом; ранено и искалечено до 100 чел.
	Разгром эскадры Рождественского под Цусимой.
	Кончилась забастовка в Баку.
	В Могилеве большая демонстрация.
» 15.	Демонстрация в Ревеле и Брянске.
» серед. м-ца.	В Москве митинги рабочих (близ Сокольников и за Калужской заставой). Серьезные беспорядки в Тульской губ. (Веневский уезд), в Могилевской (3 уезда), в Подолии, на Волыни и в Тифлисской губ.
» 16.	В Лодзи толпа пыталась разгромить дома терпимости. Прибывшие казаки разогнали толпу. При попытке толпы освободить арестованных ранено 17 человек.
» 20.	В Баку полиция обнаружила мастерскую бомб.
» 22.	В Иваново-Вознесенске митинг тысячи рабочих за городом, на р. Талке. В Павловске в концертном зале демонстрация по поводу Цусимского поражения.
» 23.	В городе Экенесе Нюландской губ. (Прибалт. край) серьезные беспорядки.

Май 24. Коалиционный съезд земских деятелей в Москве.
Аресты и избиения евреев в Вильне.
В Эривани перестрелка мусульман с армянами.
Под Киевом, в 4 вёрстах от города, на сходке арестовано 60 членов партии «Бунд».
В Н.-Новгороде многолюдная демонстрация.
В Терской области жители Ильинской станицы напали на станичное управление. Убиты помощник станичного атамана и 4 казака.
Назначение Трепова тов. министра внутренних дел.

» 25. В селениях Эриванского уезда кровавые столкновения мусульман с армянами. В Москве столкновение демонстрантов-учащихся с полицией. В Вильне при столкновении полиции с демонстрантами много арестованных.
Собрание городских голов в Москве постановило периодически собираться для обсуждения вопросов государственного благоустройства.

» 29. Во время уличных беспорядков в Варшаве произошло столкновение толпы с войсками: есть убитые и раненые.
В Риге столкновение рабочих с казаками.

» 30. Забастовавшие в селе Богородском (под Москвой) рабочие двинулись к с. Ростокину для снятия с работ тамошних рабочих, но были рассеяны вооруженной силой.

» 31. Военно-полевым судом в Двинске приговорен к смертной казни рабочий М. Дейч за покушение на жизнь пристава Еремина.

» кон. м-ца. Забастовка мелких торговцев и приказчиков в Тифлисе. В Ушицком уезде Подольской губ. после подавления с новой силой возобновилось движение крестьян и батраков.
Евреи-гласные Виленской и Кишиневской дум отказались от звания гласных, не желая итти в думу по назначению властей. Аграрные волнения в Саратовской губ.

» 2-я пол. м-ца. Возобновилось аграрное движение в Минской губ.
Июнь 1-я пол. м-ца. (Игуменский уезд), Саратовской губ. (Аткарск, Петровск и Сердобск).
В Сызранском уезде Симбирской губ. и Ардатове (той же губ.) вспыхнули аграрные волнения.
Кровавое столкновение крестьян с драгунами в 20 в. от Липовца, Таращанского уезда Киевской губернии.
В Одесском уезде забастовка сельскохозяйственных рабочих.
В Лебединском уезде Харьковской губ. разгромлены 3 имения.

Июнь 1-я пол. м-ца. Аграрные волнения из Сумского уезда перекинулись на другие уезды Харьковской губ.

В Лебединском уезде крестьяне громят и жгут имения.

В Столбцах Минской губ. аграрные волнения.

37-тысячная толпа мусульман разгромила 4 армянских деревни в Шорапанском уезде. Под Эриванью до 7.000 армян окружены мусульманами в своих селениях. Татары и курды угоняют скот.

» 3. Зверское избиение и расстрел рабочих казаками в Иваново-Вознесенске, на р. Талке. Много убитых и раненых.

» 5. Еврейский погром в Бресте.

Столкновение демонстрантов с конной полицией в Лодзи (9 убитых, 40 раненых).

» 6. Николай II принял депутацию земского съезда и подтвердил, что воля его созвать представителей народа непреклонна.

В Елисаветграде многолюдная демонстрация.

» нач. м-ца. «Союз Союзов» образовал особый комитет для организации всеобщей политической забастовки.

В Петербурге образован новый политический союз (помещиков), стоящий на платформе совещательного народного представительства. Основатели: Головин, ген. Киреев, Хвостов, Бобринский и др.

Отказ домовладельцев Минска дать помещение для полицейского управления.

Избиение женщин и детей казаками в Раненбурге Рязанской губ. В Пильвишках (Польша) рабочие разбили винные лавки.

Всеобщая забастовка и демонстрация в Сосновицах (Польша).

Забастовки в Екатеринославе.

» 7. Траурная демонстрация в Лодзи (20.000 демонстрантов).

В Ставрополе вызванные войска дали несколько залпов в толпу, скопившуюся у церкви; 11 убито, много раненых.

» 10. Общая забастовка в Лодзи. Уличные бои на баррикадах. Беспорядки подавлены; 200 человек убитых и раненых.

» 11. Столкновение забастовщиков с войсками в Варшаве.

» 12. Введено военное положение в Лодзи.

В Киеве многолюдная демонстрация.

» 13. В Одессе столкновение рабочих с войсками.

Баррикады в Варшаве. Столкновения с войсками.

Забастовка рабочих на табачной фабрике Стамболи в Феодосии.

Июнь	14.	Восстание матросов на броненосце «Князь Потемкин-Таврический».
		В Варшаве, по официальным данным, арестовано 680 человек.
»	15.	Съезд городских деятелей в Москве
		В Саратове забастовал механический завод Беренса.
»	16.	Одесса и Одесский уезд объявлены на военном положении.
»	Серед. мца.	В им. Нитау (Прибалтийский край) крестьянское брожение.
		В Ардатове, Симбирской губ., горят леса и имения.
		В Екатеринославской губ. нападения крестьян на помещичьи экономии и немецкие колонии.
		В Елисаветградском уезде забастовка сельскохозяйственных рабочих.
		В Богдатьевской волости Самарского уезда крестьяне делят помещичью землю.
		В Будках и Тернах, Харьковской губ., разгромлены экономии.
		Беспорядки в с. Консуг Ростовского округа.
»	16.	В Риге восстание флотских солдат.
		Эриванская губ., а также города Севастополь и Николаев объявлены на военном положении. Манифестация в Евпатории.
»	17.	На границе Чаусского и Горецкого уездов Могилевской губ. аграрное движение. Восстание матросов на броненосце «Георгий Победоносец».
»	19.	В Новогрудском уезде 3 недели длится забастовка крестьян-батраков.
		Столкновение забастовавших приказчиков с казаками в Воронеже.
		В Кельцах столкновение забастовавших рабочих с казаками.
		Забастовка железнодорожников, фабричных рабочих и приказчиков в Тифлисе, в знак протеста против бесчинств черной сотни.
		В Петербурге 3.000 рабочих разгромили 3 дома терпимости по Мясной улице; произошло столкновение с прибывшими казаками.
		Восстание матросов на транспорте «Прут» Черноморского флота.
»	21.	В Екатеринославе забастовка и грандиозная демонстрация.
		Столкновение демонстрантов с казаками.
		Крестьяне осаждают помещичьи имения в верхней Сванетии (Кавказ).
»	20-е числа.	Екатеринославский, Амурский и Нижне-Днепровский районы охвачены стачкой.

Июнь 22. В Вильне столкновение демонстрантов с полицией.
Забастовка на Путиловском заводе в Петербурге.
В Москве сходка 500 типографских рабочих.
Еврейский погром в Черкасах Киевской губ.

» 23. 300 рабочих в Армавире на вокзале отбили учительницу, арестованную за агитацию.
Брошена бомба в жандармский патруль в Варшаве.
Сходка 2.000 рабочих под Москвой, за дер. Шепелихой.

» 25. Близ Вильны сходка 1.000 рабочих.

» 27. Беспорядки в дисциплинарном батальоне в Херсоне: во время учения солдатами ранены полковник Давыдов, капитан Миргородский и унтер-офицер Коваленко.
Возобновились аграрные волнения в Саратовской губернии, в с. Биклей и Григорьевке; 200 крестьян сожгли 2 экономии.
Тифлис и Тифлисский уезд объявлены на военном положении.
В Харькове забастовка.
Вооруженное столкновение 6.000 демонстрантов с казаками в Вильне.

» 28. Убит московский градоначальник граф Шувалов.

» 29. В Харькове забастовали 14.000 рабочих.

» 30. Забастовка типографских рабочих в Симферополе.
В Балтский уезд Подольской губ. отправлены 4 роты солдат для усмирения.

» кон. м-ца. Аграрное движение в Орловской, Екатеринославской, Симбирской и Пензенской губерниях
Продолжается аграрное движение в Аткарском уезде Саратовской губернии.
В Оргеевский уезд Бессарабской губ. выслана карательная экспедиция — 3 эскадрона драгун.
В Могилеве ежедневно из уездов гонят партии арестованных крестьян.

Июль 1. На 50-й день забастовки иваново-вознесенские рабочие стали на работу.
Забастовали рабочие заводов «Русский Провиданс» в Мариупольском уезде.
В Самаре социал-демократами организована манифестация.

» 2. Забастовка в Костроме.
Усиливается крестьянское движение в Горийском уезде (Кавказ).
На писчебумажных фабриках в Лигате (Лифляндской губ.) забастовка рабочих.

» 3. В Кронштадте толпа разгромила дом терпимости.

Июль 6. Съезд земских и городских деятелей в Москве (235 человек).
В Гельсингфорсе бомбой ранен помощник генерала-губернатора Дейтрих.

» нач. м-ца. Вновь вспыхнули аграрные волнения в Могилевском уезде Подольской губ.
Аграрные волнения в Самарской, Саратовской и Тифлисской губ.
В Томске забастовка слесарей, кузнецов и пекарей.
Работы на тульских заводах ведутся под охраной войск.
4.000 рабочих Путиловского завода выброшены на улицу.
Забастовка на Мотовилихинских заводах в Перми.
В Смоленске мобилизованные запасные разгромили все дома терпимости.

» 8. В Выборге тяжело ранен жандармский подполковник Крамаренко.

» 9. Демонстрация забастовавших рабочих Сормовских и др. заводов.
В Вильне столкновение демонстрантов с полицией.

» 10. Погром и избиение интеллигенции в Н.-Новгороде.

» 10—11. Расправа черносотенцев и казаков с рабочими демонстрациями в Н.-Новгороде.

» 11. Забастовал завод Рудзского в Варшаве.
В Туле забастовали патронный, оружейный и меднопрокатный заводы.
Еврейский погром в м. Рышкановке Кишиневского уезда.

» 12. Ранен полицеймейстер Ковалев в Тифлисе.

» 13. На Владикавказской ж. д. местами приостановлено движение поездов.

» 14. В Варшавском уезде демонстрация забастовавших рабочих.
В Железноводске организуется милиция.
Крестьяне Аткарского уезда Саратовской губ. на 200 подводах увезли весь хлеб со ст. Лопуховка.
На ст. Новороссийск Владикавказской ж. д. забастовка железнодорожников.

» серед. м-ца. Аграрные беспорядки в Сапожковском уезде Рязанской губ.
Сотни полтавских рабочих заявляют, что не дадут устроить еврейский погром в Полтаве.
Аграрное движение в Тираспольском уезде.
Аграрные беспорядки в Гомельском уезде.

» 16. Закаспийская область объявлена на положении усиленной охраны.

Июль	19.	Забастовка рабочих в Ревеле в знак протеста против ареста 15 рабочих.
		Кровавое столкновение тысячной толпы рабочих с пехотой и казаками на ст. Новороссийск; 16 убитых (по официальным сведениям).
»	20.	В Феодосии за покушение на убийство командира полка Герцыка приговорен к смертной казни рядовой Иосиф Мочедлобер.
		Уличные беспорядки в Екатеринославе.
»	21.	Избиение черной сотней забастовавших уездных врачей в Балашове.
		В Балашовском и Аткарском уездах Саратовской губ. возобновилось аграрное движение.
»	22.	Кончилась забастовка на Владикавказской ж. д.
»	24.	В Ревеле демонстрация 3.000 рабочих; произошло столкновение с казаками.
»	26.	Столкновения рабочих с казаками в Риге.
»	27.	Открытие мирных переговоров с Японией в Портсмуте (Соединенные Штаты).
»	30.	Севастопольский военно-морской суд приговорил по делу о беспорядках на «Пруте» — четырех к смертной казни и трех на бессрочную каторгу.
		Погром в Белостоке; казаками и полицией убито 50 чел. и 200 ранено.
»	31.	Учредительный съезд Всероссийского крестьянского союза в Москве.
		Еврейский погром в Керчи.
»	кон. м-ца.	В Балтийском крае разрастается крестьянское движение.
»	2-я пол. м-ца.	Забастовка рабочих в Баку на заводах Ротшильда
Август	1-я пол. м-ца.	и Нобеля.
		В Харькове забастовка на заводе Гельферих-Саде и других заводах.
		Всеобщая забастовка в Бердичеве.
		Забастовка в Томске разрастается.
		Возобновилось аграрное движение близ Тирасполя.
		Аграрное движение в Хвалынском уезде Самарской губ. и в Оргеевском уезде Бессарабской губ.
		Под Ригой крестьяне разгромили 22 волостных правления.
		Столкновения крестьян с казаками в Горийском уезде.
»	4.	Столкновения крестьян с казаками в Душетском уезде (Кавказ).
»	6.	Опубликован манифест о Булыгинской Думе. Курляндская губ. объявлена на военном положении.
»	7.	Убит жандармский полковник Иванов в Ростове-на-Дону.

Август	**7.**	В Кутаисе убит рабочим командир кабардинского полка подполковник Ходецкий.
«	**8.**	В Варшаве всеобщая забастовка; протест рабочих против Булыгинской Думы.
»	**10.**	Варшава и Варшавский уезд объявлены на военном положении.
»	**11.**	В Тифлисе на вокзале убит нач. станции Терпиловский.
»	**15.**	Объявление Ковенской губ. на положении усиленной охраны.
»	**16.**	Началась армяно-татарская резня в Шуше (Кавказ).
»	**18.**	В Красноярске столкновение забастовавших железнодорожников с полицией и штрейкбрехерами.
»	**20.**	Кровавые столкновения армян и татар в Шушинском уезде (Кавказ).
» **серед.**	**м-ца.**	В Либаве столкновение запасных с казаками.
»	**22.**	На Кавказе горят нефтяные промысла.
		5-тысячная демонстрация евреев в Кишиневе; при столкновении с полицией и черносотенцами ранено 55 чел. и арестовано 30. В Баку беспорядки.
»	**23.**	Подписан мирный договор с Японией в Портсмуте.
»	**25.**	Артиллерийская стрельба по домам в Баку.
»	**27.**	Восстание татар в Зангезурском уезде. Армянские селения уничтожены; сотни убитых.
		Провозглашение автономии университетов и др. высших учебных заведений.
		Приговор по делу о бунте на «Георгии Победоносце»: 3 приговорены к смертной казни, 19 — к каторжным работам, 33 — к арестантским ротам, 20 оправдано.
»	**29.**	Расстрел рабочих в Тифлисе на сходке. Несколько сот убитых, масса раненых.
»	**30.**	В Баку орудийная стрельба.
»	**31.**	Выход в отставку всего состава Тифлисской думы из-за событий 29 августа.
		Нелегальный учредительный съезд Крестьянского Союза в Москве.
		В Гельсингфорсе съезд финляндских конституционалистов.
Сентябрь	**4.**	Противоправительственная демонстрация во Владикавказе.
		В Белостоке и Белостокском уезде объявлено военное положение.
»	**6.**	В Петербурге началась забастовка 46 аптек.
»	**9.**	Аграрные беспорядки в Малмыжском уезде Вятской губ.
		В Риге произведено покушение на жизнь ген.-губ. Соллогуба.

Сентябрь	**10.**	В Риге еврейская молодежь пыталась произвести демонстрацию; казаки рассеяли толпу.
»	**12.**	Всероссийский съезд земских и городских деятелей в Москве.
»	**16.**	В высших учебных заведениях митинги.
»	**18.**	Вооруженное столкновение между армянами и мусульманами в Эривани.
»	**19.**	Столкновение рабочих с казаками в Иваново-Вознесенске.
		В Москве забастовали рабочие типографии Сытина.
»	**22.**	Закрыты Московский и Казанский университеты.
»	**23.**	Забастовка типографских рабочих разрастается. В Москве у памятника Пушкина разогнана жандармами демонстрация рабочих и учащейся молодежи. Ранен офицер.
»	**24.**	В Москве стачки и демонстрации. Пекаря решают примкнуть к забастовке.
		В Петербурге грандиозные митинги в высших учебных заведениях. 50 типографий присоединились к стачке.
»	**27.**	Крупнейшие фабрики и заводы Москвы присоединяются к забастовке.
»	**29.**	Избиение демонстрантов на похоронах С. Н. Трубецкого в Москве.
	За месяц.	Съезд социал-демократических организаций по вопросу о Булыгинской Думе.
Октябрь	**1.**	Приговорены к смертной казни 5 обвиняемых в убийстве бакинского губернатора Накашидзе. В Харькове митинг 5.000 рабочих и студентов.
»	**5.**	В Москве возобновились работы в типографиях. В Минске казаками рассеяна сходка 800 рабочих, членов партии «Бунд».
		II Всероссийский съезд адвокатов.
»	**7.**	Началась железнодорожная забастовка. Остановилось движение на Московско-Казанской жел. дор.
»	**8.**	В Москве забастовали все железные дороги, кроме Николаевской.
		Забастовка на гильзовых фабриках.
		В Петербурге в высших учебных заведениях многолюдные митинги рабочих, на которых обсуждается вопрос о политической стачке.
»	**9.**	Забастовка железнодорожных служащих.
		Открытие I Всероссийского делегатского съезда железнодорожных служащих.
		В Киеве, Одессе и др. городах многотысячные митинги в помещении высших учебных заведений.

Октябрь 10. Забастовали жел. дор.: Сызрано-Вяземская, Харьково-Николаевская, Рязано-Уральская, Севастопольская и Екатерининская.

Петербургская организация РСДРП принимает решение о необходимости организовать «Рабочий Комитет» для руководства стачечным движением.

В Москве забастовали аптеки; прекратилось трамвайное движение.

В Харькове всеобщая забастовка, митинги. При перестрелке с казаками много раненых.

В Симбирске — демонстрация.

» 11. В Москве разрастается забастовка железнодорожных служащих; началась забастовка рабочих фабрик и заводов, почтовых и телеграфных служащих. Забастовала центральная станция правительственного телеграфа и почтамт.

Забастовка на Обуховском, Семянниковском и Александровском заводах в Петербурге. Прервано телеграфное и телефонное сообщение.

В Харькове — митинги, на улицах баррикады. В результате столкновений с войсками много раненых, есть убитые. Студенческим комитетом безопасности организована милиция.

В Смоленске, Минске, Лодзи, Козлове и Екатеринославе — забастовки.

В Варшаве забастовка рабочих Вольского предместья.

В Екатеринославе столкновение с казаками.

В Владикавказе остановилось трамвайное движение.

В Петербурге социал-демократической организацией ведется агитация за создание «Рабочего Комитета».

» 12. Курск, Белгород, Полтаву, Воронеж, Саратов и Самару охватывает стачка.

Всеобщая забастовка петербургского железнодорожного узла.

Невский судостроительный завод, фабрики Паля, Максвеля, Торнтона бастуют.

Трепов назначен начальником гарнизона Петербурга.

Изданы временные правила о собраниях с разрешения полиции.

В Москве учредительный съезд партии кадетов.

Харьковский университет превращен в крепость.

В Курске прекратились занятия во всех учебных заведениях.

Началось аграрное движение в Саратовской губ. (Аткарский у.).

Забастовка на Привислянской железной дороге.

Октябрь 13. Первое заседание Петербургского Совета Рабочих Депутатов в помещении Технологического Института. Забастовка Обуховского, Путиловского, Балтийского, Металлического, Франко-русского заводов. Продолжается забастовка железнодорожных служащих. В 5 верстах от Петербурга остановлен поезд с министром юстиции. Забастовка служащих земского управления.

В Москве забастовка рабочих разрастается; забастовали фабрики Циндель, Абрикосова и др.

В Ковно забастовщики остановили поезд.

В Ревеле забастовал крупнейший завод Вольта.

В Минске всеобщая забастовка; закрыты учебные заведения.

В Смоленске закрыты учебные заведения.

В Ярославле забастовка наборщиков.

В Самаре митинги.

В Саратове забастовка аптек; столкновение толпы с казаками.

В Харькове хулиганы избивают интеллигенцию. Город и уезд объявлены на военном положении.

В Екатеринославе баррикады, перестрелка с войсками; митинги и демонстрации.

В Ростове-на-Дону забастовка служащих на Владикавказской ж. д.

В Челябинске забастовали телеграф, Государственный банк и казначейство.

» 14 В Иркутске прервана работа телеграфа.

В Петербурге второе заседание Совета Рабочих Депутатов. В университете собрания и митинги. Все заводы на Васильевском Острове и за Нарвской заставой бастуют; предъявлены политические требования. К забастовке примкнуло 17 союзов, объединенных в «Союзе Союзов». Забастовали транспортные рабочие и рабочие электрической станции.

Трепов издает свой знаменитый приказ со словами: «холостых залпов не давать, патронов не жалеть». Опубликовано распоряжение о закрытии высших учебных заведений для митингов.

Железнодорожная забастовка распространяется на железные дороги Польши, Закавказья, Сибири и Средней Азии.

В Москве стачка охватила телеграф. Прекращены занятия в суде. Бастует электрическая станция. Остановились трамваи. В Мытищах забастовали рабочие водопроводной станции.

Октябрь **14.** В Харькове многотысячная похоронная демонстрация.
В Киеве все банки закрыты.
В Ревеле всеобщая забастовка.
В Одессе избиение учащихся полицией и казаками.

» **15.** Третье заседание Петербургского Совета Рабочих Депутатов; председателем избран Хрусталев. Началась забастовка телеграфа и телефонной станции; забастовали чиновники банка и министерства финансов.
В Москве столкновение толпы с жандармами.
Примкнули к забастовке члены судебной магистратуры.
В Вильне местными социал-демократическими органами объявлена всеобщая политическая стачка.

» **16.** Политические стачки отдельных городов переходят во всероссийскую всеобщую политическую стачку.
В Петербурге высшие учебные заведения окружены войсками; толпы разгоняются ружейными прикладами и нагайками.
Делегация Совета Рабочих Депутатов предъявила в Городской думе ряд требований, в том числе о выдаче городских денег на вооружение пролетариата.
В Москве университет занят войсками.
В Ростове закрыты частные банки и конторы.
В Елисаветграде кровавое столкновение демонстрантов с полицией.
В Одессе баррикады на улицах.
В Казани казаки избивают и расстреливают толпу.
В Вильне столкновение демонстрантов с войсками; 15 убитых и раненых; ранен губернатор Пален и убит пристав.
В Тифлисе забастовка железнодорожных мастеров.

» **17.** Петербургским Советом Рабочих Депутатов выбрано «Исполнительное Бюро», вышел № 1 «Известий Совета Рабочих Депутатов».
Царский манифест с обещаниями свобод и расширения избирательных прав населения в Государственную Думу. Чиновники сената присоединяются к политической забастовке.
Демонстрации; в Москве казначейство и суды закрыты.
В Москве забастовка Прохоровской (Трехгорной) мануфактуры.
В Лодзи всеобщая забастовка.
В Твери разгромлена губернская земская управа; избиение служащих черносотенцами; в городе демонстрация.

Октябрь 17. В Риге столкновение демонстрантов с драгунами и казаками.

» 18. Образован кабинет министров с Витте во главе. В ночь на 18-е происходит заседание бюро всех профессиональных союзов.

С утра по городу разносится весть о манифесте. Огромные манифестации с красными флагами; речи на улицах и площадях. Отдельные столкновения с войсками — есть убитые и раненые; Технологический институт, где забаррикадировались студенты, обстрелян драгунами — ранено 11 чел.; драгуны избивают студентов.

В разных городах России манифестации.

Пассажирское и товарное движение между Берлином и русской границей прекратилось.

В Вене австрийские социалисты устроили митинг перед зданием парламента, выражая сочувствие России, завоевавшей себе свободу.

В Москве всеобщая политическая забастовка прекратилась.

Убит с.-д. Бауман.

В Финляндии забастовка железных дорог.

В Гельсингфорсе полиция и жандармы обезоружены.

В Варшаве брожение масс усиливается агитацией социал-демократических организаций.

В Симферополе столкновение анархистов, которые освободили политических заключенных, с войсками.

В Орле столкновение демонстрантов с казаками.

В Сухуме всеобщая забастовка; противоправительственные манифестации.

В Пензе казаки избивают манифестантов; губернатор Хвостов «разъяснил», что манифест является лишь проектом.

Начало черносотенных погромов по всей России.

В Ярославле погром студентов и евреев.

Большой еврейский погром в Елисаветграде.

В Киеве, Кременчуге, Ростове-на-Дону — еврейские погромы.

В Архангельске черносотенцы избивают политических ссыльных.

» 19. В Финляндии забастовка продолжается. Ген.-губ. кн. Оболенский находится под наблюдением членов революционного правительства. Митинги в Гельсингфорсе.

В Петербурге все высшие учебные заведения заняты войсками.

В Москве прекращена всеобщая политическая стачка.

Октябрь 19. Еврейские погромы в Вязьме, Великих Луках, Бирзуле (ст. Раздельная), Николаевске, Курске, Каменец-Подольске, Новозыбкове и др. городах.
В Одессе по приказанию свыше градоначальником Нейдгартом устроен еврейский погром.
В Рыбинске избиение рабочих и учащихся.
В Баку полиция и войска стреляют в мирное население.
Во Владимире черносотенцами разрушены квартиры местных общественных деятелей.

» 20. В Москве торжественные похороны Баумана.
В Томске черносотенцы подожгли управление железной дороги и не дали служащим спастись. Выбегавших служащих и инженеров тут же убивали.
Еврейские погромы в Жмеринке, Бахмуте, Орше, Кишиневе, Нежине, Речице, Богополе, Мариуполе и др. местах.

» 20—26. Армянский погром в Баку.

» 21. Прекращена в полдень первая политическая стачка в Петербурге по постановлению Петербургского Совета Рабочих Депутатов.
Манифест об «амнистии» политическим заключенным.
Киев объявлен на военном положении.
Черносотенные банды избивают интеллигенцию в Москве, Казани и Н.-Новгороде.
В Томске черносотенцы избивают интеллигенцию; организована самооборона; войска стреляют по самообороне.
В Туле схватка с.-р. с черной сотней. В результате вмешательства казаков — 40 убитых, 100 раненых.
В Екатеринославе еврейский погром, организованный губернатором. Войска стреляли по дружинам самообороны.
Еврейские погромы в Луганске, Ананьеве, Арзамасе, Воронеже, Белой Церкви, Виннице и в др. местах.

» 22. Издан манифест о востановлении автономии Финляндии.
Восстание в Гурии (Кавказ); партизанские отряды упорно бьются с казаками.
В Брянске против рабочих Брянского завода, попытавшихся воспрепятствовать еврейскому погрому, прибывшие казаки и пехота открыли стрельбу.
В Калуге погром и избиение интеллигенции; руководство погромом принял на себя генерал Мезенцев, прибывший с отрядом войск для установления порядка в Калуге.
Еврейские погромы в Аккермане, Александровске, Одессе и др. городах.

Октябрь	22.	В Тифлисе черносотенцы и шпики бросают бомбы и стреляют из револьверов в манифестантов; убито 98 чел., ранено 66.
»	23.	Армянский погром в Баку. Еврейские погромы в Иваново-Вознесенске. Грандиозное национальное шествие в Варшаве (около 250.000 чел.).
»	24.	Еврейские погромы в разных городах. Аграрные волнения усиливаются по всей России.
»	26.	Военное восстание в Кронштадте. Еврейский погром в Байромче Бессарабской губ.
»	27.	В Петербурге вышел № 1 легальной большевистской газеты «Новая Жизнь».
»	28.	Польша объявлена на военном положении. В Вильне брошенной бомбой тяжело ранен полицеймейстер, убиты помощник полицеймейстера и 2 пристава. Подавлено восстание в Кронштадте — 107 убитых и раненых.
»	29.	Петербургский Совет Рабочих Депутатов призывает к введению революционным путем с 31 октября восьмичасового рабочего дня на всех заводах и фабриках Петербурга.
»	30.	В Тифлисе многолюдные митинги. В Привислянском крае введено военное положение. Беспорядки матросов и солдат во Владивостоке; поджоги и разгром лавок и домов.
»	31.	Совет Рабочих Депутатов требует отмены военно-полевого суда над матросами Кронштадта.
Ноябрь	1.	Экстренное заседание Петербургского Совета Рабочих Депутатов: резолюция о призыве к политической забастовке. Аграрное движение разрастается; в Тамбовской губ. крестьяне жгут имения. В Юзовке 3.000 рабочих рассчитаны за забастовку
»	2.	В Петербурге началась всеобщая политическая. забастовка. Митинг в 17 флотских экипажах. Аграрное движение в Саратовской губ., Московской губ. (Волоколамский и Старицкий уезды).
»	3.	Манифест об уменьшении выкупных платежей с крестьян. Саратов объявлен на положении усиленной охраны. Еврейские погромы в Полтавской губ.
»	4.	В Томске на многих станциях Сибирской ж. д. продолжается забастовка.
»	5.	Петербургский Совет Рабочих Депутатов постановил прекратить политическую забастовку 7 ноября. На заводах митинги.

Ноябрь	5.	В Севастополе митинги матросов. Введено военное положение в Курской и Пензенской губ.
»	6.	В Петербурге столкновения рабочих с казаками. В Ярославле большой митинг рабочих. В Москве открылся крестьянский съезд и VI съезд земских и городских деятелей. Закрыт Киевский университет.
»	7.	Кончилась вторая всеобщая политическая забастовка в Петербурге. В Ростове-на-Дону столкновение рабочих с казаками.
»	8.	Крестьянские волнения в Тамбовском уезде и др. местах.
»	9.	Забастовка трактирной и пароходной прислуги в Одессе. В Кутаисе забастовка служащих в канцелярии окружного суда.
»	10.	Аграрное движение продолжается. В Москве забастовали телефон и конки. Забастовка трамвая в Ростове-на-Дону. Солдатский бунт во Владивостоке.
»	11.	Еврейский погром в Кременчугском уезде. Волнения матросов и солдат Брестского полка в Севастополе.
»	12.	Восстание войск в Севастополе. В Петербурге закрыто 13 фабрик и заводов с 19.000 рабочих. Петербургский Совет Рабочих Депутатов рещает «временно приостановить повсеместное введение восьмичасового рабочего дня». В Москве увольнения рабочих; разгром фабрик и мастерских. Забастовало 5.000 чел. прислуги. Организовалась торгово-промышленная партия. Военное положение в Польше прекращено.
»	13.	Прервано сообщение между Симферополем и Севастополем. Команда броненосца «Очаков» в Севастополе взбунтовалась.
»	14.	Воззвание Петербургского Совета Рабочих Депутатов об объединении революционных организаций всей России. В Петербурге арестованы и заключены в крепость 140 солдат электротехнической роты. В Москве арестовано бюро крестьянского съезда во главе с председателем Курниным (арестованы Тесленко, Тан и др.). В Нижнем-Новгороде забастовка электрической станции и трамвая.

Ноябрь	**15.**	Началась всероссийская почтово-телеграфная стачка.
		В Севастополе бунт эскадры и гарнизона северной батареи разрастается. Команду над «Очаковым» принял лейтенант Шмидт. Открыт огонь по восставшим судам. Потоплены «Очаков», «Днестр»; «Потемкин» получил пробоину. Сдача революционной эскадры.
		В Москве — митинги. В Твери забастовки.
		«Русская Газета» переходит в руки с.-д. (меньшевиков).
»	**серед. м-ца.**	Аграрные волнения в Судженском уезде Курской губ. Крестьяне сожгли 15 имений.
»	**16.**	В Петербурге по требованию гарнизона крепости освобождены солдаты электротехнической роты.
		Арест бюро крестьянского съезда в Москве.
»	**17.**	Забастовка почты и телеграфа в Петербурге, Варшаве и др. городах.
		Восстание артиллеристов 3-й бригады в Варшаве, солдат 14-го драгунского полка в Остроленке, 8-го полка в г. Волковышки.
»	**18.**	В Финляндии забастовали все почтовые и телеграфные учреждения.
		Волнения в дисциплинарном батальоне в Воронеже; в Киеве во время солдатского бунта пострадало 106 чел.; волнения в Вяземском и Изборском полках в Риге.
		В Киеве объявлено военное положение.
»	**19.**	Правительство готовится к гражданской войне.
»	**22.**	В Саратове убит ген.-адъютант Сахаров.
		В Варшаве закрыта Жирардовская фабрика; 7.000 чел. осталось без работы.
		В Москве арест бюро почтово-телеграфного союза.
»	**24.**	Изданы временные правила о печати; отменена предварительная цензура.
»	**25.**	Мятеж войск Бобруйской крепости.
»	**26.**	Арест председателя Петербургского Совета Рабочих Депутатов Хрусталева. Арестовано бюро союза печатного дела.
»	**27.**	Петербургский Совет Рабочих Депутатов выбирает новый президиум с тремя председателями. В президиум вошли: Троцкий, Сверчков и Злыднев. Совет призывает пролетариат готовиться к вооруженному восстанию.
		В Риге забастовала команда речного пароходства.
		В Проскурове (Киевской губ.) взбунтовался 2-й пехотный полк. В Екатеринодаре восстание гарнизона. Сильное брожение в войсках в Москве,

Ноябрь **27.** Курске, Иркутске и Ломже. Прервано сообщение по Балтийской ж. д.

В Ковенской губернии волнения среди литовских крестьян.

» **28.** В Иркутске митинг всех войск гарнизона.

17-й батальон казаков в Новороссийске отказался следовать в Батум для усмирения волнений на Кавказе.

» **29.** Часть Преображенского полка отказалась нести караульную службу. Местной администрации предоставлено право объявлять местность на исключительном положении (военном, чрезвычайном и усиленном).

В Феодосии и др. местах введено военное положение.

» **30.** Циркуляр Дурново местной администрации о борьбе с революцией.

Аграрное движение по России продолжается.

Декабрь **1.** Сильное брожение в войсках московского гарнизона.

» **2.** Выпущен финансовый манифест Петербургского Совета Рабочих Депутатов, Комитета Всероссийского Крестьянского Союза, ЦК и ОК РСДРП, ЦК ПСР и ЦК Польской социалистической партии.

Возмущение нижних чинов 2-го Ростовского гренадерского полка в Москве.

Конфискованы за опубликование финансового манифеста 9 газет, в том числе социал-демократические «Начало» и «Новая Жизнь».

» **3.** Арест Совета Рабочих Депутатов в помещении Вольно-Экономического Общества в Петербурге; арестовано 200 человек.

В окрестностях Вендена (Прибалтийский край) столкновение толпы с войсками.

14-й казачий батальон на ст. Евли отказался ехать в Закавказье для усмирения волнений крестьян.

» **4.** Представители обеих фракций РСДРП и Исполнительный Комитет восстановленного Петербургского Совета Рабочих Депутатов постановляют объявить всеобщую политическую стачку.

» **5.** Московский Комитет РСДРП постановляет начать с 7 декабря всеобщую политическую стачку.

В Новочеркасске закрыт Сулимовский завод; 6.000 рабочих остались без работы.

» **6.** Постановление Московского Совета Рабочих Депутатов об объявлении всеобщей забастовки и превращении ее в вооруженное восстание.

» **7.** Начало третьей политической забастовки.

Москва объявлена на положении чрезвычайной охраны.

Декабрь **7.** Ряд митингов, столкновение с войсками и полицией. Усиливаются крестьянские волнения в Лифляндии.

» **8.** Забастовка рабочих петербургских ж.-д. мастерских; вокзал охраняется войсками.

В Москве войсками осажден «Аквариум», в котором пр исходит митинг.

В Красноярске образована республика. Волнения в Новороссийске.

Упразднена Шлиссельбургская тюрьма.

» **9.** В Москве уличные демонстрации и столкновение с войсками. На Тверской улице баррикады.

В Петербурге демонстрации и столкновения с войсками; есть убитые и раненые.

Забастовка в Ростове-на-Дону, Костроме, Ревеле и др. городах.

» **10.** В Москве стрельба из пулеметов и орудий; на улицах баррикады, проволочные заграждения, перестрелка.

» **11.** За ночь в разных частях Москвы возведены новые баррикады. Войска стреляют картечью. Руководство восстанием переходит к районным советам.

Столкновение рабочих с полицией и войсками на Шлиссельбургском тракте в Петербурге.

Новый правительственный указ о выборах в Государственную Думу, формально предоставляющий избирательное право рабочим.

» **12.** В Москве организованы вооруженные дружины; стрельба продолжается; убитых около 1.000; пожары. Восстания в Харькове, Н.-Новгороде и Николаеве. Общая забастовка во многих городах.

На ст. Крымской 15-й батальон казаков отказался ехать в Закавказье для усмирения крестьян.

» **13.** В Москве канонада продолжается. В Ревельском уезде крестьяне громят имения.

» **14.** Для подавления восстания в Москве стягиваются войска; из Петербурга выехал Семеновский полк во главе с Мином и Риманом.

Забастовала Привислянская ж. д.

Общая забастовка в Брест-Литовске, Лодзи, Симферополе, Баку и др. городах.

» **15.** В Москве артиллерийская стрельба стихает. Смертельно ранен помощник полицеймейстера Шкляревич. Арестован комитет эсеров.

Приказ Мина Риману об отправлении его во главе карательной экспедиции на ст. Люберцы Казанской ж. д. с предписанием «арестованных не иметь и действовать беспощадно».

В Прибалтийском крае продолжается погром имений.

Декабрь 16. На многих фабриках Москвы начались работы; баррикады сняты. Выступление из Москвы карательных экспедиций Семеновского полка под начальством Римана.

За Невской заставой в Петербурге столкновение рабочих с войсками.

Волнения на улицах и баррикады в Варшаве.

Волнения в Прибалтийском крае усиливаются.

МК РСДРП и Исполнительный Комитет Московского Совета Рабочих Депутатов постановили прекратить восстание с 18-го и политическую стачку с 19 декабря.

Объявление Екатеринославской губернии на военном положении.

» 17. Массовые аресты рабочих в Москве.

Вооруженная борьба в Москве сосредоточилась на Пресне; орудиями обстреляна Прохоровская мануфактура.

В Петербурге рабочие приступили к работе на фабриках и заводах.

В Твери волнения на улицах, баррикады и стрельба из орудий.

» 18. В Москва стрельба на Пресне продолжается.

Объявление Ростовского градоначальства на военном положении.

» 19. В Москве сдались 410 революционеров.

При усмирении восстания в Горловке войсками убито свыше 300 человек.

Кровавое столкновение крестьян с казаками в Сорочинцах Полтавской губ.; до 20 убитых и раненых.

Объявление Тирасполя на положении усиленной охраны.

Ростов объявлен на военном положении.

» 20. В Москве Пресня занята войсками; убито 670, ранено 2.000.

В Ростове-на-Дону волнения, вокзал обстреливается орудиями.

Пороховой завод в Шостке, Глуховского уезда Черниговской губ., объявлен на военном положении.

» 21. В Чите образована республика.

В Москве восстанавливается железнодорожное движение.

Днепровский уезд Таврической губ. объявлен на военном положении.

» 22. В Лифляндской губ. во многих местах организовано революционное самоуправление. Вятская губерния объявлена на положении усиленной охраны.

Декабрь 23.	Урюпинский полк казаков отправлен в Майкоп (область войска Донского) ввиду отказа казаков ехать на усмирение в Закавказье.
	Столкновение революционеров с войсками в Тифлисе.
	Покушение на жизнь полицеймейстера в Екатеринославе.
	В Тифлисе орудийным огнем разрушен дом; убито 34 и ранено 30 чел.
» 24.	800 рабочих на Юзовском заводе получили рассчет.
	В Кобрине столкновение рабочих с войсками.
» 26.	В Прибалтийском крае волнения продолжаются.
	В Новом Минске убит начальник уезда Юнацкевич.
	В Эстляндской губ., в уездах Везенбергском, Вейсенштейнском и Гапсальском объявлено военное положение.
» 27.	В Екатеринославе рабочие на митинге подверглись обстрелу казаков.
» 29.	В Финляндии первый съезд партии эсеров.
» 31.	Аграрное движение по России.
За месяц.	Конференция большевиков и меньшевиков в Таммерфорсе вынесла постановление об объединении и созыве «Объединительного съезда».
1906 г. Январь.	В Гомеле стрельба из домов по войскам; пожары.
1-я пол. м-ца.	В Екатеринославской и Херсонской губ. аграрные волнения.
» 1.	Тяжело ранен черниговский губернатор Хвостов.
	В Иркутске ранен вице-губернатор и убит полицеймейстер.
» 4.	В Смоленске арестовано 150 с.-д. и эсеров.
	Акмолинск, Семипалатинск, Семиреченская обл., Челябинск. уезд Оренбургской губ. и гор. Сызрань Симбирской губ. — объявлены на военном положении. Черниговская губ. объявлена на положении чрезвычайной охраны.
» 5—11.	II съезд партии кадетов.
» 6.	Убийство пом. пристава Леонова в Гомеле.
	В м. Камрат Бессарабской губ. демонстрация тысячной толпы по поводу ареста агитаторов.
» 9—10.	Возмущение матросов во Владивостоке.
» 9.	Расстрел 45 чел. за участие в волнениях в г. Феллине Лифляндской губ.
	В Риге столкновение толпы с казаками.
	Забастовки во многих городах в память жертв «9 января». Запрещение ученических организаций в средних учебных заведениях.
» 10.	В Одессе адской машиной взорвано жандармское управление.

Январь 11. Во Владивостоке тяжело ранен ген. Селиванов, комендант гарнизона.

» 12. В Риге конфисковано 30.000 патронов и оружие местной боевой организации.

» 13. В Кутаисе баррикады. В городе бесчинствует ген. Алиханов, начальник карательной экспедиции.

» 14. Покушение на жизнь губернатора Курлова и полицеймейстера Норова в Минске.

» 16. Спиридоновой на ст. Б рисоглебск убит советник тамбовского губернского правления Луженовский.

» 18. В Тифлисе бомбой убит генерал Грязнов.

В Полтаве убит советник губернского правления Филонов (усмирявший в декабре кр-н Миргородского уезда).

» 20. Воинскими частями произведен еврейский погром в Гомеле.

» 25. В Прибалтийском крае карательной экспедицией расстреляно 25 человек.

» 26. В Пензе убит полицеймейстер Кандауров.

» 27. В Севастополе тяжело ранен адмирал Чухнин.

В Варшаве бомбой смертельно ранены 4 жандарма.

В с. Смоленском под Петербургом в собравшихся «зубатовцев», членов «союза русского народа», рабочими брошена бомба.

За январь. Аграрное движение в Саратовской, Пензенской и др. губ.

В Могилевской губ. близ Умани, крестьянами увозится помещичий хлеб.

Разгул карательных экспедиций в Прибалтийском крае и Сибири.

«Карательные» поезда Меллер-Закомельского и Ренненкампфа.

Кон. м-ца. В Одесском округе сильное террористическое движение.

Февраль 3. В Фестане (Прибалтийский край) 3-я карательная экспедиция ген. Орлова.

Вблизи Газенпота расстреляно 32 человека.

» 7. В Кутаисской губ. за месяц работы карательной экспедиции Алиханова сожжено 7 селений, разрушено 550 зданий и расстреляно 35 человек.

» 11. В Варшаве убит начальник Привислянской ж. д. Иванов.

«Петербургская Газета» сообщает, что в России за последнее время арестовано 40.000 человек.

» 12. Открытие I Государственной Думы назначается на 27 апреля.

» 13. Дополнительные статьи к уложению о наказаниях (уголовных и исправительных), карающие за воз-

Февраль 13. буждение вражды между хозяевами и рабочими, сословиями и классами.

» 18. Лейтенант Шмидт приговорен к смертной казни.

» 20. Закон о Государственной Думе и Государственном Совете, урезывающий законодательные права Государственной Думы.

За месяц. Переговоры России с Францией о займе.

I съезд «Союза 17 октября».

Кампания большевиков за бойкот выборов в Государственную Думу.

» Аграрное движение по всей России.

В Тамбовской губ. разрушено до 60 имений. Помещики выезжают в города.

В Киевской губ. крестьяне вооружаются. Приказ киевского губернатора о вскрытии посылок.

В Семиреченской области крестьянские волнения.

Март 2. Близ Перми столкновение рабочих с казаками.

» 3. Снято военное положение в Белостокском у. и в г. Сызрани Симбирской губ.

» 4. Указ об учреждении землеустроительных комиссий в губерниях и уездах.

В Белостоке вооруженной толпой убит помощник пристава и тяжело ранен пристав.

» 6. В Одессе взорвалась адская машина в помещении жандармского управления.

» 7. В Одессе арестовано 9 чел. революционно-красной сотни во главе с руководителем.

8. Указ о бюджетных правах Государственной Думы.

Издание правил о карах за бойкот выборов в Государственную Думу.

Объявление Бийска и Змеиногорского уезда на положении чрезвычайной охраны.

3 уезда Семиреченской обл. и Уральск объявлены на положении усиленной охраны.

Шадринск и Шадринский уезд объявлены на положении чрезвычайной охраны.

» 12. На военном положении объявлено (полностью и частично) 39 губерний и областей; 15 — на положении чрезвычайной охраны; 23 — на положении усиленной охраны.

» 14. В Чите 3 рабочих за участие в забастовке приговорены к смертной казни, замененной бессрочной каторгой.

В Гурийском уезде аграрные волнения.

» 17. В Смоленске убит жандармский полковник Гладышев.

» 18. Опубликование дополнительного указа к временным правилам о печати.

Март	18.	В Белостоке брошена бомба в канцелярию жандармского ротмистра; один жандарм убит, двое ранено.
»	20.	Выборы в Государственную Думу в Петербурге дали большинство «конституционалистам-демократам».
»	25.	В Твери убит бомбой губернатор Слепцов.
»	26.	В Тифлисе волнения в войсках.
	За месяц.	Выборы делегатов на объединенный съезд РСДРП.
»		Аграрные волнения продолжаются.
		Крестьяне в Нижегородской и Ярославской губ. отказываются от уплаты податей.
		В с. Сосурге, Яранского уезда Московской губ., кровавое столкновение между крестьянами и полицией.
		В с. Семилуки Воронежской губ. при столкновении с казаками ранено 18 крестьян.
		В Новозыбкове Черниговской губ. крестьянское движение подавлено вооруженной силой.
Апрель	4.	Опубликование указа о внешнем займе во Франции.
»	5.	Избиение толпы полицией в Могилеве.
		Бомбой ранен полицеймейстер в Ченстохове.
»	18.	Всеобщая забастовка и мирная первомайская демонстрация в Варшаве.
»	22.	Отставка кабинета Витте — Дурново.
»	23.	В Екатеринославе убит генерал-губернатор Жолтановский.
	20-е чис.	III съезд партии к.-д., выработавший тактику партии.
»	23.	Издание «основных законов конституции», сильно урезывающих права Государственной Думы.
		Назначение Горемыкина председателем Совета министров.
		В Москве ранен бомбой ген.-губернатор Дубасов.
»	26.	Столыпин назначен министром внутренних дел.
»	27.	Открытие I Государственной Думы. Председателем избран С. Муромцев. Требование амнистий.
»	29.	Избрание думского президиума.
»	Кон. м-ца.	Вышла легальная большевистская газета «Волна» в Петербурге.
	За месяц.	Объединенный съезд РСДРП в Стокгольме отвергнул бойкот Государственной Думы.
		Правительство получает от Франции 850 миллионов рублей, без всяких гарантий, для подавления русской революции.
		Аграрное движение продолжается.
Май	1.	Забастовки, митинги и демонстрации в разных городах России.
		Избиение демонстрантов полицией в Вологде.

Май 1. Казаки и полиция залпами стреляли в толпу в Царицыне.

В Муроме, Казани, Симбирске и др. городах избиение и стрельба по демонстрантам.

Вышла меньшевистская «Невская Газета» в Петербурге.

» 4. Большой митинг рабочих, крестьян и матросов в Севастополе.

» 5. Государственной Думой принят ответный адрес на тронную речь.

Думской депутации с ответным адресом без «всеподданнейщей» записки отказано в высочайшем приеме.

» 8. Записка 42 кадетов по аграрному вопросу.

Первый запрос Думы о черносотенных погромах,

» 13. Декларация Горемыкина в Государственной Думе в ответ на адрес Государственной Думы.

Резолюция Думы с требованием удаления министерства Горемыкина.

» 15. В Тифлисе в ген.-губ. Тимофеева брошена бомба.

» 15. Начало дебатов в Государственной Думе по аграрному вопросу.

» 16. В Кутаисе двумя бомбами ранен ген.-майор Алиханов.

Расстрел 8 рабочих за убийство пристава в Риге.

» 18. В Государственную Думу внесен законопроект об отмене смертной казни.

» 19. Выступление в Государственной Думе министров Гурко и Стишинского по аграрному вопросу.

» 23. Заявление 104 членов Думы (трудовиков) в Государственную Думу по аграрному вопросу.

» 27. Покушение на полицеймейстера Мартынова в Тифлисе.

В Белостоке убит полицеймейстер Дергачев.

Забастовал Елецкий полк в Полтаве.

» 29. При разгоне митинга в Астрахани полицией убито 17 человек.

За месяц. В Саратовской губ., несмотря на «работу» карательных экспедиций, усиливается аграрное движение. Сильное брожение в Харьковской губ.

Крестьянские волнения в Нижегородской губ. (Арзамасский уезд), в Киевской губ. (Васильковский и Таращанский уезды), в Тверской губ. (Весьегонский уезд), в Рязанской губ. (Раненбургский уезд). Разрастается крестьянское движение в Гродненской губ.; близ Радомысла (Киевской губ.) разгромлено имение.

Новая вспышка аграрного движения в Западной Грузии. В Подольской губ. крестьяне трех дере-

вень отказались работать на свекловичных и табачных плантациях. Рабочие снимаются крестьянами с работ. В Казанской губ. (Мамадышский уезд) сожжено имение Лещинского. В Орловской губ. разгромлена экономия Голицына. Близ Курска сожжена экономия.

За месяц. Агр рное движение по всей России.

В Харьковской губ. (Волчанский уезд) забастовки батраков. В Киевской (Липовецкий уезд) крестьяне села Нараевки объявили помещику забастовку. В Саратовской губ. (Аткарский уезд) сожжено имение Салтыкова; вооруженное столкновение крестьян с карательной экспедицией.

Близ Аткарска крестьянами выкошено 62 десятины помещичьего покоса.

В Балашовском уезде крестьянские волнения усиливаются. Горят имения.

В Сердобском уезде сельскохозяйственная забастовка.

В Бобровском уезде Воронежской губ. сожжено имение князя Баратынского.

В Ольховатке, Острогорского уезда Воронежской губернии, столкновение крестьян с казаками. Всю губернию охватывает аграрное движение.

Повсеместные волнения крестьян в Тульской губ. Сильнее всего движение в Богородицком, Веневском и Ефремовском уездах. В Орловской губ. крестьяне села Никольского подожгли имение и разбили винную лавку.

В Севском уезде Орловской губ. забастовка сельскохозяйственных рабочих в экономии и на винокуренном заводе.

Волнение в Новогрудском и Речицком уездах Минской губ. В Брест-Литовском уезде Гродненской губ. крестьяне косят помещичьи луга и возят к себе клевер.

Крестьянское движение в Тверской губ. перекинулось из Весьегонского в Бежецкий уезд. Торговицкая волость Смоленской губ. охвачена крестьянским волнением. В имении Шабельцы столкновение крестьян со стражниками.

В Льговском уезде Курской губ. избиение крестьян драгунами. Волнения крестьян близ Суджи.

Крестьянская молодежь избивается черносотенцами в селе Красном Костромской губ. По всей губернии усилилось движение.

Сильное движение в Сапожковском уезде Рязанской губ.

Крестьяне снимают с работ рабочих в помещичьих имениях.

2-я половина мая и 1-я половина июня.	Близ Хвалынска Симбирской губ. серьезные «беспорядки».
	В Дубенках, Самарской губ., во время ярмарки разгромлена усадьба Шувалова.
	Имение Шереметьева в Полтавской губ. разгромлено крестьянами.
	В м. Тросянце Подольской губ. столкновение крестьян со стражниками-черкесами.
	Близ станции Лабинской в Кубанской области 2.300 рабочих грозят уничтожением экономии.
Июнь 1—3.	Белостокский погром.
» 1.	В 8 верстах от Митавы сожжено имение Ценгоф.
» 4.	Митинг в Териоках, организованный представителями трудовиков — членов Государственной Думы.
	В Юрьеве-Польском крестьяне после крестного хода устроили демонстрацию.
» 6.	Бунт 1-го батальона артиллеристов в Севастополе.
» 7.	Беспорядки в Болховском полку в Рязани.
» 8.	Разоблачения кн. Урусова в Государственной Думе об участии правительства в организации черносотенных погромов.
» 9.	Волнения в войсках во Владикавказе.
» 11.	В Константинограде Полтавской губ. столкновение крестьян с полицией.
» 12.	Близ Моршанска (Тамбовской губ.) крестьяне разгромили имения.
» Серед. м-ца.	Общегородская с.-д. партийная конференция принимает резолюцию ЦК об отношении к Государственной Думе.
» 16.	Декларация с.-д. фракции в Государственной Думе, намечающая программу действий фракции.
» 19.	Единогласно принят Государственной Думой законопроект об отмене смертной казни.
» 20.	Правительственное сообщение по аграрному вопросу с резкими выпадами по адресу Государственной Думы.
» 23.	Государственная Дума принимает законопроект об ассигновании 15 миллионов на продовольственную помощь голодающему населению.
» 24.	Столкновение забастовщиков-крестьян, вооруженных вилами и кольями, с драгунами в селе Лебедянке (Козловский уезд Тамбовской губ.).
	Манифестация горнорабочих в Юзовке у казарм.
» 26.	Крестьянские волнения в Тульской губернии (Одоевский уезд).
» 26—27.	В Государственной Думе обсуждается вопрос об обращении к народу по аграрному вопросу в ответ на правительственное сообщение от 20 июня.

Июнь 27. Близ Задонска Воронежской губ. разгромлено три имения. Перебит скот и увезен хлеб.

» 28. В Севастополе с.-р. Акимовым убит адм. Чухнин. В Козлове Тамбовской губ. крестьяне громят окрестные имения.

2-я половина июня и 1-я половина июля. Аграрное движение по всей России разрастается. В Новосильцевском уезде Тульской губ. восстание в имении Голицына. В Ефремовском уезде той же губернии крестьяне шести деревень постановили не платить подати.

В Богородском уезде Московской губ. столкновение крестьян с драгунами в имении Смирнова.

Волнения крестьян на хуторах графа Бобринского.

В Орловской губ. сожжен хутор Святополк-Мирского в Ольшанах. В имении Пулзино казаки отказались арестовывать крестьян.

В Трубчевском уезде Орловской губ. массовые крестьянские забастовки; в Елецком уезде идут митинги. Крестьяне снимают рабочих с работ в помещичьих имениях.

В Тамбовской губ. крестьянские волнения в Кирсановском уезде; в с. Ковылках крестьяне, вооружившись дубинами, напали на пристава и стражников.

В Козловском уезде крестьяне не дают убрать помещичий хлеб.

В Ярославской губ. крестьяне рубят помещичьи леса.

В Хвалынске Симбирской губ., в имении Воронцова-Дашкова крестьяне рубят лес.

В Николаевском уезде Саратовской губ. «беспорядки». В Сердобске вооруженное нападение крестьян с рабочими ртищевского депо на усадьбу помещика Щербина. По уезду поджоги имений крестьянами. В Балашовском уезде крестьяне трех волостей бойкотируют помещиков. В Аткарском уезде стачка полевых рабочих в 10 волостях. Выбран стачечный комитет. Произведено вооруженное нападение на ст. Баланда и вывезен хлеб.

В г. Кинешме Костромской губ. казаки, посланные в Вигулу, были встречены крестьянами градом камней.

Аграрное волнение в Землянском и Бобровском уездах Воронежской губ. Казаки и солдаты бессильны подавить движение крестьян в Ендовищенской вол. (близ Воронежа). Отправлена артиллерия и 2 роты пехоты в Бирюченский уезд, где крестьяне разгромили экономию графа Шереметьева, железнодорожную станцию и полицейское управление и распра-

вились с 57 стражниками. В имении князя Мещерского крестьянские волнения. В Бобровском уезде во многих местах крестьяне заперли церкви и не допускают служить в них; духовенство бежит из селений. В Землянском разгромлено имение Кокошкина. В Задонском уезде крестьяне разгромили 3 имения; забран хлеб и скот. В Бобровском уезде сожжены 6 имений и хутор.

2-я половина июня и 1-я половина июля. В Киевской губ. аграрное движение близ Умани и в уезде; движение распространяется по губернии.

В Черкасском уезде сожжены орудия и инвентарь в имении Добровольского.

В Проскуровском уезде Подольской губ. крестьяне 2 волостей прекратили работу на свекловичных плантациях. После роспуска Думы наивысшее напряжение аграрного движения в губернии. Столкновение крестьян с драгунами в селе Черепове близ Проскурова. Ранено 12 драгун и 5 крестьян.

В Лебединском уезде, Харьковской губ., в с. Ясеневом кровавое столкновение крестьян с драгунами. В губернии разгромлен Хреновский конский завод.

В селе Творщино Черниговской губ. драгуны сожгли крестьянское имущество и перепороли всех крестьян.

В имении Томаровке столкновение крестьян с войсками.

В Дмитриевском уезде Курской губ. крестьяне в трех имениях выкосили луга.

В Тверской губ. крестьяне сожгли постройки земского начальника Кегеля и сняли с работ рабочих. По губернии крестьяне косят на помещичьих и церковных землях.

В Казанской губ. аграрные волнения в имении Цинбалова, Свияжском уезде и др. местах.

В Слонимском уезде Гродненской губ. забастовка крестьян.

В Московской и Минской губ. аграрные волнения.

В Одоевском уезде Тульской губ. в 4 имениях крестьяне сожгли хлеб.

В Могилевской губ. в имении Дунищици крестьяне сняли рабочих с работ и оказали вооруженное сопротивление аресту главарей.

Прекратилась армяно-татарская резня в Шуше.

В Саранском уезде Пензенской губ. беспорядки.

В Елисаветградском уезде, в м. Гладосы кровавая расправа стражников с косарями.

Июль 3. Царем утвержден конституционный закон о помощи голодающим.

Июль	**6.**	Государственной Думой принят текст обращения к народу по аграрному вопросу.
»	**7.**	Утверждение устава о финляндском сейме.
»	**8.**	Указ о роспуске Государственной Думы.
»	**9.**	Министерство Горемыкина уходит в отставку; сформирован новый кабинет Столыпина.
		Волна реакции по всей России. Закрытие обществ, союзов, с.-д. прессы и других газет.
»	**10.**	Выборгское воззвание: «Народу от народных представителей». По всей России снова усиливается аграрное движение в связи с роспуском Думы.
»	**11.**	Циркулярная телеграмма Столыпина о повсеместных репрессиях. Закрытие профсоюзов и прогрессивных газет в Петербурге.
»	**12.**	Манифест думской с.-д. фракции и трудовой группы: «К армии, флоту и крестьянству».
		В Тифлисе ранен полицеймейстер Коновалов.
»	**12—20.**	Восстание в Свеаборге.
»	**Серед. м-ца.**	В Петербурге и Москве попытка с.-д. организаций организовать всеобщую забастовку-протест против свеаборгского расстрела и роспуска Думы.
»	**18.**	Черносотенцами убит в Териоках член партии к.-д. Герценштейн.
»	**19.**	Восстание в Кронштадте.
		Восстание на крейсере «Память Азова» в Ревеле.
»	**21.**	Политическая забастовка Петербургских заводов.
		В Самаре убит бомбой губернатор Блок.
		В Варшаве убит генерал Маркграфский.
»	**24.**	В Москве объявлена политическая забастовка.
»	**30.**	Казнены 7 человек в Свеаборгской крепости по приговору военного суда.
2-я половина июля и 1-я половина августа.		В Чебоксарском уезде Казанской губ. аграрное движение принимает острый характер. В Цивильском уезде аграрные «беспорядки»; несмотря на прибытие войск беспорядки усиливаются. В Свияжском уезде крестьяне рубят помещичьи леса.
		В Воронежской губ. движение принимает стихийный характер, разгромлено больше 20 имений.
		Близ Ломжи (Польша) в 10 имениях забастовка сельскохозяйственных рабочих.
		Близ Брест-Литовска в имении Остромачева сожжен весь хлеб в скирдах.
		В окрестностях Друскеник, Сувалкской губ. сильное брожение крестьян; солдатами, вернувшимися с Дальнего Востока, ведется усиленная пропаганда.
		В Виленской губ. широкая агитация среди крестьян Лидского уезда.

9 волостей Двинского уезда отказались поддерживать церковно-приходские школы. Близ Поневежа в м. Новое столкновение 5.000 крестьян со стражниками; убито 5 чел., много раненых.

2-я половина июля и 1-я половина августа.

В Мстиславском уезде крестьяне снимают рабочих с работ в помещичьих имениях.

В Новоторжском уезде крестьяне сожгли постройки в имении Киселева и вырубили лес.

В Тверской губ. аграрные волнения.

В Котельническом уезде Вятской губ., в селе Сорвижах аграрное волнение на почве подложного приговора с благодарностью крестьян за роспуск Думы.

В Новгородской губ. подати взыскиваются воинской силой. Солдаты бессильны заставить крестьян платить подати. В Ередееве (Нижегородский уезд) сожжено имение Волконской и 5.000 снопов (после ранее объявленного бойкота).

В Бугульме Самарской губ. разгромлена экономия Роопа. Близ Бугульмы столкновение татар, рубивших лес в имении Жданова, со стражниками.

В Бузулукском уезде в деревне Варенцово столкновение крестьян со стражниками.

В Саратовской губ. помещичьи имения осаждены крестьянами и превращены в крепости. В Аткарском уезде в слободе Терновой крестьяне отняли у духовенства 50 десятин земли. В Царицынском уезде 1.000 крестьян размежевали землю помещика Пинченко близ села Ольховки. В селе Иваковке произошло столкновение крестьян со стражниками при попытке отбить арестованных.

В Костромской губ. во время разгрома имения кн. Гагариной побиты стражники с урядником.

В Орловской губ. в имении Варгунина крестьяне распахали барский парк.

В Черниговской губ. крестьяне села Пекарева сожгли экономию Губчиц.

В Киевской губ. в селе Полковничья Слобода крестьяне увозят помещичий хлеб.

В Радомысльском уезде сельскохозяйственная забастовка в двух имениях; работы производятся арестантами.

Близ Харькова в Куряжском монастыре крестьяне сожгли 2.000 пудов хлеба.

В Екатеринославской губ., близ Юзовки, в селе Ивановке столкновение крестьян с казаками при попытке освободить арестованных: 5 убитых, 3 раненых. Близ Бахмута в Ивановской экономии столкновение крестьян с войсками. Близ Екатеринослава

в селе Чумаки при столкновении крестьян со стражниками убит урядник и ранены 8 крестьян.

2-я половина июля и 1-я половина августа. В Области Войска Донского администрацией отобрано у крестьян 1.076 ружей и 486 револьверов.

В Моршанском уезде Тамбовской губ. крестьяне сожгли имение Жеребцовой.

В Полтавской губ. разгромлено много экономий.

В Таврической губ. разрастается крестьянское движение в Феодосийском уезде.

Близ Шуши Елизаветопольской губ. столкновение татар с карательным отрядом подполковника Веверна.

Во Владимирской губ. разгромлено несколько имений. В Меленковском уезде в имении губернского предводителя дворянства Дубенского крестьяне сожгли 1.000 пудов клевера. В Юрьево-Подольском уезде продолжаются поджоги помещичьих построек, сена и клевера.

Август 1. В Лодзи в здание полицейского управления брошена бомба (убито 9 человек).

» 2. В Варшаве на разных улицах убито 25 городовых, жандармов и солдат. Казаками за 2 дня убито 15, ранено 200 человек.

» 2—3. Карательному отряду подполковника Веверна в Джеванширском уезде (Закавказье) снова оказано сопротивление мусульманским населением.

» 5. В Ревеле расстрел 17 матросов с «Памяти Азова» и одного агитатора.

В Варшаве брошена бомба в ген.-губ. Скалона.

» 7. В Кронштадте расстреляно 10 человек.

» 8. В Седлеце убит бомбой полицеймейстер Гольцев.

В Самаре убит командир полка Георгиц.

» 10. 200 крестьян, шедших по направлению к Гжатску с целью освобождения арестованных, рассеяны стражниками.

» 12. При взрыве от брошенной бомбы на столыпинской даче в Петербурге убито 32 чел., ранено 30.

» 13. В Новом Петергофе (близ Петербурга) с.-р. Коноплянниковой убит ген. Мин.

» 14. В Варшаве убит ген.-губ. Вонляревский.

» 16. В Батуме за городом разогнан большой митинг рабочих.

» 19. Введение военно-полевых судов.

» 21. Вышел номер нелегального заграничного издания большевиков «Пролетарий».

» 25. В Севастополе убит жандармский подполковник Рогольт.

» 26—28. Военный погром в Седлеце.

Август **27.** Указ о распродаже казенных земель «сельским обывателям» через посредство Крестьянского банка.

» **28.** В Гродно убит жандармский полковник Грибоедов.

В Гродненской губ. в Яскевичах (Гродненского уезда) крестьяне напали на стражников.

В имении Антопополь (Слонимского уезда) стрельба крестьян по штрейкбрехерам, работавшим по уборке помещичьего картофеля. Близ Слонима в м. Жировцах столкновение крестьян с полицией.

В Новогрудском уезде Минской губ. поджоги имений продолжаются.

В Дорогобужском уезде Смоленской губ. серьезное столкновение крестьян со стражниками на ярмарке.

В Малмыжском уезде Вятской губ. восстание 70 сел и деревень; убиты исправник, становой пристав и 8 стражников. Выслан карательный отряд.

В Тетюшском уезде Казанской губ. усиливается аграрное движение. В селе Яльчике на ярмарке столкновение крестьян со стражниками. В Лаишевском уезде голодные беспорядки.

В Камышинский уезд Саратовской губ. ввиду «беспорядков» прибыл карательный отряд. При столкновении убито с обеих сторон 20 человек: среди них 2 офицера.

В Бузулукском уезде Самарской губ. местные власти не могут подавить движение крестьян и просят присылки войск.

В Буинске Симбирской губ. в день ярмарки крупное столкновение крестьян со стражниками. Есть убитые и раненые.

В Суджанском уезде Курской губ., в с. Любостани крестьяне напали на помещичье имение. Во время столкновения со стражниками 2 крестьянина убиты, несколько ранены.

В Новинской вол. Тверской губ. погорельцы рубят лес. Высланы казаки. В Гороховецком уезде поджоги имений. По губернии крестьяне отказываются платить подати.

В Мало-Архангельском уезде Орловской губ., в с. Фошке на ярмарке стражники разогнали тысячную толпу крестьян, производивших «беспорядки».

В Волынской губ. волнения крестьян близ Ковеля, в с. Карасине. Близ Кременца сожжен помещичий хлеб и постройки гр. Грохольского.

В Кутаисской губ. крестьяне отказываются платить подати добровольно, местные власти прибегают к содействию вооруженной силы. Бойкот и агитация

против конфликтных комиссий, созданных для успокоения мусульманского населения.

Август 28. В Ростовском округе в с. Николаевке вырублен парк помещика Шабельского.

Близ Ялты в им. Мордвинова вырублен лес татарами и поселянами. В Мелитопольском уезде три крестьянских общества постановили отобрать 300 десятин общественной земли, захваченных духовенством.

В Екатеринославской губ. близ Верхнеднепровска крестьяне избили до полусмерти десятских, только что вернувшихся из Екатеринослава, куда они отводили арестованных крестьян.

За месяц. Организация «Союза с.-р. максималистов». Левое крыло с.-д. требует экстренного партийного съезда для выработки новой тактики.

» 14. Отказ подсудимых членов Петербургского Совета Рабочих Депутатов присутствовать на процессе.

» 18. По приговору военно-полевого суда казнены 5 чел. за намерение бросить бомбу в кронштадтский военный суд.

» 19. Приговор по делу Петербургского Совета Рабочих Депутатов: 5 товарищей приговорены к ссылке в Сибирь, двое—к заключению в крепости, 12 товарищей осуждены, 15 оправданы.

» 20. Покушение на московского градоначальника ген.-майора Рейнбота.

» 22—28. В Гельсингфорсе IV съезд партии кадетов.

» 30. В Иркутске покушение на ген. Ренненкампфа.

2-я половина октября и 1-я половина ноября. В Петербургской губ. крестьяне рубят лес в имениях.

В Корсунском уезде Симбирской губ. кровавое столкновение крестьян с войсками в с. Березниках.

В Сенгилеевском уезде Симбирской губ. крестьяне рубят удельный лес. Под действием карательных экспедиций настроение крестьян напряженное.

В Царицыне новобранцы не являются на призыв.

В Харьковской губ. недоимки с крестьян взимаются при содействии казачьих отрядов.

Ноябрь 6. В Лифляндской губернии с 6 октября по приговору военно-полевого суда расстреляно и повешено 49 человек, убито 63 (при бегстве и случайно).

» 8. В Тифлисе смертельно ранен ген.-майор Гольшанов.

» 11. В Севастополе грандиозный митинг солдат и матросов. Ранен вице-адмирал Писаревский.

» 12. В Казанской губ., близ Цивильска, в дер. Кушаевой столкновение крестьян с казаками. Убито 6 крестьян, ранено 3.

Ноябрь 29.	В Москве по приговору военно-полевого суда повешено 4 человека.
2-я половина ноября и 1-я половина декабря.	Близ Одессы помещику Бродскому объявлен бойкот за высокие цены на землю. Крестьяне не дают желающим арендовать землю у Бродского.
	Под Елисаветградом крупное столкновение крестьян с казаками на почве отказа крестьян платить подати.
	В Симферопольской губ. многие сельские общества приняли постановление об отборе церковных земель; некоторые общества уже отбирают церковные земли.
	В Киевском уезде столкновения крестьян 4 деревень со стражниками.
	В Курской губ., в с. Новоселки Корочанского уезда крестьяне избили священника за реакционную проповедь.
	В Ветлужском уезде Костромской губ. крестьяне вырубают казенный и частновладельческий лес.
	В Епифановском уезде Тульской губ. после усмирения снова вспыхнули аграрные волнения. Высланы драгуны.
	В Ардатовском уезде Симбирской губ. крестьянами разгромлено имение; служащие, пытавшиеся оказать сопротивление, убиты. Высланы войска.
Декабрь 2.	В Петербурге неудачное покушение на бывшего московского ген.-губернатора Дубасова.
» 3.	В Радоме брошена бомба в жандармского полковника Плотто.
» 4.	По приговору военно-полевого суда повешены Березин и Воробьев, покушавшиеся на жизнь Дубасова.
» 6.	В Лодзи произведено покушение на полицеймейстера Аржановского.
» 15.	Убит в Омске акмолинский губернатор Литвинов.
» 21.	Убит в Петербурге градоначальник фон-дер-Лауниц.
» 27.	В Петербурге убит главный военный прокурор ген.-лейт. Павлов.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

У.

Ф.

Х.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

5p.

